

А. Ю. Прокопьев

ГЕРМАНИЯ В ЭПОХУ РЕЛИГИОЗНОГО РАСКОЛА 1555–1648

А. Ю. Прокопьев

ГЕРМАНИЯ В ЭПОХУ
РЕЛИГИОЗНОГО РАСКОЛА
1555–1648

Издание второе, исправленное и дополненное

ИЗДАТЕЛЬСТВО
С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Прокопьев А. Ю.

П80 Германия в эпоху религиозного раскола. 1555–1648. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. — 483 с.

ISBN 978-5-288-04779-4

Предлагаемая книга впервые в отечественной историографии подробно освещает историю Германии на одном из самых драматичных отрезков ее истории: от Аугсбургского религиозного мира до конца Тридцатилетней войны.

Используя огромный фонд источников, автор создает масштабную панораму исторической эпохи. В центре внимания оказываются яркие представители отдельных сословий: императоры, имперские духовные и светские князья, низшее дворянство, горожане и крестьянство. Дается глубокий анализ формирования и развития сословного общества Германии под воздействием всеобъемлющих процессов конфессионализации, когда в условиях становления новых протестантских вероисповеданий, лютеранства и кальвинизма, укрепления обновленной католической церкви светская половина общества перестраивала свой привычный уклад жизни, одновременно влияя и на новые церковные институты.

Книга адресована специалистам и всем любителям немецкой и всеобщей истории и может служить пособием для студентов, избравших своей специальностью историю Германии и Европы.

ББК 63.3(4Гем)4

© А. Ю. Прокопьев, 2008

© Издательство
С.-Петербургского
государственного
университета, 2008

ISBN 978-5-288-04779-4

ПРЕДИСЛОВИЕ

Реформация Мартина Лютера сообщила мощнейший толчок общественному движению в немецких землях. Германии суждено было стать первым европейским регионом, познавшим драму религиозного раскола и первых религиозных войн. Аугсбургский мир, заключенный в 1555 г., стал уникальным, первым в истории европейской цивилизации опытом межконфессионального компромисса. Но оказалось невозможным сохранить мир навсегда, и спустя семьдесят лет он прервался самой длительной и тяжелой войной в истории немецкого народа. Виновниками кровавой трагедии были отнюдь не только, выражаясь словами сегодняшнего дня, «экстремистские» силы в лице имперских князей, мечтавших, как еще недавно писали в учебниках истории, лишь о расширении собственных территорий и власти за счет имперского престола. Ответственность лежала не только на консервативных силах католического блока, что утверждалось старшим поколением историков, сочувствовавших протестантам. И совсем не формационные противоречия XVII в. взорвали покой Империи, как то должно было вытекать из марксистских аксиом. Создание Аугсбургской системы в 1555 г. и ее кризис, переросший в Тридцатилетнюю войну, были следствием сложного и неизбежного процесса, который современными немецкими историками именуется на первый взгляд весьма необычно: конфессионализация. Поток ее были захвачены все структуры сословного общества, она формировала тенденции общественного развития, и она же умножала противоречия, постепенно собиравшиеся в чересчур прочный узел,

развязать который оказалось не под силу ни императорам Священной Империи, ни сословной элите, ни ученым правоведам и богословам. . .

Весь этот полный драматических потрясений, надежд и разочарований отрезок времени от 1555 до 1648 г. получил в последние годы совершенно новое осмысление в трудах немецких исследователей. Здесь ищут ответ на вопросы о судьбах немецкой государственности и нации, об особенностях общественного развития и о роли новых церквей, рожденных в бурях деформационных лет. История Германии той поры словно сбрасывает с себя ветхую, выцветшую кисею застывшей в своем развитии громады, неуклонно сползающей в бездну войны — как писали о ней старые «малогерманские» историки. Она наполняется дыханием жизни и начинает светиться тысячами судеб людей, живших на разных этажах сословной пирамиды, от воли, поступков и веры которых зависело будущее их общего Дома, именуемого Священной Империей. XVI в. не закончился лишь только смертью великого Реформатора и Тридентским собором, а XVII — баталиями Тридцатилетней войны. Между этими веками — целая эпоха, сотканная историей большого европейского народа.

Важным подспорьем была и научно-организационная перестройка. С конца 1950-х гг. в университетах и исторических семинарах Федеративной Республики окончательно утвердилась специализация по истории раннего Нового времени в качестве самостоятельной области исторических исследований. Рождение ее шло мучительно и долго, но популярность оказалась огромной. Объем исследований немецких ученых по XVI–XVIII вв. ныне может быть сопоставим разве что с количеством работ по истории века XX.

Между тем свежий взгляд все еще остается недоступным русскоязычной публике, вынужденной питаться лишь старыми штампами и стереотипами из учебных пособий, сопоставляя их с очень редкими переводными работами. Поэтому двумя главными задачами, поставленными автором перед этой книгой, стали, с одной стороны — отображение главных тенденций в социальной истории Германии

от Аугсбургского мира до конца Тридцатилетней войны, с другой — желание ознакомить читателя с мнениями ведущих немецких экспертов по указанной теме.

Замысел книги созрел в живом общении со слушателями одноименного курса, читаемого автором с 1999 г. на кафедре Истории средних веков Санкт-Петербургского государственного университета. Именно это общение помогло проработать детали и отшлифовать фрагменты, рисковавшие быть не слишком понятными отечественной аудитории. Автор надеется на познавательную пользу проделанной работы и сейчас с удовольствием посвящает ее студентам своего семинара.

Для удобства пользования книгой в качестве пособия каждая глава предваряется списком источников и основной литературой. Сноски даны лишь на цитируемый текст. Основные даты и понятия выделены жирным шрифтом.

Во втором издании учтена основная литература, вышедшая после 2002 г., и включен ряд новых биографических очерков.

I. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ. ЧТО ТАКОЕ КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭПОХА?

§ 1. ИСТОРИОГРАФИЯ И ХРОНОЛОГИЯ

В предлагаемой книге речь идет лишь об одном столетии «эпохи религиозного раскола» эпохе, отнюдь не ограниченной Аугсбургским соглашением и Вестфальским мирным договором. Сам термин кажется нам во многом нейтральным и в тоже время понятным для читателя, вызывая ассоциации с рождением новых протестантских конфессий, с наследием Мартина Лютера и Жана Кальвина, с религиозными войнами в Европе. Несколько иначе именуется рассматриваемое столетие под пером современных немецких историков. В их работах все чаще звучат слова о *конфессиональной эпохе*. Название это лишь относительно недавно завоевало признание ученой аудитории. В него вкладывают специфический, прежде всего для немецкой истории той поры, смысл.

Обретение нового термина, как и новых хронологических границ, последовало после радикального переосмысления немецкой истории раннего Нового времени, наступившего после окончания Второй мировой войны. До середины XX в. на протяжении нескольких столетий господствовала иная терминология и хронология, соответствующая духу современной ей эпохи.

Долгое время Реформацию считали временем рождения немецкой нации и немецкого государства. Долгое время полагали, что Лютер начал в 1517 г., а Бисмарк закончил в 1871 г. создание современной Германии. В XVIII в. в трудах ряда немецких философов и богословов, в частности Фридриха Шлейермахера, появилось даже желание органически связывать лютеранское вероучение с духом немецкого

народа, идентифицировать немцев и протестантов. Иными словами, постоянно подчеркивалось особое, провиденциалистское значение века Реформации в судьбах нации.

Источниками подобных воззрений стали, прежде всего, политико-правовые и историко-религиозные сочинения лютеранских правоведов и богословов середины и второй половины XVII в. В их глазах конец Тридцатилетней войны представлялся неким общим итогом великого переворота, совершенного Мартином Лютером, окончательной победой Реформации над старым католическим миром. Возвышенно и ярко протестантский взгляд на судьбы Империи предстал под пером крупнейших публицистов того времени: *Филиппа Богуслава Хемница* (1605–1678), писавшего под псевдонимом *Hippolithus a Lapide* и *Самюэля Пуффендорфа* (1632–1694), долгое время состоявшего на службе шведской короны. Хемнитц стал автором нескольких сочинений, из которых обычно выделяют два: «Рассуждения о принципах организации Священной Римской Империи», опубликованные в 1637 г., и многотомное «Описание войны, проведенной в Германии Его Величеством королем Шведским», изданное под занавес немецкой драмы. Профессиональный юрист, Б. Хемнитц накладывал события Тридцатилетней войны на свою концепцию политико-правового развития Империи. Он считал, что Империя как цельная система не могла защитить интересы своих субъектов, будучи расколотой по религиозному признаку, когда император-католик выступал протагонистом интересов в первую очередь католической партии. Ученый видел Тридцатилетнюю войну актом справедливой борьбы протестантских сословий Империи против «тирании папистов», стремившихся подчинить федеративный принцип имперской организации диктату имперского престола. В концепции Б. Хемнитца победа лютеранской доктрины открыла возможность сословиям обрести правовую автономию на основе федеративного сосуществования, в рамках которого общеимперские структуры выполняли роль лишь внешних гарантов сословных «свобод». Католический Дом Габсбургов был главным препятствием в деле достижения общеимперского согласия. Антикатолический и антигабсбургский

мотив сквозит со страниц его книг. Еще решительней точку зрения победившего лютеранского «федерализма» отстаивал С. Пуффендорф в своем сочинении «О статусе Священной Римской Империи» (1667). По его мнению, Империя превратилась в подобное «чудовищу» («monstro simile») сообщество отдельных полусамостоятельных княжеств, существовавших под прикрытием слабых прерогатив имперского престола. Самый насущный вопрос для немцев — наконец преодолеть эту на столетия затянувшуюся дилемму государственного развития, причем в сторону дальнейшего роста территориального права сословий. Оба автора — вне зависимости от частных акцентов — рассматривали Реформацию и Тридцатилетнюю войну важнейшим рубежом для последующего развития сословной организации, рубежом, означавшим окончательное крушение прежнего имперского универсализма во благо территориальному развитию и свободному сосуществованию отдельных территориальных суверенов. Подобные воззрения отражали не только решительный настрой защитников протестантского дела, но и тенденцию к росту территориальной власти, выразившуюся в укреплении позиций целого ряда имперских княжеств после Вестфальского мира.

Бок о бок с политико-правовой трактовкой развивалось религиозное воззрение на эпоху. основополагающее значение здесь имело сочинение известного правоведа и историка *Файта Людвига Зекендорфа* «Историко-апологетический комментарий о лютеранстве», увидевшее свет в 1692 г. Ф. Л. Зекендорф был первым, кто в развернутом виде попытался представить лютеранскую Реформацию не только лишь явлением церковного значения, но феноменом, ознаменовавшим наступление новой эры в общественном развитии христианского Запада. Реформация привела, по мысли Зекендорфа, к рождению основ нового мира, явила собой мощный толчок к общественному развитию. Автор видел перемены в тесной взаимосвязи общественных и религиозных интересов и этим, бесспорно, дополнял правовую концепцию Б. Хемнитца и С. Пуффендорфа.

Позитивистские воззрения, распространившиеся в XIX в., во многом способствовали своеобразной модифика-

ции возникших в XVII в. концепций. Позитивизм получил специфическое воплощение в немецкой историографии с ее извечной слабостью к идее сильной национальной государственности, дух которой был особенно ощутимым в гегелевской философии («Государство есть цель немецкой истории»). Своего блестящего апогея патриотические воззрения, основанные на позитивистском подходе, достигли в творчестве самого прославленного немецкого историка середины XIX в. *Леопольда фон Ранке*. Главной его работой стала шеститомная «История Германии в эпоху Реформации». В этом монументальном труде Л. Ранке соединил сложившуюся ранее протестантскую концепцию с патриотическими взглядами историка-государственника. По мысли Л. Ранке, выступление Лютера и завязавшаяся затем религиозно-политическая борьба в Германии знаменовали не только рождение новой Церкви, но и новой государственной идеи, отвечавшей насущным интересам германского народа, уставшего жить в аморфном политическом теле Старой Империи. Реформы, предпринятые Максимилианом I накануне Реформации, позволили частично укрепить имперское здание, движение же Лютера в случае своей полной победы обещало объединить нацию на основе единого вероисповедания. Но силы старого мира, прежде всего католическая церковь и династия Габсбургов, поддерживаемые из Рима и Испании, остановили победное шествие Реформации. В 1555 г. в статьях Аугсбургского мира ведущей силе немецкой нации — имперским князьям пришлось ограничить соединение национальных чувств и веры лишь пределами наследственных владений. Состоявшийся тогда национально-государственный раскол мог быть преодолен только спустя столетия кропотливым созиданием отдельных княжеских династий, прежде всего Гогенцоллернов. Л. Ранке протягивает ниточку прямой связи между укреплением княжеского суверенитета под знаменем Реформации в XVI в. и начавшимся объединением германских земель под главенством Прусской короны в XIX в. Вторая половина реформационного века и Тридцатилетняя война, специально освещенные историком в отдельной работе (1869), выступали для него временем упущенных возмож-

ностей. Все еще продолжавшееся реформационное движение и прогресс в экономической и культурной сфере могли привести к национальной консолидации. Но внутренний раскол самого протестантизма, наметившийся в 60-е гг., позволил католическому лагерю перейти в контрнаступление. При поддержке Испании, Рима и иезуитов в Германии началась Контрреформация, с годами приобретающая все более агрессивные черты и ввергнувшая в конце концов немцев в тридцатилетнюю бойню. Вестфальский мир окончательно оградил молодой мир немецкого протестантизма от поползновений реакции, но одновременно увековечил национально-государственную разобщенность немцев. Одним из первых — и это придает немалую ценность его очерку — Л. Ранке выделил довольно длительную фазу мира, наступившую в годы правления Фердинанда I и Максимилиана II, указал на возможности сохранения внутренней стабильности, на хозяйственный и культурный подъем, все еще наблюдавшийся в середине XVI в. Но концептуально он лишь четче обозначил свой старый взгляд, резко противопоставив прогрессивные задачи лютеранской Реформации антинациональной политике католических сил, определившейся еще в первой половине века.

Большинство немецких историков XIX в. вне зависимости от конфессиональных симпатий следовало национально-государственной концепции Л. Ранке. Боннский историк, католик *Мориц Риттер* в своем, ставшем классическим, трехтомном исследовании «История Германии в эпоху Контрреформации и Тридцатилетней войны» (1889–1908) подверг несравненно более тщательному исследованию вторую половину XVI в., но едва ли существенно изменил общий взгляд Л. Ранке на характер эпохи. Католические симпатии М. Риттера временами проглядывают в его повествовании, читаются между строк. Но громада фактического материала, по части сюжетов впервые введенная тогда в научный оборот, не позволяет обмануться в авторской концепции: все главное, что имело судьбоносное значение для Германии, уже свершилось до Аугсбургского мира. Князья и императоры второй половины века лишь боролись за коррективы аугсбургских решений. Медленно тлев-

ший костер противостояния в конце концов взвился всепожирающим пламенем войны. Виновниками катастрофы были и непреклонные в своем желании полного триумфа протестантские государи, и их католические оппоненты, с воинственным пылом настаивавшие на буквальном соблюдении статей 1555 г. Вестфальский мир подвел черту под национальным унижением немцев и ужасающим разорением Германии, но в совокупности годы и Контрреформации, и Тридцатилетней войны выступали лишь придатком главного сюжета — самой Реформации, перевернувшей средневековый мир. Сложные социальные процессы, протекавшие в недрах Империи в конце реформационного века и далеко не всегда носившие разрушительный для имперских структур потенциал, не рассматривались самостоятельными явлениями, их природа не подвергалась внимательному анализу. Из общественной гущи выхватывались лишь линии церковно-политического противостояния на уровне сословной верхушки (князя), привязанные к 1517 г. и рассмотренные лишь в линейной перспективе.

Историки же нацистской Германии довели до абсолюта национально-государственную концепцию предшественников. Написанные в 1930-е гг. работы стали своего рода последним опытом националистического и «спиритуального» толкования Реформации и Тридцатилетней войны. В них выстраивалась линия преемственности «от Лютера к Гитлеру», ступенчато восходившая к венцу творения арийского духа — Третьей Империи. В Лютере нацисты видели не только воплощение духовных традиций арийского мира, но и созидателя, заложившего основы новой, современной немецкой государственности. В нем и в его последователях, религиозных наставниках и протестантских князьях XVI–XVII вв., усматривали борцов с миром погибающей реакции, выступавшей под знаменем католицизма.

Естественно, что и хронология соответствовала общему протестантскому взгляду на характер эпохи. До середины XIX в. мы прослеживаем лишь весьма бледную стратификацию отдельных фаз в полуторавековом отрезке от выступления Лютера до Вестфальского мира. Исключение составляло лишь время до кончины реформатора и заключе-

ния религиозного мира 1555 г. Со времен Л. Ф. Зекендорфа этот отрезок именовался собственно Реформацией, что соответствовало и протестантской и католической традиции, видевшей в ней главным образом церковные изменения, решительно повлиявшие на последующую историю христианского мира. Для эпохи после 1555 г. не находилось ясных определений. Вторая половина XVI в. словно стиралась в историческом сознании, а историки времен Просвещения нередко вообще без пространных комментариев переходили от 1555 г. сразу к кануну Тридцатилетней войны, как, например, Фридрих Шиллер в своей знаменитой «Истории Тридцатилетней войны».

Л. Ранке выступил в роли первого крупного концептуалиста, разделившего полтора столетия на три большие фазы, сообразуясь со своим видением событий. Его «История Реформации» посвящалась главным образом собственно реформационному движению до середины XVI в. Весь этот полувековой отрезок выделялся в отдельный этап, что, впрочем, пусть и с национально-государственным акцентом, соответствовало старой протестантской историко-богословской версии. Все же последующее время вплоть до Вестфальского мира историк разделил на фазу *Контрреформации* и собственно *эпоху Тридцатилетней войны*. Л. Ранке не был первым, кто ввел в оборот само понятие «католическая Контрреформация». Впервые его сформулировал профессор права Геттингенского университета *Иоганн Пюттер* в конце XVIII в., причем имея в виду лишь узко правовой контекст. С точки зрения И. Пюттера, «Контрреформация» означала реализацию права католических князей Империи на реституцию старой веры и церковных учреждений согласно статьям Аугсбургского мира в противовес «*jus reformandi*» евангелических чинов. Л. Ранке резко изменил смысл этого понятия в свойственном ему политическом духе. Он распространил его значение на сферу «политических» отношений между католической имперской элитой и протестантским миром. Под «Контрреформацией» он подразумевал именно политическую борьбу католических сил с протестантизмом, борьбу общественной реакции с прогрессивными достижения-

ми лютеранского движения. Неизбежным следствием стала и соответствующая характеристика всех трех фаз: под этапом Реформации подразумевались рождение и становление протестантизма в Германии, и эта фаза ограничивалась Аугсбургским религиозным соглашением 1555 г., означавшим легитимацию протестантских сил Империи; под Контрреформацией — борьба вновь реорганизованного тридентского католицизма с протестантским лагерем прежде всего в военно-политическом аспекте, борьба, начавшаяся в 70-х гг. и плавно переросшая в драматичное тридцатилетнее противостояние. Сама Тридцатилетняя война выступала завершающей, третьей фазой процесса. В ходе ее были сведены на нет усилия католической стороны реставрировать свои позиции в Империи и протестантский мир получил окончательное признание в рамках имперской организации.

Вслед за Л. Ранке подобной схемы начинают придерживаться все крупнейшие знатоки эпохи, включая католических историков. Между 1555 и 1618 г., началом Тридцатилетней войны, проводилась неразрывная линия преемственности. Вся вторая половина XVI в. трактовалась лишь как предтеча грядущей драмы, где центральным явлением выступала католическая Контрреформация — воплощение самых реакционных и консервативных сил общества, мечтавших повернуть колесо истории вспять. М. Риттер, при всех своих видимых и скрытых симпатиях по адресу католических сил, сохранил ранкиановское членение. Он также говорил о Контрреформации, обособляя ее первыми десятилетиями после 1555 г. и роковым 1618 г., хотя для боннского историка контрреформационное движение виделось не столько мрачной попыткой консервативных сил католической Церкви и верных ей имперских князей отбить утраченные до 1555 г. позиции, сколько вынужденным (в целом) контрударом с целью положить предел чрезмерной агрессивности протестантов, прежде всего Пфальца, мечтавших довести до полной победы начатое в 1517 г. движение. Исследователь вкладывал в термин в общем тот же политический смысл, что и Л. Ранке, хотя и с несколько разными акцентами.

Отныне Контрреформация как явление эпохальное, имеющее более или менее ясные хронологические контуры, превратилась в самостоятельный объект внимания ученой аудитории, ей стали посвящать отдельные штудии и отводить разделы в обобщающих компендиумах и в учебной литературе.

Перемены во взглядах обозначились ближе к середине XX в. Окончание Второй мировой войны означало важнейший рубеж не только в политических судьбах немецкого народа, но и немецкой исторической науки. Исторический миф протестантского, «малогерманского» пути немецкой государственности, начавшегося в 1517 г., предстал в образе трагичной иллюзии. Наметились поиски новых исследовательских методик и вместе с тем концептуально иное освещение истории Германии, что стало характерной чертой в развитии научных исследований и в западных, и в восточных землях. Однако наиболее существенная ревизия старых взглядов произошла в Федеративной Республике. Вплоть до середины 1950-х гг. там не появлялось сколько-нибудь значимых и крупных исследований по раннему Новому времени. Вниманием пользовались новейшие, и для немцев — более актуальные сюжеты. Однако длительное молчание скрывало сложное переосмысление, в том числе реформационной и постреформационной эпох.

Стартом новой дискуссии послужила публикация *Отто Бруннером* очерка истории XVI–XVII вв. на страницах справочного издания в 1953 г. Работа известного австрийского ученого дала повод к глубоким размышлениям. О. Бруннер привнес в исследовательский процесс социокультурные категории, выработанные им еще в предвоенные годы, что позволило совершенно по-новому осветить эпоху. Историк-социолог О. Бруннер предложил рассматривать период между 1555 и 1648 г. как процесс сращивания новых церквей с обществом. Чисто религиозный аспект развития вплетался у него в социальный. Становление новых вероисповеданий следовало на всех уровнях социальной организации, что придавало обществу специфический конфессиональный оттенок. Характер эпохи определялся, по мысли О. Бруннера, далеко не только генезисом

национальной государственности, новыми производительными силами или светским мировоззрением, что утверждалось историками старшего поколения. Традиционные формы жизни все еще обладали мощным потенциалом, новые конфессии, растворяясь в обществе, не только меняли, но и консервировали структуры повседневности. В концепции О. Бруннера «государствообразующие» и «национально-формирующие» функции религиозного раскола лишь вплетались в многогранную плоскость социального развития, но отнюдь не исчерпывали ее. Соответственно иным оказалось и общее определение О. Бруннером эпохи: он обозначил ее термином «*конфессиональная*», вложив в него широкий социальный смысл.

Знаменитый исследователь не был собственно создателем этого термина. В 1906 г. *Эрнст Трельч* впервые заговорил о *конфессионализме* раннего Нового времени, но лишь применимо к становлению евангелической конфессии. На страницах «Исторического журнала» Э. Трельч разграничил две фазы в истории немецкого лютеранства: до и после Тридцатилетней войны. На первом этапе характерным для лютеранского движения был привкус средневековых традиций. Выступление Лютера в 1517 г. само по себе едва ли маркировало переломный рубеж, скорее, оно образовывало новый виток предшествующей внутрицерковной полемики. Лишь в XVII в., после окончания Тридцатилетней войны, немецкое лютеранство превращается во вполне «самостоятельную» конфессию с оформившейся системой богословских, философских и этических воззрений, на почве которых возник впоследствии Пиеизм. Но Э. Трельч ограничивал конфессионализацию лишь сектором воздействия евангелической церкви, не вкладывая в термин столь широкой социальной нагрузки, как это сделал О. Бруннер.

Впрочем, австрийский историк стал лишь первопроходцем в начавшейся дискуссии. Заслуга в детальной проработке нового взгляда принадлежала исследователю из Тюбингенского университета *Эрнсту Вальтеру Цеедену*. С конца 1950-х гг. он приступил к публикации серии своих работ, задача которых состояла в создании новой картины социально-религиозных процессов XVI-XVII вв. Сбор-

ник очерков, изданный в 1985 г., подвел итог его вкладу в полемику. Э. В. Цееден, как и О. Бруннер, рассматривает полторы сотни лет от Реформации до Вестфальского мира единой эпохой, характеризующейся генезисом и укреплением новых протестантских конфессий и реформированного католицизма. Историк говорит о самой эпохе как о времени религиозной борьбы, о *конфессиональном времени* в смысле специфическом именно для Запада. В конце концов, любой исторический отрезок в античности или в средневековье был в той или иной степени конфессионально окрашен, будь то Европа, исламский Восток или православная Россия. Но европейский конфессионализм раннего Нового времени имел свою особую специфику: он был обусловлен возникновением новых ветвей христианства на почве религиозного раскола, мощно воздействовавших на все сферы общественной жизни. Под образованием конфессий Э. В. Цееден понимал «духовное и организационное движение различных христианских исповеданий, соперничавших со времени религиозного раскола, в сторону создания относительно стабильной церкви в области догмы и религиозно-этических форм жизни, а также их (т. е. конфессий. — А. П.) формирование под воздействием внецерковных сил, особенно государственной власти» [26. S. 251–252]. Работы Э. В. Цеедена не столько утвердили жесткие оценки, сколько окончательно закрепили сдвиг германской исторической науки в сторону принципа широкой социальной парадигмы.

Последующие исследования *Вольфганга Райнхарда* и *Хайнца Шиллинга* всесторонне развили модель, предложенную Э. В. Цееденом, введя понятие, характеризовавшее эпоху в целом: *конфессионализация*. «Укрепление формирующегося современного государства, — пишет В. Райнхард, — требовало религиозную нетерпимость как предпосылку... Религиозная суть времени распространялась также и на политику, в свою очередь политическая сила охватывала церковь и религию. Созревание ранних форм современной государственности не могло, таким образом, следовать независимо от конфессиональных проблем» [18. S. 268]. «“Конфессия”, — заключает Х. Шиллинг, — будет использоваться в последующем как

основополагающая категория в исследовании раннего Нового времени, без которой невозможно, по меньшей мере для XVI и большей части XVII в., приобрести ясное представление о развитии всякой общественной системы той поры, равно как и о ее динамике... Подобный подход оправдывает для меня определение того времени как "Конфессиональная эпоха"» [23. С. 22]. Можно утверждать, что в последние два десятилетия XX в. концепция, представленная Х. Шиллингом, оказалась самой дискуссионной. Х. Шиллинг стремился представить конфессии главным интегралом всего общественного развития в раннее Новое время. Ученый предпринял попытку перестроить церковную историю — столь традиционную тему для немецкой исторической науки! — в историю верующих, в тотальную историю самого социума. Здесь Х. Шиллинг, безусловно, следовал концепции Э. В. Цеедена и вместе с тем максимально полно развивал постулаты М. Вебера. Сообразуясь со своими взглядами, историк критиковал структуралистов, вышедших из школы бруннеровской социологии (Ф. Пресс, Й. Энгель). Они, по мысли Х. Шиллинга, напрасно пытаются вычленить аспект религиозно-церковной жизни лишь в одну из структур, поставить ее рядом с социально-политическими и социокультурными учреждениями. Общество в своем развитии все еще являло достаточно органичное целое. Очень сложно разграничить духовные и мирские ипостаси в Европе раннего Нового времени.

Однако сам исследователь оказался в тупике не столько концептуального, сколько методологического плана: в своих работах он едва ли сумел преодолеть структурный метод анализа, в том числе сквозь призму институционального развития. Создавая впечатляющую панораму XVI в., Х. Шиллинг вынужден был во многом следовать классической методике структуралистов. Тем не менее большинство молодых немецких историков вышедших из семинаров Э. В. Цеедена (П. Мюнх, Х. Клютинг), в основном поддерживало концепцию Х. Шиллинга.

Возражения последовали преимущественно из рядов историков-социологов. *Винфрид Шульце* скептически отнесся к желанию Х. Шиллинга интерпретировать социальную

жизнь через связующий компонент конфессий, что в конце концов превращает любые формы развития лишь в то или иное отражение богословских идей, без внимания к собственно социальным мотивам. Более продуктивным, считает В. Шульце, был бы анализ в первую очередь самого общества, внутри которого растворялась конфессия. Таким образом, методологическая схема — от церковной истории к всеобщей истории общества заменялась бы иной — от всеобщей истории общества к его религиозному составляющему.

Нельзя, впрочем, утверждать, что разногласия носят принципиальный характер. И у Х. Шиллинга, и у его оппонентов мы видим желание всесторонне исследовать «всеобщую историю», на пути которого стоят и поныне во многом еще не разрешенные методологические препоны.

В любом случае, однако, невозможно не видеть широкого социально-исторического охвата, восторжествовавшего за последние годы в работах многих историков. В центре внимания оказалось и само *сословное общество* (проблемы города в работах Б. Меллера, крестьянства в исследованиях П. Бликле, дворянства у Ф. Пресса), и *социально-политическая структура* Старой Империи (император, рейхстаг и правительственные институты в работах Ф. Пресса и К. О. Аретина). При всех различиях постепенно стали заметны новые контуры, казалось бы, старых, хорошо исследованных процессов. Прежде всего наметилась переоценка политических структур старой Империи в конфессиональное столетие. Историками были выявлены ресурсы стабильности императорской власти, не позволившие Габсбургам окончательно утратить лидирующие позиции на форуме имперских князей и в годы Реформации, и после Аугсбургского мира, и — что особенно важно — после окончания Тридцатилетней войны. Имперские властные учреждения, авторитет самого императора, возможности традиционных рычагов управления позволили преодолеть острые кризисные моменты в конфессиональное столетие. Империя избежала крайности децентрализации, распада на территориально-государственные составные.

Под пером историков в новом свете выступают и отдельные общественные группы. Ф. Пресс и его ученики весьма

последовательно проводили мысль о руководящей и стабилизирующей силе высшего имперского дворянства. Несмотря на религиозный раскол, конкуренцию со стороны бюргерства и экономические трудности, имперское дворянство сохранило доминирующие позиции в социальной жизни общества, оставалось главным гарантом незыблемости социального порядка, ценностей сословного общества. Конфессиональная эпоха, по мнению этих исследователей, не только не расстроила, но, напротив, укрепила ведущую роль дворянства в общественной жизни.

Переворот во взгляде на характер эпохи повлек изменения и в ее *хронологии*. Собственно уже в середине XX в. историки церкви, главным образом католические, пытались подвергнуть ревизии старое, унаследованное от Л. Ранке, трехчастное деление. *Йозеф Лорц*, один из крупнейших знатоков католицизма, предложил более усложненную схему, по меньшей мере для постреформационного (постаугсбургского) периода. С его точки зрения, невозможно отрицать самостоятельное внутрицерковное движение к обновлению, созревшее задолго до Реформации и лишь усиленное выступлением Лютера. *Й. Лорц* не ставил под сомнение наличие собственно «контрреформационного» движения в европейских странах, формировавшего особую фазу прямого военно-политического противостояния протестантизму. Но он видел и параллельное развитие самой католической Реформы, важнейшим актом которой стал Тридентский собор. *Й. Лорц* расчленил полувековой промежуток после Аугсбургского мира на два параллельных потока: политическую *Контрреформацию* и организационную *Реформу* самой Церкви. Тезис *Й. Лорца* в 1950-е гг. был подхвачен и окончательно обоснован *Хубертом Йедином*, автором многотомного исследования по истории Тридентского собора. С этого момента в католической историографии стали все более осторожно, с более или менее обширными комментариями употреблять термин «Контрреформация». Более частым заменителем выступили иные определения: католическая Реформа, католический ренессанс, католическое обновление. Смысл терминологической ревизии очевиден: политический окрас все более тускнеет под воздействием

всестороннего анализа состояния Церкви и общества, когда собственно борьба с протестантизмом шла в тесной связи с внутренней Реформой Церкви и сложными процессами общественного развития.

Э. В. Цееден, сообразуясь со своим взглядом на столетие, вполне логично пришел и к отрицанию фазы *Контрреформации* как самостоятельного, жестко отграниченного этапа во всеевропейском масштабе, под которым понималось лишь военно-политическое противостояние протестантским конфессиям. «Очевидна милитантная, силовая сторона, с каковой предстает католицизм в эпоху всеобъемлющей конфессиональной борьбы, — пишет он, — именно ее мы подразумеваем под Контрреформацией. Внутренняя же церковная и религиозная реформа, которая равным образом влияла на католицизм, не исчерпывается этим термином. Эта реформа, однако, не только принадлежала к силам его возрождения, но и составляла его существенную часть... Шестнадцатый век в широком смысле как эпоху от позднего средневековья и до начала Тридцатилетней войны сегодня рассматривают все больше единым целым и склоняются к тому, чтобы это единство определять под углом зрения церковных преобразований и конфессиональной борьбы» [Zeeden, ZG. S. 128–129]. Термин «Контрреформация» для Э. В. Цеедена «несколько тесен и жесток. Ему недостает нужной законченности. Он определяет лишь самый важный лейтмотив и характеризует лишь общую историческую предпосылку. При взгляде же на целостный процесс он позволяет слишком многое оставить в стороне. Термин, если принимать его дословно, ограничивает взгляд лишь одной составляющей эпохи и вынуждает частное выдать за целое» [Zeeden, ZG. S. 128]. Всеобщим же историческим феноменом было физическое и духовное соперничество конфессий. Наступательный порыв был свойственен не только католической церкви. Ничуть не меньше, чем Контрреформация, накладывал печать на столетие кальвинизм в Шотландии, Франции и Нидерландах, воинствующий протестантизм в Швеции, Богемии и тех же Нидерландах. Однако для Германии историк предпочитает все же сохранить за 1555 г. эпохальное значение.

Символически и практически этот год знаменовал укрепление вновь возникших структур лютеранской церкви, ее, так сказать, социализацию и одновременно — первый, оказавшийся перспективным, опыт всеимперского религиозного компромисса.

Хронология Э. В. Цеедена в той или иной форме получила подтверждение у части молодых немецких историков. Хорст Рабе не берется вслед за Э. в. Цееденом жестко отделить Контрреформацию как специфическую форму развития католицизма от свойственных и протестантским церквям тенденций. «Новые исследования, — пишет он, — выявили широкую общность основополагающих структурных элементов католической Реформы и Контрреформации — с одной стороны, а также лютеранства и собственно кальвинизма — с другой. В целом речь идет об укреплении вероучения, форм богослужения, церковной организации и ритуала. Здесь и там это укрепление внутри соответствовало отмежеванию (от других конфессий. — А. П.) в форме полемики вовне, и этого отмежевания последовательно придерживались во имя защиты божьей истины против пагубных заблуждений и сатанинского ослепления. Все церкви той поры были едины в широком стремлении к интенсивному укоренению веры в повседневной жизни населения. И наконец, католическая Реформа и Контрреформация, равно как и лютеранство и кальвинизм — при многообразных отличиях в частности, — были едины в самых тесных связях с соответствующими государственными властями. Церковь принимала помощь прежде всего государства, и очень часто решающий импульс развития вообще исходил от государственной власти, которая таким образом действовала также в интересах собственной модернизации и консолидации. Лишь в исключительных случаях более важные церковные решения осуществлялись вопреки государственной воли. Для подобной структурной общности в исторической науке стал употребим термин «конфессионализм». Католическую Реформу и Контрреформацию, таким образом — по аналогии с конфессионализацией лютеранства и кальвинизма, — следует понимать как католическую конфессионализацию. В остальном же термин «конфессиона-

лизм» представляется подходящим в качестве характеристики эпохи — лучше во всяком случае, чем ранкиановское определение «Контрреформация» [Rabe, RG. S. 333–334]. «Конфессионализм» у Х. Рабе, стало быть, весьма созвучен «конфессиональной эпохе» Э. В. Цеедена.

Крупнейший католический историк последних десятилетий *Генрих Лутц*, также подчеркивал многосторонность сил, задействованных в процессе конфессионализации: Контрреформация представляла лишь одну из нескольких тенденций, сама по себе она не образовывала самостоятельной эпохи.

В то же время отказ от старой хронологии заставил обратиться к выявлению отдельных фаз самой конфессионализации. Отправной точкой спора стала дискуссия вокруг начального этапа: когда и где формировались первые элементы *конфессионального общества*? Часть исследователей (Э. В. Цееден, Х. Клютинг, в последние годы — Х. Шиллинг) видят их в предшествующие 1555 г. десятилетия, когда сложились базовые структуры лютеранской и цвинглианской церкви. Э. В. Цееден нигде в своих работах не указывает строго фиксированную точку отсчета, но говорит о Крестьянской войне и утверждении первых лютеранских общин в начале 20-х гг. как о фактическом начале конфессионализации. Х. Клютинг полагает началом 1525 г., когда лютеранская церковь уже сложились, по крайней мере в одном регионе (курфюршество Саксонское), и начала формироваться в других (Хомбургский ландтаг и Реформация Филиппа Гессенского). Одновременно конфессиональный раскол был легитимирован на уровне высшего дворянства Империи (Шпейерский рейхстаг 1526 г.), и к этому же времени созрели в своих основных частях различные доктрины протестантизма (учение Лютера и Цвингли). Наконец, само реформационное движение, по мысли Х. Клютинга, переживает апогей в событиях Крестьянской войны. При этом вместе с Х. Клютингом к ранней датировке эпохи склоняются и другие исследователи (В. Циглер, Х. Рабе, П. Бликле и Р. Вольфайль), относительно единодушно утверждающие, что с середины 20-х гг. наметилась общая тенденция к интеграции возникших

структур протестантской церкви в территориальное государство. В. Райнхард соглашается с этим тезисом лишь в отношении к лютеранству, совершенно справедливо полагая, что кальвинизм, как и обновленный «тридентский католицизм», выступили на арену истории значительно позднее. В отличие от вышеуказанных своих коллег В. Райнхард склонен дифференцированно рассматривать конфессионализацию различных религиозных движений.

Иначе осмыслил рубежи Х. Шиллинг. Он вообще усомнился в возможности говорить о первой фазе конфессионализации ранее 40-х гг. По его мнению, лишь к началу первых религиозных войн в Империи (Шмаль- кальденская война 1546–1547 гг.) созрели основы конфессионального общества, к тому же кальвинизм сумел укрепиться на немецкой почве не ранее 60-х гг. Для Х. Шиллинга важным является вообще не столько жесткая хронологическая шкала, сколько анализ отдельных фаз в трех потоках конфессионализации: *лютеранской*, *кальвинистской* (или реформатской) и *католической*. Историк выделяет четыре этапа:

1. «Предконфессиональный», охватывавший примерно тридцатилетие от начала 40-х до 70-х гг. Он характеризуется укреплением позиций лютеранства и кальвинизма, а также приобретением католической церковью важной организационной основы в виде постановлений Тридентского собора. В это время новые конфессии уже успели пустить первые прочные корни в обществе.

2. Десятилетие до издания Формулы Согласия (1580). В его границах лютеранская церковь вырабатывает окончательное догматическое единство, кальвинизм укрепляет свою социальную базу (Нидерланды, Франция, земли Империи).

3. Этап 1580–1620 гг. — «пик конфессионализации», характеризовавшийся особенно сильным распространением кальвинизма (проблема т. н. «второй, или кальвинистской, Реформации»).

4. Завершающий этап конфессионализации, уходящий в глубь XVII столетия. Апогей религиозного противостояния сменяется компромиссом и окончательным социально-культурным «созреванием» конфессий.

Хронология Х. Шиллинга, по меньшей мере в своей фундаментальной части обязанная традиции Э. В. Цеедена и его учеников, была призвана наиболее полно отразить слишком сомнительный для многих его коллег цивилизационный подход к конфессионализации. Х. Шиллинг настаивает не столько на жестком датировании рубежей, сколько на типологическом понимании самих фаз в смысле наличия именно четырех, сменявших друг друга этапов, свойственных всем трем развивавшимся вероисповеданиям. Поиск неких твердых отправных пунктов, по его мнению, только вредил бы картине «тотальной истории», где элементы старого и нового потенциально содержались на всех четырех этапах, образуя общее движение.

В любом случае, однако, 1555 г. не может пройти незамеченным в поисках новой периодизации. Он рассматривается подавляющим большинством историков либо окончанием первого (начального) этапа конфессионализации, либо ярчайшим проявлением самого процесса формирования конфессий (Х. Шиллинг). В Аугсбурге закончилась прелюдия и были узаконены основные структуры конфессионального общества, прежде всего лютеранская церковь. Э. В. Цееден в узком смысле считает 1555 г. началом конфессиональной эпохи как таковой, хотя и не началом процесса собственно конфессионализации. В его глазах значение 1555 г. для Германии было важнее, нежели для остальной Европы. М. Хекель, оперируя прежде всего историко-правовым инструментарием, выдвигает статьи имперского соглашения бесспорной вехой, символизировавшей наступление новой эпохи в развитии имперского права и соответственно — сословного общества. Главной характерной чертой здесь выступала легитимация двух ведущих вероисповеданий, окончательно восторжествовавшая в Вестфальском мире.

Как будто менее дискуссионной представляется нижняя граница. Историки указывают на Пиетизм и Просвещение (конец XVII — первая половина XVIII в.) как на дальнейшее развитие наметившихся в XVI в. движений. Многие процессы этого времени питались или, во всяком случае, имели предтечей предшествующую конфессионализацию.

«Духовная взаимосвязь между Просвещением и христианством, причем конфессионально сегментированным христианством, по большей части сохранилась, — заключает Х. Клютинг. — Это особенно характеризует Просвещение в Германии, которое с самого начала приобрело особенный акцент благодаря конфессиональному расколу страны и не утратило известную специфику под влиянием конфессий и теологии» [11. S. 373].

Конечно, Вестфальский мир несколько бледнеет под подобным углом зрения, в чем-то теряет свое эпохальное значение, особенно если ориентироваться на парадигму конфессионализации, предложенную Х. Шиллингом. Но в дискуссии вокруг хронологии даже сторонники самого «протяженного» толкования конфессионального времени по-прежнему указывают на 1648 г. как на важный рубеж немецкой истории. Позади оказались самые напряженные и насыщенные общественными потрясениями годы. Позади была молодость конфессий, борьба за жизненное пространство. Впереди — во второй половине XVII в. и в XVIII в. — проглядывало, хотя и смутно, угасание предшествовавших тенденций и прогрессирующая секуляризация общества. Тридцатилетняя война завершает эпоху социальной интеграции конфессий, «милитантного» противостояния церквей и вместе с тем решает одну из важнейших проблем — правовую легитимацию протестантизма в рамках имперских структур. Если институционалисты и структуралисты ищут в 1648 г. политико-правовой рубеж, то сторонники «тотальной» истории (Х. Шиллинг) — прежде всего широкий социокультурный.

Впрочем, спор вокруг периодизации кажется не столь жарким и, видимо, сами его участники готовы придавать ему скорее второстепенную роль. Принципиально важным представляется новый взгляд на эпоху. Модель конфессионализации, представленная в виде широкого социального движения, сближает и связывает воедино отдельные фазы, до последнего времени считавшиеся прямо противоположными — Реформацию и Контрреформацию. И евангелическое движение, и католическое возрождение выступали в немецких землях лишь разными сторонами одной тенден-

ции, уходившей корнями в позднее средневековье. В год заключения Аугсбургского мира были заложены первые основы конфессионального общества, общества, которому суждено было приспособиться к сосуществованию нескольких вероисповеданий в своей среде. От того, как протекало это сосуществование и адаптация, зависело будущее Германии. И тем оправданнее выглядит интерес к десятилетиям после 1555 г. как к решающему отрезку: именно тогда определялось это будущее.

Марксистская немецкая историография после 1945 г. утвердилась преимущественно в восточных землях, вошедших в состав ГДР. Характерной чертой научных исследований, посвященных XVI и XVII вв., стало сочетание марксистского взгляда на исторический процесс и старой «малогерманской» традиции, возглашавшей главной перспективой государственного развития Германии после Крестьянской войны 1525 г. бранденбургско-прусскую модель. Причем последняя оправдывалась не только как продукт победы «феодальной реакции», но и как единственная альтернатива в хаосе немецкого мелкодержавия, осуществление которой в конце концов, хотя и на «реакционной» платформе, обеспечило национальное и государственное объединение Германии, что соответствовало известному постулату о прогрессивном значении национально-политической централизации, уже свершившейся в странах к западу от Рейна, и находило созвучие с жестким государственным централизмом советской эпохи. Подобный теоретический симбиоз не позволил восточнонемецким историкам вооружиться парадигмой «конфессионализации», ввести определение «конфессиональная эпоха» в качестве многопланового объекта исследований и вообще сколько-нибудь заметно увлечься второй половиной XVI в. в истории Германии. Главное внимание уделялось «неудавшейся буржуазной революции номер один», апогеем которой, по мнению историков-марксистов, была Крестьянская война 1525 г. Подавление крестьянского выступления превратило князей и дворянство в главных спасителей протестантской церкви, что во многом объясняло наметившийся позднее процесс т. н. «рефеодализации» в Германии. Под ней понимается

укрепление позиций сословной элиты, высшего и низшего дворянства на базе торжествующей территориальной государственности в противовес все более ухудшавшемуся социальному положению крестьянства («второе издание крепостничества») и городской «буржуазии». Естественно, что подобные послышки заставляют видеть всю историю Империи от Реформации до Наполеоновских войн в довольно мрачных тонах: у Империи как государства нет будущего, ее социальные структуры застыли в своем развитии — в ожидании Наполеоновских войн и революций. Исходя из формационной теории, оставлявшей за рамками внимания социальную самооценку догмы, историки ГДР не были склонны вообще рассматривать процесс взаимовлияния и сращивания новых церковных структур со старыми общественными группами, фиксировать внимание на этапе относительной стабильности, знаменовавшей первые десятилетия после Аугсбургского мира, наконец, видеть временной отрезок с 1555 до 1618 г. не только лишь в призме противостояния католических и протестантских группировок «господствующего класса», но и самостоятельным, весьма насыщенным и противоречивым этапом немецкой истории. Итогом стало то, что за время существования ГДР не увидело свет ни одно сколько-нибудь крупное исследование, специально посвященное немецкой истории второй половины XVI в. и начала XVII в.

§ 2. КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭПОХА В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Два решающих момента наложили печать на развитие представлений о рассматриваемой эпохе среди российских ученых: мощное влияние *протестантской традиции* школы Л. Ранке во второй половине XIX в. и *марксистская историческая социология*, восторжествовавшая в первой половине XX в.

Очевидно, не будет преувеличением сказать, что большинство историков XIX в., вещавших с университетских кафедр и писавших о Реформации и Тридцатилетней войне — Т. Н. Грановский, П. Н. Кудрявцев, В. В. Бауер,

Г. В. Форстен, как специалисты сформировались — хотя бы отчасти — в стенах немецких и преимущественно протестантских университетов и институтов (Берлин, Галле, Лейпциг, Гейдельберг). Их учителями в большинстве случаев выступали воспитанники — дальние и близкие — школы Л. Ранке (сам Л. Ранке, оба Дройзена, В. Мауэрбрехер, Р. Козер и др.), и методологической основой для многих из них являлся позитивизм, прикрашенный симпатиями к протестантизму, — главному источнику формирующейся сильной и объединенной Германии. Характерным образом это отразилось на скептическом настрое в отношении перспектив Старой Империи после Реформации и при взгляде на католическую Контрреформацию. Некоторые сдвиги, произошедшие в кругах российской исторической науки на рубеже XIX–XX вв., рождение «русской исторической школы», способствовали критическому переосмыслению методологических основ немецкой историографии, развитию более широких социально-культурных идей. Но в области изучения собственно немецкой истории XVI–XVII вв. на вооружении по-прежнему оставались подходы и оценки, выработанные школой Л. Ранке.

Ярким выразителем подобных взглядов выступал крупнейший специалист по Новому времени тех лет — Н. И. Кареев. Будучи одним из создателей исторической социологии, Н. И. Кареев выдвинул тезис о необходимости всестороннего изучения социальных структур Империи в XVI в. Но содержание и хронологию немецкой истории от Реформации до Вестфальского мира историк видел глазами немецкой протестантской историографии. XVI в. резко делился на две противоположные эпохи, с реформационной половиной века связывались решающие общественные перемены, определившие будущее немецких земель. «Судьба религиозной Реформации и вместе с этим политического устройства Германии, — писал он, — была решена уже в первой половине XVI в., так что вся дальнейшая история Германии заключалась уже в постановлениях Аугсбургского мира 1555 г., узаконившего и разделение Германии на католическую и протестантскую, и преобладание в ней княжеской власти» [5, С. 353]. Тридцатилетняя война высту-

пала для Н. И. Кареева лишь конфликтным воспроизводством уже сложившихся в 1555 г. отношений: неудачной попыткой ревизии этих отношений со стороны католической партии. Этот тезис позволил Н. И. Карееву абстрагироваться от социальной истории конфессий во второй половине XVI в. и вообще от социальной истории, оставив значимым лишь чисто богословский момент: в его представлении время от Аугсбургского мира и до начала Тридцатилетней войны — лишь время «деспотического вмешательства князей в религиозные дела. . . мелочных богословских споров и раздоров» [5. С. 355]. Оставил он и классическую для немецкой историографии XIX в. хронологию: эпоху Реформации сменяет время «католической реакции», воплощенной в попытках Старой Церкви и заинтересованных в ней политических сил вернуть утраченные ранее позиции в борьбе с «прогрессивными» силами протестантизма, рожденными Реформацией. Тридцатилетняя война замыкает процесс, останавливая успехи «католической реакцией» и стабилизируя религиозное положение. Очерк немецкой истории, данный Н. И. Кареевым, по его собственному признанию, — вещь скорее вынужденная, дабы завершить разговор о Германии раннего Нового времени вообще, при сохранении приоритетного интереса к Франции и Англии, демонстрировавшим образцовый путь «прогрессивного» развития европейской государственности.

Определенные сдвиги наметились в первой четверти XX в. В трудах части исследователей, специально не занимавшихся проблемами германской истории и представлявших круг историков духовной культуры, Возрождения и Гуманизма, возникло стремление трактовать XVI в. в гораздо более многоплановом ракурсе. Пожалуй, самый одаренный и тонкий знаток Гуманизма тех лет петербургский ученый А. Г. Вульфius отважился преодолеть строго политизированный подход к характеру и хронологии эпохи. Одним из первых, во многом предвосхищая взгляды немецких католических историков Й. Лорца и Х. Йедина, А. Г. Вульфius отказался и от употребления терминов «Контрреформация» и «реакция», и от обозначения ими целой эпохи. «Термин «католическая реакция», распро-

страненный в исторической литературе, — замечал он, — способен ввести в некоторое заблуждение. Само слово «реакция» подчеркивает противодействие против Реформации и тем самым отодвигает на задний план то весьма глубокое и интересное перерождение католицизма в XVI и XVII вв., которое в нем совершилось наряду с борьбой против протестантизма. А между тем мощностъ и успех этой борьбы совершенно непонятны вне связи с этим внутренним прогрессом. Другими словами, католическое движение XV и XVII вв. далеко не исчерпывалось попытками оттеснить или уничтожить протестантизм, а заключает в себе элементы особой католической Реформации. Вот почему давно пора термин «католическая реакция» заменить термином «католическая Реформация» или «католическая реформа» [1. С. 130]. И в реформационном движении, и в католическом обновлении А. Г. Вульфius видел во многом схожие основы, порожденные сложными социальными и духовными процессами позднего средневековья. Протестантская Реформация и католическая Реформа преображали важнейшие сферы социальной жизни, превращаясь в многостороннее общественное и духовное явление. На страницах своих работ А. Г. Вульфius представил оба движения фактически параллельными процессами, вплотную подойдя к позднейшей парадигме конфессионализации, предложенной лишь Э. В. Цееденем. Историк не хватило детальной проработки своей смелыми мазками набросанной картины, чтобы утвердить в науке принципиально новый взгляд на эпоху. Впрочем, его голос оказался одиноким. Несмотря на повторяющиеся слова о католической Реформации в трудах Р. Виппера, В. Н. Перцева и др., идеи А. Г. Вульфiusа не получили развития, уступив в конце концов место формационной концепции.

Торжество марксистского подхода в отечественной исторической науке своеобразно отразилось на трактовке указанной эпохи. Как это ни покажется парадоксальным, но марксистские историки оставили почти совершенно нетронутой характеристику, выработанную германской протестантской историографией, лишь подведя под нее формационно-классовую теорию. Как для Л. Ранке, так и для

марксистских историков центральное значение имела Реформация — от выступления Лютера до Аугсбургского религиозного мира — с той лишь разницей, что для историков Вильгельминовской Германии главными героями выступали протестантские князья, возглавлявшие региональные силы будущего, а для историков-марксистов таковыми были «революционные» крестьяне 1525 г. — согласно концепции «первой неудачной раннебуржуазной революции», сформулированной еще полтора века назад Ф. Энгельсом. Так же как у национал-либеральных историков Германии, симпатии советских историков были адресованы протестантским силам вообще, знаменовавшим движение «общественного прогресса». Так же как и немецкие протестантские историки, они делили эпоху на этап Реформации (до Аугсбургского мира) и этап Контрреформации как времени наступления общественной реакции, возглавляемой консервативными силами католической церкви. Католический лагерь не добился реванша, но и протестантизм не решил главной проблемы — национально-государственного объединения страны. После поражения «революционного» крестьянства в 1525 г., в условиях общественной незрелости слабой немецкой «буржуазии», Реформация лишь содействовала княжескому триумфу, успехам «господствующего класса». Приведем весьма характерное высказывание одного из крупнейших советских исследователей реформационной эпохи М. М. Смирин: «После поражения крестьянской войны в Германии наступила политическая и общественная реакция. Положен был конец всему общественному движению эпохи Реформации, развернувшемуся на фоне экономического подъема XV–XVI вв. Потерпели поражение все слои оппозиции, участвовавшие в движении. В выигрыше остались только одни князья. . . Областной и провинциальный сепаратизм, носителями которого выступали многочисленные немецкие князья и имперские города, стал во второй половине XVI в. в еще большей степени, чем раньше, характерной чертой политической жизни Германии. . . Отсутствие стройной государственной системы в Германской империи, неясность правовых норм, регулирующих отношения между различными ее членами, разительные

отличия ее эволюции от проходившего в других странах Европы процесса национально-государственной консолидации побудили известного немецкого юриста второй половины XVII в. Самюэля Пуффендорфа назвать империю «неопределенным образованием, похожим на чудовище» [Смирин М. М. Германия в XVI — первой половине XVII в. // История Средних веков / Под ред. З. В. Удальцовой, С. П. Карпова. Т. 2. М., 1991. С. 94]. Если убрать элемент «классового» подхода, то перед нами возникает буквальное повторение национал-либеральной концепции Ф. Бецольтда!

Едва ли столь «траурные» пассажи могли пробудить интерес у начинающих историков к проблемам второй половины XVI в. Возникла парадоксальная ситуация: утверждение Ф. Энгельса о многообразном общественном воздействии Реформации, о ее сложных социальных предпосылках позволил советским историкам подвергнуть кропотливому и в ряде случаев блестящему анализу социально-экономические и политические структуры Германии кануна и времен самой Реформации, но эти же постулаты лишили их глубокого интереса к тем же структурам второй половины XVI в. Жесткая догматика исключала необходимость дифференцированного анализа социального развития, сложной внутренней динамики сословного общества после 1555 г. Вместе с тем без ясного ответа оставался один из главных вопросов: почему, собственно, Империя, страдающая тяжелыми болезнями общественного быта, самым полным образом обнаружившимися после 1525 г., сумела преодолеть и кризис Реформации, и лихолетье Тридцатилетней войны, сохранив жизненные силы еще на 200 лет?

Научная конференция, прошедшая в стенах Санкт-Петербургского университета осенью 2000 г. и собравшая ведущих немецких специалистов по истории раннего нового времени и их российских коллег, впервые крупным планом развернула дискуссию вокруг конфессионализации перед русскоязычной аудиторией. Сборник статей по материалам этой встречи, изданный в 2004 г., еще раз отразил концептуальные воззрения немецких исследователей и, вероятно, может считаться одним из первых опытов апробации новых научных парадигм в кругу российских ученых.

§ 3. КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭПОХА И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

Проблемы конфессионального столетия неизбежно оказываются в кругу более широкой дискуссии о раннем Новом времени. Усилившийся в послевоенной немецкой историографии глубокий историко-социальный подход обусловил естественный вопрос о взаимосвязи тезисов Э. В. Цеедена, В. Райнхарда, Х. Шиллинга с общими концепциями социального развития Европы в XVI–XVIII вв.

К числу наиболее дискуссионных следует отнести тезис о «модернизации» общества в раннее Новое время, выраженный в трех известных концепциях: *социологической*, разработанной Герхардом Острайхом в 1960-е гг., *цивилизационной*, сформулированной известным философом и культурологом Норбертом Элиасом еще в конце 30-х гг. XX в., и *социально-экономической*, рисующей Европу XVI–XVII вв. ареной всеобъемлющего и глубокого кризиса. Многие положения теории кризиса сегодня разделяют сторонники самых различных исследовательских направлений.

Г. Острайх видел в многообразии общественных процессов прежде всего общую тенденцию к росту «*социальной дисциплины*». По его мнению, характерной чертой здесь выступала диффузия государствообразующих тенденций, проникавших во все поры сословного общества, со все более возрастающим давлением нормировавшая повседневность. Важными стимулами в этом процессе выступали затяжные и краткосрочные кризисы, вынуждавшие человека раннего Нового времени в поисках стабильности все теснее прижиматься к институтам власти. Реформация и конфессионализация в землях Империи ставили под сомнение эффективность старых социальных учреждений, что влекло усиление конфликтного потенциала и заново ставило вопросы социальной самоорганизации и дисциплины. Именно подобное движение, по мнению многих историков, и наблюдалось в ареалах вновь возникших протестантских конфессий и реформированного католицизма (создание общинных церковных структур под контролем пастората и надзорных инстанций, организация жесткого контроля со

стороны княжеской власти, фиксация повседневных нормативов в регламентирующих актах, бюрократизация и институционализация самих духовных учреждений). Все это содействовало в конце концов различной степени унификации повседневной жизни самих верующих. Намечалось сближение и даже взаимоинтеграция уже существовавших структур светской власти с вновь возникшими духовными институтами. В свою очередь, новый круг задач и возможностей, предоставленных светской власти благодаря Реформации, обусловил рост правительственных структур (развитие «публичных» финансов, формирование правового мышления и органов юстиции, общая тенденция к бюрократизации). В этом смысле конфессиональная эпоха внесла свой вклад в развитие социальной дисциплины и ускорила формирование *«протосовременного государства»*.

Социологическая в своей основе модель, предложенная Г. Острайхом, позволяет интерпретировать конфессиональную эпоху прежде всего с социально-институционной точки зрения как предтечу времени абсолютизма, при котором зревшие до этого государствообразующие тенденции нашли свое логическое воплощение. Вместе с тем многие вопросы, сформулированные Г. Острайхом, остаются либо открытыми, либо попросту не находят подтверждения на немецком материале. Линейная в своей основе концепция Г. Острайха не учитывает региональную специфику немецкого сословного общества. Некоторые тенденции вообще не были свойственны многим имперским территориям. Если, скажем, военная реформа Оранских, осуществленная в Нидерландах, нашла определенный отзвук в прирейнских протестантских землях, то в большинстве других относительно крупных княжеств мы не видим сколько-нибудь схожих элементов военной модернизации. Процесс конфессионализации шел зачастую весьма болезненно и сопровождался тяжелейшими коллизиями для власти, как, например, в Пфальце или в землях божемской короны. Однако тезис Г. Острайха сохраняет значимость в своей, так сказать, рабочей ориентации в качестве идеи, руководящей и дающей ответ, по меньшей мере на главный вопрос, — о ро-

сте государственных структур в Европе после Тридцатилетней войны.

Процесс цивилизации Н. Элиаса, сконструированный ученым в виде совокупности множества «социальных» потоков, акцентирует внимание на социальных институтах, выполнявших роль генераторов «обновления». По мнению Н. Элиаса, в раннее Новое время на авансцену истории выступают учреждения, выполнявшие в средневековые второстепенную роль, но в XVI–XVII вв. ставшие кузницей кадров нового общества, и задача историка анализировать именно специфику развития этих учреждений. Если попытаться трактовать концепцию Н. Элиаса с точки зрения конфессионализации, то легко прийти к выводу, что собственно сами новые вероисповедания выступают двигателями общественного обновления.

Возникновение структур протестантской и католической церкви, конфессионально ориентированные университеты, школы, академии и семинарии, наконец, перемены в конструкции учреждений светской власти под влиянием религиозной борьбы содействовали развитию новых общественных факторов, лежавших в общем русле концентрации и укрепления монархической и княжеской власти. Тезис Н. Элиаса необычайно сильно стимулировал в последние десятилетия изучение социокультурных функций отдельных учреждений (прежде всего феномена придворного общества), что повлекло рождение новых гипотез, равно как и новые контрверзы. Но, обладая слишком большой тенденцией к обобщению и оставляя за рамками внимания собственно немецкую парадигму, концепция Н. Элиаса в большинстве случаев все еще не используется в методологических поисках немецкими историками.

Концепция «кризиса» в раннее Новое время, сотканная представителями столь разных школ и направлений, начиная от Х. Тревора-Ропера с его теорией противостояния провинции и монархического центра и заканчивая высказываниями марксистских историков, видящих в раннем Новом времени первые попытки конституирования «буржуазного общества», весьма мозаична в вопросах генезиса. Общим местом в настоящее время здесь остается лишь тезис о

кризисе, глубоко затронувшем общественные структуры и вылившемся в серию войн, развивавшихся от региональных к всеевропейским, а также конфликтов внутри сословного общества (выступление сословной элиты, городские и крестьянские движения, где Фронда во Франции и Английская революция знаменовали своеобразный апогей). Встречные возражения следуют прежде всего по причине все того же желания взирать на немецкую историю взглядом «из ненецкой Европы». Взгляд этот невольно притягивает немецкие реалии к европейскому стандарту. Приходится игнорировать явно наметившийся после Реформации процесс стабилизации сословного общества Империи и тем более — отсутствие вообще сколько-нибудь длительных и всеобъемлющих общественных конфликтов в имперских землях по меньшей мере вплоть до 1618 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вульфийус А. Г.* Проблемы духовного развития. Гуманизм, Реформация, католическая Реформа. Пг., 1922.
2. *Грановский Т. Н.* Лекции по истории средневековья. М., 1987.
3. История Европы. Т. 3. От Средневековья к Новому времени (конец XV — первая половина XVII в.). М., 1993.
4. *Кан А. С.* Историк Г. В. Форстен и наука его времени. М., 1979.
5. *Кареев Н. И.* История Западной Европы в Новое время. Т. II. СПб., 1898.
6. Конфессионализация в Западной и Восточной Европе в раннее новое время. Доклады русско-немецкой научной конференции 14–16 ноября 2000 г. / Под ред. А. Ю. Прокопьева. СПб., 2004.
7. *Прокопьев А. Ю.* Введение. Реформация, Контрреформация, конфессионализация // № 6.
8. *Прокопьев А. Ю.* Забытый историк раннего нового времени: Александр Германович Вульфийус // Университетский историк. Альманах. Вып. 2. СПб., 2003. С. 173–192.
9. *Смирин М. М.* Народная Реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война. М., 1955.
10. *Brunner O.* Das konfessionelle Zeitalter 1555–1648 // Deutsche Geschichte im Überblick. Ein Handbuch / Hrsg. von P. Rassow. 2. Aufl. Stuttgart, 1962.
11. Crisis in Europa 1560–1660. Essays from Past and Present 1952–1962 / Ed. By T. Aston. London, 1965.
12. *Elias N.* Über den Process der Zivilisation. Bd 1–2. Frankfurt am Main, 1976.

13. *Heckel M.* Deutschland im konfessionellen Zeitalter. 1555–1648. Göttingen, 1988.

14. *Klueting H.* Das Konfessionelle Zeitalter 1525–1648. Stuttgart, 1989.

15. *Koch E.* Das konfessionelle Zeitalter — Katholizismus, Luthertum, Calvinismus (1563–1675). Leipzig, 2000.

16. *Lorz J.* Geschichte der deutschen Reformation. Bd 1–2. Leipzig, 1938.

17. *Lutz, RG.*

18. *Oestreich G.* Geist und Gestalt des frühmodernen Staats. Ausgewählte Aufsätze. Berlin, 1969.

19. *Rabe, RG.*

20. *Ranke L. von.* Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation. 6 Bd / Hrsg. von P. Jachimsen. Leipzig, 1926.

21. *Ranke L. von.* Zur deutschen Geschichte. Vom Religionsfrieden bis zum Dreissigjährigen Krieg. Leipzig, 1869.

22. *Reinhard W.* Zwang zur Konfessionalisierung? Prolegomena zu einer Theorie des konfessionellen Zeitalters // ZHF, 10, 1983.

23. *Ritter, DG.*

24. *Seckendorf L. V.* Commentarius apologeticus et politicus de Lutheranismo, sive de reformatione religionis ductu d. Martini Lutheri. Frankfurt am Main, 1692.

25. *Schilling H.* Konfessionalisierung im Reich. Religiöser und gesellschaftlicher Wandel in Deutschland zwischen 1555 und 1620 // HZ, 246, 1988.

26. *Schilling, AK.*

27. *Schilling H.* Konfessionskonflikt und Staatsbildung. Eine Fallstudie Über das Verhältnis von religiösem und sozialem Wandel in der Frühneuzeit am Beispiel der Grafschaft Lippe. Gütersloh, 1981.

28. *Schulze W.* Deutsche Geschichte im 16. Jahrhundert 1500–1618. Frankfurt am Main, 1987.

29. *Troelitsch E.* Die Bedeutung des Protestantismus für die Entstehung der modernen Welt // HZ, 97, 1906.

30. *Zeeden E. W.* Grundlagen und Wege der Konfessionsbildung in Deutschland im Zeitalter der Glaubenskämpfe // HZ, 185, 1958. S. 249–299.

31. *Zeeden E. W.* Die Entstehung der Konfessionen. Grundlagen und Formen der Konfessionsbildung im Zeitalter der Glaubenskämpfe. München, Wein, 1965.

32. *Zeeden, ZG.*

33. *Zeeden E. W.* Konfessionsbildung. Studien zur Reformation, Gegenreformation und katholischen Reform. Stuttgart, 1985.

II. ИМПЕРИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.

§ 1. ИМПЕРИЯ В ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI в. И НАЧАЛА XVII в.

Кризис Реформации и религиозный раскол парадоксальным образом воздействовали на общественное умонастроение. С одной стороны, разрушая прежнее единство Старой Церкви, новые конфессии неизбежно стремились к собственной автономии, к поддержке со стороны светской власти, под патронажем которой они находили приют. Но исходным пунктом по-прежнему выступало представление о единстве европейского христианского сообщества, которое следовало вновь обрести за счет победы лишь одной «единственно истинной» конфессии. Каждое вероучение стремилось выставить себя единственно правильным, любая церковь претендовала на роль универсальной и исключительной. Наблюдался эффект своеобразного стресса, приобретенного в первые десятилетия Реформации: общество, не привыкшее еще к мысли об автономии отдельных конфессий и об отделении веры от политики, реагировало на потрясения воспроизводством, казалось бы, старой концепции христианского единства.

Этим во многом объясняется очень напряженный, очень мучительный поиск целого, расколотого на части, свойственный европейской религиозно-философской мысли середины и второй половины столетия. Весьма характерно это проявлялось во всевозможных описаниях некой *идеальной общественной конструкции*, призванной охватить весь христианский социум и быть увековеченной в качестве конечной стадии предвечного бытия. Непременным инструментарием здесь выступала мистика, и именно мистическая направленность стала яркой чертой европейской философии конфессиональной эпохи. Дух «мистической тоталитарности» (Р. Эванс) ощущался на всех конфессиональ-

ных полюсах Европы. Зеркало космического порядка видел в государстве знаменитый *Жан Боден* (1529 или 1530–1596), один из творцов теории суверенитета, в плену которой оказались последующие поколения европейских правоведов. Его старший современник ориенталист и каббалист *Гильем Постель* (1510–1581) полагал делом своей жизни найти «*concordia discordantium*» в оккультном, материальном и невидимом единстве всех людей. Этому порядку, по мысли Постеля, надлежало быть воплощенным в единой мировой Империи. Ведущую роль в ее созидании он приписывал сперва французскому королю, потом Венеции, потом Фердинанду I. Будучи католиком, он не отказывал в симпатиях иноверцам, в том числе и лютеранам. В лице *Джордано Бруно* (1548–1600), в свое время посетившего лютеранский Виттенберг, мы сталкиваемся, пожалуй, с автором самого развернутого проекта мистической реформы Универсума, цель которой — создание мировой монархии, под чьей державной десницей наступило бы полное духовного освобождение и где бы сам монарх чародейством и магией слова завоевал бы сердца своих подданных. В конфессиональном аспекте относительно блеклый догматик *Томмазо*

Кампанелла (1568–1639, «Город солнца») сочетал в своей утопической картине не только мельчайшее воспроизводство корпоративного «тоталитаризма», но и рациональный, научный подход, объяснявший необходимость «целокупного общежития». В его «Городе» единая для всех граждан рационально-научная почва деятельности позволяла высвободить громадный духовный потенциал развития. Свой весьма заметный вклад внесли и лютеранские богословы Германии. Творчество *Иоганна Валентина Андреа* (1586–1654), надворного проповедника герцогов Вюртемберга, блестяще образованного мыслителя, явило самое яркое желание обосновать и изобразить гармонию христианской жизни в лютеранской среде. Главная его работа «Описание христианского государства» (1619) содержала мысль о необходимости достижения всеобщего религиозного согласия, внутреннего мира, связывавшего простых верующих.

И. В. Андреа был уроженцем Вюртемберга — княжества, одно из первых принявшее учение Лютера. Его дедом был знаменитый Якоб Андреа, один из творцов Формулы Согласия. Молодые годы Андреа провел в Тюбингене в тамошнем Университете, где выказал бурный характер и огромную любознательность. Много путешествовал, побывал в Швейцарии и там, очевидно, ознакомился с основополагающими догматами кальвинизма, что привило к опыту, впрочем, весьма ограниченному, размышлений над проблемами религиозного единства протестантов. Однако в ещё большей степени творческая натура оказалась охваченной мистическими переживаниями времени, духом беспокойства, и, видимо, апокалипсическими мотивами, побудившими рано взяться за перо, стать автором множества стихотворных произведений написанных на добротной гуманистической латыни, мистифицировать явление так называемого «братства розенкройцеров» после публикации знаменитой «Химической свадьбы Христиана Розенкройцера» в 1616 г. и двух предшествовавших ей работ, излагавших призыв к «всеобщей реформации всего мира» и возвещавших наступление эры Святого Духа и конца времен («Fama Fraternitatis», 1614 и «Confessio Fraternitatis», 1615), но в конце концов, все последовательней сдвигаться в сторону зрелых размышлений на почве лютеранской ортодоксии. Огромное влияние на зрелого Андреа оказал, видимо, не рукописный вариант «Города солнца» Кампанеллы, как хотелось бы видеть италоцентристским исследователям, а знаменитый труд Иоганна Арндта «Об истинном христианстве» (первое издание 1605 г.), пленивший Андреа глубоким откровением, безукоризненной логикой и внутренней цельностью. Под впечатлением Арндта и под влиянием кропотливой догматической работы в 1619 г. Андреа публикует свой знаменитый трактат об идеальной организации христианского общества. В нем как нельзя лучше отображено единство Церкви и мира всецело на лютеранской основе и мотив строгого изоляционизма, выставлявшего сферу владычества Евангелия единственным островком будущего спасения. Тщательно проработанные детали с головой выдают не только искреннюю надежду на будущее спасение в лоне евангелической догмы, но и отменное знакомство автора с художественными и архитектурными вкусами вюртембергского двора. С 1620 г. служа пастором в местечке Кальв (Calw), Андреа торопился на практике улучшить церковно-административную работу в духе ортодоксальных воззрений, ярко воплотившихся в панегирике своему прославленному деду («Florida Andreana», 1636). В годы войны он разделил горестную долю со своим патроном, следуя за двором Эбергарда III в его эмиграции после 1634 г. По восстановлению мира последние годы свой жизни Андреа, будучи церковным советником и суперинтендантом, всецело отдал восстановлению разрушенных церковных структур, став образцом и символом негибкого религиозного подвижничества.

Старая историография, исключая, пожалуй, лишь краеведение, желала видеть в Андреа протагониста гуманистических воззрений и остроумного мистификатора всецело в духе рационализма XIX в.,

извращая его рукописное наследие. Лишь цикл работ блестящего знатока духовного мира Германии начала нового времени Рихарда ван Дюльмена позволил заново открыть его духовный мир и его «Описание христианского государства». См.: *Andreae J. V. Christianopolis. Originaltext und Übertragung nach D. S. Georgi 1741* / Hrsg. von R. van Dülmen. Stuttgart, 1972; *Dülmen R. van. Die Utopie einer christlichen Gesellschaft, Johann Valentin Andreae (1586–1654)*. Stuttgart, 1978.

Призрак мировой державы, вселенской христианской Империи, призывался интеллектуальной элитой Европы. Чем глубже становилась пропасть религиозного раскола, тем сильнее общество мечтало о единстве. И тем естественней становилась актуализация проблемы самой Империи на немецкой почве.

Характерным было то, что старая, восходившая к «седому» средневековую дискуссия о сущности Империи обрела в век Реформации ясно выраженный национально-политический окрас. Споры разворачивались как бы на *трех уровнях*: Империя и Германия (соотношение национального и универсального), Империя в богословской традиции протестантизма и католицизма и Империя как правовая система отношений между императором и сословиями во взглядах лютеранской, кальвинистской и католической политологии.

Национальный угол зрения по вопросу соотношения *Империи и Германии* имел давние корни. С эпохи Реформации во многом стараниями немецких гуманистов оформилось представление о Священной Римской Империи, основанной на ясно видимом национальном ядре. Оно воплощалось в немецком народе, в «немецкой нации», унаследовавшей лучшие свои добродетели от античных времен. Все более явственным становилось представление о *немецком языке* как главном связующем начале, объединявшем всех немецких подданных имперского престола. Следствием выступало отчетливое сближение понятий Германия и Империя. Немецкий король — неперенный глава всей Империи, немецкое королевство — сердцевина Священной Империи. Современные немецкие историки подчеркивают парадоксальное значение Реформации: вопреки вызванному ею религиозному расколу развитие национального самосознания

не только не приостановилось, но и получило мощный импульс. Старая концепция Л. Ранке о якобы имевшем место «национальном расколе» XVI в. ныне почти совершенно отвергнута. Лютер нашел глубокое сочувствие именно своей апелляцией к «немецким» чинам Священной Империи, к сословиям «немецкой нации». Рождение протестантизма шло в тесной связи с развитием национальной идентификации. С другой стороны, и лидеры католического блока, прежде всего Габсбурги, если и не Карл V, то во всяком случае его младший брат Фердинанд I, прекрасно отдавали себе отчет в важности опоры на «немецкий патриотизм» своих подданных. Избрание Карла на имперский престол в 1519 г. ярко иллюстрировало силу патриотических, национальных чувств лидеров сословного форума — курфюрстов Империи. Обострение религиозного вопроса в 40-х гг., совпавшее с новым витком внешних войн с Францией и турками, вызвало и новую волну национально-ориентированной публицистики. Авторы многочисленных памфлетов не только говорили о важности внутреннего единства «немецкой нации», преодолении религиозного противостояния, но и пытались развить систему национальной идентификации немцев.

Мысль о национальном, промысленном свыше единстве не утратила своей значимости и во второй половине века. Идея *национальной целостности* немецкого королевства играла огромную роль наряду с формулами Аугсбургского мира. В десятилетия водворившегося покоя пропаганда примирения людей разных конфессий, но одной нации, объединенных языком, историческими корнями, укладом жизни, превратилась в важный источник единства Империи как общего для всех сословий Дома. Национальный фактор, щедро прикрашенный сакральной символикой, идеей божественного Промысла, потихоньку становился существенным подспорьем в преодолении кризисов, содействовавшим внутренней консолидации общества. Появилась блистательная плеяда общественных деятелей, подчеркивавших необходимость сохранения внутреннего согласия в «немецкой нации». К их числу следует отнести имперского вице-канцлера в годы правления Фердинанда I и Максими-

лиана II *Георга Зигмунда Зельда* (1516–1563), имперского советника *Иоганна Ульриха Цазия* (1521–1570), начальника имперского налогового ведомства *Захария Гайцкофлера* (1560–1617) и, пожалуй, самого крупного имперского публициста второй половины века *Лазаря фон Швенди* (1522–1584).

Швенди родился в Лаупхайме (Вюртемберг) от мorganатического брака отца-дворянина с горожанкой. В 1524 г. он был легитимирован императором Карлом V. Интеллектуальный кругозор молодого дворянина формировался в Базеле и в Страсбургском университете. Способности его были рано замечены и оценены: в свите императора Швенди в 1546 г. посещает регенсбургский рейхстаг, вслед за чем для него открывается и блестяще военное поприще. В 1547 г. в качестве полковника императорской службы он участвовал в битве при Мюльберге, а в 1552 г. ему было жаловано рыцарское достоинство, звание советника и палатина. Как военачальник он проявил энергию и распорядительность во время осады Магдебурга в 1551–1552 гг., в войне с Францией — при осаде Меца, а позже, после отречения Карла, — на испанской службе в битве при Сен-Кантене. Однако его карьера в Нидерландах довольно быстро завершилась после подписания мира с Францией, после чего он вернулся на службу к Фердинанду I. При Максимилиане II Швенди получил чин генерал-капитана имперских войск в Венгрии, где с успехом действовал против турок. Император в 1568 г. вознаградил его заслуги наследственным баронством фон Хоэнландсберг. Вскоре тем не менее Швенди удался от службы и занялся теоретическим осмыслением военного дела, а также политической публицистикой, пытаясь разработать в своих сочинениях цельный механизм внутреннего и внешнего укрепления имперского здания. Будучи поначалу ревностным католиком, Швенди с годами все более сближался с позицией религиозной толерантности, пропагандируя мысль о необходимости общего «национального» единства на почве имперского патриотизма. В области военного искусства Швенди выделился написанием «Военных рассуждений» («Kriegsdiscurs», закончен в 1575 г.), в сфере же больших политических планов — знаменитой «Памятной запиской», адресованной императору накануне открытия рейхстага в Шпейере в 1570 г. В ней и в последующих его мемориалах выдвигалась идея укрепления институционального единства Империи за счет активной законотворческой работы рейхстага и всемерного поддержания религиозного компромисса между католиками и протестантами. При неизменной инициативе короны рейхстаг как высший форум имперских чинов был бы в состоянии разрабатывать проекты общеимперских структур (формирование единой имперской армии, монетной системы, мер по поддержанию «земского мира» — т. н. «полицейских» уложений). Особо останавливаясь на военной реформе, Швенди указывал на необходимость создания единой системы комплектования имперской армии, находившейся бы под непосред-

ственным началом самого государя. Разработанные им предложения остались, впрочем, лишь на бумаге, поскольку рейхстаг отказался от чересчур смелых нововведений. Деятельность Швенди в старой историографии трактовалась преимущественно сквозь призму национально-государственного начала. Современные историки, высоко оценивая его идеи, помещают их, однако, в специфические координаты имперского патриотизма конфессионального времени. См.: Lazarus Schwendi. Discurs und bedenken. . . (1570) / Hrsg. von M. Lanzinner // Neue Studien zur frühneuzeitlichen Reichsgeschichte / Hrsg. von J. Kunisch. Berlin, 1987. S. 154–185; Niklas Th. Um Macht und Einheit des Reiches. Konzeption und Wirklichkeit der Politik bei Lazarus von Schwendi (1522–1583). Husum, 1995.

Под влиянием наметившейся стабилизации в обществе и идей имперского патриотизма, замешенных на национальном самосознании, происходит дальнейшее сближение понятий Германия и Империя, В публицистике Германия все чаще вытесняла Империю; общественное сознание, хотя и не умерщвляло ленно-правовой и сакральный фундамент Империи, все более, однако, соотносило его с немецким королевством, с землями, где говорили на немецком языке.

Дискуссия по проблемам Империи в богословской мысли протестантских и католических церквей в отличие от национально-ориентированных тенденций несла больший привкус средневекового универсализма. *Католическая традиция*, испытывавшая влияние Эразма (единая церковь, хранимая Императором Священной Империи) и универсалистской доктрины Карла V, видела в главе Священной Римской Империи главного патрона европейского христианства. При всей нестабильности и конфликтах между апостольским престолом и Карлом оба полюса — глава духовной власти и первый монарх Европы — виделись бесспорными партнерами в деле восстановления расколотого христианского мира. Последние сессии Тридентского собора (1561–1563) укрепили представления о главе Священной Империи как главном защитнике принципа папского старшинства в Церкви (папа выше Собора, окончательное низвержение Соборной доктрины) и как поборнике интересов европейского христианства, на плечах которого возлежало тяжкое бремя ответственности за сохранение единой Церкви. Во многом именно следствием подобного подхо-

да стала реставрация средневековой идеологии, видевшей императора, с одной стороны — первым защитником апостольского престола, с другой — главой, венчавшей иерархию европейских монархий в деле защиты веры. Эта последняя сторона получила весьма широкое развитие в общественной публицистике католической Европы и прежде всего в монархической пропаганде Венских и Мадридских Габсбургов. Христианская Европа в представлении имперских апологетов была соткана из монархий, учрежденных Божественной волей и в этом смысле выступавших под началом отдельных «суверенов». Но при том сами эти монархи выстраивались в иерархическом порядке, образуя восходящую лестницу отдельных ступеней, венцом которой представала фигура императора как главы всего европейского христианского мира, являвшегося старшим «сувереном» над прочими. Никто не вправе посягать на «суверенные» права короля Франции в его владениях, но при этом сам король Франции подчинен воле высшего «суверена», хранящего единство Церкви и христианского мира. Естественно, что подобный взгляд выдвигал на передний план идею имперского «центризма»: император — старший монарх Европы, а судьба самой христианской Европы связывается с исходом борьбы с еретиками прежде всего в землях Империи. Немецкое королевство и Священная Империя промыслом Божиим стали местом великих испытаний на прочность Церкви. Ересь, возникающая в землях Империи, должна быть сокрушена прежде всего в этих же землях. В исторической ретроспективе концепцию Империи всецело в духе тридентского католицизма отобразил крупнейший историограф католической Европы *Цезарь Бароний* (1538–1607), автор знаменитых «Церковных анналов от рождения Христова и до 1198 г.».

В вопросах толкования правовых полномочий императора по отношению к имперским чинам наметившиеся после 1555 г. тенденции в целом мало чем отличались от концепций эпохи Максимилиана I. Католические апологеты Габсбургов проводили мысль о монархической структуре самой имперской власти, покоившейся на бесспорном старшинстве императора по отношению к его подданным. На

основе божественной природы Империи и функций ее главы некоторые советники из ближайшего окружения Габсбургов пытались систематизировать правовую взаимосвязь короны и важнейших имперских институтов, прежде всего рейхстага. Л. фон Швенди в своих трактатах последовательно развивал мысль о необходимости активизации роли рейхстага под руководящим началом императора.

В целом, однако, вторая половина XVI в. для Германии еще не знала большого всплеска политологического интереса к Империи под углом зрения католической традиции. Отсутствие крупных разработок объяснялось отчасти самодостаточностью старой концепции Империи, отчасти — требовавшим времени становлением конфессиональной юриспруденции во вновь учрежденных католических университетах и иезуитских колледжах, продукция которых увидела свет преимущественно в начале XVII в., главным образом в виде работ правоведов-иезуитов.

Лютеранская концепция Империи и имперской власти восходила к точке зрения самого Лютера, касавшегося этих вопросов уже в ранних своих произведениях («К христианскому дворянству немецкой нации», 1520 г., «О светской власти, в каковой мере должно ей повиноваться», 1523 г.). Для Лютера незыблемость самой Империи как результата божественной воли была очевидной, ибо выводилась из Библии, в которой, согласно видению пророка Даниила, четвертой по счету мировой монархии уготована участь быть последней, до скончания мира. Потому ни у Лютера, ни позже в традициях лютеранской ортодоксии мы не наблюдаем проблематизации самой природы Империи. Важнее для реформатора было разобрать вопрос о прерогативах «высшей власти» и обязанности подданных. Здесь Лютер опирался на учение апостола Павла о дуализме небесного и земного (концепция двух царств); он посвятил этому вопросу свое главное в данном случае произведение: вышеуказанный трактат «О светской власти». Сочинение было представлено в виде ответа саксонским советникам, следует ли курфюрсту и в какой мере оказывать сопротивление имперскому престолу в случае исхождения от него угрозы для евангелической конфессии. Лютер заключает, что

высшей власти в этом мире следует быть покорным всегда и при любых обстоятельствах. Обязанности господина, князя и императора завещаны Всевышним, их реализация обеспечивает мир среди подданных. Все действия, иницилируемые «высшей властью», должны иметь конечной целью утверждение мира. Лютерово понимание мира несколько преодолевало средневековый взгляд (мир лишь в отношении человека с Богом), распространяясь на состояние общественной иерархии. Под таким углом зрения противодействие «высшей власти» в земных делах, естественно, рассматривалось тягчайшим преступлением против божественного мироустройства. Но сам государь, не будучи персоной священной, лишь один из верующих, души которых принадлежат Богу, а не ему. Потому Лютер допускал одну важную оговорку: если господин не следует божественным заповедям и покушается на свободу веры своих подданных, то он узурпирует полномочия, принадлежавшие только одному Всевышнему. Узурпация есть акт тирании, и сам государь становится, таким образом, тираном. В этом случае он «уходит из-под Бога» и превращается лишь в частную персону, расторгая и свои обязательства перед подданными. Здесь император становится не императором под Богом, а лишь частным лицом, против которого можно протестовать. Но ни в 1523 г., ни позже Лютер не подразумевал под протестом вооруженное сопротивление императору-тирану, хотя историки (Э. Вольгаст и З. Хойер) неоднократно пытались дифференцировать высказывания Лютера на этот счет. Даже в экстремальной политической ситуации 1539 г. во время переговоров с членами Шмалькальденского союза Лютер, комментируя отрывки из Матфеева Евангелия, прямо указывал, что в случае преследования императором в вопросах совести подданный должен «все оставить и бежать». Эмиграция и вынужденный уход из-под юстиции «высшей власти» виделись Лютеру самыми экстремальными формами протеста. Лишь против папства оправдывается любая форма сопротивления, но папство не есть высшая власть, а власть антихристова, надлежащая быть низвергнутой уже на земле.

Лютеранский взгляд в основных своих пунктах сбли-

жался с традиционной католической точкой зрения, исключая лишь положение о священстве императора, игравшее в сознании лютеран скорее символическую, нежели практическую роль (император священен не как персона Церкви, но лишь как имеющий полномочия от Бога, как правитель Богом же установленной четвертой Империи). Тем самым легитимировалась и монархическая конструкция Империи, в пределах которой император выступал узаконенным главой иерархии подданных благодаря божественной санкции, что обуславливало неприкосновенность прав короны.

Лютеранская *историко-философская* публицистика второй половины XVI в. представляла прошлую и текущую историю Империи в неизменном созвучии с тезисами Лютера. Уроженец Страсбурга Иоганн *Слейдан* (1505–1556) отважился создать первый исторический компендиум Реформации («Состояние религии и государства в правление императора Карла V», 1552 г.). Характерно, что в его представлении Реформация не столько образует шаг в новый мир, сколько выступает логическим продолжением предшествовавшей истории. Империя предстает базовой константой европейского христианства, внутренне преобразаясь откровением, дарованным свыше Мартину Лютеру. Император Карл лишь соблазняется к противоправным деяниям посредством заблуждений папистской веры и своим католическим окружением, выступая в своем статусе и полномочиях вполне легитимной персоной. Шмалькальденская война в глазах И. Слейдана — лишь вынужденная защита имперских евангелических чинов от «папистов» и «антихристов Рима», посягнувших на свободу исповедания «чистого учения». Князья действуют во благо Империи, а не против полномочий имперской власти. Они защищают Евангелие, не покушаясь на прерогативы короны, а, напротив, приводя в соответствие намерения императора с его полномочиями. Правовед и историк, один из заседателей имперского камерального суда *Симон Шард* (1535–1572) продолжил мысли в этом же направлении на страницах своей «Истории правления императора Фердинанда I и Максимилиана II», изданной в 1564 г. Задумав свое сочинение как продолжение работы И. Слейдана, он видел в

современной для него истории Империи прежде всего прогрессирующее развитие евангелической Реформации, не исключавшее лояльность короне со стороны протестантских чинов и саму монархическую концепцию Империи. В свою очередь, *Матфей Флаций* в знаменитых «Магдебургских Центуриях» (1563–1574), первом капитальном труде по истории церкви, выполненном с лютеранской точки зрения, легитимировал Империю в исторической ретроспекции. Тема четвертой, последней и нерушимой Империи получила широкое распространение в трудах многих лютеранских публицистов на исходе XVI в. Общим местом в их сочинениях становилась мысль о неизбежной победе св. Евангелия не только в отдельных землях, но и в границах всей Империи, что должно было означать и триумф лютеранского универсализма. Возникала мистическая иллюзия единой и мировой протестантской Империи на последней предвечной фазе существования мира. Отсюда — необычайно спокойное восприятие католиков-императоров на престоле Империи. Католики Габсбурги — лишь временное препятствие на пути евангелического триумфа в масштабах Империи. Рано или поздно престол перейдет к носителям евангелической веры. Любые же попытки насильственно осуществить перемены на троне — в конце концов только покушение на правовой статус Богом установленной Империи.

Параллельно с историко-философским направлением шло формирование *политико-правовой* традиции немецкого лютеранства, в рамках которой более детальными становились воззрения ученых-юристов на правовую структуру Империи и функции ее главы. Связано это было прежде всего с начавшимся в XVI в. процессом систематизации публичного права в Германии, который резко стимулировался условиями конфессионального времени, требовавшего подвести ясную правовую основу под возникшие церковно-территориальные структуры в их взаимосвязи с имперской конструкцией. Следствием стало развитие *аристотелевской политологии* в крупнейших университетах протестантской Германии (Тюбинген, Виттенберг, Гиссен). Наиболее полно правовая легитимация Империи предстала в трудах гессенского юриста *Готтфрида Антония* (1571–

1618), первого канцлера основанного в 1607 г. стараниями ландграфа Гессен-Дармштадтского Людвига V Гиссенского университета. В своих трудах Г. Антоний последовательно проводил мысль о нерушимости не только самой Империи, но и монархических prerogativ императора, власть которого основана не на договорном праве монарха с имперскими сословиями, а на Богом установленном старшинстве. В соответствии с этим император должен считаться бесспорным верховным сюзереном всех имперских князей, территориальная самостоятельность которых всегда ограничена верховными правами короны. Империя выступала не федерацией автономных субъектов, а цельной правовой величиной, имевшей легитимного и бесспорного главу. Точка зрения Г. Антония получила последовательное развитие в трудах юристов гиссенской школы, прежде всего *Дитриха Райнжинга* (1590–1664). «Их воззрения едва ли в чем-либо отличались от мнения католической публицистики в вопросах достоинства, священства, старшинства и силы Империи» [Zeeden, ZG. S. 189].

Реформатская (кальвинистская) политико-правовая традиция сравнительно поздно оформилась в Германии. Связано это было, с одной стороны, с неустойчивыми позициями «филлипизма» в середине XVI в., нашедшего уже в первом поколении общий язык с ортодоксией (Формула Согласия 1577 г.), и с другой — с завуалированной в высшей степени диффузией кальвинизма во второй половине века, обретавшего легитимность лишь на правах «родственных членов Аугсбургской Конфессии» и избегавшего, по крайней мере при дворах и крупнейших университетах реформатских князей, сколько-нибудь явных юридических атак на традиционную концепцию Империи, во всяком случае резко отличную от лютеранской. Лишь самой общей предпосылкой подобных ревизий мы могли бы выставить воззрения *Меланхтона*, высказанные в некоторых его историко-философских работах, содержащих провиденциалистский акцент Меланхтон уже при жизни Лютера иначе трактовал возможность сопротивления высшей власти исходя из естественного права, в более широком смысле — из положений Аристотеля.

Однако лишь на рубеже XVI-XVII вв. мы видим более заметные подвижки, связанные с публичным утверждением кальвинизма в целом ряде немецких территорий и создании первых крупных учебных заведений под патронажем реформатских князей. Здесь прежде всего выделялся университет в *Херборне* с целой плеядой блестящих ученых-правоведов. Но последовательное концептуальное переосмысление имперской доктрины нашло свое выражение в трудах крупнейшего апологета кальвинизма кануна Тридцатилетней войны — *Иоганна Альтузия* (1557–1638).

Альтузий родился в местечке Диденхаузен в графстве Виттгенштейн. О его юных гг. известно очень мало. Мы знаем только, что он учился на философском факультете в Кёльне, потом с 1583 г. — в Базеле, где оказался под влиянием тамошних гуманистов, центром которых был Дом Амербахов. В 1586 г. в Женеве молодой и подающий большие надежды юрист изучал Юстинианов корпус, потом вернулся в Базель и там же получил степень доктора права. Швейцарские годы жизни кажутся решающими, поскольку именно тогда Альтузий впервые знакомится и попадает под влияние идей французских кальвинистов. Среди всех прочих особенно большое впечатление на него произвели труды Пьера де Ла Раме (Petrus Ramus, 1515–1571). Из Швейцарии Альтузий направился по приглашению в Херборн, в только что основанный графом Нассау университет, ставший вскоре настоящим интеллектуальным центром немецкого кальвинизма. Там он быстро выдвинулся на педагогическом поприще, став в 1588 г. ординарным профессором, а спустя год — и княжеским советником. Слава о нем побудила графов Бентхайма пригласить его в учрежденную ими гимназию в Штайнфурт, в работе которой Альтузий принимал участие вплоть до 1594 г., когда он вернулся назад. Кроме того, Альтузий оказывал помощь своим нассауским патронам в организации знаменитой военной академии в Зигене. В Херборне он написал свои главные работы: «Римская юриспруденция» и «Политика» («*Politice metodica digesta et exemplis sacris et profanis illustrata*»). В 1604 г. ученый перебрался в Эмден, ставший с тех пор для него родным городом вплоть до смерти. Будучи синдиком при городском совете, он занимался большой практической работой, в том числе по урегулированию старого конфликта города с графом Восточной Фрисландии.

В своем центральном сочинении «Политика» (первое издание — 1603 г.) Альтузий блестяще продемонстрировал свой научный метод, основанный на аристотелевской логике и принципе научной дедукции. Отталкиваясь от библейской традиции, ученый полагал ядром всех общественных сообществ договорную основу — начиная от семьи и заканчивая государством. Договорной принцип обеспечивает удовлетворение интересов большинства членов общества, он заведен Богом. Сама же община — выразитель божественного закона, в

ней пресуществлена божественная воля. В этом смысле она выступала, согласно Альтузию, носителем высшего «суверенитета». Но этот «суверенитет» еще не основанна светских воззрениях. Имея сакральное начало, община руководилась церковными структурами, соединявшими в себе и государственные и духовные функции. Политика у Альтузия еще не отделена от веры. Тем не менее Альтузий решительнее прочих своих современников в Германии развивал мысль о договорной основе любой монархической власти, включая имперскую. Монарх лишь тогда приобретает легитимную почву, когда соблюдает традиционные права своих подданных, превращаясь тем самым не столько в «суверенного» главу Империи, сколько в выразителя «общинной» воли имперских чинов. Империя, по Альтузию, — не изначально сакральная величина, но лишь результат суверенной воли князей, основанной на абсолютном приоритете общинных интересов, что определяло, таким образом, не монархическую, а федеративную основу всей имперской организации. Любые попытки имперского престола дистанцироваться от обязательств перед сословными чинами (т. е. перед общиной) превращали императора в тирана, что влекло освобождение его подданных от верности короне.

Сочинения этого бесспорно крупнейшего интерпретатора кальвинизма в Германии оказали мощное влияние на идеологию и политику реформатских князей в Тридцатилетнюю войну. Забытое в последующие столетия имя Альтузия было заново открыто лишь стараниями Отто фон Гирке, в конце XIX в. написавшего о нем первую большую работу. О. Гирке склонен был видеть в идеях Альтузия прямую предтечу концепции народного представительства Нового времени. Современные исследователи в большей мере отмечают традиционные мотивы в его «Политике». Указатель литературы об Альтузии: *Althusius-Bibliographie / Hrsg. von H. U. Scupin, U. Scheuner. Bd 1–2. 1973.*

Во второй половине XVI в. фактор Империи в общественном сознании Европы и Германии отнюдь не являл сугубо антикварный интерес. Напротив, первые итоги немецкой и европейской Реформации весьма наглядно убеждали сторонников враждебных конфессий не только в необходимости чисто символической ориентации на Империю, но и во вполне актуальном его осмыслении применимо к собственным конфессиональным доктринам. Притязания вновь формирующихся конфессий на универсальность, исключительность предполагали органичную взаимосвязь со структурами светской власти, где Империя выступала базовым, «извечным» элементом христианского универсума. Тяга к единству на почве универсальной конфес-

сии пересиливала «рационализм» автономного развития.

В свою очередь, патристические мотивы, замешенные на чувстве национальной общности, в своеобразной форме укрепляли представление о необходимости поддержания здания Империи Германии, в лоне которой находила прибежище «немецкая нация». Бесспорно, религиозное мировоззрение все еще поглощало более приземленные национальные ориентиры, во многом также окрашенные в провиденциалистские тона. Но сплав религиозных концепций с первыми элементами национальной почвенности являл собой мощный «имперскообразующий» фактор.

ИСТОЧНИКИ

1. *Luther M.* An den christlichen Adel deutscher Nation // Flugschriften der Frühen Reformationsbewegung / Hrsg. von A. Laube. Bd 2. Berlin, 1983. S. 631–693.
2. *Luther M.* Von weltlicher Obrigkeit // Ibid. S. 830–864.
3. *Schardius S.* Scriptores rerum germanicarum. Basilia, 1573.
4. *Antonius G.* Disputatio apologetica de potestate imperatores legibus soluta. Giessen, 1608.
5. *Reinking Th.* Tractatus de regimine seculari et ecclesiastico. Giessen, 1619.
6. *Althusius J.* Politica metodice digesta. Herborn, 1603.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Hammerstein N.* «Imperium romanum cum omnibus suis qualitatibus ad Germanos est translatum». Das vierte Weltreich in der Lehre der Reichsjuristen // ZHF, Beih.3, 1987.
2. *Hoyer S.* Bemerkungen zu Luthers Auffassung über das Widerstandsrecht der Ständen gegen den Kaiser (1539) // Martin Luther. Leben. Werk. Wirkung / Hrsg. von G. Vogler. Berlin, 1983.
3. Politische Theorie des Johannes Althusius / Hrsg. von K. W. Dam, W. Krawietz, D. Wydukil. Berlin, 1988.
4. *Quaritsch H.* Staat und Souveränität. Bd 1. Grundlagen. Frankfurt am Main, 1970.
5. Staatslehre der Frühen Neuzeit / Hrsg. von N. Hammerstein. Frankfurt am Main, 1995.
6. *Stolleis M.* Staatsdenkern 17. und 18. Jahrhundert. 2. Aufl. Frankfurt am Main, 1987.
7. *Stolleis M.* Arcana imperii und Ratio Status. Bemerkungen zur politischen Theorie des frühen 17. Jahrhunderts. Göttingen, 1980.
8. *Winters P. J.* Die «Politik» des Johannes Althusius und ihre zeitgenössischen Quellen. Freiburg im Breisgau, 1963.

9. *Wolf E.* Grosse Rechtsdenker der deutschen Geistesgeschichte. Tübingen, 1939.

10. *Wolgast E.* Die Wittenberger Theologie und die Politik der evangelischen Stände. Gütersloh, 1977.

§ 2. ВНЕШНЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИМПЕРИИ: ОТ ОТРЕЧЕНИЯ КАРЛА V И ДО «ДОЛГОЙ ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ» РУДОЛЬФА II

Немецкие историки XX в. склонны двояко толковать внешнюю политику Священной Римской Империи после 1555 г. Одни — преимущественно сторонники старого национал-либерального направления — полагают, что последующие за Аугсбургским миром десятилетия стали проигрышными на внешнеполитическом фронте. Габсбурги вплоть до начала Тридцатилетней войны предпочитали изоляцию, отказ от активного вмешательства в текущие европейские события. Следствием стала утрата некоторых имперских земель и рост внешнеполитической активности католических и протестантских князей, восполнявших вакуум имперской инициативы. В мрачных красках рисовалась картина *Евгению Дольманну*: «В своем воздействии на будущее развитие Империи он (т. е. Аугсбургский мир. — *А. Л.*) со своим урегулированием религиозных вопросов не только отрицал ясность, безопасность и прочность внутреннего положения, но и привнес невиданное усложнение проблем внешней политики... Невозможность вмешательства со стороны Империи в дела Европы без риска одновременного обострения тяжелого внутреннего конфликта, что было засвидетельствовано в отношении французских смут, должна была развить безучастность нации ко внешней политике до той степени, которая была бы равнозначна полному отказу от нее» [4. С. 31]. Исследователи последних лет, напротив, рассматривают дипломатическую деятельность императоров Аугсбургского мира в тесной увязке с наступившей фазой внутриимперской стабилизации. По их мнению, осторожная политика немецких Габсбургов в Европе после 1555 г., столь резко отличавшаяся от нарочито

универсалистских амбиций Карла V, способствовала утверждению мира и социального покоя внутри Империи. Она была более прагматичной и была призвана решать лишь самые неотложные вопросы, избавляя истощенный организм от ненужного балласта далеких проблем. *Альфред Колер* пишет: «Новая ситуация заключалась прежде всего в том, что Империя оказалась в исключительно спокойном положении. Современникам это казалось тем ценней, чем дольше и ожесточенней становились религиозные и сословные конфликты во Франции и Нидерландах» [7. S. 22].

Структура внешних позиций Империи определялась ее владениями. Как и столетия назад, в эпоху глубокого средневековья, помимо собственно земель немецкого королевства границы Империи включали в себя земли со статусом только лишь имперских ленов. На западе — почти все исторические Нидерланды, включая Фландрию и Брабант, на юге в Италии — Тоскана, Парма, Мантуя и большая часть Ломбардии (то был весьма важный анклав, выступавший проводником имперских интересов в Италии еще со времен Штауфенов). Швейцария практически выбыла из сферы непосредственной имперской юстиции в конце XV в., но итальянские владения Империи по-прежнему фланкировались на востоке тирольским коридором, входившим в состав наследственных земель, а на западе — Эльзасом и имперской Бургундией, связывавшими Италию с имперскими ленами в Нидерландах. На северо-западе имперскому престолу на правах непосредственного лена принадлежали владения Ордена в Прибалтике. Переход в евангелическую конфессию гроссмайстера марианского Ордена Альбрехта Бранденбургского в 1525 г. и секуляризация прусских владений Ордена не были признаны папой и императором, поэтому прочие земли Ордена, расположенные между Неманом и балтийским побережьем (Эст-ляндия, Курляндия, Лифляндия), продолжали существовать на правах *ливонского ландмайстерства*. На юго-востоке границы Империи, местами весьма расплывчато, пролегали через трансильванское нагорье, соседствуя с землями вассалов Порты. Здесь Империи на правах королевства принадлежала Западная Венгрия с центром в Прессбурге, а южнее и за-

паднее — хорватские анклав, расположенные к югу от Савы. Северные границы Империи накладывались на рубежи немецкого королевства вдоль балтийского побережья и в южном секторе Ютландского полуострова.

Вторая половина XVI в. ознаменовала утрату имперских владений в удаленных зонах и, напротив, содействовала более четкой прорисовке границ вблизи наследственных земель Габсбургов, в центральных европейских секторах Империи. Три фактора играли здесь решающую роль: наследие Карла V в Нидерландах и Италии, борьба за Прибалтику между Россией и северными державами на северо-востоке и противостояние с Портой в Венгрии и Трансильвании.

На западе позиции определялись династическим разделом между Венской и Мадридской линиями Габсбургов, зафиксированным *Бургундским договором 1548 г.*, отказом старшего сына императора Филиппа, будущего короля Испании, от имперской короны в пользу своего дяди Фердинанда, младшего брата Карла V в 1551 г. и, наконец, отречением самого Карла в 1556 г. Нидерландские лены Империи и имперская Бургундия отходили к испанской короне, перешедшей теперь к Филиппу. Империя сохраняла лишь правовой патронаж над этими территориями. Подготовка раздела, весьма долгая и сложная, сопровождалась острыми коллизиями в Доме Габсбургов, особенно ярко проявившимися в конфликте между Фердинандом, сыном его Максимилианом, будущим императором, и наследником испанского престола Филиппом по вопросу имперского престолонаследия. Тем не менее осуществление раздела влекло стабилизацию западных рубежей Империи, поскольку новый император Фердинанд I (1556–1564) поспешил выйти из войны с Францией. В 1556 г. было заключено мирное соглашение с Генрихом II Валуа, означавшее выход Империи из тянувшихся свыше полувека Итальянских войн. Империя признавала французскую протекцию над городами и епископствами Лотарингией, Мецом, Тулем и Верденом, статус которых вызывал споры и до начала Итальянских войн, но реально не отдала Франции ни одного своего лена, в том числе и в Италии. К тому же каскад тяже-

лых военных поражений Франции на завершающем этапе Итальянских войн исключал возможность скорого возобновления французских притязаний. Противостояние Франции и Испании закончилось ужасающим разгромом французов у Сен-Кантена и подписанием мира в *Като-Камбрези* в 1559 г. Условия его были равнозначны отказу Валуа от всего того, что они мечтали получить в Нидерландах и Италии. К тому же открывшийся вскоре затем затяжной религиозный конфликт в самой Франции (гугенотские войны) почти на полвека исключил ее из числа активных европейских соперников Габсбургов.

Не столь радужными рисовались, однако, отношения самих родственных держав — *Испании* и *Империи* — в секторе *Нидерландов*. Главной проблемой здесь становилось развернувшееся в конце 60-х гг. широкое движение против испанского владычества. Репрессии Мадрида затронули статус и религиозные интересы местного дворянства, многие представители которого сохраняли имперское подданство, прежде всего семья графов Нассау. Они находили прибежище в своих имперских ленах. В свою очередь, часть имперского княжеского форума, считая испанские преследования покушением на имперский статус своих единоверцев, оказывала им весьма деятельную поддержку. Солидарность с ними проявили прежде всего кальвинистское дворянство рейнского левобережья во главе с графами фон Эрбах, курфюрст Пфальцский Фридрих III (1559–1576) и родственный ему Дом Пфальц-Зиммерн. Гейдельбергский курфюрст разрешил вербовать на своих землях войска в поддержку Вильгельма Нассау-Оранского и участвовать своим подданным в кампаниях с испанцами. Кроме того, имперские кальвинистские князья оказывали вооруженную поддержку французским гугенотам. Еще в 60-е гг. вожди французских кальвинистов Калиньи и Конде систематически получали вспомогательные силы с территорий Пфальца, Гессена, Бадена и Вюртемберга. Император Максимилиан II, и без того сочувственно относившейся к протестантам в Империи, требовал от Филиппа смягчить преследование иноверцев, справедливо полагая, что напряженность в Нидерландах может разрушить мир внутри импе-

рии. Пиком напряженности стали события 1574 г., когда в неудачной для нидерландцев битве близ местечка *Мок* в Гельдерне погиб один из сыновей курфюрста Пфальцского и три нассауских графа, сражавшихся в войсках Генеральных Штатов. Имперские сословия, заявляя о своей общей позиции невмешательства, тем не менее потребовали от испанской короны приостановить вооруженную борьбу с мятежниками и наладить мирный процесс. Последовавшая вскоре кончина пфальцского курфюрста, восшествие на имперский престол в большей степени подверженного испанскому влиянию Рудольфа II, наконец, парализовало испанских институтов в Северных Нидерландах вследствие образования Утрехтского альянса в 1579 г., протектором которого стал имперский граф Вильгельм Молчаливый, а затем его сын Мориц Нассау-Оранский (1585–1625), несколько разрядили атмосферу.

Силы Испании все более угасали, несмотря на редкие отчаянные рывки, в то время как северным провинциям удалось конституироваться в весьма прочную военно-политическую структуру. Вооруженное противостояние было локализовано преимущественно в южном секторе Нидерландов и не затрагивало напрямую владения имперских князей. Угроза имперскому миру пришла с северо-запада вновь лишь в конце 90-х гг., когда испанские войска, намеревавшиеся кружным путем пробиться в Гельдерн, вторглись в герцогство Юлих-Берг. Но эти события совпали с уже более глубоким и обширным кризисом всей имперской организации, о чем речь пойдет ниже.

Новый фактор Республики Соединенных Провинций оказывал двоякое влияние на имперскую политику. С одной стороны, близость Нидерландов усиливала радикализм западнонемецких протестантов, содействовала дальнейшим территориальным успехам Реформации на нижнем Рейне, прежде всего в Пфальце. С другой же — опасность со стороны Нидерландов могла использоваться в Вене как аргумент в пользу выгодного компромисса с испанской короной. В целом к началу XVII в. нидерландский вопрос скорее содействовал, нежели тормозил развитие партнерства имперской и испанской короны.

Озабоченность в глазах Вены вызывали и отношения с Испанией на *итальянской почве*. Источником разногласий здесь были споры вокруг имперских ленов, не раз грозившие перерасти в серьезный конфликт. Фердинанд I и наследник его Максимилиан II (1564–1576) прекрасно осознавали значение «гибеллинского наследия». Однако вынужденные сосредоточиться прежде всего на задачах поддержания внутреннего мира после 1555 г. и занятые защитой своих австрийских владений от давления Порты, императоры должны были мириться с испанской экспансией. Уже в ближайшие годы после раздела Филипп начал решительно вмешиваться в североитальянские владения Империи. Целью испанской политики было обезопасить Милан, закрепленный согласно миру в Като-Камбрези за Испанией на правах генерал-губернаторства. Мадрид стремился создать территориальный мост, связывавший Милан с главным блоком испанских владений в южной Италии. Следствием стали притязания на владения соседей — Савою, Геную, Флоренцию и Мантую, находившиеся большей частью под ленным патронажем Империи. Споры переросли в довольно серьезный конфликт, апогеем которого стал захват испанцами маркграфства Финале в 1571 г. Максимилиан II был вынужден ограничиться лишь бурными протестами. Кроме того, в 1569 г. папа Пий V признал Козимо Медичи великим герцогом Тосканским, хозяином владений, исстари находившихся под ленной протекцией Империи. Лишь после долгих споров императору удалось восстановить ленную зависимость новоявленного герцогства. Восшествие на престол Рудольфа II (1576–1612), в большей степени ориентированного на испанские монархические традиции, несколько погасило накал противоречий. Однако после воцарения в 1598 г. в Испании Филиппа III споры возобновились вновь. Филипп, продолжая начатый отцом курс, стремился закрепить на Лигурийском побережье, а также владеть важной в стратегическом отношении тосканской морской крепостью Пьембино. Венские Габсбурги чувствовали себя глубоко уязвленными политикой ближайших родственников на юге, и только накануне Тридцатилетней войны, в условиях резкого осложнения — и внутреннего и

внешнего, Вене удалось добиться от Мадрида окончательного признания имперских ленов в Италии, за исключением Финале, Пьембино и Мальградо, отошедших теперь к испанской короне.

Если на западе и на юге Империя, пусть и в ограниченном виде, но сумела зафиксировать свое присутствие, то на северо-востоке в *Прибалтике* ей пришлось поступиться самым дальним своим анклавом. В 1558 г. вторжение русских в Эстляндию ознаменовало начало *Ливонской войны* (1558–583). Она имела катастрофические последствия для Немецкого Ордена и стала тяжелым испытанием для неокрепшей евангелической церкви в Прибалтике. Раздираемый внутренними конфликтами между епископством Рижским и ландмайстером, светскими и духовными чинами, Орден оказался не способен парировать удар. Последний ландмайстер Ливонии Готтхард Кеттлер (1559–1561), питавший симпатии к лютеранству, не смог объединить условия для борьбы с московской агрессией. Посольство Ордена тщетно добивалось поддержки в Империи. Габсбурги и рейхстаг не чувствовали себя в силах помочь далекой Прибалтике, дело ограничилось лишь широкой публицистической пропагандой, живописавшей русский террор. В 1561 г. Орден распался: Кеттлер отдался под протекцию польской короны и Великого княжества Литовского (с 1569 — Речь Посполитая), получив ленные права на Курляндское герцогство (Дом Кеттлеров, 1561–1737) с гарантиями прав евангелической церкви в Курляндии и свободы вероисповедания для подданных. Лифляндия к югу от Вайссенштейна (Пайде) и Пернова (Пярну) непосредственно вошла в состав польско-литовского государства, образовав т. н. польские «Инфлянты», состоявшие из трех воеводств: перновского, дерптского и венденского. Лишь город и архиепископство Рига на двадцать лет сохранили независимое положение, но в 1581 г. и они признали верховную власть Речи Посполитой. Эстляндия (земли Аллентакен, Вик, Вирланд, Йерве, Хариен с центром в Ревеле), а также часть архипелага отошли к шведской короне, а остров Эзель оказался во власти Дании. После многолетней борьбы русские были изгнаны сперва из Лифляндии (1578), а

затем и из Эстляндии (1581–1582), но Прибалтика не возвратилась под державный скипетр Империи. Победителями в войне стали Речь Посполитая и Швеция, поделившие между собой старые орденские земли. Война сопровождалась небывалыми опустошениями и кровавыми потерями, оставившими глубокий след в истории прибалтийских земель.

В отношении *Польши (Речи Посполитой)* Империя демонстрировала свой интерес лишь в форме двух попыток (1574 и 1586 гг.) посадить на королевский престол Габсбургов, оба раза — безрезультатно, причем Вене пришлось считаться с избранием после бегства из Польши Генриха Валуа трансильванского магната Стефана Батория (1575–1586), вассала Порты, выступавшего за компромисс европейских держав с Турцией и оттого едва ли надежного партнера для Габсбургов. Впрочем, победа на выборах 1586 г. шведского католика Сигизмунда (Сигизмунд III, 1587–1632) восстанавливала «незримый» блок Империи и Польши в общем противостоянии турецкой экспансии.

Несравненно более важным для Габсбургов был юго-восточный узел, где приходилось решать трудную задачу защиты западной Венгрии и наследственных земель от *турецкого давления*. Исходным пунктом для Фердинанда I были итоги борьбы его брата, зафиксированные в мирных соглашениях с Портой в середине 40-х гг. В 1562 г. было заключено новое перемирие на несколько лет на условиях отчисления Турцией 30 000 флоринов ежегодной дани. Полученная передышка оказалась, впрочем, весьма недолгой. В Трансильвании усилились позиции местной знати во главе с Яном II Заполя, желавшим расширить свои владения за счет соседних венгерских и словацких территорий, бывших под властью Империи. Сделавшись к концу 50-х гг. лидером Трансильвании и одновременно противником Порты, Заполя и его наследники организовали в 1564 г. мощное военное вторжение в глубь имперских владений. Завязалась изнурительная борьба, потребовавшая огромного напряжения сил. В конце концов удар был отражен, а вслед за тем императорские войска сами оказались в Трансильвании. Это, в свою очередь, привело к окончательному разры-

ву с Портой и к возобновлению войны. Крупные турецкие силы во главе с самим султаном Сулейманом оказались в западной Венгрии, угрожая сердцевине наследственных земель. В Вене вторично после 1529 г. думали об эвакуации столицы. Но успехи турок были остановлены под стенами Сьгеда, в лагере у которого нашел свою смерть и сам Сулейман. Приемник его Селим, не чувствуя себя связанным многолетней борьбой отца, счел возможным пойти в 1568 г. на перемирие сроком на восемь лет взамен уплаты ежегодной дани в прежних размерах. Это соглашение в дальнейшем возобновлялось вплоть до 1593 г., когда Рудольф II решился начать новую большую войну, призванную кардинально изменить ситуацию в Среднем Дунае в пользу Империи.

В сравнении с эпохой Карла V вторая половина XVI в. оказалась, бесспорно, менее динамичной и менее обременительной для внешних отношений Империи. Конечно, с известной натяжкой, но можно было бы сказать, что она в целом «отдыхала» от чудовищного перенапряжения сил предшествовавших лет. Позитивные следствия «отдыха» выражались уже в том, что императоры «Аугсбургского мира» получали возможность заниматься принципиально более важными внутренними проблемами, стабилизировать отношения в сословном обществе и поддерживать правовую структуру, рожденную в 1555 г. Исчезла опасность многолетних конфликтов на западе с Францией, равно как нежелательное и для Мадрида, и для Вены французское присутствие в Италии. Медленно, но формировались приоритетные зоны в отношениях с Испанией, не нарушавшие базовых принципов партнерства двух великих католических держав. Наконец, Империя оказалась в состоянии поддерживать относительный покой на границах с Турцией. Прибалтика навсегда ушла от Империи, однако в свете задач, решаемых императорами конфессиональной эпохи, ливонская тематика рисковала быть скорее балластом, нежели выгодой и для престола, и для сословий в целом. Империя освобождалась от лишнего груза, развязывая себе руки на гораздо более важных направлениях.

ИСТОЧНИКИ

1. Die Korrespondenz Ferdinands I. Bd 1–3 / Hrsg. von W. Bauer et al. Wien, 1912–1984.
2. Die Korrespondenz Maximilians II. Bd 1–2 (1564–1567) / Hrsg. von V. Bibl. Wien, 1916–1921.
3. Deutsche Reichstagsakten. Reichsversammlungen 1556–1662. Der Reichstag zu Speier 1570 / Hrsg. von M. Lanzinner. Göttingen, 1980.
4. Neue und vollständigere Sammlung der Reichs-Abschiede / Hrsg. von H. C. Senckenberg. Tl. I–IV. Frankfurt, 1747.
5. Die Schreiben Suleymans des Prachtigen an Karl V., Ferdinand I und Maximilian II / Hrsg. von A. Schaendlinger. Wien, 1983.
6. Urkunden und Aktenstücke des Reichsarchivs Wien zur reichsrechtlichen Stellung des Burgundischen Kreises. Bd 1–3 / Hrsg. von R. von Lacroix, L. Gross. Wien, 1944–1945.

ЛИТЕРАТУРА

1. Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI–XVII вв. Т. I. СПб., 1893.
2. Aretin K. O. von. Reichsitalien von Karl V. bis zum Ende des Alten Reiches. Die Lehnordnungen in Italien und ihre Auswirkungen auf die europäische Politik // Idem. Das Reich. Friedensgarantie und europäisches Gleichgewicht 1648–1806. Stuttgart, 1986. S. 76–163.
3. Chudoba B. Spain and the Empire 1519–1643. Chicago, 1952.
4. Dollmann E. Die Probleme der Reichspolitik in den Zeiten der Gegenreformation und die politischen Denkschriften des Lazarus von Schwendi. Ansbach, 1927.
5. Donnert E. Der livländische Ordenritterstaat und Russland. Die Livländische Krieg und die baltische Frage in der europäischen Politik 1558–1583. Berlin, 1963.
6. Edelmayer F. Maximilian II, Philipp II und Reichsitalien. Die Auseinandersetzungen um das Reichslehen Finale in Ligurien. Stuttgart, 1988.
7. Kohler A. Das Reich im Kampf um die Hegemonie in Europa 1521–1648. München, 1990.
8. Platzhoff W. Frankreich und die deutsche Protestanten in den Jahren 1570–1573. München; Berlin, 1912.
9. Ritter, DG. Bd 1–2.

§ 3. СОСЛОВНОЕ ОБЩЕСТВО

1. Аугсбургский религиозный мир и его значение

Аугсбургский религиозный мир был заключен 25 сентября 1555 г., увенчав собой длительные и очень напряженные прения на имперском рейхстаге, заседавшем в Аугсбур-

ге с 5 февраля — со дня чтения имперской препозиции. Итоговый проект по результатам куриальных дискуссий был готов лишь спустя несколько месяцев — 21 июня, а непосредственное соглашение по статьям религиозного мира последовало 21 сентября. Текст соглашения был скреплен печатями имперских сословий и короля Фердинанда I, имевшего полномочия на открытие рейхстага и ведение переговоров от имени своего брата императора Карла, который, впрочем, отказался лично присутствовать на рейхстаге. Печать императора не появилась под текстом соглашения вообще ввиду заявленного Карлом 19 сентября в Брюсселе отречения от имперского престола. Король не информировал об этом рейхстаг, и юридическая сила соглашений могла в полном объеме вступить в силу лишь после формального сложения Карлом своих полномочий в 1556 г. и избрания Фердинанда германо-римским императором.

Каковы важнейшие положения этого документа?

1. Прежде всего, сама концепция договора лежала в русле всемерного поддержания *«земского мира»* в границах Империи. В этом смысле Аугсбургский мир выступал прямым продолжением и развитием *«земского мира»*, учрежденного на Вормском реформационном рейхстаге 1495 г. и возведенного тогда в ранг имперского закона. Легитимация лютеранской конфессии в Аугсбурге ликвидировала главный источник внутриимперского раскола. Тем самым в 1555 г. была еще раз продемонстрирована воля сословных чинов к достижению общеимперского единства и лояльность Дому Габсбургов. В этом смысле весьма правомерным видится мнение г. Ангермайера, выстраивавшего важнейшие вехи реформационной истории по линии разрушения и воспроизводства системы и практики *«земского мира»*.

2. В число равноправных субъектов договора были включены сословные чины, представлявшие лютеранское вероисповедание, что означало и признание самой *лютеранской конфессии*. Таким образом, договор заключался между католическими сословиями Империи и лютеранскими. При этом, однако, не были четко сформулированы критерии принадлежности именно к лютеранскому вероиспо-

веданию. Причиной этого были уже разраставшиеся на момент подписания мира острые разногласия между евангелическими богословами по вопросу истинности двух формул Аугсбургского вероисповедания: т. н. «неизменной», написанной Лютером в 1530 г. для диспута с католическими чинами на рейхстаге («*Confessio Augustana invariata*») и «измененной», опубликованной в 1540 г. в редакции Меланхтона («*Confessio Augustana variata*»). Текст Меланхтона существенно отличался по целому ряду пунктов от первой формулы, и это исключало возможность быстрого обретения компромисса. Поэтому по взаимному согласованию католиков и лютеран было принято решение разуместь под представителями евангелической конфессии лиц, исповедующих собственно Аугсбургскую формулу веры 1530 г. и «*конфессионально родственных им членов*» («*Augsburgische Konfessionsverwandniss*»). Эта последняя формулировка была призвана вместить в юридической дефиниции всю сложность протестантских течений, давая возможность подразумевать под «родственными членами» в том числе и сторонников меланхтоновской редакции 1540 г., имевшей общие тезисы с кальвинистской доктриной. Прочие протестантские вероисповедания — цвинглианская реформатская конфессия, кальвинистское вероисповедание на основе Женевского катехизиса, перекрещенцы, спиритуалисты — были выведены за рамки договора 1555 г. и на них действие этого соглашения не распространялось. Вместе с тем был создан роковой прецедент, позволявший впоследствии сторонникам кальвинизма или иначе реформатской церкви пытаться легитимировать свое место в системе Аугсбургского мира, ссылаясь на туманность формулировки «родственные члены Аугсбургской конфессии». Следствием этого становился неизбежный конфликт между менявшимися социально-религиозными реалиями и нормами 1555 г.

3. С момента принятия договора получали *амнистию* все подданные Священной Империи, подвергшиеся наказанию по церковным и светским судам ввиду своей принадлежности к Аугсбургской конфессии. Одновременно прекращались все процессы по обвинению в ереси, а католиче-

ские церковные власти утрачивали право духовной юрисдикции над лютеранами.

4. Условиями договора всем непосредственным подданным императора Священной Империи, т. е. имперским сословиям, гарантировалось право *свободного определения вероисповедания*. Таким образом обеспечивалась возможность перехода от католицизма в лютеранство и наоборот для каждого имперского чина. Это выступало дальнейшим развитием уже ранее фиксированных общеимперских положений начиная от Шпейерского рейхстага 1526 г. Тем самым запрещалось ущемление в правах любого имперского чина по признакам религиозной принадлежности. Вместе с тем негласно (в тексте договора об этом прямо не говорилось) санкционировалось право определения каждым имперским чином вероисповедания и порядка богослужения для своих подданных. С этим положением часто и ошибочно связывают якобы имевшее место возникновение в 1555 г. знаменитого принципа «*cujus regio, ejus religio*», «*wessen Land, dessen Glaube*» («чья страна, того и вера»). В юридическом значении этот принцип, негласно утвержденный в Аугсбурге, был сформулирован много позже, в 1576 г., грайфсвальдским юристом Иоахимом Стефани.

5. Католики, обеспокоенные сохранением своих территориальных и имущественных позиций в Империи, стремились добиться в статьях договора гарантии для тех церковных владений, которые еще оставались у них в руках. Следствием подобных стремлений стало появление в тексте договора т. н. «*духовной оговорки*», «*Reservatum Ecclesiasticum*». Она предусматривала сохранение за Старой Церковью тех владений, хозяева которых решили перейти в лютеранство. Имперские прелаты имели право, как и все непосредственные подданные императора, поменять веру и сложить с себя духовный сан. Но это должно было сопровождаться одно временным отрешением данного лица от властных полномочий. Иными словами, конвертант получал возможность отправлять протестантские требы лишь на правах частной персоны. На его же место как главы духовного владения монастырский или соборный капитул обязан был избрать католика, что означало сохранение и

самой общины в лоне католицизма. Все же духовные владения, секуляризованные до 1552 г., оставались в руках евангелических властей.

6. Ликвидация институтов католической церкви в светских владениях лютеранских князей означала неизбежный переход всего комплекса проблем, связанных с установлением вероисповедания и культовой обрядностью, в руки имперских князей, графов и рыцарей, в имперских городах — соответственно в руки городских советов. Тем самым светские имперские сословия получали возможность отправлять «*Jus reformandi*», т. е. право на церковную Реформацию. Лютеранский форум в Аугсбурге стремился расширить правомочность этого принципа, стремясь наделить каждого подданного, в том числе и не располагавшего имперским статусом, правом на добровольное определение веры, оставаясь под властью одного князя. Католики заблокировали подобные предложения, пытаясь тем самым предотвратить распространение лютеранства в землях, еще оставшихся под контролем Старой Церкви. В итоге из взаимного компромисса сторон родился тезис, согласно которому всем подданным, не желавшим принять вероисповедание своего господина, предоставлялось *право на эмиграцию* («*Jus emigrandi*»). Каждый подданный имел право в течение определенного времени покинуть территорию своего господина и найти прибежище, где пожелает, причем неприкосновенность его персоны и имущества гарантировалось вплоть до пересечения им границы. Тем самым, пусть и теоретически, но всем жителям Империи гарантировалось право свободного вероисповедания. Однако этот принцип еще не означал торжества гражданского права на свободу совести, что стало возможным лишь много позже на почве развития естественного права и идей Просвещения.

7. *Имперское рыцарство*, юридически еще не оформившееся в непосредственного подданного императора, но причисленное к имперским сословиям, приобретало те же полномочия, что и прочие чины. Каждый имперский рыцарь имел право на свободу вероисповедания, в том числе и на определение его для своих подданных.

8. В *имперских городах* со смешанным католическим и лютеранским населением вводился *принцип паритета*, т. е. равенства в отправлении религиозных культов. В руках у католиков оставались городские духовные общины, не распущенные до 1552 г. И католикам и лютеранам гарантировалась свобода вероисповедания с правом судебной апелляции в имперский палатный суд. Немецкие историки обычно именуют имперские города подобного рода биконфессиональными.

Таковы были важнейшие пункты Аугсбургского религиозного мира, принятые сословиями и короной в 1555 г. Однако лютеранские имперские чины не были в ходе заседаний рейхстага удовлетворены гарантиями для своих единоверцев в духовных княжествах, оставшихся за католиками. Опасаясь, что католические власти, используя «духовную оговорку», попытаются принудить к переходу в католицизм в том числе и светских подданных в имперских епископствах и аббатствах, они добивались от Фердинанда включения в текст договора особой статьи, призванной гарантировать свободу вероисповедания для своих единоверцев, уже на 1555 г. бывших лютеранами. До принятия ее лютеране на рейхстаге отказывались признать «духовную оговорку» католиков. Пытаясь найти компромисс, который бы не нарушал интересы католических сословий, Фердинанд тем не менее объявил в устной форме гарантии для лютеранских подданных католических духовных княжеств. Была составлена за королевской подписью т. н. «Декларация Фердинанда» (*«Declaratio Ferdinandeï»*). Она распространялась на религиозные права для земского дворянства и городских общин католических духовных территорий. Но «Декларация» в отличие от «Духовной оговорки» не была включена в текст соглашения, образуя лишь отдельное заявление короны. Таким образом она лишалась статуса имперского закона.

В итоге Аугсбургский договор 1555 г. являл настоящую диалектику решенных и нерешенных проблем. Два положения этого договора скрывали ставший впоследствии разрушительным потенциал. Отказ узаконить кальвинистскую конфессию в сочетании с неясностью правовой диф-

финиции лютеранства вообще готовил будущую скрытую диффузию кальвинизма. Обладая законным правом на судебное преследование реформатов, имперские учреждения оказывались в тупике в том случае, если реформаты могли доказать свою принадлежность к «родственным членам Аугсбургской конфессии». Второй момент заключался в гарантировании прав католического духовенства как территориальных властителей и в отсутствии твердых гарантий прав их евангелических подданных, что в будущем могло вылиться в прецеденты католической реставрации или в разнообразные формы давления на конфессиональные меньшинства. Наконец, негласное утверждение главенствующей роли имперских чинов в деле формирования конфессиональных ландшафтов и в имперских городах и в территориях *исключало стабильность религиозных границ* в их политико-территориальном выражении. Свобода религиозного выбора входила в противоречие с попытками аугсбургских статей зафиксировать положение «status quo». Тем самым на уровне имперского права не была исключена возможность дальнейшего распространения протестантизма в Германии как в лютеранской, так и в реформатской оболочке, равно как и католическая реставрация.

Несомненна, однако, и созидательная сторона договора. В глазах подавляющего большинства представителей имперских сословий мир 1555 г. означал *умиротворение Империи*. Пусть с большими потерями достигнутый, пусть и с неясными формами компромисса определенный, но был восстановлен социальный покой, нарушенный Реформацией. Был преодолен опасный кризис, развивавшийся с середины 20-х гг., вылившийся в конечном счете в прямое военное противостояние католического престола и его союзников элите протестантского высшего дворянства. Прежде всего были стабилизированы отношения в структуре сословной вертикали по линии император-католик — протестантское высшее и низшее дворянство. Мир означал и восстановление стабильности на уровне горизонталей, между католическими и лютеранскими имперскими чинами.

Параллельно Аугсбург узаконил лютеранскую церковь, которая теперь и в вопросах догмы и административной

организации получала признанную автономию. Тем самым был погашен главный очаг реформационного кризиса, по меньшей мере в догматическом аспекте. Требования свободного отправления евангелического культа, по крайней мере в части территорий, было удовлетворено, что служило отныне базовой посылкой к компромиссу с католическими властями при любом последующем развитии. Легитимация Аугсбургским соглашением прав лютеранских чинов стала важнейшим итогом и с точки зрения европейской исторической перспективы. Впервые в истории христианской Европы был найден правовой механизм, регулировавший существование нескольких конфессий в структурах одного территориального организма.

Кроме того, Аугсбург означал и разрешение кризиса в рамках имперских структур. Империя не распалась под ударами религиозной борьбы, напротив, нашла в себе силы к консолидации. Был восстановлен авторитет императора как главного гаранта стабильности и прав имперских сословий, было восстановлено доверие на форуме имперских князей, ощущавших необходимость в компромиссе для сохранения базовых принципов сословной организации, были удовлетворены интересы значительных рядов низшего дворянства и имперских городских общин. Император получал возможность вернуть в свои руки инструментарий имперского и ленного права, влияя на сообщество подданных, а сословия — использовать гарантии мира для сохранения своих позиций и по отношению друг к другу и к короне. «Пат» в отношениях между императором и сословиями, сложившийся в конце XV в., был вновь зафиксирован в 1555 г.

Огромная заслуга в деле достижения этого сложного согласия принадлежала ведущим силам сословного общества — фракции *лютеранских* и *католических князей* (Мориц Саксонский, 1541–1553; Август I Саксонский; 1553–1586; Иоахим II Бранденбургский, 1535–1583; Альбрехт V Баварский, 1550–1579). Драматические потрясения Шмалькальденской войны 1546–1547 гг., показавшие, с одной стороны, неэффективность альтернативных структур в виде больших религиозных конфедераций, а с дру-

гой — угрозу расшатывания традиционных имперских институтов, высокое чувство христианской ответственности побудили этих князей возвыситься над собственными династическими амбициями и религиозной полемикой. Начиная с 1552 г. ощущалось движение евангелических князей в сторону достижения соглашения с короной по важнейшим религиозно-политическим вопросам. Выдающуюся роль в нем сыграл курфюрст Саксонии *Мориц*. Его партнерские отношения с Фердинандом создали краеугольные предпосылки будущего Аугсбургского мира в виде создания Гейдельбергского альянса князей и городов в защиту земского мира (весна 1553 г.), подписания Эгерского соглашения между Саксонией и Габсбургами (весна 1553 г.) и совместной борьбы с нарушителями имперского закона (война с Альбрехтом Алкивиадом, маркграфом Бранденбург-Кульмбахским в 1553 г.). Преемник Морица Август I в целом продолжил начатый курс, увенчав его совместным соглашением с Гессеном и Бранденбургом по вопросу взаимного компромисса с престолом (Наумбургский договор, март 1555 г.). Именно этот договор стал важнейшим шагом навстречу католической партии в дни Аугсбургского рейхстага. Но мир был едва ли возможен без готовности к диалогу и главного защитника габсбургских интересов в Германии *Фердинанда I*. Как компетентный властитель, обладавший способностями трезво взвешивать ситуацию, Фердинанд пошел на трудный и для себя, и для всего Дома компромисс, ясно осознавая его необходимость.

ИСТОЧНИКИ

1. *Buschmann*, KR. Т. II.
2. Das Reichstagsprotokoll des kaiserlichen Kommissars Felix Hornung vom Augsburger Reichstag 1555 / Hrsg. von H. Lutz und A. Kohler. Wien, 1971.
3. Quellen zum Verfassungsorganismus des Heiligen Römischen Reiches Deutscher Nation 1495–1815 / Hrsg. v. H. H. Hofmann. Darmstadt, 1976.
4. Religionsvergleiche des 16. Jahrhunderts / Hrsg. von E. Walder. Berlin, 1945.
5. *Zeumer*, QGDR.

1. *Dickmann F.* Das Problem der Gleichberechtigung der Konfessionen im Reich im 16. und 17. Jahrhundert // HZ, 201. S. 265 ff.
2. *Gotthard A.* Der Augsburger Religionsfrieden. Münster, 2004.
3. *Kleinheyer G.* Die Abdankung des Kaisers // Wege europäischer Rechtsgeschichte / Hrsg. von G. Kobler. Frankfurt am Main, 1988. S. 124 ff.
4. *Leclerc J.* Geschichte der Religionsfreiheit. Bd 1. Stuttgart, 1965.
5. *Schilling H.* Das Augsburger Religionsfrieden. Berlin, 2007.
6. *Simon M.* Der Augsburger Religionsfriede. Augsburg, 1955.
7. *Tühle H.* Der Augsburger Religionsfriede. Neue Ordnung oder Kampfpause? // Zeitschrift des Historische Vereins für Schwaben, 61, 1955. S. 323 ff.

2. Император и имперские учреждения

а) Фердинанд I (1556–1564). В 1556 г. император Карл V отрекся от престола. Компромисс с «еретиками», заключенный в Аугсбурге, переполнил чашу его терпения: до конца он оставался носителем не только великой имперской идеи, но и защитником Старой Церкви. Сошел со сцены человек, наложивший при всех спорных вопросах глубокую печать на ход немецкой истории в первой половине века. В конце концов Аугсбургский мир стал важнейшим результатом его правления. Нелегкую ношу власти принял его младший брат эрцгерцог Фердинанд в том же 1556 г. Согласно династическому разделу с мадридскими родственниками (т. н. Бургундский договор 1548 г.) за ним и его наследниками оставалась Империя, за сыном же Карла Филиппом — испанская корона.

Процедура избрания нового государя выглядела в данном случае скорее формальным актом в силу неоспоримого признания в Германии его наследственных прав на корону. Она состоялась во Франкфурте в 1558 г. В мае того же года последовала передача имперских инсигний.

Правление его — первого императора «постаугсбургской» эпохи — до сих пор лишь слабым эхом отозвалось в трудах историков. По мнению современного биографа Фердинанда *Бернгарда Зикена*, недостаточный интерес к его персоне по-прежнему определяется, с одной стороны,

Иллюзия триумфа: император Карл V на поле битвы
под Мюльбергом. Через девять лет ему предстоит отречение.
Картина Тициана. Музей Прадо. Мадрид

его недолгим правлением, с другой — величию замыслов и личностью его старшего брата, в тени которого большую часть своей жизни провел Фердинанд. Впрочем, биографический очерк самого Б. Зикена может скорее претендовать на первый опыт грядущего большого структурного исследования политики Фердинанда, чем на исчерпывающий анализ. Многотомное сочинение Фридриха фон Бухгольца, вышедшее в начале прошлого века, выглядит компилятивным трудом, правда, с использованием большого объема источников. Деятельность императора трактована с некоторыми апологетическими нотками в традициях старой придворной историографии Габсбургов. Новейшая биография *Паулы Зуттер-Фиттер* намечает давно назревшее переосмысление деятельности Фердинанда, в том числе и при взгляде на отношения с Карлом V, но являет лишь довольно популярный очерк без критического анализа источников и столь важной в данном случае научной полемики. Очевидно, что лишь наметившееся в последние десятилетия более глубокое прочтение предыстории и ближайших следствий заключения Аугсбургского мира в Германии способно развить структурное исследование Б. Зикена. На помощь пришел и юбилей императора, отмеченной научной общественностью Германии и Австрии в 2003 г., Он несколько оживил дискуссию вокруг его имени, во многом в координатах всесторонней истории по линии «личность и эпоха». Следствием стало публикация целого ряда каталогов и биографий, в том числе крупнейшего специалиста по Габсбургам конфессиональной эпохи *А. Колера*. Очерки его, однако, предназначенные для широкой публики и носящие обобщающий характер, лишь подчеркивают уже обозначившейся своеобразный историографический крен в оценке имперских структур: Фердинанд в представлении *А. Колера*, выступает хранителем стабильности в Империи и Европе, и сторонником религиозного паритета, зафиксированного в статьях Аугсбургского соглашения. Император словно преодолевает тяжелые последствия правления старшего брата и как региональный лидер безусловно выигрывает в семейном дуэте.

Уроженец Испании (1503), Фердинанд, казалось, в боль-

шей степени, чем его брат, должен был быть подвержен испанской католической традиции. В самом деле, даже после вступления во владения своими австрийскими землями, Фердинанд в первые годы правления сохранял приверженность испанским вкусам. У него были испанские фавориты и при его венском дворе господствовал испанский дух. Но тем разительнее кажутся перемены, произошедшие после получения венгерской короны. Фердинанд постепенно «срастался» со своей новой родиной, с годами проявляя недюжинные административные способности. Серия *административных реформ*, осуществленная в 1526–1527 гг. в его австрийских владениях, стала первым серьезным начинанием самостоятельного властителя. С годами становилась все более ощутимой дистанция между правительственными планами двух братьев. К концу правления Карла его младший брат накопил огромный опыт административной, юридической и дипломатической работы. В отличие от Карла Фердинанд был настоящим экспертом в вопросах Империи и особенно отношений с княжескими фракциями. Получение им титула Римского короля в 1531 г. и общее раздражение в Империи относительно возможного «испанского наследства» гарантировали за ним имперскую корону. Конфликт с Филиппом и мадридскими родственниками, разворачивавшийся на фоне заключения Бургундского договора, был выигран Фердинандом во многом по причине относительной внутриимперской солидарности имперских чинов, в глазах которых — даже лютеранских князей — Фердинанд был гораздо более приемлемой фигурой, нежели сын императора Филипп.

Все эти бесспорные правительственные дарования соседствовали с *бескомпромиссным католицизмом* в его душе. В принципе он был един с Карлом по вопросу оценки выступления Лютера и самой немецкой Реформации. До конца своих дней Фердинанд видел в протестантах еретиков, отвернувшихся от Святой Церкви, и по мере сил стремился привить лучшие формы католического благочестия своему наследнику. Но его стартовые позиции как будущего императора определялись не макрокосмической широтой планов, столь свойственных Карлу, и не желанием поло-

жить на алтарь веры все до последнего, чего требовали от него тридентские радикалы. Фердинанд был всегда гибок в вопросах политического компромисса с протестантскими силами Империи, и именно готовность к компромиссам по всему спектру нерешенных проблем со всем фронтом антиаугсбургской и антикатолической оппозиции позволяла укрепить его положение накануне Аугсбургского рейхстага в 1552–1555 гг. и после отречения Карла в 1556 г. Вероятно, лучшие дарования Фердинанда как правоведа, дипломата и конфессора раскрылись как раз в решающие летние дни 1555 г., накануне подписания религиозного мира. Сочетание уступок и угроз при непременном желании ввести религиозные отношения в правовое русло завершилось крупным, особенно в перспективе, успехом имперской политики. Германия была умиротворена, и вертикаль имперского контроля восстановлена, пусть и с серьезными оговорками. Во всяком случае, перед вступлением в обязанности главы Империи Фердинанд сумел обеспечить относительно прочный фундамент религиозного мира. Избрание его императором позволяло надеяться на укрепление авторитета династии и внутреннюю стабильность, т. е. на усиление позитивного потенциала соглашения 1555 г. Если бы Аугсбургский компромисс не состоялся, то в условиях отречения Карла восшествие на престол Фердинанда скорее всего активизировало бы лишь деструктивные процессы.

Оказавшись на престоле, Фердинанд подчинил все недолгие последующие годы своего правления решению нескольких взаимосвязанных задач. Он стремился укрепить на тот момент еще недостаточно твердую внутреннюю стабильность за счет продолжения диалога с лютеранскими чинами и богословами, имевшего конечной и туманной целью *церковное согласие* или, по меньшей мере, более приемлемый компромисс с протестантизмом. С другой стороны, он продолжал переговоры с ведущими княжескими Домами Империи по вопросам, остававшимся еще нерешенными в статьях Аугсбургского мира. Итогом сотрудничества, по мысли императора, должно было быть *упрочнение «земского мира»*, обеспеченного более надежными имперскими

и сословными институтами. Наконец, еще одной и важной гранью политики Фердинанда было стремление на теоретической платформе завершить *обновление католицизма*. Здесь в центре внимания оказывались апостольский престол и судьба Вселенского собора.

По первым двум вопросам Фердинанду удалось не столько приблизить окончательное решение, сколько законсервировать сложившееся в 1555 г. положение.

Один из главных творцов Аугсбургского мира,
столь не похожий на своего брата:
император Фердинанд I (1556–1564).
Гравюра Ганса Зебальда Лаутензака, 1556 г.

На первом рейхстаге, собравшемся после отречения Карла в 1556 г. в Регенсбурге (реально начал работу лишь в 1557 г. после появления на нем самого короля), лютеранские князья стремились добиться отмены принятой в Аугс-

бурге «духовной оговорки». Фердинанд, блокируясь с католической партией, не позволил внести изменения в принятые статьи религиозного мира, и дело ограничилось лишь протестами лютеранских лидеров. С другой стороны, назначенный в *Вормсе* в том же году богословский диспут, проходивший с участием светил протестантизма и обновляющейся католической церкви — Филиппа Меланхтона и Петра Канисия, — оказался безрезультатным. С самого начала съезда сторонники лютеранской ортодоксии вступили в жаркие споры с Меланхтоном, и единство протестантов было парализовано. Католики, возложив всю вину на протестантов, отказались от дальнейшего участия в переговорах. На новом рейхстаге, собравшемся в 1559 г., Фердинанд столкнулся с теми же проблемами, причем дело осложнялось еще и необходимостью организовать оборону восточных рубежей от турок, что требовало вотирования сословиями новых налогов. Избегая решительных шагов, императору удалось сохранить в важнейших вопросах «духовной оговорки» и умиротворения Империи положение «*status quo*» и добиться частичного вотирования «турецкой помощи». Тактика постоянных консультаций с лидерами протестантских и католических групп в целом принесла хорошие плоды: положение было стабилизировано, князья не испытывали большого желания подвергнуть ревизии статьи Аугсбургского мира.

Как и накануне 1555 г., так и теперь Фердинанд старался опереться на мощных и относительно нейтральных протестантских лидеров. Если до 1553 г. таковым бы курфюрст Мориц Саксонский, то теперь — его преемник Август I, герцог вюртембергский Христофор и бранденбургский курфюрст Иоахим II. В 1562 г. императору удалось добиться согласия сословий на избрание сына его Максимилиана римским королем и своим наследником, что несомненно укрепляло авторитет и позиции Венских Габсбургов, исключая возможные поползновения со стороны Мадрида.

Параллельно Фердинанд напрягал усилия по скорейшему завершению работы Вселенского собора. В лице Пия IV (1559–1565) император нашел деятельного сторонника ка-

толической Реформации, так же как и он, мечтавшего поскорее завершить догматическую полемику в Церкви. Весной 1561 г. в Триенте открылась завершающая и самая важная с точки зрения принятых решений сессия Собора. Фердинанд предварительно смог настоять на своих условиях его работы, предусматривавших участие протестантских богословов и представительной фракции немецкого католического епископата. Дело тормозилось, однако, нежеланием протестантов договариваться с католическим духовенством, отчасти из-за боязни принятия Собором решений, составленных в строго католическом духе, и возможных репрессий. В свою очередь католические прелаты неохотно желали присутствовать в Триенте, страшась за судьбы своих духовных княжеств, где сильны были позиции протестантских сословий. В итоге император прибыл на Собор, сопровождаемый лишь епископами наследственных земель. Однако присутствие самого государя и занятая им позиция скорейшего принятия неотложных постановлений сильно содействовали относительно быстрому, даже поспешному завершению работы Собора. Роль Фердинанда в обновлении католической церкви представляется весьма важной.

В итоге Империя в правление Фердинанда избежала новых опасных потрясений, связанных с пересмотром статей Аугсбургского мира. Достигнутые в 1555 г. договоренности все больше воспринимались сословиями необходимой правовой основой всеимперского согласия и мира. При всех спорных пунктах вожди католических и лютеранских сословий были готовы к сотрудничеству с престолом. Отлитый в правовые нормы компромисс позволял восстановить правительственные функции короны и превращался в неременное условие успешной работы имперских учреждений.

б) Максимилиан II (1564–1576). Правление сына Фердинанда в целом лежало в русле преемственности его отцу. Однако личность самого властителя во многом содействовала наметившимся при Фердинанде процессам компромисса, иногда даже в радикальном духе. Необычайное свое-

образе Максимилиана вызывало споры уже при его жизни и стало предметом дискуссий историков сегодняшнего дня. Суть проблемы коренится в явных симпатиях будущего императора к протестантам и лютеранству, проявившихся еще в молодости и резко диссонирующих со взглядами дяди, отца и собственных сыновей.

Если старая католическая и краеведческая австрийская традиция в общем не уделяла его портрету заметного внимания, считая Максимилиана слабой, подверженной колебаниям натурой, то в свете кардинальных переоценок последних десятилетий образ его вызывал гораздо больший интерес. «Самым убедительным, — пишет Э. В. Цееден, — представляется новый взгляд, усматривающий в императоре представителя безразличного к догме эразмиано-гуманистического христианства» [Zeeden, ZG. S. 141]. Близким к этому мнению видится суждение *Хорста Рабе*: «По всей видимости, он (т. е. Максимилиан. — А. П.) в гораздо большей степени склонялся не к ярко выраженному антикатолическому протестантизму, а к, так сказать, предреформационному христианству в гуманистической окраске — в совершеннейшем отличии от своего отца» [Rabe, KO. 5. 320]. В свою очередь *Генрих Лутц* считал возможным говорить о Максимилиане как фигуре переходной, свойственной новой эпохе, стоявшей между религиозным противоборством и толерантностью. В лице Максимилиана в структурах Империи рождались силы, способные выбрать «третий путь» согласия и компромисса, что было очень важно на еще зыбкой почве Аугсбургского согласия. Император «стремился осуществить всеобщую христианскую Реформацию и установить благочестивое согласие религий в немецкой нации» [Lutz, KO. 5. 70]. Истоки правительственного курса Максимилиана следует искать в его юности. Уроженец Вены (род. в 1521 г.), будущий император оказался с первых лет жизни совсем в иной ауре, нежели его отец. Если Фердинанд был близок испанской католической традиции, то его сын с самого начала тяготел к немецкой и достаточно умеренной в конфессиональном смысле почве Вены. К моменту совершеннолетия Максимилиана Реформация пустила довольно глубокие корни в Австрии, найдя сочувствие и сторонни-

ков не только среди дворянских семейств, но и горожан. Влияние лютеранства отразилось и на ближайшем окружении принца: среди воспитателей его встречались люди, едва скрывавшие лютеранские симпатии. Следствием стало формирование терпимой и любознательной к протестантизму натуры. Напротив, последующее пребывание Максимилиана в Мадриде, где он знакомился с испанским укладом и должен был воплощать на деле не слишком теплую дружбу двух родственных ветвей Габсбургов, способствовало лишь развитию отрицательных эмоций.

Вернувшись домой, Максимилиан не считал нужным скрывать своего сочувствия к протестантам. Он дружил с умеренными католиками из своего окружения, завязал оживленную переписку с лютеранскими княжескими дворами и в 1557 г. с публичным скандалом перестал отправлять причастие. Огромное влияние на него оказывал надворный духовник Пфаузер, сам бывший конвертант. Отречение Карла и готовившееся избрание самого Фердинанда естественно актуализировали вопрос скорейшего избрания преемника нового императора. Но стойкое нежелание сына согласиться с основополагающими догматами католицизма и отречься от протестантских друзей сильно накаляли обстановку в семье, как, впрочем, и в отношениях с католическим духовенством и апостольским престолом. Папа откровенно отказывался согласиться на коронацию еретика, а сам Фердинанд в сердцах даже заявил, что вообще не ударит пальцем о палец в хлопотах за сыновнее наследство, если тот не откажется от богомерзких заблуждений. Споры с отцом шокировали современников. Однажды в минуту крайнего раздражения отец даже бросил: «Пусть так, пусть твой Лютер прав, пусть я отправлюсь в ад вместе со всей римской церковью и святым престолом, но даже тогда я не стану сторонником этого мерзкого еретика!» Лишь в феврале 1562 г. в Праге после долгих проволочек принц дал убедить себя в необходимости и неизбежности правильного следования римскому вероучению. Он остался формальным католиком, но в глубинах своей души всегда сохранял симпатии к лютеранам.

Возглавив Империю, Максимилиан последовательно

продолжал основные линии в политике отца. В отношении имперских учреждений это выразилось в столь же стойком желании опираться на мнение рейхстага как высшего сословного форума (четыре созыва 1566, 1568, 1570, 1575) и повысить авторитет *имперского камерального суда*, ставшего после 1555 г. главным судебным органом по конфликтам на религиозной почве. Оба учреждения демонстрировали устойчивость и компромисс. Относительная стабильность в концерте имперских князей позволила Максимилиану попытаться реорганизовать военно-административные структуры Империи. Темой *военной реформы* был озадачен Шпейрский рейхстаг 1570 г., на котором император по предложению *Лазаря фон Швенди* выступил с инициативой запрета вербовки наемников в имперских землях и военной службы за рубежами Империи. Полагая, что практика наемничества истощала военные ресурсы, Максимилиан и Швенди хотели организовать общеимперские контингента, комплектовавшиеся на основе территориально-окружной системы под эгидой местных имперских чинов. Однако рейхстаг провалил проект не столько из-за опасения роста военной мощи Габсбургов, сколько по причине существенных финансовых расходов, а также поскольку предложения короны, по мнению чинов, ограничивали их сословную свободу.

Внутреннее развитие Империи характеризовалось еще меньшим риском скорого распада Аугсбургской системы, чем в предшествующие годы, но являло перспективно весьма опасные противоречия. Как при Фердинанде, так и на протяжении всех лет правления Максимилиана протестанты постоянно выдвигали требование полной свободы религиозного вероисповедания. Поскольку речь не шла уже о компромиссе в вере, надежды на который развеялись в 1557 г., а предполагалось лишь свободное отправление всех узаконенных в Аугсбурге конфессий, то вновь неизбежно возникал вопрос «духовной оговорки». Максимилиану удалось на Аугсбургском рейхстаге 1566 г. парировать требования лютеранских князей вернуться к этой проблеме. Весьма эффективным средством стало манипулирование фактором кальвинизма, особенно после введения кальви-

нистского вероисповедания в Пфальце в 1562–1564 гг., пугавшего лютеранских ортодоксов новым расколом. Играя на неразрешимых с точки зрения богословия противоречиях между евангелическими и реформатскими сословиями, Максимилиан мог использовать раскол единого протестантского фронта.

Но здесь же крылись источники нового обострения. Одним из них становился впервые заявленный радикализм *Пфальца*, где после введения кальвинизма курфюрст Фридрих III Благочестивый (1559–1576) видел будущее не только в правовой легитимации своего выбора на уровне Империи, но и в динамичной политике, призванной подкрепить Пфальц надежными союзниками в Нидерландах, во Франции и в рейнских землях Империи. Активность Пфальца была естественной реакцией гейдельбергского курфюрста на блокаду со стороны евангелических князей. Но она же угрожала вывести пфальцкий фактор за границы имперского политического поля. С другой стороны, наметилось дистанцирование от Вены баварских Виттельсбахов в лице Альбрехта V, особенно после фактического роспуска Ландсбергского союза и осуществления в Баварии с 1566 г. поэтапной рекатолизации на всех уровнях, что контрастировало с компромиссной политикой Максимилиана. Разумеется, отход от более тесного партнерства с Баварией не был равнозначен глубокому расколу в протестантских рядах, но в совокупности все эти тенденции угрожали ослаблением имперского контроля и влекли изоляцию императора. Однако в целом Максимилиану удалось овладеть положением. Главными партнерами короны, как и раньше, оставались умеренные лидеры немецкого протестантизма, прежде всего *Саксония* (Август I) и *Вюртемберг* (Христофор I). Опираясь на них, император находил подспорье в протестантском лагере Империи.

Главным полем столкновений оказался рейхстаг в *Аугсбурге* в 1566 г. Созывая имперский форум, император, помимо всего прочего, желал показать силу Гейдельбергу, заставив его вернуться в правовое русло Аугсбургского мира. Аргументом Максимилиана был очевидный кальвинизм пфальцской Реформации, только что введенной курфюр-

Император Максимилиан II (1564–1576).

Склонность к протестантизму не смогла пересилить в нем династическую верность Риму, но при нем Империя отдыхала от религиозных смут предшествующих лет.

Гравюра Ганса Зебальда Лаутензака, 1555 г.

стом Фридрихом III, что вступало в противоречие с нормами 1555 г. Большинство католических и евангелических князей соглашались с мнением императора, и над Пфальцем нависла реальная угроза имперской опалы. Но в решающий момент Август Саксонский вместе с курфюрстом Бранденбурга, не желая дальнейшей опасной эскалации, поддержал мнение пфальцских уполномоченных, признав Гейдельбергскую Реформацию родственной Аугсбургскому вероисповеданию, за исключением пункта о евхаристии. Вполне возможно, и сам Максимилиан не желал открытого

разрыва. Ценности внутриимперского мира, столь дорогой ценой осознанные в предыдущие годы, перевешивали необходимость строго правовой акции. В любом случае, однако, Саксония выступала главной нейтральной силой, что вынуждало Венский двор в дальнейшем прислушиваться к мнению правившего в ней Дома Веттинов.

В итоге окончательно оформился важнейший с точки зрения имперской политики треугольник *Саксония—Пфальц—Бавария*, в пространстве которого теперь решалась судьба внутреннего согласия в Империи.

Одновременно Максимилиан находил более или менее приемлемый компромисс с протестантизмом в *наследственных землях* (разрешение евангелического культа для дворян и их подданных в Верхней и Нижней Австрии в 1568 г. и Брукская ассекурация 1571 г.), что позволяло Империи сохранять единство сил прежде всего в борьбе с турецкой агрессией на юго-востоке Империи. Кроме того, после весьма нелегких испытаний, вызванных попытками Испании подавить нидерландское восстание в 1568–1570 гг., Максимилиан стабилизировал отношения со своим двоюродным братом. Положение для Филиппа осложнялось еще и тем, что после смерти своего единственного на тот момент наследника по мужской линии дон Карлоса (1568) и кончины третьей жены короля Изабеллы Валуа он оказывался перед перспективой передачи в будущем испанской короны Венским Габсбургам. Согласно Бургундскому договору 1548 г., Максимилиан выступал единственным законным претендентом.

Положение Империи — и европейское и внутреннее — в год смерти императора было более прочным, нежели в 1564 г. Последовавшая тогда же кончина Фридриха III Пфальцкого избавляла от слишком беспокойного партнера, а восшествие на престол его преемника Людвига VI, вернувшего на несколько лет Гейдельберг в лоно лютеранства, исключало Пфальц из числа активных контрагентов имперского престола. Максимилиан оставлял своему наследнику, старшему сыну Рудольфу, которого успел короновать римской короной в 1575 г., шансы на мир по меньшей мере еще на десять лет.

Естественно, улучшение было бы немыслимо без относительной солидарности большинства имперских князей. Огромную роль здесь играло поколение правивших тогда территориальных властителей, *поколение эпохи Аугсбургского мира*, чьи представители были либо сверстниками, либо старшими современниками Максимилиана. Несмотря на конфессиональные различия, большинство из них прекрасно понимало ценности и цену достигнутых в 1555 г. соглашений. Вероятно, общее мнение хорошо выразил тогда курфюрст Бранденбургский Иоганн Георг (1571–1598), однажды заявив: «Лучше хранить ветхое здание Империи, чем разрушить его».

Правление двух ближайших наследников Карла V бесспорно содействовало внутреннему упрочнению имперских структур. После острых коллизий реформационных десятилетий, долгого отсутствия, зачастую буквального, фактора сильной и авторитетной имперской власти теперь после 1555 г. наметились тенденции к улучшению позиций короны, к успешному функционированию главных имперских институтов и к обретению относительной стабильности в рядах княжеской элиты, вынужденной воспринимать решения 1555 г. с объективной данностью. В то же время сами императоры не расставались с идеями общехристианского согласия, созвучными с гуманистическими традициями позднего средневековья. Затаенная мечта в будущем увидеть Империю и Европу в лоне одной Церкви не только роднили Фердинанда и Максимилиана с Карлом, но и сообщали огромный позитивный импульс к правительственной деятельности этих монархов, выражавшийся в попытках установить компромисс между конфессионально враждебными имперскими сословиями.

в) *Состояние имперских учреждений.* До второй половины XX в. имперским учреждениям конфессиональной эпохи не уделялось большого внимания со стороны немецких историков, что соответствовало общепринятому тогда взгляду на Империю после Реформации как на внутренне разложившийся организм, неспособный консолидироваться в централизованную монархию.

Переоценка старых воззрений пробудила повышенный интерес к работе центральных институтов. Аугсбургский историк *Хайнц Ангермайер* еще в 60-х гг. выдвинул концепцию развития земского мира как формы существования самой Империи. С его точки зрения, рейхстага эпохи Реформации, в том числе и основополагающий Аугсбургский сейм 1555 г., являли главный форум консолидации имперских сословий с короной прежде всего по вопросу поддержания земского мира, поскольку религиозный раскол грозил уничтожить внутриимперскую стабильность. По мысли Х. Ангермайера, Аугсбургский религиозный мир завершил эпоху позднесредневекового развития Империи. Рейхстаг оставался главным связующим элементом имперской системы.

Отчасти в созвучии с тезисом Х. Ангермайера роль *рейхстага* во второй половине XVI в. исследовали *Альфред Колер* и *Максимилиан Ланциннер*, причем последний особо подчеркивал созидательную, жизненно необходимую для Империи деятельность рейхстага при Максимилиане II. Множество проблем, перед которыми оказалась тогда Империя, побуждало сословия рассматривать рейхстаг не столько местом «самоутверждения» за счет интересов имперского престола, сколько каналом внутреннего примирения и согласия. Пиком имперско-сословного взаимодействия историк считает рейхстаг в Шпейере 1570 г. Лишь позднейшие съезды в начале XVII в. продемонстрировали неспособность ввиду резко возросшего конфессионального антагонизма консолидировать имперские сословия.

Большой интерес вызывает и деятельность *имперского камерального суда*. Здесь следует отметить исследования *Фолькера Пресса* и *Винфрида Шульце*, в которых камеральный суд рассматривается важным элементом стабильного существования Империи после 1555 г. наряду с рейхстагом. Деятельность суда до 1589 г. содействовала укреплению авторитета императора и имперских структур в большей степени, чем было принято считать ранее. Как и рейхстаг, так и камеральный суд были форумом сословного компромисса, который был нарушен лишь в силу необратимых процессов в правление Рудольфа II. Просопографические

исследования, предпринятые в последние годы и еще не до конца законченные, представляют, бесспорно, огромную важность при изучении работы этой судебной инстанции Империи.

Что касается исследования *имперских округов*, то здесь в целом превалируют два подхода: обобщающий, представленный монографией *Вильгельма Дотцауэра*, и региональный, где в центре внимания оказываются отдельные округа (лучше всего изучены рейнско-кёльнский, нижнерейнско-вестфальский, нижнесаксонский и баварский). Одна из главных проблем: в какой степени конфессиональная эпоха содействовала превращению округов в достаточно самостоятельные в своей организационной основе регионы, противопоставленные имперскому центру? В свете проделанной работы становится ясной довольно сильная связь окружных институтов с центральными учреждениями. Религиозный раскол и кризис имперской системы содействовал регионализации, но этот процесс постоянно смягчался компромиссами между региональными и имперскими силами.

К числу наименее разработанных тем все еще относится тема центрального административного аппарата короны второй половины XVI в., прежде всего *надворного совета*. Книга *Отто фон Гуллиссера* до сих пор сохраняет ценность руководящего пособия, особенно в вопросах разграничения судебных компетенций надворного совета и имперского камерального суда. Однако выяснение роли самого совета при подготовке важнейших правительственных решений, равно как и его консолидирующие функции, особенно после 1589 г., требуют специальных исследований, лишь начатых *Фолькером Прессом*.

В обобщенном виде картина рисуется следующим образом. Аугсбургский религиозный мир стабилизировал и оживил работу старых институтов имперского управления, оформившихся в конце XV в. и частично парализованных в ходе Реформации. Прежде всего с новой силой была заявлена роль *рейхстага* («*Reichstag*») как главного органа имперского сословного представительства. Именно путем дискуссий и соглашений, выработанных в преддверии рейхста-

га и на нем самом, Фердинанд добился заключения имперского мира 1555 г. И именно с опорой на рейхстаг последующие императоры смогли обеспечить действенный контроль над ситуацией в Империи. Характерной чертой становились частые созывы рейхстага (1556, 1557, 1558, 1559, 1564, 1566, 1567, 1570, 1574), превращавшегося тем самым в своеобразный барометр внутренней стабильности. Лишь в первое десятилетие царствования Рудольфа II, когда заметней стали благотворные усилия предшествовавших лет, рейхстаг стал созываться менее часто, что, однако, не влекло падение его авторитета. По мере развития внутреннего кризиса на рубеже веков, его фактор вновь становился значимым (Регенсбургские рейхстаги 1603 и 1608 гг.). Внутренняя структура этой ведущей сословной ассамблеи отличалась относительной стабильностью. Перемены выразились лишь в формировании ближе к концу XVI в. новой фракции имперского рыцарства, что являлось результатом социальной консолидации этого сословия в рамках Империи.

Более существенными стали изменения в раскладе сил, представленных на рейхстаге. Реформация, резко усилившая значение княжеского форума, повлекла укрепление и без того сильных позиций княжеских фракций: коллегии курфюрстов, княжеской и графской курии. В свою очередь, менее громкими становились голоса имперских городов, хотя сама городская курия уже оформилась с конца XV в. Мнение городов все реже сказывалось на решении ключевых проблем. Статьи Аугсбургского мира, разрешавшие свободу вероисповедания имперским чинам, касались прежде всего князей и имперских рыцарей, поскольку имперские города, хотя и считались самостоятельными субъектами, тем не менее являли зачастую биконфессиональный профиль. Наряду с лютеранскими общинами в их стенах пребывали и католические подданные, что ограничивало свободу конфессиональной политики магистратов принципом паритета. В таких условиях депутаты имперских городов действовали всегда с оглядкой на сложную конфессиональную ситуацию в своих общинах. Большинство князей, напротив, имело свободные руки, что поощрялось еванге-

лическими и католическими богословами, видевшими в том возможность либо дальнейшего распространения Реформации, либо рекатолизации.

Разумеется, в условиях религиозного раскола, хотя и нормированного Аугсбургским миром, рейхстаг становился не только местом многоборья сословных сил с императором, но и острых межсословных полемик. Возникали сложные комбинации в отношениях императора и ведущих сословных сил. С одной стороны, императоры вынуждены были согласовывать свое мнение с ведущими династиями Империи, как, например, с курфюрстом Саксонии или герцогом Баварии, что усиливало олигархический характер рейхстага, с другой — получали возможность играть на противоречиях в самой княжеской курии, расколотой по конфессиональному признаку. Рейхстаг становился более элитарным, но внутренне менее цельным институтом, открытым для давления со стороны короны.

Параллельно с рейхстагом конфессиональная эпоха создала еще один орган сословного представительства: *съезд имперских депутатов* (*«Deputationstag»*). Основы его функционирования были заложены в статьях Аугсбургского религиозного мира, в рамках Уложения об имперской экзекуции, призванного гарантировать земский мир. Съезд депутатов предполагался более мобильным и эффективным органом контроля за соблюдением мира в Империи, нежели рейхстаг. На них, как правило, велись предварительные переговоры по вопросам, затем обсуждавшимся на рейхстаге. С 1564 г. рассматривались проекты имперской монетной реформы, имперского матрикула, имперского уложения о поддержании порядка, реформы и визитации камерального суда. Как правило, от 16 до 20 членов съезда теоретически представляли все имперские сословия по меньшей мере с одним представителем от каждого округа.

Подавляющее большинство голосов было за имперскими князьями, что превращало съезды в настоящие ассамблеи княжеской олигархии. Рождение нового учреждения знаменовало, таким образом, еще один шаг на пути укрепления позиций сословной элиты. Вместе с тем императоры

были заинтересованы в успешной работе съездов, на которых договориться по важнейшим вопросам было легче, чем на многолюдных сессиях рейхстага.

Другим важнейшим органом общеимперского управления бесспорно был *имперский камеральный суд* («*Reichskammergericht*»). Роль его резко повысилась после 1555 г. Согласно статьям религиозного мира он превращался в главную судебную инстанцию Империи по спорным делам представителей обеих конфессий, в главного гаранта самого религиозного согласия. «Кто хотел прочного религиозного мира, тот не мог выступать против суда» [*Rabe*, RG. S. 316]. Отныне все спорные моменты в отношениях между евангелическими и католическими чинами империи должны были регулироваться камеральным судом, заседавшим в *Шнейере*. Сложилось технически важное распределение функций: если рейхстаг был призван в целом решать лишь политические проблемы, прямо не связанные со спорами на религиозной почве, то суд должен был заниматься именно юриди́ко-конфессио́нальными вопросами. Тем самым обнаруживался важный правовой канал в решении конфликтных ситуаций, при которых истец и ответчик принадлежали к разным вероисповеданиям. Организация судопроизводства и процедура принятия решений основывались на принципах равенства конфессий. Сенат камерального суда состоял наполовину из католиков, наполовину из лютеран. С одной стороны, паритет удовлетворял интересы сословий обеих конфессий, с другой — таил в себе опасность блокирования решений, в случае если голоса делились поровну. Тем не менее авторитет суда был весьма высок, о чем говорит статистика: за период с 1559 по 1589 г. (т. е. до момента окончательного паралича этого органа) из всех принятых приговоров было опротестовано лишь семь.

Ежегодно для контроля над работой суда императором назначалась особая *визитационная комиссия* («*Visitationsskommission*»), состоявшая из представителей имперских сословий. В круг обычных дел, разбираемых судом, включались вопросы признания реформационного права за имперскими сословиями, эмиграционных прав подданных имперских чинов, упразднения духовной юстиции в делах ве-

ры, а также секуляризованного имущества католической церкви.

Будущий кризис камерального суда, однако, становился неизбежным, поскольку сам Аугсбургский религиозный мир не мог положить предел ни реформационному движению, ни начавшейся рекатолизации. Свободной оставалась дорога обоим процессам, что ставило на повестку дня конфликты, не поддававшиеся по своему размаху нормативному урегулированию. Главные споры разворачивались вокруг признания реформационных прав за имперскими городами, заключавшими в себе конфессиональные меньшинства, и секуляризации имперских аббатств и епископств, расположенных на территории евангелических князей. В решении этих проблем не обнаруживалось согласованного мнения ассессоров и принятие окончательных приговоров делалось невозможным. Следствием стали постоянные (с 1557 г.) запросы суда, адресованные рейхстагу, с просьбой принять окончательное решение по спорным делам на общеимперском форуме.

Региональными институтами имперского судопроизводства являлись старые, учрежденные еще при Максимилиане I *имперские округа* («*Reichskreise*»), охватывавшие несколько территорий, во главе которых стояли имперские чины (6 округов — в 1500 г., 10 — с 1512 г.). В руки начальникам этих округов — главным образом, влиятельных духовных и светских имперских князей — передавалась функция поддержания земского мира и осуществления имперской экзекуции. Были организованы окружные канцелярии, аппарат управления и финансы. Для выработки согласованного мнения на уровне округов собирались т. н. *имперские окружные съезды* («*Kreisetag*»), включавшие в себя представителей всех имперских чинов, входивших в данный округ. Социальный состав окружных съездов зачастую исключал доминирование только лишь княжеской имперской элиты, а конфликты, разворачивавшиеся на региональном уровне, не были столь многообещающими для князей и курфюрстов, как на уровне рейхстага. Следствием этого стал постепенный отход курфюрстов от деятельного участия в окружных собраниях, что не только блокирова-

ло принятие важных решений, но и указывало на рейхстаги и съезды депутатов как отныне главные институты имперско-княжеского компромисса. Князьям было выгоднее и легче защищать интересы на съездах депутатов и на рейхстагах, чем на многоголосых окружных ассамблеях, где они имели перед собой, как правило, давних, хорошо известных и непримиримых оппонентов.

Наряду с подвижками в системе имперского судебного и сословного контроля во второй половине XVI в. все более значимыми становились административные органы короны. В процессе совершенствования аппарата управления огромное значение имели реформы Фердинанда I, повлекшие создание в 1559 г. *имперских надворных* («*Reichshofrat*») и *тайных советов* («*Geheimer Rat*»). Предтечами новых инстанций стали преобразования, уже осуществленные Фердинандом в своих наследственных землях. В 1527 г. был учрежден надворный совет в Вене, в компетенцию которого входили текущие дела по управлению Австрией. В 1537 и 1541 гг. этот орган был реорганизован, а после восшествия Фердинанда на престол его сфера деятельности распространилась на всю территорию Империи. По уложению 1559 г. в круг дел надворного совета входили вопросы управления и юстиции, право на пересмотр судебных вердиктов и на помилование. По отношению к имперскому камеральному суду надворный совет выступал конкурирующей инстанцией. Кроме того, ему было передано исключительное право решать все спорные вопросы, связанные с имперскими ленами.

В делах управления роль совета определялась регулярными консультациями с императором по всему кругу внутренних и внешних проблем Империи. Ядро совета, представленное, как правило, близкими императору опытными управленцами, образовывало т.н. *тайный совет*, совещания с которым предваряли последующие переговоры государя с самим надворным советом. В функции тайного совета входила подготовка решений по самым важным правительственным делам. Коллегиальный стиль управления, столь присущий первым императорам конфессиональной эпохи, обеспечивал принятие окончательных ре-

шений лишь после обсуждения в обоих советах, что превращало обе инстанции в высшей степени авторитетные учреждения. Не случайно, что после блокирования работы камерального суда именно имперский совет принял на себя, по обоюдному согласию всех споривших профессиональных групп, бремя разрешения самых болезненных вопросов.

Состав совета включал в себя от 12 до 18 лиц, назначавшихся непосредственно императором, причем преимущественно из наследственных земель Габсбургов. В него входили дворяне и дипломированные юристы неблагородного происхождения.

При кажущейся множественности и громоздкости центральных и региональных имперских институтов можно, однако, заметить во второй половине XVI в. весьма перспективные тенденции. Они выражались, с одной стороны, в упрощении структур сословного представительства, когда в результате явно обозначившихся процессов олигархизации, ускоренных Реформацией, княжеская элита окончательно завладела ключевыми позициями в важнейших учреждениях. Тем самым имперская власть получала возможность постоянно общаться и договариваться с относительно малой группой имперских князей. Так легче было достичь приемлемого компромисса и использовать рычаги влияния личных отношений. С другой стороны, активизация центральных административных учреждений укрепляла позиции престола, как бы дополняя относительно прочный баланс между императором и сословиями. Переплетаясь, обе тенденции могли стать многообещающими для развития имперской власти.

Трагедия Империи тем не менее заключалось в том, что эти процессы развивались в поле нерешенного до конца конфессионального противостояния, которое со временем все более деформировало работу центральных институтов. Последующий кризис учреждений был запрограммирован загнанными вглубь «болезнями» Аугсбургского мира.

ИСТОЧНИКИ

1. *Buschmann, KR. T. 2.*
2. *Correspondenz des Kaisers Karl V / Hrsg. von K. Lanz. Bd 1–3. Leipzig, 1844–1846.*
3. *Deutsche Reichstagsakten (I, § 2).*
4. *Die Korrespondenz Ferdinands I (I, § 2).*
5. *Die Korrespondenz Maximilians II (I, § 2).*
6. *Staatspapiere zur Geschichte des Kaisers Karl V / Hrsg. von K. Lanz. Stuttgart, 1845.*
7. *Quellen zur Geschichte des Kaisers Maximilian II. Bd 1–2. / Hrsg. von M. Koch. Leipzig, 1857–1861.*
8. *Quellen zum Verfassungsorganismus (I, § 3.1).*
9. *Zeumer, QGDR.*

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зукен Б. Фердинанд I 1556–1564. // Кайзеры. С. 61–88.*
2. *Колер А. Карл 1519–1556 // Кайзеры. С. 34–60.*
3. *Рудерсдорф М. Максимилиан II 1564–1576 // Кайзеры. С. 89–113.*
4. *Bibl V. Maximilian II. Der ratselhafte Kaiser. Ein Zeitbild. Hellerau bei Dresden, 1929.*
5. *Brandi K. Kaiser Karl V. Werden und Schicksal einer Persönlichkeit und eines Weltreiches. 7. Aufl. München, 1964.*
6. *Bucholtz F. B. von. Geschichte der Regierung Ferdinand des Ersten. Bd 1–9. Wien, 1831–1838.*
7. *Dotzauer W. Die deutschen Reichskreise in der Verfassung des Alten Reiches und ihr Eigenleben (1500–1806). Darmstadt, 1986.*
8. *Fernandez Alvarez M. Imperator mundi. Karl V. Kaiser des Heiligen Römischen Reiches Deutscher Nation. Stuttgart, 1977.*
9. *Gotthard A. Das Alte Reich 1495–1806. Darmstadt, 2006.*
10. *Gschliesser O. von. Der Reichshofrat. Bedeutung und Verfassung, Schicksal und Besetzung einer obersten Reichsbehörde von 1559 bis 1806. Wien, 1942.*
11. *Kaiser Ferdinand I. Ein mitteleuropäischer Herrscher / Hrsg. von M. Fuchs, T. Oborni, G. Ujvarys. Münster, 2005.*
12. *Kaiser Ferdinand I. Das Werden des Habsburger Monarchie. Milano, 2003.*
13. *Kaiser Maximilian II. Kultur und Politik im 16. Jahrhundert / Hrsg. von F. Edelmayer, A. Kohler. Wien, 1992.*
14. *Kohler A. Antihabsburgische Politik in der Epoche Karls V. Die reichsstandische Opposition gegen die Wahl Ferdinands I zum römischen König und gegen die Anerkennung seines Königtums. Göttingen, 1982.*
15. *Kohler A. Karl V. Eine Biographie. München, 2003.*
16. *Kohler A. Ferdinand I. 1503–1564. Fürst, König, Kaiser. München, 2003.*
17. *Kohler A. Karl V, Ferdinand I und das Reich. Bemerkungen zur Politik der habsburgischen Brüder // Europäische Herrscher. Ihre Rolle*

bei der Gestaltung von Politik und Gesellschaft vom 16. Bis zum 18. Jahrhundert / Hrsg. Von G. Vogler. Weimar, 1988. S. 58–70.

18. *Lanzinner M.* Friedenssicherung und politische Einheit des Reiches unter Kaiser Maximilian II. (1564–1576). Göttingen, 1993.

19. *Luttenberger A.* Kurfürsten, Kaiser, Reich. Politische Führung und Friedenssicherung unter Ferdinand I. und Maximilian II. Mainz, 1994.

20. *Lutz H.* Christianitas afflicta. Europa, das Reich und die päpstliche Politik in Niedergang der Hegemonie Kaiser Karls V. (1552–1556). Göttingen, 1964.

21. *Lutz H.* Karl V. Biographische Probleme // Biographie und Geschichtswissenschaft. Aufsätze zur Theorie und Praxis biographischer Arbeit / Hrsg. Von G. Klingenstein et al. Wien, 1979. S. 151–182.

22. *Neuhaus H.* Reichsständische Repräsentationsformen im 16. Jahrhundert. Reichstag–Reichskreistag–Reichsdeputationstag. Berlin, 1982.

23. *Neuhaus H.* Das Reich in der frühen Neuzeit. München, 1997.

24. *Press V.* Reichskammergericht in der deutschen Geschichte. Wet-
zlar, 1987.

25. *Rabe H.* Der Augsburger Religionsfriede und das Reichskammergericht 1555–1600 // Festgabe für E. W. Zeeden zum 60. Geburtstag. Munster, 1976. S. 260 ff.

26. *Rabe, RG.*

27. *Rassow P.* Die politische Welt Karls V. München, 1942.

28. *Schubert F. H.* Die deutschen Reichstage in der Staatslehre der frühen Neuzeit. Göttingen, 1966.

29. *Schulze W.* Reichstage und Reichsteuern im späten 16. Jahrhundert // ZHF, 2, 1975. S. 43–58.

30. *Smend R.* Das Reichskammergericht. T. 1. Geschichte und Verfassung. Weimar, 1911.

31. *Sutter Fichtner P.* Ferdinand I. Wider Türkennot und Glaubensspaltung. Graz, 1986.

3. Лютеранская церковь

а) Завершение конфессионального обособления и внутренней консолидации. Эпоха ортодоксии. Развитие лютеранства после Аугсбургского мира характеризуется тремя процессами, ставшими свойственными всем другим конфессиям в Германии: *отмежеванием* от других исповеданий (от кальвинизма, цвинглианства, спиритуализма, швайнкфельдианства, католичества, анабаптизма), *внутренней консолидацией* за счет объединения различных направлений в лютеранстве и *формированием территориальной церкви* под эгидой князей, что обеспечивалось территориальной экспансией Реформации после 1555 г. Ос-

новополагающую посылку учения Лютера образует тройное *оправдание* посредством веры (*sola fide*), Писания (*sola scriptura*) и милости (*sola gratia*). Человек, являясь грешником в силу первородного греха, может рассчитывать лишь на милость Всевышнего, которая является следствием безмерной божественной любви. Ее невозможно заслужить «добрым делом», а лишь оправдать, доверяясь (т.е. веря) Всевышнему. Вера человека есть изъявление встречной любви к Богу, ведущая по пути Спасения. Меланхтон уже при жизни Лютера толковал положение об оправдании в свойственном ему духе *синергизма*, полагая возможным «содействие» человека своему спасению в земной жизни за счет встречного движения воли. Вопрос же о «добрых делах» как следствии оправдания был впоследствии разработан ортодоксией в том смысле, что за счет них Господь оправдывает жизнь самого верующего, но не очищает душу от первородного греха. Следствием этой посылки стало развитие во второй половине века более цельной концепции взаимодействия человека и Бога в земной жизни. Сам же Лютер достаточно безразлично относился к аспектом формального земного благочестия («Вера есть то сокровище, кое надлежит беречь и лелеять постоянно, в жизни же можно держать себя и по-другому»).

Со временем расхождения между Лютером и Меланхтоном увеличились по довольно широкому спектру догматических проблем. Меланхтон, испытывая тягу к систематизации и находясь под влиянием метафизических, естественноправовых и этических идей Аристотеля, воспринимал основные догматические посланки Лютера безусловной данностью, но считал первоочередной задачей практический инстpуктивизм догмы, что, в свою очередь, влекло корректировку некоторых положений самого вероучения. Лютер, напротив, был увлечен главными принципами, оставляя техническую сторону догмы на втором месте. При жизни Лютера разногласия не носили принципиальный характер, сглаживаясь десятилетиями дружбы и совместной борьбы. Но уже при работе над вторым изданием формулы Аугсбургского вероисповедания Меланхтон счел возможным изменить десятую статью, толковавшую евхаристию. Новая

Картина Лукаса Кранаха представляет всех выдающихся евангелических реформаторов середины XVI в. в образе апостолов, собравшихся вокруг Христа. По правую сторону его — Филипп Меланхтон. Алтарь евангелической церкви в Дессау

редакция под названием *Измененного Аугсбургского Вероисповедания* увидела свет в 1540 г. В учение о евхаристии Меланхтон стоял ближе к Кальвину, а в вопросах свободы воли, доброго дела и направляющей силы церковной власти — ближе к Риму.

Догматический аспект сплетался с политическим благодаря привлечению к Шмалькальденскому союзу южно-немецких городов, тяготевших к цвинглианству («тетраполитана»). Потребовался сложный компромисс в виде Формулы Виттенбергского согласия 1536 г., узаконившей достаточно зыбкое содружество последователей ортодоксии и сторонников смешанного с цвинглианством учения. В последние годы жизни Лютера в его окружении наметилось формирование весьма сплоченной группы богословов, выступавших с критикой меланхтоновской формулы (Иоганн Агрикола). Но только после смерти «Виттенбергского соловья» в 1546 г. споры вылились в открытое противостояние двух направлений в евангелическом богословии. Если сторонники Меланхтона вместе со своим наставником имели главную цитадель в стенах *Виттенбергского университета* под покровительством курфюрста Саксонии, то их противники нашли прибежище в эрнестинских владениях, преимущественно в стенах *Йенского университета* (герцогство Саксен-Веймар). Противники Меланхтона именovali его сторонников «*филиппистами*», позже — «криптокальвинистами», откровенно намекая на общность некоторых догматических положений Меланхтона и Кальвина. Сами же себя оппоненты Меланхтона полагали истинными наследниками учения Лютера, т. е. *гнесиолютеранами*. Среди приверженцев Меланхтона были видные деятели минувших лет: Георг Майор, Юстус Мениус, Иоханнес Пфэффингер и многие другие. «Гнесиолютеране» могли гордиться блестящими фигурами Никласа фон Амсдорфа, Матфея Флация, Иоханнеса Виганда. Матвей Флаций со временем стал главным руководителем всего ортодоксального направления, получив в 1557 г. кафедру в Йенском университете.

Конфликт развивался, распадаясь на две фазы: от кончины Лютера до смерти Меланхтона (1560) и от смерти

Меланхтона до итогового соглашения 1577 г. Спор шел вокруг трех богословских вопросов:

1. Об исключительности *божественной милости* как основы спасения в ее зависимости от ответственности человека — по сути, внутрилютеранское продолжение дискуссии с католической церковью вокруг оправдания.

2. Об образе присутствия Христа в *причастии*.

3. О самостоятельности церкви по отношению к *светской власти*.

«Гнесиолутеране» во всех пунктах подчеркивали приоритет Евангелия и считали толкование Лютера вкупе с текстом единственной верной основой вероисповедания. Любое отклонение воспринималось крайне болезненно, как предательство и отступничество.

Первая фаза содержала четыре крупные богословские дискуссии:

1. Спор по вопросу адиафоры между Флацием и Меланхтоном (под адиафорой понимались обрядовые традиции католической церкви, не существенные для лютеранского вероучения и потому могущие быть оставленными в евангелической традиции).

2. Осиандристский спор между Иоахимом Мерлином (1514–1571) и Андреасом Осиандром (1498–1552).

3. Майористский спор между Никласом фон Амсдорфом (1483–1565) и Георгом Майором (1502–1574).

4. Синергистский спор между Иоханнесом Пфееффингером (1493–1573), Викториной Штригелем (1524–1569) и Матвеем Флацием (1520–1575).

Споры резко обострились после того, как в 1552 г. в Гамбурге представитель ортодоксии Иоахим Вестфаль публично обвинил Меланхтона в связях с Кальвином. Меланхтон в свою очередь оставил без ответа письменное предложение Кальвина окончательно соединиться с ним в вопросах веры, что дало повод «гнесиолутеранам» считать его самого и его сторонников «молчаливыми», или «тайными», кальвинистами («крипто-кальвинисты»).

Авторитет Меланхтона еще сдерживал накал дискуссии, но после его смерти в апреле 1560 г. конфликт стал стремительно приобретать все черты настоящего раскола.

Противостояние Виттенбергского и Йенского университетов обострялось желанием династического реванша Эрнестинской ветви саксонских Веттинов, представители которого в лице сперва Иоганна Фридриха Среднего, а потом герцога Иоганна Вильгельма Веймарского претендовали на роль главных хранителей истинного наследия Лютера. Кульминации конфликт достиг на Вормском съезде, собранном в 1557 г. по инициативе Фердинанда I для поиска компромисса между католиками и лютеранами (см. I, § 2, 1), на котором вместо переговоров с католиками протестантские богословы начали споры между собой. В 1561 г. на съезде в Наумбурге представители Пфальца, альбертинской Саксонии и Веймара тщетно пытались прийти к соглашению по вопросу конфессиональной ориентации. Полным провалом окончилось и новое свидание между курфюрстом Августом и Иоганном Вильгельмом в Альтенбурге в 1569 г.

Между тем разгоравшиеся споры вредили общему положению евангелической церкви, не без основания побуждая католиков видеть в них признаки глубокого внутреннего кризиса. Встревоженные за судьбы веры князя, прежде всего курфюрст Август Саксонский, герцог Брауншвейг-Вольфенбюттельский Юлий Младший и Христофор Вюртембергский, с начала 70-х гг. хлопотали о достижении единства. Сумма внешних обстоятельств облегчала компромисс: еще в 1561 г. Флаций вынужден был оставить вследствие интриг преподавание в стенах Йенского университета, а спустя несколько лет, войдя в конфликт с герцогской властью по вопросу контроля над евангелическими церковными структурами, — и пределы самого герцогства. В 1574 г. курфюрст Август, считая себя введенным в заблуждение «филиппистами», очистил от последователей Меланхтона Виттенбергский университет и свое окружение (канцлер Краков, Симон Пойкер). В 1572 г. скончался Иоганн Вильгельм Веймарский, главный патрон «филиппизма» в Тюрингии, а в 1576 г. — курфюрст Пфальцский Фридрих III. Крупнейшие фигуры, знаменовавшие противостояние, уходили со сцены.

Среди богословов, нашедших в себе силы примирить враждебные направления, оказался канцлер Тюбингенско-

го университета, влиятельнейший советник герцога Христофора *Якоб Андреа* (1528–1590), известный критик Тридентского собора *Мартин Хемнитц* (1522–1586) и нижнесаксонский теолог *Николай Зельнекер* (1530–1592). Всем троим были близки положения ортодоксии, но гибкая позиция, занятая в споре, позволила дистанцироваться от крайностей Виттенберга и Йены. Андреа взял в свои руки подготовку переговоров. Сперва в Вюртемберге при поддержке теологического факультета и особенно герцога Христофора (Швабское Соглашение, 1574 г.), а затем в Брауншвейге на встречах с Хемнитцем и Зельнекером были выработаны предварительные условия, устраивавшие и саксонских теологов («Швабско-саксонское Соглашение, 1575 г.»). Спустя год на собрании лютеранских богословов в Торгау, созванном по инициативе курфюрста Августа, возник проект окончательного религиозного примирения, который был вынесен на рассмотрение земских лютеранских церквей. После продолжительных дискуссий и интенсивных переговоров, длившихся с марта по май 1577 г. в монастыре Берген близ Магдебурга, было достигнуто общий компромисс, примерявший «филиппистское» направление с ортодоксальным лютеранством. Он нашел выражение в *Формуле Соглашения*, сделавшей возможным дальнейшее развитие немецкого лютеранства как единой конфессии.

Стержень Формулы образовывали положения Аугсбургского вероисповедания 1530 г., которые были признаны единственной каноничной редакцией веры. В первых двух статьях отвергались синергистские тезисы «филиппистов», равно как и аргументы Флация, в третьей отрицались учение Осиандра и адиафоризм, в четвертой — положения Георга Майора о «добрых делах». Учение Меланхтона было признано не противоречащим Лютеру, но лишь искаженным и извращенным его последователями и врагами Евангелия. В вопросе толкования евхаристии и христологии акцент был поставлен на евангельском Слове в смысле буквального присутствия Христа в причастии и на тезисе о перевоплощении земной плоти Христа в божественную. Предопределение в кальвинистском понимании видоизменялось лишь в поучение Господа, из любви предупрежда-

ющего и побуждающего греховного человека. Тем самым провозглашалась возможность двойного исхода Истории. Формула Согласия, таким образом, не создавала нового вероучения, а лишь четче формулировала и растолковывала положения Аугсбургской Конфессии 1530 г. «Филиппизм» лишился доктринальной почвы и растворялся в ортодоксии. Спустя еще три года, после неоднократных попыток расширить круг признавших Соглашение имперских чинов, в 1580 г. его текст был опубликован в Дрездене (*Книга Согласия, Konkordienbuch*) вместе с другими письменными свидетельствами лютеранской конфессии.

Таким образом завершилась работа по догматическому созиданию лютеранства. Отныне основу евангелического вероучения составляли *Св. Писание* во всех его частях, *Большой и Малый Катехизис* Лютера, *Шмалькальденские статьи* (написанные Лютером в 1536 г. для прений с католиками на предполагавшемся Соборе), *Неизменная Формула* Аугсбургского вероисповедания 1530 г., *Апология Аугсбургского вероисповедания* Меланхтона, его же трактат «*О власти и старшинстве папы*» («*De potestate et primatu Papae*») и, наконец, сама *Формула Согласия*. 86 князей, баронов и городов (или их представители) подписали текст вместе с 8500 пасторами, согласившимися с Формулой. Остальные отказались ее признавать, большей частью перейдя позже в лоно реформатской доктрины.

Достижение Согласия знаменовало важный итог предшествовавшего развития. Оно отнюдь не было следствием «мелочных» догматических столкновений внутри лютеранства, как считали либералы и позитивисты прошлых лет, а было вполне нормативным актом исцеления от внутренних разногласий, сопровождавших рождение любой крупной конфессии. Учению Лютера надлежало во что бы то ни стало конституироваться в ряду прочих нарождавшихся направлений протестантизма, жестко идентифицировать себя с определенной догмой. Лишь в этом случае оно могло претендовать на роль самостоятельного и влиятельного вероисповедания. В перспективе 1577 г. имел и другое большое значение: лютеранство раньше прочих конфессий смогло преодолеть внутренние разногласия и явиться в виде цель-

ной и ясной догмы. Кальвинизму еще предстояло столкнуться с проблемами догматического толкования (Дордrechtский синод, 1618–1619), католицизм лишь находился в стадии завершения консолидации, тридентские реформы очень медленно и постепенно превращались в действенный фактор для католической Германии. Лютеранство в таких условиях располагало уже разработанной, хорошо подготовленной платформой.

Обретение внутреннего единства следовало параллельно внешнему отмежеванию от родственных ветвей протестантизма. С годами все более растущее неприятие Лютером нововведений *Ульриха Цвингли* переросло в окончательный разрыв. На переговорах в *Марбурге* в 1529 г., организованных усилиями ландграфа Филиппа Гессенского, стороны констатировали полную противоположность в толковании *евхаристии*: если Лютер придавал причастию буквальный смысл как воплощению вина и хлеба в кровь и тело Христово, то Цвингли настаивал лишь на символическом значении таинства. Расхождение оказалось непреодолимым, и компромисс невозможным. Позже к вопросу таинств прибавилась проблема *экзерцизма*, т. е. обряда изгнания беса при совершении крещения. Если для Лютера процедура выглядела совершенно необходимой прежде всего ввиду центрального значения крещения в обрядовой концепции лютеранства, то в рамках доктрины Кальвина она выглядела бессмысленной с точки зрения учения о предопределении. Публикация Кальвином его главного труда в 1536 г., как и позже — Женевского катехизиса вызвала лишь раздражение и полное неприятие в лютеранской среде. Только с большим трудом и с оглядкой на политическую ситуацию поддерживалась относительная терпимость к «третьему» пути, среднему между кальвинизмом и лютеранством, представленному рейнско-эльзасскими реформаторами (Мартин Буцер, Якоб Штурм, Иоганн Эколомпадий). Помимо вышеуказанных разногласий появились и новые, связанные с отличиями в учении об *оправдании*, *тристологии* и *доктринальном значении библейского текста*. Соединение Кальвина со швейцарской Реформацией, уход со сцены компромиссной группы западно-немецких бого-

словов и подписание Формулы Согласия в 1577 г. означало завершение размежевания двух ведущих направлений европейского протестантизма. Отныне кальвинизм и лютеранство оказались в непримиримых — вплоть до XVIII в., т. е. до наступления эпохи Пиетизма — противоречиях, наложивших трагическую печать на судьбы немецкого протестантизма в первой половине XVII в.

Что касается сосуществования с католицизмом, то здесь временный, вынужденный и почти нигде в полной мере не принятый компромисс *Аугсбургского Интерима 1548 г.*, разработанный Иоганном Агриколой (введение причастия под обоими видами, разрешение брака для духовенства при сохранении в полной неизменности традиционной католической догмы), остался лишь фрагментарным явлением. Пассауский мир 1552 г. и Аугсбургское соглашение 1555 г. юридически упразднили всякие обязательства, взятые лютеранами в 1548 г.

Следующий отрезок в истории лютеранства обычно именуется эпохой *старолутеранской ортодоксии*, охватывавшей конец XVI и большую часть XVII в. До последних лет в трудах немецких исследователей этот период пребывал либо в полном забвении, либо удостаивался в высшей степени негативных оценок. С XIX в. общим местом стало суждение о времени ортодоксии как о застое в теологическом развитии, консерватизме, категоричном, бессмысленном и непродуктивном неприятии иноконфессионального мнения, прежде всего кальвинизма (В. Швабе, Г. Толук). Перемены наметились лишь с выходом в свет работ *Ганса Лёйбе* в первой половине XX в., систематизировавшего учения евангелических теологов кануна и периода Тридцатилетней войны, равно как и эволюцию полемики между реформатами и кальвинистами. Г. Лёйбе одним из первых указал не только на эпохальную важность ортодоксии в смысле подытоживания предшествующего наследия, но и на ростки будущих пиетистских и экуменистических воззрений, медленно всходивших в массе лютеранских богословских экспликаций. *Эрнст Вальтер Цееден* расширил понятие ортодоксии, придав ему в соответствии с собственным пониманием конфессиональной эпохи интеркон-

фессиональное значение: ортодоксия — явление характерное и для католицизма, и для всех ветвей протестантизма. В ортодоксии Э. В. Цееден усматривал разработку целостной системы «истинного вероучения». «Характерными признаками ортодоксии, — пишет он, — выступают большие догматические суммы, компендиумы из Св. Писания, сочинений Лютера, исповедальных книг, создававших целостное учение, в котором нашли свое место вопросы религиозной, социальной и естественной этики» [Zeeden, ZG. S. 212]. В последние годы эти тезисы получили развитие прежде всего в работах *Эйке Вольгаст* и *Вольфганга Зоммера* бесспорно крупнейших на настоящий момент специалистов в области лютеранской ортодоксии. По мнению Э. Вольгаст, многочисленное поколение лютеранских богословов XVII в. незаслуженно забыто, но именно этому поколению немецкое лютеранство обязано цельной философской картиной мира, не успевшей еще созреть в трудах самого Лютера. В. Зоммер сосредоточил внимание на коллективном портрете лютеранского пастората на примере на дворянских духовников саксонских курфюрстов и кроме того в отдельной монографии постарался выявить взаимозависимость политических и духовных составляющих лютеранской Германии. Внутреннее единство евангелического сообщества формировалось по его мнению единой духовной аурой и практикой, сильно влиявшей на правительственные структуры, причем особенно заметную роль играли апокалипсические мотивы, распространенные как в лагере ортодоксов, так и у сторонников Меланхтона. Ожидание скорого конца времен — общий мотив собственно самой Реформации — сильно содействовало духовному стоицизму и наложило печать на специфику лютеранского благочестия с ее сильно выраженным акцентом на покаянных трудах.

Характерные черты лютеранской ортодоксии явственно обозначились после выработки Согласия. Они выражались в подчеркнутом желании касаться тех или иных богословских проблем с опорой на Писание и основополагающие тексты Книги Согласия 1580 г. Поскольку сами догматы считались непререкаемыми и очевидными, то отношение

к их толкованию строилось лишь по линии критики: любое отклонение от изначальных формул считалось заблуждением и отступничеством. Именно эта черта — своеобразный гиперкритицизм — была присуща ортодоксии, что на первый взгляд разочаровывает в стиле и духе многочисленных трактатов XVII в. Но понять этот критический настрой можно лишь в том случае, если иметь в виду огромное желание лютеранского богословия укрепить внутреннее единство, столь громадными усилиями достигнутое в 1580 г. С другой стороны, критика была во многом лишь формой, скрывавшей постепенное осмысление лютеранского наследия во взгляде на выработку единой философской, правовой и этической концепции. В этих областях ортодоксия проявляла синтез взглядов Аристотеля в интерпретации Меланхтона и позднесредневековых схоластических воззрений, разделявшихся ранее Лютером и отчасти сближавших методологию лютеранства с католицизмом. Следствием стало появление внушительных компендиумов, давших исчерпывающее понимание разнообразных сторон мироздания.

Следует различать три основные школы ортодоксии в Германии: условно говоря, саксонскую, представленную крупнейшими университетами *Лейпцига* и *Виттенберга*, йенскую (*университет Йены*) и хельм-штедскую (*университет Хельмштедта*). Видным представителем первой стал *Абрахам Калов* (1612–1686), приравнявший Св. Писанию исповедальные книги лютеран и придававший догматическую ценность библейским положениям. Его творчество стало, вероятно, высшим достижением лютеранского богословия в области догматики в XVII в. При всем устойчивом консерватизме обоих саксонских университетов, проистекавшем из желания претендовать на роль главных интерпретаторов наследия Лютера, между лейпцигской и виттенбергской школами имелись латентные, зачастую неакцентированные разночтения. В отличие от лейпцигских теологов виттенбергские эксперты были в целом более склонны радикализировать позиции лютеранства в вопросах политики и особенно отношений с католическими властями.

В Йене в отличие от саксонских традиций ощущалось более сильное воздействие аристотелевского направления, почерпнутого из наследия Меланхтона. В лучших и наиболее законченных формах оно воплотилось в трудах *Иоганна Герхарда* (1582–1637) и *Иоганна Музея* (1613–1681), в своих естественно-философских рассуждениях предварявших идеи Просвещения.

Хельмштедтские богословы стояли особняком к своим коллегам из Йены и Саксонии. Самостоятельность хельмштедтской традиции имела причиной специфику самой Реформации, введенной в брауншвейгских землях после 1568 г. в правление герцога Юлия (1568–1589). Преобразования там носили не только внешне мирный, но и весьма осторожный, постепенный характер, что позволило местной богословской традиции занять своеобразную, в достаточной степени нейтральную позицию между откровенной нетерпимостью лютеранских и католических радикалов.

Общепризнанным духовным лидером Хельмштедта был *Георг Каликст* (1586–1651), одним из первых лютеранских мыслителей открыто проповедовавший возможность конечного согласия с католиками в лоне единой христианской Церкви. В его воззрениях нашли отражение иренические традиции европейской философии вкупе с гуманистической трактовкой церкви. Каликст развивал идею соборности церкви, своего рода экуменистического единства, предполагавшего терпимость и компромисс. Его мысли оказали существенное влияние на немецкое богословие XVIII в.

Ортодоксия в числе прочих своих задач выполнила важнейшую функцию *адаптации веры* на уровне самых широких слоев населения. Если в XVI в. закончилось создание самой догмы, то в XVII завершилось претворение веры в жизнь: лютеранство стало важнейшим организующим началом повседневности. Тип лютеранской конфессионализации был бы немыслим без кропотливой, пунктуальной, подчас удручающей своим ригоризмом работы нескольких поколений богословов, методично искавших ответа на множество лишь поставленных реформа-

торами проблем. Реформа веры переросла в «реформу жизни», задачи которой были блестяще сформулированы тюбингенским богословом Иоганном Валентином Андреа (1586–1654).

За счет мостков, переброшенных ортодоксией к светской половине общества, удалось не только избежать иноконфессиональных вторжений, разрушавших единство паствы и церкви в отдельных территориях, но и, выражаясь словами Э. В. Цеедена, «пробудить мысль о необходимости постоянного реформирования лютеранской церкви». Поддерживалась забота не только о формальной чистоте веры, но и о ее самом глубоком понимании, что роднило ортодоксов с бурным критическим порывом основателей учения и вместе с тем открывало двери будущему Пиегизму и Просвещению.

б) Организация лютеранской церкви. Лютеранская конфессионализация. При всем достаточно внушительном обилии литературы по различным территориальным примерам строительства организационных структур лютеранской церкви отсутствуют до сих пор крупные сравнительные исследования. Типологически модели церковных преобразований делят на городскую Реформацию и княжескую (территориальную). Успешное исследование проблем создания городских структур евангелической Церкви принадлежит *Гансу Кристофу Рублаку*, главным образом на материале южнонемецких (Констанц) и швабско-баварских городских общин. Вопросы княжеской Реформации, исследованные в деталях, все еще нуждаются в систематизации. Типология княжеской Реформации, разработанная *Эйке Вольгаст*, предусматривает три модели реформационных преобразований на территориальном уровне под эгидой князей:

1. Княжеская Реформация завершала и контролировала преобразования, начатые Реформацией «простого человека».

2. Княжеская Реформация инициировала конфессиональный переворот в католических землях с опорой на антикатолические тенденции среди подданных.

3. Княжеская власть закрепляла успех Реформации в более поздний период посредством перехода в протестантизм правящего Дома.

Классификация Э. Вольгаст подверглась критике (Г. Р. Шмидт), поскольку многие примеры (Пфальц, Вюртемберг) соединяли в себе сразу несколько типов Реформации. По мнению Г. Р. Шмидта, речь вообще не может идти о жестком моделировании ввиду наличия большого числа региональных отличий. Следует иметь в виду прежде всего две стороны единого процесса конфессионализации: церковную Реформацию и ее институциональное воплощение усилиями княжеской власти. Бесспорно, однако, что патронаж князей решающим образом содействовал укреплению церковных структур.

При всех прочих спорных аспектах истории выделяют два, присущих главным образом Германии, характерных момента: соединение Церкви и территории в смысле формирования поликонфессионального ландшафта в рамках единой Империи и наличие в той или иной форме активной княжеской или городской (городские советы) инициативы. Большинство историков едино и в *классификации задач*, стоявших перед княжеской (городской) властью и рождавшимися структурами церковной организации:

1. Укрепление основ вероисповедания.
2. Преобразования в литургии.
3. Формирование и обеспечение пастората.
4. Организация школы.
5. Попечительство над бедными.
6. Строительство новых структур церковного управления.

Теоретической основой служило двойственное отношение к проблеме церковной организации у Лютера и Меланхтона. Того и другого объединяла высказанная еще в ранних произведениях Лютера идея об отсутствии священства в организации общин верующих. Собственно, сам Лютер до середины 20-х гг. полагал вообще излишним придание общинной структуре сколько-нибудь прочного аппарата управления. Организацией верующих, по его мнению, была сама община с пастырем, избираемым членами общи-

ны и способным грамотно растолковать Писание. Разработанное тогда же Лютером учение о трех сословиях («Drei-Stände-Lehre») и дифференциация функций светской власти в трактате «О светской власти, в какой мере должно ей повиноваться» (1523) предполагали четкое разграничение светских и духовных сфер социальной жизни. Однако опасные радикальные тенденции, проявившиеся в сектантском движении и в Крестьянской войне, побудили его пересмотреть старую точку зрения и с годами все более ориентироваться на вспомогательные функции *светской власти*.

Меланхтон в отличие от Лютера всегда придавал большое значение управлению, полагая, что без такового невозможно поддерживать правильное учение и отправление культа. Будучи заядлым методистом, он использовал систематику и логику Аристотеля. «Должность» («Amt») в церковной администрации была в его глазах хотя и лишена святости, но важна в силу своей контрольно-надзорной функции — идея, сближавшая его точку зрения с концепцией реформатской церкви.

В конце 20-х гг. оба реформатора придерживались в общем единой точки зрения, желая передать курфюршеской власти надзорные функции над секуляризированным имуществом католических общин. Лютер указывал на необходимость визитации, причем сам князь выступал у него как «епископ в силу обстоятельств», «Notbischof», взявший на себя роль гаранта интересов евангелических общин. Меланхтон в 1528 г. разработал концепцию *княжеского руководства* церковью в работе «Наставление для визитаторов». *Светская власть* представляла у него хранительницей христианского благочестия, призванной употреблять силу для поддержания «истинной веры». Но создать некую единую концепцию княжеского контроля, подходившую под совершенно различные практические ситуации в разных регионах, оказалось невозможным — драматичные коллизии Реформации вносили свои коррективы, разрушавшие умозрительную схему. Лютер прекрасно понимал противоречие теории и жизни, когда с нескрываемым скепсисом отзывался о программе церковных преоб-

разований ландграфа Филиппа Гессенского в 1527–1528 г.

Первые опыты организации евангелической церкви следовали не в территориях, а городах, причем вплоть до конца 20-х гг. лишь Страсбург и Констанц имели в своих стенах относительно организованное сосуществование учреждений магистрата и верующих. Организационные основы здесь складывались в основном под влиянием цюрихской Реформации *Цвингли*, с самого начала считавшего необходимой жесткую вертикаль соподчинения общинных и правительственных структур. Центральные и северонемецкие города, дистанцируясь от цвинглианства, лишь постепенно обретали более или менее ясные контуры церковной организации. Что же касается территорий, то здесь, исключая частный пример секуляризации Немецкого Ордена в Пруссии в 1525 г., лишь *курфюршество Саксония* в правление Иоганна Постоянного (1525–1531) предприняло самую крупную и последовательную попытку установить контроль светской власти над бывшими церковными институтами (визитация 1527–1528). Вообще же следует отметить, что уже накануне Реформации существовали предпосылки княжеского руководства церковью: во второй половине XV в. во многих княжествах, особенно во владениях Веттинского Дома, было узаконено вмешательство в монастырскую жизнь, организация визитаций, надзор за епископатом — явление, указывавшее на то, что проблемы Реформации не были в данном аспекте чем-то принципиально новым для правительственной практики имперских князей.

Саксонский пример оказался не только одним из самых ранних, но и образцовым для многих территорий. Однако до середины века и здесь не было специальных учреждений, которые ведали бы вопросами только организации евангелической церкви. Княжеские советники непосредственно на местах разбирали текущие дела по мере их поступления. Дело ограничивалось лишь введением должности суперинтендантов, следивших за нравственностью пастората. Лишь с появлением в 1539 г. в лице *консисторий* высшей судебной инстанции для духовенства можно было говорить о рождении постоянно действующего над-

зорного органа, подотчетного княжеской власти. «Посредством этого института князь принял на себя ставшую бесхозной епископскую юрисдикцию» [*Schmidt, Konfessionalisierung. S. 14*]. Как род правительственных учреждений консистории впоследствии возникли и в структурах управления многих других северо- и центральнонемецких княжеств, выступая отпочкованием старых земских судов.

При всем многообразии региональных различий классическими для Германии стали две модели территориальной организации лютеранской церкви: *Вюртемберг* и *Саксония*. Вюртемберг, игравший роль больверка лютеранства в южной Германии, приобрел четкие контуры церковной организации при герцоге Христофоре в 1553 г., когда был создан церковный совет, выполнявший при князе ту же роль, что и консистории в Саксонии. Если в Саксонии консистория восходила корнями к судебным учреждениям позднего средневековья, то высший орган церковного контроля в Вюртемберге вырос из практики *визитационных комиссий*: суд чести по делам духовенства был передан здесь специальным инстанциям. Совет непосредственно подчинялся князю и состоял на паритетной основе из теологов и юристов. Согласно синодальному уложению 1547 г., герцогство территориально дробилось на 23 *деканата* с обязательным созывом два раза в год общего *Синода*. В 1553 г. деканаты были преобразованы в суперинтендантуры уполномоченных надзирать приходских пастырей в своей округе. В свою очередь суперинтенданты были подчинены четырем генерал-суперинтендантам, отвечавшим за т. н. «четверти» (т. е. четыре церковные провинции, на которые было поделено герцогство). Общины были жестко субординированы церковным инстанциям, и их возможности влиять на повседневную жизнь ограничивались лишь правом выражать общее мнение по поводу нравственного облика собственных пастырей. Последние без согласия общины имели право не допускать согрешивших к причастию, а отлучение от общины следовало лишь по решению Синода без всякого волеизъявления самой общины. Высшей представительной инстанцией, т. е. Синоду, принадлежало право отлучения и назначения пастырей.

В Саксонии решающий этап обустройства евангелической церкви пришелся на годы правления *Августа I* (1553–1586), завершившего начавшиеся еще при Эрнестинах преобразования. На основе двух церковных уложений 1561 и 1580 гг. под влиянием вюртембергской модели была создана довольно прочная вертикаль управления. Курфюрсту принадлежала фактически вся полнота административного контроля над церковью. Он имел право назначать состав *Верховной Консистории* в Дрездене и ее региональных филиалов в Виттенберге и Лейпциге, а также на должности генеральных и окружных суперинтендантов. Ему же принадлежало право общего надзора за работой высших церковных инстанций и на созыв *Синода*. Общая структура учреждений строилась на сочетании постоянно действующих органов (Консистория, суперинтендатуры, пасторат) и института представительства (Синод). Верховная дрезденская консистория стояла под началом светского лица (дворянина) и имела в своих рядах двух теологов и двух «политиков», т. е. светских юристов. Сфера ее компетенции была огромна: она назначала пастырей и дьяконов в приходы, надзирала за состоянием хозяйственных дел общин и имела право назначать учителей в приходские школы. Синод как главный коллегиальный орган евангелической церкви, напротив, ограничивался лишь возможностью осуществлять визитации суперинтендатур и представлять инвеституры для приходских пастырей. Полномочия самой общины заключались лишь в возможности выражать согласие или несогласие при назначении пастыря и дьякона.

Подобно Вюртембергу и Саксонии объемные церковные уложения создавались и в других территориях. По подсчетам Г. Р. Шмидта, две трети всех евангелических уставов возникло между 1550 и 1600 гг. Почти все они испытали влияние соседей. Вюртембергское уложение 1553 г. послужило образцом для маркграфства Баден-Дурлах и курфюршества Пфальц (оба — 1556), Пруссии, Ганау-Лихтенберга, Пфальц-Нойбурга, Пфальц-Цвайбрюккена, Лейнигена, Вормса, Нассау-Саарбрюккена и др. Новое церковное уложение для Вюртемберга 1559 г. в свою очередь по-

влияло на организацию церкви в маркграфстве Бранденбург-Ансбах (1565), герцогстве Брауншвейг-Вольфенбюттель (1569) и графстве Гогенлоэ (1578). Виттенбергскому образцу следовали Липпштадт (1531), Хойя (1530), Херфорд, Зёст, графство Вальдек-Вильдунген и Нассау-Дилленбург (1532), Ритберг (1533), Лемго (1537), графство Липпе (1538), Виттгенштейн-Гоэнштейн (ок. 1539), объединенное графство Виттгенштейн (1555), графство Вальдек (1556). Брауншвейгское церковное уложение, созданное знаменитым в северной Германии реформатором Иоганном Букенхагеном в 1528 г., стало прототипом для городских общин Гамбурга (1529), Любека (1531), герцогства Померанского (1534), Дании (1537), Голштинии (1542). Церковный порядок, установленный в Нюрнберге в 1533 г., был рецептирован впоследствии в Мекленбурге (1540) и курфюршестве Бранденбург (1553).

В области подготовки кадров с самого начала имелись большие проблемы для евангелического духовенства. Возникала потребность в профессиональном обучении и содержании пастората. Вплоть до середины века частым явлением была наследственность профессии, когда сыновья пастырей проходили необходимую подготовку на дому и впоследствии продолжали дело родителей. Лишь с появлением новых протестантских университетов дело пошло вперед. Тюбинген, Страсбург, Виттенберг сделали главными поставщиками профессионально подготовленных работников церкви. Северонемецкие балтийские университеты, прежде всего Росток, готовили пастырей и для неимперских земель, в том числе для Дании, Швеции и Прибалтики. Содержание протестантского духовенства ложилось на плечи светской власти, использовавшей ресурсы упраздненных католических церковных институтов. Образцом для многих земель сделался Вюртемберг, где герцогская власть конфисковала в 1536 г. монастырские земли и организовала т. н. «общие кассы», призванные в том числе финансировать и работу пастората. В эрнестинской Саксонии аналогичные мероприятия прошли в правление Иоганна Фридриха Великодушного (1531–1547), в альбертинской половине — при Генрихе Благочестивом (1539–1541).

Большая работа была проделана в области унификации богослужения и контроля за нравами самих членов общины. В середине века шаги в соответствующих направлениях были предприняты в Вюртемберге под руководством И. Бренца. В 1553 г. в Вюртемберге был узаконен верхненемецкий тип евангелической литургии, пришедший из нюрнбергской евангелической мессы, с сильно выраженным акцентом на проповедь и с меньшим — на молитвы, что в целом означало окончательное торжество лютеранского начала над швейцарско-цвинглианским. Евхаристия должна была справляться в больших городах либо ежемесячно, либо каждые две недели, мессы в деревнях — раз в неделю, в городах — два раза. В центральной и северной Германии порядок евангелического богослужения восходил к наставлениям самого Лютера и Меланхтона, соответствуя виттенбергскому образцу, установившемуся с 20-х гг. и закрепленному Саксонскими уложениями 1561 и 1580 гг. В целом во второй половине века заметна унификация: из молитвенных Домов исчезли последние рудименты католического убранства в виде образов и скульптур, остался лишь алтарный престол с образом Распятого, часто акцентированный заалтарным живописным или скульптурным изображением, и орган, оставить который советовал сам увлекавшийся песнопениями Лютер, полагавший органную музыку стимулирующей внутреннее средоточие верующих. На севере Германии в ходу были катехизисы самого Лютера, на юге, прежде всего в Вюртемберге, *катехизис Иоганна Бренца*, основанный на Формуле Вюртембергской Конфессии 1552 г.

Важные последствия имело учреждение на основе суперинтендатур судов чести, надзиравших за семейными отношениями и нравственностью духовенства и членов общины. В 1536 г. создание подобных инстанций в Саксонии повлекло изменение процедуры заключения *брака*. Лютеранская этика требовала уважения к семейно-родственным, домашним связям, в более широком смысле — к общинному характеру повседневной жизни верующих. В таких условиях заключение брака считалось важнейшим актом не только в духовном аспекте, но и в отношении преемственности

социальных традиций, что выставляло на передний план не столько добровольное согласие жениха невесты, сколько мнение родни. Если в позднее средневековье католическая церковь оставалась безразличной к участию родственников в заключении брака, требуя лишь церковного освящения, то евангелическая традиция выдвигала на первый план согласие родителей обеих сторон. Следствием стало возросшее значение помолвки и брачного соглашения среди евангелического населения Германии.

По вопросу воздействия *лютеранской конфессионализации* на светские слои общества среди немецких историков нет единой точки зрения. Фрагментарно исследованными могут считаться лишь отдельные аспекты, что объясняется большими пробелами в источниках. Акты визитаций в различных территориях и за различные годы сильно разняться по результатам и по объему сохранности материала. Следствием стали зачастую противоположные оценки историков. В целом, однако, замечен скепсис. Относительно хорошо исследованные рейнские и верхненемецкие земли позволяют констатировать довольно сильную живучесть остатков католической традиции в ритуале и в религиозном сознании. Все еще употреблялась латынь и молитвы, шедшие вразрез с лютеранским стандартом. Само духовенство в некоторых случаях (данные визитации в графстве Липпе за 1549 г.) путалось в вопросах таинств, отправляя зачастую все семь, соблюдало посты и для молитв пользовалось старыми breviариями. Порой складывалось впечатление, что сельская округа полностью поглощала возможный интеллектуальный багаж тамошних пастырей, вынуждая их разделять традиции местных жителей. Во всяком случае, контраст между блеском духовной учености в городской среде и откровенной безграмотностью на селе был очевиден, что указывало не только на очень медленный характер перемен, но и на устойчивые социальные страты между городом и селом.

Далеко не радужную картину дополняло наметившееся в некоторых областях, а в других — усилившееся влечение к суеверию, магии и колдовству. Во многом мистический покров самой лютеранской доктрины объяснял увлеченность

мистикой духовной элиты, но при том содействовал огрублению веры на селе, где зачастую смешивались христианские и нехристианские ритуалы. По мнению *Бернара Фоглера*, в рейнских землях в начале XVII в. все попытки лютеранского духовенства привить правильное представление о вере окончились неудачей. *Хорст Рабе* прямо возлагает на лютеранскую конфессионализацию ответственность за новую волну колдовских процессов, «охоты на ведьм», охватившую в конце XVI в. значительные массивы южной Германии. Рост грамотности на селе и в городах сильно разнился по регионам. Если в Саксонии и Тюрингии школьное дело было налажено весьма хорошо, то в других областях шокировало полное незнание крестьянами молитв и статей веры. В добавление к этому указывают и на прежнюю грубость нравов, мало в чем смягченную евангельскими проповедями. Известный специалист в области конфессионализации *Джесеральд Штраус* пришел даже к выводу о полной неудаче лютеранства в его попытках изменить культурный профиль населения спустя полвека после смерти Лютера.

Другая группа историков склонна не столь мрачно представлять картину. Опираясь данными по городскому населению и материалами отдельных регионов, они указывают на бесспорные успехи в деле повышения грамотности и изменения повседневного ритуала. Тот же Х. Рабе констатирует, что учреждение приходских школ на селе явилось важным каналом стабилизации общественных отношений. *Джеймс Киттельсон* говорит о блестящих успехах на ниве просвещения в Страсбурге и его округе в конце века. *Антон Шиндлинг*, один из крупнейших специалистов в области образования и науки в раннее Новое время, заявляет о бесспорном вкладе конфессионализации в развитие педагогики и рост грамотности среди населения. Второе дыхание обрели университетские и школьные структуры в лютеранской Германии. Наряду с функционированием старых центров университетской культуры, превращенных в цитадели лютеранской богословской мысли типа Тюбингена, возникновением новых (Гиссен, Хелмштедт) рождались и городские гимназии в стенах имперских городов. Самыми яркими примерами здесь стала гимназия в Страсбурге, учре-

жденная хлопотами местного бургомистра Якоба Штурма в 1538 г., и аналогичное заведение в Нюрнберге, основанное в 1573 г. и позднее переведенное в пригород Нюрнберга Альтдорф.

Различные мнения историков со всей очевидностью указывают на сложную диалектику лютеранской конфессионализации. По меньшей мере можно видеть две взаимосвязанные стороны укоренения евангелической конфессии — «консервативную», в смысле направленности на сохранение уже имевшихся социальных нормативов, и «эволюционную», ускорявшую тенденции, наметившиеся до Реформации. Лишь в последние годы были предприняты крупные обобщающие исследования по вопросу воздействия лютеранства на повседневную культуру населения и практику светской власти. *Вольфганг Зоммер* и *Томас Кауфманн* среди прочего особенно подчеркивают роль апокалипсических мотивов на формирование духовной ауры и на рефлексии светской половины общества. Эсхатологический накал не только не растаял в горниле реформационной борьбы первой половины века, но и с новой силой заявил о себе в период созидания единой догмы, в спорах ортодоксов и «филиппистов». Уже Шмалькальденская война рассматривалась лютеранской пропагандой началом вселенского Армагеддона, последним поединком с пособниками Сатаны перед вторым Пришествием. Одной из дат Судного дня фигурировал 1588 г., позже о сроках мира спорили в преддверии и в ходе Тридцатилетней войны. Апокалипсический настрой всецело проистекал из характера самой Реформации как возгласания Нового Завета — последнего перед Пришествием, и щедро подпитывался знаменитыми пророчествами самого Лютера, неоднократно переиздававшимися во второй половине реформационного века. Повышенная нервозность, охватившее лютеранские земли во второй половине XVI в., ожидание вселенской развязки, содействовали общественной консолидации и активному вмешательству светской власти в обстоятельства духовной жизни подданных. Так формировалась в частности традиция покаянных треб, занимавшая центральное место в формах евангелического благочестия: по-

каяние во грехе — пролог обретение веры, ведущей по пути спасения. В Саксонии покаянные требы в виде цикла молитв были узаконены при курфюрсте Августе I и закреплены при его внуке Христиане II в 1602 г. В тоже время проблема соотношения «консервативного» и «эволюционного» начала под влиянием духовного климата лютеранского ареала остается все еще не до конца разработанной, хотя целый ряд аспектов побуждает скорее со скепсисом относиться именно к возможностям принципиального «обновления»: единение власти и общества на основе веры требовала строжайшего сохранения и догматических и институционных нормативов как гарантов успешного противостояния с внешней опасностью и оправдания в преддверии Судного дня.

Сращивание вновь возникших церковных структур с *территориальной властью*, воплощенное в многочисленных церковных уложениях второй половины XVI в., было неизбежным следствием предшествующего развития. Оно во многом продолжала традицию патронажа светской власти над духовными институтами, наметившуюся в позднее средневековье, усиливало организующий элемент светской власти и вместе с тем — властные функции церковных инстанций. Но при том и сами князья ощущали себя ответственными за судьбы и «чистого учения», и новых церковных структур. Мы видим скорее партнерские, шедшие по линии взаимопомощи, отношения между лютеранским духовенством и светскими властями. Несмотря на большие полномочия, предоставленные светской власти, речь не шла о жестком диктате, о произволе «секулярных» интересов, превращавших евангелическую церковь в служанку «государственных потребностей». И светские учреждения, и духовные соединялись в лоне, одной конфессии и были обречены на компромисс. Пусть временами отдаленно, но это напоминало старое партнерство католической церкви и светских властей до Реформации.

Вместе с тем очевидна *консолидирующая роль* лютеранской конфессионализации. Новая вера и соответственно церковные инстанции были обращены ко всем сословиям. Все были едины во Христе. Универсализм лютеран-

ства продолжал универсализм католичества. Организация церкви соответствовала концепции тесного взаимодействия светских сословий и духовенства: дворянство действовало на руководящих постах в высших надзорных учреждениях, в то время как представители бюргерства были на должностях приходских пастырей, учителей и суперинтендантов. Причем если реформационное движение изначально рисовалось прежде всего как движение городское, то по прошествии полувека вновь возникшие церковные инстанции охватывали все три ведущие социальные силы: дворянство, представленное на верхних этажах управления, бюргерство в качестве среднего звена и собственно сельскую общину, образовавшую в большинстве регионов ячейку евангелической церкви. Новая церковная организация — при всех ее издержках! — не только утверждала незыблемость сословных границ, но и объединяла общество, не оставляя без внимания даже самые маргинальные группы, введенные под общую церковную и соответственно — правительственную опеку. Множество проблем, перед которым оказались различные группы населения в период Реформации, теперь подлежало решению соединенными усилиями духовной и светской администрации. Тем самым был открыт еще один важный канал к умиротворению общества, к институционно-правовому решению возникавших конфликтов.

в) *Развитие Реформации после 1555 г.* Территориальная экспансия лютеранской Реформации не была остановлена решениями Аугсбургского мира 1555 г. Вплоть до 70–80 гг. XVI в. наблюдается расширение лютеранского ландшафта Империи. География Реформации приобретает характерные черты: наибольший прогресс заметен на северо-западе Империи, вблизи главных лютеранских метрополий Саксонии и Бранденбурга. Весьма внушительными предстают успехи и на западе, на берегах Рейна и в пфальцских владениях, в меньшей степени — в Эльзасе и Швабии. Крупных побед добились сторонники Аугсбургской конфессии и в восточном секторе, в наследственных землях Габсбургов, зато южные земли — Бавария, часть франкон-

ских владений — оказались слишком прочным больверком католицизма, чтобы позволить утвердиться там евангелическому учению. Лютеранская Реформация словно «обтекала» с двух сторон южную половину Империи, образуя своеобразные восточные и западные потоки.

На северо-западе протестантизм особенно ощутимо распространялся в *Вестфалии*, где к концу века в лоне лютеранства оказалось епископство *Минден*. Во владениях герцогов *Клеве* и *Юлих-Берг* наблюдалось увеличение лютеранских общин без конверсации князей, сохранивших верность Старой Церкви. В соседних нижнесаксонских землях было покончено с последним анклавом католицизма после перехода в протестантизм в 1568 г. герцога *Юлия Младшего Брауншвейг-Вольфенбюттельского*, что стало официальной датой завершения Реформации в северном секторе Империи. На среднем Рейне важнейшим событием стало обращение в евангелическое вероисповедание пфальцских Виттельсбахов: в 1556 г. — курфюршества *Пфальцского* (вместе с *Верхним Пфальцем*), в 1557 г. — *Пфальц-Зиммерна* (рейнское левобережье). Южнее в лютеранство перешла большая часть рыцарства Нижнего Эльзаса и биссеина Саара, графство *Эберштейн* и сеньория *Герольдсэкк*. К востоку от Рейна Реформация была введена в *Лёвенштейне*, *Лимпурге*, *Гогенлоэ*, *Оттингене*, *Визенштейге*, *Вертхейме*. На юго-западе лютеранство утвердилось в землях маркграфства *Баден-Пфорцгейм* (позже — *Баден-Дурлах*) в 1556 г. и в «кондоминате» маркграфов *Баден-Баденских* (1558–1567).

На востоке Реформация поглотила большую часть *Силезии* и почти все епископства к востоку от *Везера*: Камин в Померании (1556), Ратцебург (1554) и Шверин (1568) в Мекленбурге, Майссен (1581), Наумбург (1564) и Мерзебург (1561) в курфюршестве Саксонском. В курфюршестве Бранденбург — Гавельберг, Лебус, Бранденбург (все в 1571). С 1561 г. архиепископством *Магдебург* правил перешедший в лютеранство архиепископ Сигизмунд. В австрийских владениях Габсбургов лютеранское вероисповедание было узаконено в 1568 г. и вторично — в статьях т. н. *Брукской пацификации* 1578 г. вплоть до рекатолиза-

ции, наступившей с конца 80-х гг. в правление эрцгерцога Фердинанда.

Распространение евангелической Реформации завершается к концу века, что было связано с целым комплексом сложных факторов, не в последнюю очередь — с успешным противодействием католических сил и общей стабилизацией конфессионального ландшафта.

ИСТОЧНИКИ

1. Bekenntnisschriften der evangelisch-lutherischen Kirche / Hrsg. von Rat der evangelischen Kirche Deutschlands. 10. Aufl. Göttingen, 1986.
2. Corpus Reformatorum. Philipp Melancton. Bd 1–28. Braunschweig, 1834–1860.
3. Die evangelischen Kirchenordnungen des 16. Jahrhunderts. Bd 1–8, 11–15. Leipzig, 1902–1913. Tübingen, 1955 ff.
4. *Gabler A.* Altfränkisches Dorf- und Pfarrhausleben 1559–1601... nach den Tagebüchern des Pfarrherrn Thomas Wirsing von Sinnborn. Nürnberg, 1952.
5. *Luther M. D.* Martin Luthers Werke. Weimarer Ausgabe. Bd 1–101. Weimar, 1883–1970.
6. Synodaltbuch. Die Akten der Synoden und Quartierkonsistorien in Jülich, Cleve und Berg, 1570–1610 / Hrsg. von E. Simons. Neuwied, 1909.
7. Quellen zur Geschichte des kirchlichen Unterrichts in der evangelischen Kirche Deutschlands zwischen 1530 und 1600. Bd 1–5. Gütersloh, 1904–1935.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Проконьев А. Ю.* Эсхатология лютеранства после Лютера: влияние догмы на общественное сознание // *Власть и культура* / Под ред. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2007. С. 162–206.
2. *Blaschke K.* Sachsen im Zeitalter der Reformation. Gütersloh, 1970.
3. *Brady T. A.* Ruling Class, Regime and Reformation at Strassbourg 1520–1555. Leiden, 1978.
4. Bekenntnis und Einheit der Kirche. Studien zum Konkordienbuch / Hrsg. Von M. Brecht, R. Schwarz. Stuttgart, 1980.
5. *Brecht M.* Kirchenordnungen und Kirchenzucht in Württemberg vom 16. bis 18. Jahrhundert. Stuttgart, 1967.
6. *Burkhardt C. A. H.* Geschichte der sächsischen Kirchen- und Schulvisitationen von 1525 bis 1545. Weimar, 1879.
7. Das Jahrhundert der Reformation in Sachsen / Hrsg. von H. Junghans. Berlin, 1989.
8. *Heckel M.* Staat und Kirche nach den Lehren der evangelischen Juristen in der ersten Hälfte des 17. Jahrhunderts. München, 1968.

9. *Hsla R. R.* Social Discipline in the Reformation: Central Europe 1550–1750. London; New York, 1989.

10. *Kaufmann T.* Konfession und Kultur: lutherischer Protestantismus in der zweiten Hälfte des Reformationsjahrhunderts. Tübingen, 2006.

11. *Kittelson J. M.* Successes and Failures in the German Reformation. The Report from Strassbourg // ARG, 73, 1982. P. 153–174.

12. *Kittelson J. M.* Learning and Education: Phase Two of the Reformation // Die dänische Reformation vor ihrem internationalen Hintergrund / Hrsg. von L. Grane, K. Horby. Göttingen, 1990. S. 149–163.

13. *Koch E.* Der kursächsische Philippismus und seine Krise in den 1560er und 1570er Jahren // RK. S. 60–77.

14. *Krumwiede H. W.* Zur Entstehung des landesherrlichen Kirchenregiments in Kursachsen und Braunschweig-Wolfenbüttel. Göttingen, 1967.

15. *Leube H.* Calvinismus und Lutherthum im Zeitalter der Orthodoxie. Leipzig, 1928.

16. LK.

17. *Müller K.* Die Anfänge der Konsistorialverfassung im lutherischen Deutschland // HZ, 102, 1909. S. 1–30.

18. *Schmidt,* Konfessionalisierung. S. 5–24.

19. *Schorn-Schutte L.* Lutherische Konfessionalisierung? Das Beispiel Braunschweig-Wolfenbüttel (1589–1613) // LK.

20. *Sommer W.* Politik, Theologie und Frömmigkeit im Lutherthum der frühen Neuzeit. Göttingen, 1999.

21. *Sommer W.* Die Lutherische Hofprediger in Dresden. Grundzüge ihrer Geschichte und Verkündigung in Kurfürstentum Sachsen. Stuttgart, 2006.

22. *Stievermann D.* Evangelische Territorien im Konfessionalisierungsprozess // TRZRK, 7. S. 45–67.

23. *Strauss G.* Success and Failure in the German Reformation // Past and Present, 67, 1975. P. 30–63.

24. *Schindling A.* Humanistische Hochschule und freie Reichsstadt. Gymnasium und Akademie in Strassburg 1538–1621. Wiesbaden, 1977.

25. *Schindling A.* Konfessionalisierung und Grenzen von Konfessionalisierbarkeit // LK. S. 9–44.

26. *Vogler B.* Le clergé protestant rhenan au siècle de la Réforme 1555–1619. Paris, 1976.

27. *Vogler B.* Die Entstehung der protestantischen Volksfrömmigkeit in der rheinischen Pfalz zwischen 1555 und 1619 // ARG, 72, 1981. S. 158–195.

28. *Wolgast E.* Formen landesfürstlicher Reformation in Deutschland. Kursachsen-Württemberg/Brandenburg-Kurpfalz // N. 10. S. 57–90.

29. *Wolgast E.* Vergessene und Verkannte. Berlin, 1993.

30. *Zeeden, ZG.*

31. *Zeeden E. W.* (I, § 1, N 25, 26).

32. *Ziegler W.* Territorium und Reformation. Überlegungen und Fragen // HJb, 110. 1990. S. 52–75.

4. Кальвинистская (реформатская) церковь

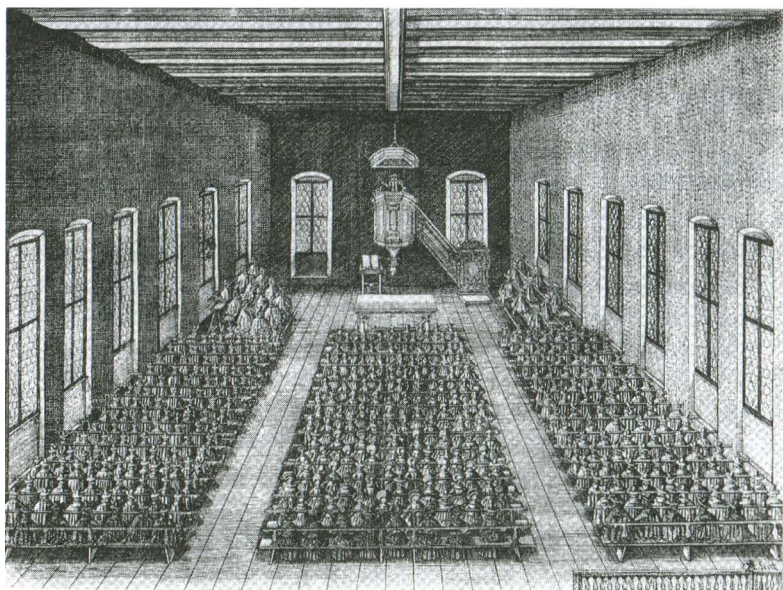
а) *Историография проблемы. Особенности распространения кальвинизма в Германии.* Распространение кальвинизма в землях Империи, равно как кальвинистская конфессионализация, долгое время были темами еще менее разработанными, нежели лютеранская Реформация. Работы Эрнста Вальтера Цеедена лишь наметили перспективы в плане взаимосвязи распространения кальвинистской доктрины с социальными процессами, протекавшими в немецких землях в середине XVI в. Вышедшая в 1970 г. монография Фолькера Пресса образцово исследовала воздействие кальвинистской Реформации на структуру управления и политику гейдельбергских курфюрстов после 1563 г. Ф. Пресс подчеркивал во многом решающее значение обращения Фридриха Благочестивого в лоно реформатской церкви для последующей весьма драматичной истории Пфальца. Но акценты были расставлены не столько на всестороннем исследовании конфессионализации как процесса, сколько на социально-политическом феномене пфальцской модели. Работа осталась, однако, не без внимания и подтолкнула ученых к сравнительным исследованиям. В отличие от Ф. Пресса Хайнц Шиллинг, также избрав частный сюжет (графство Липпе), рассмотрел влияние кальвинистской Реформации уже в более широком социальном контексте, как региональную модель конфессионализации. По мнению Х. Шиллинга, подытожившего результаты исследований других своих коллег, применительно к кальвинизму в Германии речь может идти о феномене т. н. «второй Реформации», имевшем многоплановое воздействие и на властные структуры, и на повседневную жизнь подданных. Х. Шиллинг понимал под этим термином продолжение реформационных преобразований, начавшихся в первой половине века и шедших теперь под знаменем кальвинистской доктрины. Главная суть «второй Реформации» — превращение догматической реформы («*reformatio doctrinae*») в «реформу жизни» («*reformatio vitae*»), когда конфессиональные нормативы сделались руководящими для всего многообразия сфер социальной жизни.

ни. Тезис Х. Шиллинга подтверждается источниками: в ряде случаев кальвинистские богословы действительно говорили о необходимости «второй, окончательной Реформации», призванной завершить лишь начатое Лютером великое дело.

Под влиянием концепции Х. Шиллинга в 80-е гг. наметилась тенденция к исследованию социально-политического синтеза кальвинизма в Германии. Заметными вехами здесь стали два посвященных проблеме реформатской конфессионализации научных коллоквиума, состоявшихся в 1985 г. в Райнхаузене и в 1990 г. в Гейдельберге. В Райнхаузене дискуссия развернулась вокруг парадигмы и периодизации «второй Реформации», предложенной Х. Шиллингом, а также вокруг социальных последствий ее введения. Часть историков (Х. Клютинг, в. г. Нойзер, Р. фон Тадден, М. Хекель) подвергли критике термин «вторая Реформация», с одной стороны — по причине весьма редкого и туманного употребления его в источниках, с другой — в связи с неясностью содержания, которое, если следовать мнению Х. Шиллинга, имело много общего и с характером католической Контрреформации и с лютеранской «первой Реформацией». Х. Шиллинг вынужден был согласиться с критикой коллег, модифицировав понятие «вторая Реформация» в реформатскую конфессионализацию, что вполне соответствовало результатам региональных изысканий. Другие исследователи (Г. Шмидт) сочли возможным оставить понятие «второй Реформации», насытив его, однако, широким социальным содержанием, сближавшим значение термина с «конфессионализацией».

Значение состоявшегося тогда обмена мнениями, очевидно, заключалось в том, что спор вокруг хронологии и терминов был перенесен в плоскость многосторонних исследований социальных аспектов кальвинистского движения. Осмелимся утверждать, что в 1985 г. «кальвинистская конфессионализация» завоевала место многоплановой *исторической категории*.

Собственно в русле ее тщательного анализа прошли встречи историков в Гейдельберге. В выступлениях ученых главный акцент был сделан на попытках выявить обуслов-

Кальвинистское богослужение в окрестностях Нюрнберга.
Гравюра неизвестного художника

ленность кальвинистской Реформации интересами княжеской власти и обратное влияние реформатской конфессии на политические структуры (Пфальц-Цвейбрюккен, имперские графства, Саксония, Ангальт-Кётен, Гессен-Кассель, Бранденбург в совокупности с представленным сравнительным материалом по Нидерландам и Швейцарии). Итогом дискуссии стала констатация прямой зависимости успехов кальвинизма от выбора, воли и интересов княжеской власти. По сути, был подтвержден тезис Ф. Пресса о княжеском характере кальвинистской конфессионализации, сильно роднившим ее с фазой княжеской Реформации в лютеранской Германии. Нашло дальнейшее подтверждение и другое его положение о неприятии — скрытом, вялотекущем или открытом и агрессивном — низшим дворянством кальвинистских нововведений (пример Пфальца, очевидно, может считаться здесь классическим). Общая картина: нигде, кроме некоторых городских общин, рефор-

маты не имели широкой поддержки. Все зависело от воли имперских князей.

Другим аспектом стало исследование структур реформатской церкви в отдельных территориях и ее социальной политики. *Пауль Мюнх* одним из первых обратился к сравнительному методу, изучая церковную организацию в Гессен-Касселе, Нассау-Дилленбурге и Пфальце. Движущей силой реформатской церкви в догматической сфере был саксонский «филиппизм», частично смешанный с кальвинизмом, а социальным базисом — весьма тонкая прослойка академически образованного бюргерства. Если предпосылки возникновения церковных учреждений кальвинистов, заключает П. Мюнх, следует искать еще в позднем средневековье и в предшествовавшей лютеранской Реформации, то внутренняя структура и характер отношений со светской властью определялись особенностями немецкой модели кальвинизма. В отношении формирующихся церковных структур решающее значение имели профессиональная (академическая) подготовка кадров и строгое следование церковному порядку. Фактор светской власти проявлялся прежде всего в установлении жесткого контроля над духовными инстанциями, выхолащивании автономии и всякого напоминания об общинном идеале Женевы. Пример Нассау-Дилленбурга, как считает П. Мюнх, был здесь самым типичным.

Смежные вопросы об истоках немецкого кальвинизма и кальвинистской конфессионализации в крестьянской и городской среде пока еще не получили разрешения в отдельных исследованиях и лишь фрагментарное — в работах более общего плана (Ф. Пресс, Х. Клютинг, Х. Шиллинг). Исследования Х. Шиллинга могут считаться единственным исключением, поскольку, будучи посвященными отдельным регионам, охватывают более емко феномен кальвинистской конфессионализации, нежели только ее социально-политические или церковно-организационные аспекты. Такова в общих чертах изученность проблемы.

Догматические истоки реформатской церкви в Германии следует искать в богословской доктрине Кальвина. Его учение совпадало в отдельных аспектах с учением Цвингли

и нашло определенное созвучие с «филиппизмом». Кальвин жестче Лютера формулировал идею абсолютного божественного суверенитета. Бог выступал отторгающим греховного человека верховным судьей. Его следует страшиться, а не доверять Ему. В этом заключалось одно из важнейших расхождений с послылками Лютера. Логичным следствием выступала идея *практического силлогизма* (*sillogismus practicus*). Хотя человек и не знает предначертания, но обязан во имя эвентуального спасения следовать заветам, изложенным в Писании, и всецело растворяться в общине верующих. Из этого проистекала более последовательная, чем у Лютера, взаимосвязь Ветхого и Нового Заветов и принцип строжайшей организации церкви. Кальвин был равнодушен к формам государства, но не был безразличен к самим организующим функциям государства. Община для него выступала зародышем церкви, она есть общество пытающихся уверовать во спасение, по форме — самоуправляющаяся величина во главе со старейшинами и пресвитерами.

После первой публикации главного произведения Кальвина «Наставления в христианской вере» (1536) и особенно после переезда Кальвина в Женеву, где увидел свет в 1545 г. его Катехизис, наметилось постепенное сближение с ним швейцарских реформаторов во главе с наследником Цвингли *Генрихом Буллингером*. Догматические расхождения между швейцарцами и Кальвином оказались несущественными для достижения общего единства. В 1549 г. было достигнуто соглашение о фактическом объединении двух конфессий («*Consensus Tigurinus*»). Но лишь постепенно и с определенными трениями Формула Согласия была воспринята отдельными кантонами (Берн, Цюрих), поскольку существовали отличия от Женевы в обрядовой традиции тамошних реформатских церквей (в числе праздников, в евхаристии и т. д.). Лишь в 1566 г. был найден компромисс, зафиксированный в т. н. «*Формуле гельветической конфессии*» («*Confessio Helvetica Posterior*»).

Попытки Кальвина привлечь на свою сторону Меланхтона и объединиться с «филиппистами» оказались безре-

зультатными, несмотря на посреднические усилия эльзасских реформаторов во главе с *Мартином Буцером*. «Филиппизм» формально сохранял свой автономный профиль вплоть до подписания Формулы Согласия в 1577 г. Лишь после этого многие из сторонников Меланхтона осмелились открыто перейти в лоно реформатской церкви. В спорных вопросах с лютеранами Кальвин тем не менее занимал несколько более умеренные позиции, чем Цвингли, находясь где-то посредине между Лютером и швейцарцами. Но расхождения были непреодолимыми: в толковании *евхаристии* Кальвин склонялся к символическому определению таинства, во взгляде на *крещение* младенцев подчеркивал лишь общее значение таинства как приобщения будущего взрослого к общине верующих, в ветхозаветном смысле отрицающая благодатную суть крещения как акта божественной любви, что, в свою очередь, влекло отказ и от *экзерцизма*. Наконец, в вопросах *христологии* Кальвин всюду следовал за Цвингли, воспринимая евангельские высказывания в метафорическом смысле.

Для Германии большое и в некоторых местах определяющее значение для распространения кальвинизма имела географическая близость с Нидерландами, рано воспринявшими кальвинистское учение. Однако резервуар, пополнявший ряды реформатов, отнюдь не исчерпывался уроженцами Нидерландов. После католического переворота в Англии, свершившегося с воцарением Марии Тюдор в 1553–1554 гг., немало протестантов-радикалов покинули островное королевство, ища прибежище в том числе и в имперских землях. С другой стороны, с начала французских религиозных войн участились контакты немецких князей с гугенотами, пытавшимися подтолкнуть имперские чины к военному вмешательству в поддержку кальвинистов, а французы-гугеноты, уроженцы западных земель, вполне естественно стремились обрести приют в соседних имперских городах и владениях. В свою очередь, франко-имперское порубежье, в южном своем секторе гранича со швейцарскими кантонами, служило важным каналом проникновения идей Кальвина непосредственно из Швейцарии.

География распространения кальвинизма рисуется двумя крупными направлениями — северо-западным (*Нижний Рейн, Вестфалия*) и западнорейнским (*Пфальц*). Во внутренних землях Империи (Саксония, Ангальт-Кётен, Бранденбург, Гессен-Кассель) главными союзниками кальвинистов были «*филлиписты*», однако нигде на момент конфессионального обращения тамошних властителей не было сколько-нибудь влиятельных общин самих реформатов. Первыми попытками узаконить кальвинистское вероисповедание на имперской территории, вероятно, можно считать движение за свободу отправления культа в имперских городах Ахене, Туле и Меце в 1559 г., окончившееся неудачей. Примерно в те же годы много кальвинистских проповедников и симпатизировавших им появляется в левобережных владениях пфальцских Виттельсбахов. Среднее течение Рейна постепенно превращается в исходный пункт реформатской диффузии в Империи, но только публичные конфессиональные нововведения в самом Гейдельберге в 1563 г. и переход в кальвинизм курфюрста *Фридриха III Благочестивого* в 1561—1563 гг. могут считаться точкой отсчета в истории немецкого кальвинизма. С этого момента реформатское движение приобрело крупного и влиятельного на имперском уровне защитника. На поддержку кальвинистской церкви были поставлены политические и военно-административные ресурсы самого большого на среднем Рейне курфюршества.

Фридрих III Благочестивый курфюрст Пфальцкий (1559—1576), сын герцога Иоганна II Пфальц-Зиммерна. Являясь старшим сыном в многочисленной семье, Фридрих смолоду был увлечен кругом династических знакомств рейнского левобережья. Образовательный кругозор его формировался при дворах Нанси, Парижа, Люттиха (Льежа) и Брюсселя. Кроме того, по примеру многих рейнских Виттельсбахов он проявил себя на военном поприще, в 18 лет командуя эскадрой в турецкой кампании. В 1537 г. Фридрих женился на дочери к тому моменту уже скончавшегося маркграфа Казимира Бранденбург-Кульмбаховского Марии, подарившей ему 6 сыновей и 5 дочерей. Мир его юности был достаточно типичен для многих других представителей княжеской элиты: патриархальный быт предполагал бурные застолья и охотничьи увеселения. Влияние супруги сказывалось прежде всего на принятии Фридрихом лютеранства, так что в середине 50-х гг. в зиммернских владениях фактически была вве-

дена Реформация — параллельно с курфюршескими землями, где первые шаги в этом направлении были предприняты Фридрихом II еще накануне Шмалькальденской войны в 1546 г. и продолжены в правление Отто Генриха (1556—1559). После смерти последнего и ввиду пресечения мужского колена старшей линии пфальцских Виттельсбахов Фридрих стал курфюрстом и, вероятно, с конца 1560 г. все более склонялся к кальвинизму под влиянием многих факторов, не в последнюю очередь — из-за религиозной распри в самом Гейдельберге. В 1559 г. резко обострился конфликт между «филиппистским» крылом гейдельбергского лютеранства, представленным дьяконом Клебитцем, и ортодоксами в лице суперинтенданта Хесхуса, приведший к изгнанию обоих со своих постов самим курфюрстом. С этого момента в окружении Фридриха появляются открытые представители реформатского духовенства (Захарий Урсин, Каспар Оливиан, Томас Эраст). В декабре 1561 г. курфюрст совершил обряд преломления хлеба уже по кальвинистскому образцу, а в 1563 г. распорядился об издании Гейдельбергского катехизиса, содержавшего реформатскую трактовку большинства догматических вопросов, что стало официальной датой обращения Фридриха в кальвинизм. Будучи глубоко благочестивым по натуре, Фридрих полагал нововведения не противоречащими лютеранской догме, хотя узаконивание кальвинизма привело к расколу в семье: супруга его Мария, старший сын Людвиг и родственники из сопредельных пфальцских владений резко противились кальвинистскому реформированию. Признанный в 1566 г. статус родственного члена Аугсбургской Конфессии позволил Фридриху избежать общеимперской оппозиции и опалы на рейхстаге в Аугсбурге. Весьма деятельно Фридрих поддерживал реформатов как в Империи (рейнские земли), так и за рубежом (Франция, Нидерланды), превратив тем самым Пфальц в самый радикальный политический фактор Империи. Смерть его в 1576 г., однако, не позволила закрепиться реформатской церкви в Гейдельберге: наследник и сын Фридриха Людвиг на несколько лет восстановил лютеранское вероисповедание. Если политические последствия введения кальвинизма для Пфальца хорошо изучены Ф. Прессом, то труднее обстоит дело с выяснением причин обращения Фридриха в кальвинизм. По мнению Ф. Пресса, большое влияние играли давние связи курфюрста с дворянством левобережья, бывшим в тесных контактах с нидерландской элитой, примкнувшей к реформатской церкви. Особенно подчеркивается роль семьи графов фон Эрбах (Эбергард фон Эрбах), состоявшей в родстве с нассаускими графами и занимавшей важные посты в надворном управлении. М. Шааб, не отрицая влияния дворянской клиентелы, отмечает роль богословской дискуссии 1559 г., сыгравшей на руку местным «филиппистам» и реформатам. Современной биографии Фридриха до сих пор нет. Главный источник: *Briefe Friedrich des Fromme, Churfürst von der Pfalz mit verwandten Schriftstücken* / Hrsg. von. A. Kluckhohn. Bd 1–2. Braunschweig, 1868–1872. Биографический материал: *Kluckhohn A. Friedrich der Fromme, Churfürst von der Pfalz. Nördlingen, 1879.*

Успехи пфальцского кальвинизма не были уничтожены возвращением усилиями сына Фридриха Людвига VI лютеранства в 1576 г. При его наследнике и регенте *Иоганне Казимире* реформатская церковь окончательно утвердилась в Гейдельберге. Вслед за Пфальцем реформаты победили и в других регионах, преимущественно в княжествах, что являет специфику немецкого кальвинизма. Согласно регистру Г. Гётерса, хронология распространения «второй Реформации» выглядела следующим образом:

- ок. 1570 г. — владения графов Паппенхайм (Алльгау, маршал Филипп, 1558–1619).
- 1578 г. — графство Сайн-Витгенштейн (Людвиг I, 1558–1605), Насау-Дилленбург (Иоганн VI, 1559–1606).
- 1581 г. — община города Бремена и графа фон Мёр (Иоганн фон Нойенар, 1559–1589).
- 1582 г. — графство Зольм-Браунфельс (граф Конрад, 1581–1592).
- 1583 г. — курфюршество Кёльнское. Декларация о вероисповедании курфюрста Гебхарда Трухзеса. Восточная Фрисландия (граф Иоганн, 1561–1591, соправитель в Леере, Штикхаузене и Греетзиле).
- 1584 г. — Изенбург-Роннебург-Кельстербах (граф Вольфганг, 1560–1597).
- 1587–1588 гг. — графство Бентхайм-Текленбург (граф Арнольд II, 1562–1606).
- 1588 г. — Пфальц-Цвейбрюккен (Иоганн I, 1569–1604).
1589 г. — графство Вид (граф Германн I, 1581–1591).
- 1595 г. — графство Ганау-Мюнценберг (граф Филипп Людвиг II, 1580–1612).
- 1596 г. — графство Изенбург-Бирштейн (граф Вольфганг Эрнст, 1596–1633).
- 1596 г. — княжество Ангальт (Иоганн Георг I, 1586–1618), с 1603 — Дессау, Бернбург (Христиан, 1586–1630), Кётен (Людвиг, 1586–1650).
- 1596–1598 гг. — Верхний Пфальц (с 1595 г. штатгальтер Христиан Ангальтский).
- 1597 г. — Линген (оккупирован Морицем Оранским до

- 1605 г.), владения Каловрат-Бойтен (Георг фон Шенайх, 1591–1619).
- 1598 г. — Пфальц-Зиммерн (за счет присоединения к курфюршеству Пфальц).
- 1599 г. — маркграфство Баден-Дурлах (маркграф Эрнст Фридрих, 1584–1604).
- 1605 г. — ландграфство Гессен-Кассель (ландграф Мориц Ученый, 1592–1627), графство Липпе Демольд (граф Симон VI, 1563–1613), графство Сайн (с анклавом Хомбург) за счет присоединения к Сайн-Виттгенштейну.
- 1610 г. — герцогство Гольштейн-Готторп (надворное богослужение герцога Иоганна Адольфа, 1590–1616).
- 1613 г. — курфюршество Бранденбург (курфюрст Иоганн Сигизмунд, 1608–1619, рождественская служба 1613 г.), маркграф Эрнст в Клеве (27 мая 1613 г.), маркграф Иоганн Георг фон Йегерсдорф, 1607–1621, 8 сентября 1613 г.).
- 1618 г. — Мекленбург-Гюстров (надворное богослужение герцога Иоганна Альбрехта, 1592–1636).
- 1619 г. — Бриг (маркграф Иоганн Христиан, 1602–1639).

Очевидно, что своего апогея реформатское движение достигает в 80–90 гг. Помимо курфюршества Пфальцкого, немецкий кальвинизм обнаруживает существенные опорные пункты на юге (маркграфство Баден-Дурлах) и на севере (Ангальт). Но, пожалуй, перспективно важным было обращение в кальвинизм ландграфа Гессен-Кассельского *Морица Ученого* (1592–1627). Кассельский сектор образовывал своеобразный мост между западнорейнскими анклавами кальвинизма и северо-восточными реформатскими княжествами. В начале XVII в. Гессен-Кассель, обладавший солидным авторитетом, широкими династическими связями, относительно сплоченной дворянской клиентелой и большими военными ресурсами, выступал главной силой радикального крыла немецкого протестантизма наряду с Пфальцем. Впрочем, далеко не все попытки кальвинистской Реформации были удачны: желание архиепископа Кёльнского *Гебхарда Трухзеса* обратить в реформатское

вероисповедание вслед за собой и все княжество было быстро блокировано католической стороной, и сам архиепископ-конвертант должен был отказаться от властных прерогатив. В Саксонии после кончины Августа I при его наследнике курфюрсте *Христиане I* (1586–1591) кальвинизм, питавшийся главным образом идеями «филиппизма», получил преобладание при дрезденском дворе (канцлер Николай Крелль, советник Андреас Пауль, надворный духовник Николай Зальмут). Сам курфюрст, вероятно, сильно склонялся к реформатскому вероисповеданию, и дело дошло даже до издания в новой редакции лютеровской Библии, в отдельных местах, отражавшей точку зрения реформатской догматики. Однако скорая смерть самого Христиана в 1591 г. и последовавшая за ней стремительная реставрация лютеранской ортодоксии под контролем вдовы Христиана Софии Бранденбургской и регента герцога Фридриха Вильгельма Веймарского (1591–1601) быстро покончили с довольно слабой реформатской группой при дворе и в среде академической элиты.

Мотивы кальвинистских нововведений в различных территориях с трудом поддаются жесткой дефиниции. По мнению Г. Шмидта, блестяще исследовавшего введение кальвинизма во владения графов Веттерау, в отношении малых политических величин в лице имперских графов речь может идти в основном о территориально-политических целях. Имперские графы были объективно заинтересованы в укреплении своей власти и в консолидации духовных и административных сил ради сохранения независимости в борьбе с более мощными соседями. Классическим примером здесь мог выступать Иоганн VI, граф Нассау-Дилленбург, брат Вильгельма Оранского, поставивший на службу религиозно-политическим интересам весь преобразованный им аппарат управления. Х. Клютинг, исследуя вестфальские графства, констатирует доминанту политических интересов лишь в отношении графов Бентхайм, пытавшихся противостоять давлению епископства Мюнстера. Ф. Пресс, рассматривая всю историю Пфальца между 1505 и 1623 гг. как серию попыток рейнских Виттельсбахов взять реванш в борьбе с католической Баварией,

считает реформу 1563 г. в высшей степени политизированным актом. Г. Менк, изучая введение кальвинизма в Касселе, полагает, что решение Морица Ученого было вызвано династическими и политическими интересами (борьба с дармштадтскими родственниками). Все историки отдают должное религиозным убеждениям самих государей, от которых зависела в конечном счете судьба преобразований, и их окружения, симпатизировавшего в той или иной степени «филиппизму», цвинглианству или женеvской Реформации.

Наряду с территориями реформатская церковь обнаруживала прибежище и в *городских общинах*, но число городов, обратившихся в кальвинизм или терпимо относившихся к реформатам, было весьма незначительным и явно уступало территориально-княжеской модели кальвинистской конфессионализации. Больше всего реформатских городских общин располагалось в *Восточной Фрисландии*, *Вестфалии* и отчасти — на *Нижнем Рейне* (еще в 50-х гг. — Липпе, позже — Хамм, Дортмунд, Лемго, Эмден). Крупная реформатская община возникла во Франкфурте-на-Майне после массового бегства фламандских кальвинистов в Германию, вызванного взятием и разграблением испанцами Антверпена в 1585 г. Наконец, в Нижней Саксонии цитаделью реформатской церкви считался Бремен — единственный из ганзейских городов, оказавшийся в лоне кальвинизма. Еще меньше следов кальвинистского влияния мы наблюдаем на селе — немногие сельские общины реформатов, главным образом на северо-западе, были исключением из общего правила. Восточная Фрисландия является редким примером распространения кальвинизма снизу, в противовес классическим моделям княжеской «второй Реформации». Ожесточенное и длительное противостояние города Эмде-на фрисландскому графу-лютеранину хорошо показывает прочность общинных традиций кальвинизма в этом уголке Империи.

Почти повсеместно — и в городе, и в отдельных владениях кальвинизм встречал жесткий отпор и явное неприятие со стороны подавляющего большинства сельского и городского населения, а в ряде случаев — значительных сло-

ев дворянства. Население, уже до этого успевшее воспринять лютеранскую конфессию, в высшей степени враждебно встретило «вторую Реформацию», которую, как оно считало, ему навязывали «сверху» отступники от веры и соблазненные «кальвинианской ересью» князья. В ряде случаев происходили весьма драматичные кровавые эксцессы, как, например, в Саксонии после реставрации ортодоксии в 1591 г. или в Берлине в декабре 1613 г., когда после объявления об обращении Иоганна Сигизмунда началось волнение среди горожан. Князья вынуждены были гарантировать в некоторых случаях полную свободу вероисповедания своим лютеранским подданным, тем самым порой ограничивая круг сторонников реформатской церкви своей семьей и ближайшим окружением. Пример Бранденбурга, очевидно, может считаться здесь классическим: курфюрст Иоганн Сигизмунд принял кальвинизм лишь собственной персоной и только позже подтолкнул к этому членов своей семьи, одновременно торжественно обещав ландтагу не навязывать реформатскую доктрину сословиям. Эффект биконфессиональности — сочетания реформатского вероисповедания правящего Дома с лютеранством большинства подданных — прекрасно иллюстрирует отсутствие больших резервов у немецкого кальвинизма.

б) *Организация реформатской церкви. Кальвинистская кон-фессионализация.* Так же как и в Швейцарии немецкий кальвинизм нес две традиции церковной организации: «государственно-теократическую», представленную Цюрихом, и «общинную», созданную Кальвином в Женеве. Однако в отличие от Швейцарии в кальвинистских территориях Германии сразу же обнаружилось весомое преобладание женеvского варианта, естественно, в своих специфических чертах. Строгие формы правительственного контроля над повседневной жизнью религиозных общин получили в Германии последовательное развитие.

При всем достаточно широком региональном диапазоне кальвинистской диффузии структуры реформатской церкви, созданные в *Пфальце*, могут считаться старейшими и

классическими. Тут в основе лежали Церковное уложение, опубликованное в ноябре 1563 г., изданный в декабре того же года Гейдельбергский катехизис и Устав Церковного совета, появившийся в 1564 г. В дискуссии по вопросу организации будущей церкви столкнулись два взгляда, представленные, с одной стороны, *Томасом Эрастом*, отстаивавшим необходимость сильной и самостоятельной от светской власти церковной структуры («антидисциплинизм»), и с другой — *Каспаром Оливианом* и *Захарием Урсином*, считавшими необходимым тесное сотрудничество курфюршеской администрации и церкви, причем на основе патронажа светской власти («дисциплинизм»). Мнение курфюрста и его ближайших советников оказалось решающим для победы «дисциплинариев», окончательно достигнутой к 1570 г.

Как и в лютеранских княжествах, *курфюрст* в Гейдельберге сохранял за собой исключительные по объему полномочия. Как и во владениях евангелических имперских чинов, в Пфальце существовали формально раздельные административные и представительные органы. Но схема функционирования институтов существенно различалась. *Церковный Совет*, созданный в 1564 г., выполнял роль старой евангелической консистории с правом назначения приходских пастырей, назначения и смещения приходских учителей и осуществления патроната, а также определял на должность инспекторов над «конвентами классов». В свою очередь, должность инспектора в какой-то мере заменяла упраздненные евангелические суперинтендантуры с той лишь разницей, что представительный орган — «конвент классов» — оказывался в положении не контролирующего, а подконтрольного органа, поскольку инспекторам передавалось право визитации самих конвентов. Сами же «конвенты классов», собиравшиеся по окружному принципу (пастыри каждого округа образовывали отдельный класс), могли осуществлять лишь цензуру и визитацию общин. Позже, в 1570 г., согласно уложению о церковном устройстве в каждой общине создавались пресвитерии, надзиравшие за жизнью членов общины и имевшие право избирать и смещать со своих должностей общинных служа-

щих. В результате сама община лишалась даже остатков тех полномочий, каковые имелись в евангелической церкви, а структура реформатской церкви приобретала четкую *иерархическую вертикаль* учреждений. Верхушку венчал сам курфюрст, назначая состав Церковного Совета и прямо, минуя даже сам Совет, надзирая за хозяйственной жизнью общины и инспекторами. «Конвенты классов» и община превращались лишь в низовые ступени исполнительной власти. Если евангелическая модель (Саксония) предполагала определенный баланс представительных (синод) и административных (консистория) функций, перекрытых курфюршескими прерогативами, то реформатская модель Пфальца сводила этот баланс к минимуму: конвент и пресвитерии выступали в роли практически субординированных администрации инстанций.

Пфальцская модель оказала влияние на соседние регионы, где, впрочем, встречались и более жесткие варианты контроля, как, например, в графстве Липпе, где пресвитерии возникли лишь в XVII в. и были окончательно узаконены в 1684 г. В Гессеке генеральные синоды не собирались более с 1582 г., уступив место после введения кальвинизма в 1605 г. подчиненным княжескому правительству конвентам.

Духовные кадры создававшихся церковных структур давал, как показывают исследования, в общем довольно ограниченный круг лиц. Почти повсеместно за исключением пожалуй некоторых рейнских земель (Пфальц), выступавших в роли прибежища гонимых из-за рубежа кальвинистов, не наблюдалось достаточно многочисленной когорты реформатских богословов, способных по поручению князей взять в руки громоздкий аппарат управления. В центральнонемецких землях (Саксония, Ангальт, Гессен-Кассель) подходящую основу образовывали различные фракции уцелевших в гонениях *«филиппистов»*, перекочевывавших с место на место в конце XVI в. В северо-восточном регионе (Бранденбург) княжеская власть с охотой пользовалась советами приглашенных с запада «светил», к примеру Абрахама Скультета, при берлинском дворе Иоганна Сигизмунда. Рейнские кальвинисты и в других

местах дополняли ядра нового духовенства. Существенную роль играли также склонявшиеся к кальвинизму и «филиппизму» ученые мужи, преподававшие в крупных *университетах*, с помощью которых зачастую создавались новые порядки. Для Гессен-Касселя таковым центром был Марбург, в Саксонии — Лейпцигский университет, где еще преподавали почитатели Меланхтона, избежавшие серьезных неприятностей во время чисток времен Августа I. Но все они, кроме Пфальца, не являли, строго говоря, большой и внутренне сплоченной социальной силы, что позволило некоторым лютеранским ортодоксам определить приютившееся в отдельных резиденциях реформатское учение как «придворный кальвинизм» (*calvinismus aulicus*). Для большинства реформатских территорий Империи актуальным оставался вопрос подготовки духовных кадров, что побуждало княжеские власти заботиться об образовании. Успехи на этом поприще были замечательны: двери учебных заведений были широко открыты для иноземных наставников, создавались и новые университеты, среди которых первенствующее значение получил университет в *Херборне*, основанный в 1584 г., Иоганном VI графом Нассау-Дилленбург.

В числе крупнейших богословов, принявших активное участие в строительстве кальвинистской церкви во второй половине XVI в., следует, несомненно, назвать пфальцских реформаторов — *Каспара Оливiana* и *Захария Урсина*. Характерным стилем в деятельности представителей первого поколения кальвинистских богословов стала тщательная разработка организационно-догматических нюансов, отодвигавшая на задний план бурную полемику. Теоретический уклон, размышления над будущим устройством церкви перевешивал воинственный пыл, желание пером бороться с конфессиональными оппонентами. К тому же гейдельбергским кальвинистам постоянно приходилось сглаживать догматические разногласия с лютеранами, дабы сохранить видимость лояльности Аугсбургской Конфессии и тем самым избежать имперской опалы. Так сложилась традиция т. н. «пфальцской иреники», глашатаи которой выступали за примирение протестантских вероисповеданий (Давид Парей, Франц Юний). Ближе к концу XVI в. на

авансцену выходят богословы второго поколения, чей почерк многим напоминал представителей старолютеранской ортодоксии: во главу угла они ставили защиту незыблемости реформатского вероучения, «чистоту веры» в сочетании с теоретическими разработками, систематизировавшими доктрину, философию и этику повседневной жизни. Ярким примером здесь была семья пфальцских богословов Скультетов, давшая плеяду блистательных проповедников гейдельбергским и берлинским дворам. Однако в целом реформатские богословы сохраняли гораздо более миролюбивые воззрения на своих лютеранских оппонентов, готовность идти на тесное сотрудничество во имя окончательной победы над Римом и католической Империей.

Воздействие кальвинистской конфессионализации на светские слои общества — вопрос, как и в случае с лютеранством, до конца не исследованный историками. Отдельные штудии *Хайнца Шиллинга*, посвященные просветительской деятельности реформатской церкви в Эмдене, равно как и в графстве Липпе, а также региональные исследования других специалистов констатируют большое значение кальвинизма в области *просвещения*. Действительно, число открытых реформатами школ и университетов в Германии, как и их педагогическое подвижничество, впечатляют. Но в тени исследований остаются другие аспекты конфессионализации — воздействие на повседневные формы жизни, на семью и семейную этику, общее и частное в конфессионализации города и села, восприятие веры «простым человеком», размеры иноконфессионального влияния.

Важным звеном, опосредующим догму и популярное сознание, так же как и в евангелической Германии, стали догматические руководства, главным из которых был *Гейдельбергский катехизис* Захария Урсина. Почти во всех пунктах он согласовывался с Женевским катехизисом Кальвина, исключая лишь положение о предопределении, о котором не было сказано ничего. Как и в женевской церкви, акцент ставился на примате всего Писания в совокупности всех его частей, и в согласии же с Женевой толковались таинства и связанные с ними вопросы христологии. Пфальцский катехизис был принят впоследствии в Нассау-Диллен-

бурге, в Зольм-Браунфельсе, в графстве Вид, княжестве Ангальт-Бернбург. В других владениях руководствовались во многом схожими положениями (Гессен-Кассель, Бранденбург — «Исповедание курфюрста Иоганна Сигизмунда» (Confessio Sigismundi)).

Богослужение и практическая религиозная деятельность общин регулировались, так же как и в евангелических княжествах, особыми распоряжками. Вновь во многом образцовым для подражания стало *пфальцское Церковное уложение 1563 г.* и *верхнепфальцкий Мандат о церемониях от 15 января 1567 г.* Согласно им упразднялось прежнее облачение священников, вводился запрет на экзерцизм и резко — до неузнаваемости — модифицировалась месса: исчезло многое из того, что было оставлено Лютером от старой обедни, остались лишь пение псалмов и молитвы, превращавшие литургию в хоровую композицию. Кроме того, из церквей были удалены последние напоминания о католическом культе: свечи, орган, алтарные образа. Храм в реформатской Германии окончательно лишился ореола святости, став простым молевым домом. В повседневной жизни строгие предписания касались соблюдения декалога вкупе с Ветхим Заветом, чтения молитв и духовных гимнов, поддержания высокой нравственности.

В Нижнем Пфальце нововведения осуществлялись в весьма жестких формах, обнаруживая общее с традициями католической Контрреформации и лютеранской ортодоксии, когда неугодные начальству и просто несогласные с Гейдельбергом лютеранские священники изгонялись из страны, а ослушники отлучались от общины.

Резонанс был особенно велик, ибо в Пфальце, несмотря на позднее принятие Реформации, лютеране обладали сильными позициями. Прибежищем лютеранства становится Верхний Пфальц с центром в Амберге. В 1564 г. был издан дисциплинарный устав для всех общин Пфальца, предусматривавший строгое следование Библии в повседневности и суровые формы наказания (отлучение от причастия, запрет быть восприемником от купели в случае нарушения церковных треб).

В итоге при всех успехах или неудачах реформатской конфессионализации в различных ее проявлениях наблюдается общая устойчивая и признанная большинством историков линия на тесное партнерство духовной и светской власти. Потому, если влияние кальвинизма на различные социальные сферы во многом еще остается неясным, то фактор «огосударствления» *реформатской церкви* может считаться относительно признанным. Достаточно убедительные выводы по отдельным регионам, однако, не укладываются в единую концепцию политических последствий, слишком разнясь между собой. Ф. Пресс, обстоятельно изучив развитие Пфальца после 1563 г., особо подчеркнул губительные последствия кальвинистского курса для внутренней политики курфюрстов: старая дворянская клиентела, отказавшись признать кальвинизм, вышла из-под ленного патронажа Гейдельберга, разрушив всю вековую политическую систему курфюршества, что повлекло финансовый кризис и в конце концов — коллапс в Тридцатилетней войне. Г. Менк приходит примерно к тем же выводам, анализируя правление Морица Ученого в Гессен-Касселе: экстремизм в религиозной реформе сочетался с экстремизмом в политике, что привело к кризису Нижнего Гессена в конце 20-х гг. XVII в. Отречение ландграфа в 1627 г. — прямое следствие и логичный итог предшествовавшего разрушительного курса, стимулированного церковной Реформацией. Напротив, Г. Шмидт показывает на примере графов Веттерау, прежде всего Нассау-Дилленбурга, позитивные последствия для территориального и административного развития княжеств. Реформатская церковь и реформатская доктрина содействовали мобилизации социальных ресурсов территорий, увеличивали военный и интеллектуальный потенциал. Т. Кляйн со скепсисом воспринимает поражение кальвинистского движения в Саксонии при Христиане I, полагая, что кальвинистская Реформация содействовала выходу на авансцену передовой интеллектуальной элиты, уничтоженной после 1591 г. В то же время К. Блашке ставит этот тезис под сомнение: ревизионизм курфюрста, по его мнению, шел вразрез с политическими и духовными традициями Саксонии, к тому време-

ни глубоко воспринявшей лютеранство. Успех кальвинизма на родине Лютера мог нести скорее разрушительные последствия для общества. Подобная разногласия позволяет констатировать лишь необходимость скорейшего появления трудов, обобщающих социальный феномен «второй Реформации».

Бесспорными для большинства историков остаются следующие *особенности реформатской конфессионализации*:

1. Кальвинизм в Германии черпал ресурсы преимущественно «извне», за счет духовного влияния, исходившего из Нидерландов, Франции и Швейцарии. Собственный *социальный базис* реформатской церкви был узок в большинстве территорий, и крупных объективных предпосылок ко «второй Реформации» почти нигде не наблюдалось.

2. Главной формой утверждения кальвинизма стала *княжеская Реформация*. В подавляющем большинстве случаев нововведения инициировались княжеской властью, и формирование реформатской церкви напрямую зависело от правительственных институтов.

3. Распространение кальвинизма почти повсеместно (кроме графства Марк) происходило на бывших *лютеранских территориях*, что превращало биконфессиональный ландшафт Империи (католические и лютеранские земли) в поликонфессиональный, но за счет потерь евангелического сектора. «Церковная ситуация Европы с середины XVI в. определялась небиконфессиональностью, но в большей степени внутренним расколом про тестантизма, не преодоленным Кальвином и его сторонниками, но лишь обостренным» [Lutz, RG. S. 62]. Этот тезис Г. Лутца вполне приложим к ситуации в Империи.

4. В большинстве случаев кальвинизм встречал резко *враждебное отношение* к себе со стороны лютеранского населения, прежде всего крестьянства и дворянства.

5. Реформатская конфессионализация в политическом аспекте содействовала росту *внутренней напряженности* в Империи и радикализации протестантизма. Для будущего Империи ее кальвинистские ландшафты представляли потенциальный источник опасности.

ИСТОЧНИКИ

1. Corpus Reformatorum (II, § 3, 3). Bd 29–87. Johannes Calvin. Bd 88–101. Huldreich Zwingli. Berlin; Leipzig, 1905–1968.
2. Bekenntnisschriften und Kirchenordnungen der nach Gottes Wort reformierten Kirche (1542–1934) / Hrsg. von W. Niesel. 3. Aufl. Zollikon, 1938.

ЛИТЕРАТУРА

1. Benrath C. A. Die Eigenart der pfälzischen Reformation und die Vorgeschichte des Heidelberger Katechismus // Heidelberger Jahrbücher, 7, 1963. S. 13–32.
2. Blaschke K. Religion und Politik in Kursachsen 1586–1591 // RK. S. 79–98.
3. Cohn H. J. The Territorial princes in Germany's Second Reformation, 1559–1622 // International Calvinism 1541–1715 / Hrsg. von M. Prestwich. Oxford, 1985. P. 139–165.
4. Goeters J. F. G. Genesis, Formen und Hauptthemen des reformierten Bekenntnisses in Deutschland. Ein Übersicht // RK. S. 44–59.
5. Hahn P. M. Calvinismus und Staatsbildung. Brandenburg-Preussen im 17. Jahrhundert // TC. S. 239–270.
6. Heckel M. Reichsrecht und «Zweite Reformation». Theologisch-juristische Probleme der reformierten Konfessionalisierung // RK. S. 11–43.
7. Henss W. Der Heidelberger Katechismus im konfessionellen Kräftespiel seiner Frühzeit. Zürich, 1983.
8. Hepp F. Religion und Herrschaft in der Kurpfalz um 1600. Heidelberg, 1993.
9. Hollweg W. Neue Untersuchungen zur Geschichte und Lehre des Heidelberger Katechismus. Neukirchen, 1961–1968.
10. Hoyer S. Stände und calvinistische Landespolitik unter Christian I. (1587–1591) // TC. S. 137–148.
11. International Calvinism (№ 3).
12. Klein T. Der Kampf um die Zweite Reformation in Kursachsen 1586–1591. Köln, Graz, 1962.
13. Kluetting H. Die reformierte Konfessions- und Kirchenbildung in den westfälischen Grafschaften des 16. und 17. Jahrhunderts // RK. S. 214–232.
14. Koch W. Der Übergang von Pfalz-Zweibrücken vom Luthertum zum Calvinismus. 50 Jahre Pfalz-Zweibrücker Kirchengeschichte (1560–1610) // Blätter für Pfälzische Kirchengeschichte und religiöse Volkskunde, 27, 1960. S. 23–35.
15. Menck G. Die Hohe Schule Herborn in ihrer Frühzeit (1584–1660). Ein Beitrag zum Hochschulwesen des deutschen Calvinismus im Zeitalter der Gegenreformation. Wiesbaden, 1981.
16. Menck G. Die «Zweite Reformation» in Hessen-Kassel. Landgraf Moritz und die Einführung der Verbesserungspunkte // RK. S. 154–183.
17. Menck G. Absolutistisches Wollen und verfremdete Wirklichkeit — der calvinistische Sonderweg Hessen-Kassels // TC. S. 164–239.

18. Münch P. Volkskultur und Calvinismus. Zu Theorie und Praxis der «reformatio vitae» während der «Zweiten Reformation» // RK. S. 291–307.
19. Münch P. Zucht und Ordnung. Reformierte Kirchenverfassungen im 16. und 17. Jahrhundert (Nassau-Dillenburg, Kurpfalz, Hessen-Kassel). Stuttgart, 1978.
20. Neuser W. H. Die Erforschung der «Zweiten Reformation» — eine wissenschaftliche Fehlentwicklung // RK. S. 379–386.
21. Nischan B. Prince, People, and Confession. The Second Reformation in Brandenburg. Philadelphia, 1994.
22. Press V. Calvinismus und Territorialstaat. Regierung und Zentralbehörden der Kurpfalz 1559–1619. Stuttgart, 1970.
23. Press V. Die «Zweite Reformation in Kurpfalz» // RK. S. 104–129.
24. RK.
25. Schaab M. Obrigkeitlicher Calvinismus und Genfer Gemeindefmodell. Kurpfalz als frühestes reformiertes Territorium im Reich und ihre Einwirkung auf Pfalz-Zweibrücken // TC. S. 34–87.
26. Schilling H. Konfessionskonflikt und Staatsbildung. Ein Fallstudie über das Verhältnis von religiösem und sozialem Wandel in der Frühneuzeit am Beispiel der Grafschaft Lippe. Gütersloh, 1981.
21. Schilling H. Die «Zweite Reformation» als Kategorie der Geschichtswissenschaften // RK. S. 387–437.
22. Schmidt G. Die «Zweite Reformation» im Gebiet der Wetterauer Gravenvereins. Die Einführung des reformierten Bekenntnisses im Spiegel der Modernisierung gräflicher Herrschaftssysteme // RK. S. 184–213.
23. Schmidt G. Die zweite Reformation in den Reichsgrafschaften. Konfessionswechsel aus Glaubensüberzeugung und aus politischem Kalkül? // TC. S. 97–137.
24. Schmidt, Konfessionalisierung. S. 44–54.
25. Sudhoff K. C. Olevian und Z. Ursinus. Elberfeld, 1857.
26. Tadden R. von. Die brandenburgisch-preussischen Hofprediger im 17. und 18. Jahrhundert. Berlin, 1959.
27. TC.
28. Wesel-Roth R. Thomas Erastus. Ein Beitrag zur Geschichte der reformierten Kirche und zur Lehre von der Staatssouveränität. Lahr/Baden, 1954.

5. Католическая церковь

а) Историография проблемы. Отправными точками дискуссии вокруг католической конфессионализации в Империи стала известная переоценка прежних взглядов в немецкой историографии, осуществленная в 40–50-х гг. крупнейшим знатоком католической церкви Хубертом Йедином.

В своих работах, прежде всего в обстоятельном исследовании истории Тридентского собора, Х. Йедин отделил фазу католической *Реформы* от собственно *Контрреформации*, обозначив, таким образом, два взаимосвязанных, зачастую (в отдельных землях) параллельно развивавшихся, но по сути во многом отличных процесса. Введение новых исторических категорий в исследование католицизма XVI в. не было инициативой только Х. Йедина: так, в 1880 г. немецкий протестантский историк В. Мауренбрехер уже употребил словосочетание «католическая Реформация». Однако заслугой Х. Йедина стало всестороннее исследование движущих сил внутрицерковного обновления. Движение за Реформу питалось, по мысли Х. Йедина, еще во многом предреформационными тенденциями. Напротив, хотя Контрреформация и выступала прямым продолжением Реформы, но была обращена фронтально против протестантизма в смысле более или менее жесткого социально-политического противостояния. Цель ее — рекатолизация оказавшихся в лоне протестантских конфессий территорий и возвращение под опеку католицизма «заблудшей паствы». Х. Йедин отдался хронологически разграничить эти две фазы, рисуя их лишь двумя сторонами развития католической церкви. *Эрнст Вальтер Цееден* привязал модель Х. Йедина, основанную преимущественно на средиземноморском материале, к немецким землям и существенно ее развил. Реформа в Германии при всех региональных особенностях, по его мнению, осуществлялась под влиянием общеевропейских течений. Церковное обновление в самом Риме, в высших административных сферах сочеталось с новым прочтением догмы (Тридентский собор). На уровне территорий немалое значение имела оформившаяся в позднее средневековье практика патронажа со стороны светских властей в виде опеки над монастырями и духовным образованием. Реформа, по сути, продолжала линию на обновление Церкви, наметившуюся еще в XV в. В свою очередь, под Контрреформацией, с точки зрения Э. В. Цеедена, скрывалась совокупность новых методов и средств, используя которые церковь пыталась перейти в контрнаступление и вернуть потерянное в борьбе с протестантизмом. Э. В. Цееден стре-

мился представить обе фазы церковного развития в призме глубокого социокультурного анализа, близко подходя к интерпретации Х. Шиллинга.

Последующая дискуссия развивалась в координатах, заданных Э. В. Цееденом. *Вольфганг Райнхард* сместил центр тяжести своих исследований на соотношение Контрреформации и «модернизации» раннего Нового времени. При всех противоречиях, свойственных католическим преобразованиям, не вызывает сомнения целенаправленность усилий на сохранение прочной иерархии и на достижение эффективной работы церковных структур. В политике церкви содержались элементы рационализма, которые постепенно складывались в цельный механизм административно-духовного контроля. И деятельность новых орденов (иезуиты и капуцины), и подвижничество многих представителей средних эшелонов церкви (епископы и аббаты) на ниве административного и пасторского служения, наконец, руководящие, чуждые половинчатости и жестко ориентированные на защиту церковной организации и догмы решения Тридента, подкрепленные энергичными усилиями реформационных пап, имели важные последствия для формирования повседневности католической паствы. В. Райнхард, выстраивая свой тезис в контексте теории «роста социальной дисциплины» Г. Острайха, склонен оптимистично оценивать результаты католических преобразований. В последующих работах, особенно в своей программной статье «Принуждение к конфессионализации?», он вообще отказался признавать сколь-нибудь убедительную разницу в социальном смысле между протестантской Реформацией и католической Контрреформацией. Речь, по его мнению, может идти фактически о едином процессе социальных и духовных преобразований, начавшемся в 20-е гг. XVI в. и завершившемся лишь в первой половине века XVIII.

Тезисы В. Райнхарда во многом содействовали переносу проблемы Реформы и Контрреформации в плоскость католической конфессионализации. *Хайнц Шиллинг*, специально не исследуя отдельные стороны процесса, однако, со всей решительностью подчеркнул общественную и религиозную «полифункциональность» тридентского католи-

цизма: подобно евангелической конфессии или кальвинизму, реформированный католицизм имел будущее лишь в социальной среде, мощно влияя на нее и сам преобразаясь под ее обратным воздействием. Преуменьшая в отличие от В. Райнхарда вклад контрреформационного католицизма в общественную перестройку, Х. Шиллинг, впрочем, выступил энергичным сторонником самого понятия католической конфессионализации. *Генрих Лутц*, подводя итоги дискуссии, справедливо указал на наметившееся вытеснение состарившейся двойной терминологии Х. Йедина новым определением — «католическая конфессионализация», хотя лично для Г. Лутца вопрос виделся все еще открытым. Сам он представлял католическую Реформу как непосредственно переходившую в Контрреформацию (в созвучии с формулировкой Х. Йедина) «в смысле употребления оставшихся религиозных сил и политических средств в борьбе с новшествами протестантизма» [*Lutz, RG. S. 66*]. Отмечая особенности немецкого пути обновленного католицизма, Г. Лутц усматривал много точек соприкосновения с евангелическим движением в культурной (гуманистическая традиция школьного образования, схоластическое и аристотелевское наследие в университетах) и в политической сферах (вынужденные союзы имперской лютеранской элиты с католическими князьями во благо общеимперских ценностей и против радикализма кальвинистов: «лучше быть с папистами, чем с кальвинистами», «в политике нам должно быть папистами»). В области культуры и религии имелся «скорее общий фронт против перспективных духовных начинаний (в частности, против антиаристотелевской философии французского кальвиниста Пьера Раме (1515–1572), против картины мира по Копернику и т. д.)» [*Lutz, RG. S. 72*]. Не отрицая традиционную хронологию Х. Йедина, Г. Лутц в социальном истолковании Контрреформации стоит ближе к Х. Шиллингу и В. Райнхарду.

В последние годы проблема изучается в двух направлениях. В одном мы видим исследования, идущие в унисон с концепцией *католической конфессионализации*, сформулированной в сборнике 1995 г., где в большой проблемной

статье В. Райнхард и Х. Шиллинг постарались развить свои прежние тезисы. Акцент вновь поставлен на параллелях между католическими преобразованиями и протестантской конфессионализацией. С другой стороны, наметилось критическое восприятие предложенной модели, но не за счет попыток вернуться к старому пониманию Контрреформации, а посредством более обстоятельной типологизации католицизма в имперских землях. *Вальтер Циглер*, обобщая данные по ряду земель, остававшихся верными Риму и до и после 1555 г., пришел к двоякому выводу. Для него, во-первых, очевидны случаи, идущие вразрез с классическим толкованием конфессионализации: некоторые владения не подверглись реформационным (протестантским) преобразованиям, сохранили прежнюю церковную структуру, равно как и верность Старой Церкви основной массы светских и духовных подданных. Здесь невозможны аналогии ни с протестантскими вариантами конфессионализации, ни с католическими, имея в виду земли, в которых Старой Церкви пришлось заново восстанавливать потерянное. Здесь имелась прямая, не нарушенная религиозным расколом преемственность позднесредневековой традиции. Потому в этих случаях парадигма конфессионализации вообще и католической в частности не работает. Однако (и во-вторых) за внешне неизменной оболочкой угадывается огромное напряжение духовных и социальных сил, направленных на сохранение католицизма и являвших совокупность тех средств и методов, о которых говорили Э. В. Цеден и Г. Лутц. Их воздействие не отражалось на внешнем каркасе церковной организации: он оставался старым. Не влекли они и большие конфликты, поскольку отсутствовало сколь-нибудь сильное противодействие католической ориентации. Но намечались в перспективе более важные внутренние перемены: в организации духовной жизни возникали новые методы, за счет которых церковь получала возможность идти в ногу со временем, не растворяясь в бурлящем котле общественных движений. Таким образом, невозможно выставлять католическую конфессионализацию единым для всех регионов процессом, и в то же время нельзя не заметить сходства в методах обновления, роднившее католиче-

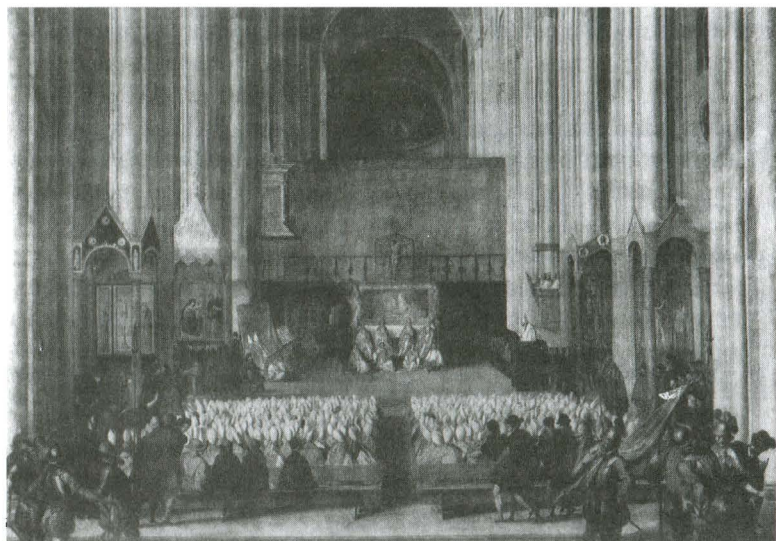
ские регионы между собой, сходства, сопоставимого также и с протестантскими ландшафтами. «Итак, мир немецких католических владений выступает в виде прочного переплетения традиционной, восходящей к глубокому средневековью, церковной организации, с новыми формами решений, соответствующими потребностям времени, благодаря чему готовилась почва к его дальнейшему существованию» [40. S. 90].

Наметившиеся перспективы позволяют предположить, что будущие исследования окажутся, по-видимому, еще теснее привязанными к региональной специфике, «удаляя» католическую Германию от католической Европы.

б) *Европейские корни католической Реформы в Империи.* «Корни и истоки католической Реформы лежали в гуманизме и в «новом благочестии», «Devotio moderna», двух потоках, имевших важность и в протестантизме, но получивших там иное воплощение, чем в католицизме» [Schmidt, Konfessionalisierung. S. 26]. Попытки внутренних преобразований наблюдались на протяжении всей истории католической церкви от последних Соборов XV в. и до Реформации. В этом смысле мы можем говорить о наличии сил, боровшихся за обновление церкви уже накануне выступления Лютера (V Латеранский собор, 1512–1517).

Но мобилизация сил, боровшихся за Реформу, требовала времени, потому перемены носили постепенный характер, сопровождались преодолением подчас тяжелых препятствий и внутрицерковного и внешнего, политического, свойства. В целом преобразования следовали на трех основных уровнях: непосредственно в Риме с выходом на сцену нового поколения римских апостоликов, более или менее ясно представлявших необходимость Реформы и более или менее полно видевших пути и методы преобразований, в верхних эшелонах церковной иерархии, прежде всего в окружении самих пап (кардинальская коллегия, епископат, борьба консервативных и соборных направлений в Риме) и, наконец, на низовом уровне церковных структур (реформация старых и появление новых монашеских или полумонашеских конгрегации и орденов).

В числе первых римских пап, склонявшихся к мысли о необходимости реформы «в голове и членах», бесспорно, выделялась фигура *Павла III* (в миру — Александр Фарнезе, 1534–1549). Весьма противоречивая натура, тяготевавшая к прежнему ренессансному стилю правления, Павел, однако, сумел перенести идею созыва нового Вселенского собора из плоскости мечтаний в реальность: в декабре 1545 г. в Триденте состоялось его открытие. Среди ближайших преемников этого понтифика мы видим и прямых продолжателей Реформы, и осторожных деятелей переходного типа, но ближе к концу века — представителей уже оформившегося тридентского католицизма, чье правление знаменует конец прежней «ренессансной эпохи» в истории папства (*Григорий XIII*, 1572–1585, *Сикст V*, 1585–1590 и *Климент VIII*, 1592–1605).

Заседание Тридентского собора. Картина Тициана. Лувр. Париж

Что касается реформационных усилий в рядах самой курии, то здесь легко заметить в первой половине XVI в. борьбу фракций, отстаивавших две линии обновления церкви: строго аскетичную, направляемую кардина-

лом *Джанпьетро Караффы* (с 1542 г. — руководитель центрального инквизиционного трибунала в Риме, позднее — папа Павел IV, 1552–1559) и соборную, представленную кардиналом *Каспаро Контарини* и его единомышленниками. И соборность Контарини, и консерватизм в оболочке аскезы Караффы, однако, не столько вносили раскол в ряды курии, сколько взаимодополняли общую тенденцию на внутреннее обновление церкви.

Общины и ордена, затронутые реформационными тенденциями, также становились влиятельной силой католического обновления. Следует, впрочем, иметь в виду, что большинство конгрегации, организованных в первой половине XVI в., следовало традиционным принципам монашеской аскезы и благочестия. Лишь постепенно, в силу объективных обстоятельств, они превращались в инструмент борьбы с протестантизмом (тиадины, 1524; капуцины, 1528 г.). Даже Общество Иисуса первоначально задумывалось скорее в целях борьбы с эразмианством, как считалось, разлагавшим изнутри единство и боеспособность церкви. Однако основание в 1539–1540 гг. этого нового ордена по инициативе знаменитого испанца *Игнатия Лойолы* (1491?–1558) стало все же поворотным моментом. Организованный на принципах жесткого единоначалия орден (самоназвание: игнатиане, члены Общества Иисуса; название «иезуиты» дано в хулительном значении протестантами в начале 40-х гг.) не являл собой лишь формализованную структуру, для членов которой поддержание устава и порядка было самоцелью. Не поиск Бога в монастырской келье должен был быть причиной уединения в ней, но защита Его во образе церкви и папы, образе уже обретенного накануне вступления. В этой изначальной посылке крылось глубокое различие в концепции Лойолы и предшествовавшей монашеской традиции. Чтобы стать полноправным членом ордена, необходимо было обрести и закалить веру в душе. Лойола последовательно и блестяще показал пути ее обретения в своих «Духовных упражнениях». Именно завещанная им индивидуальная концентрация всех возможных духовных и физических усилий на вере сближал его с реформаторами, а вкупе с ними — и с традицией

Григорий XIII (1572–1585) был одним из самых решительных поборников католической Реформы и Контрреформации.
Монумент Джузеппе Рускони. Ватикан. Рим

«подражания Христу», восходившей к позднему средневековью. И именно это позволяет считать его «Упражнения» и принципы замечательным вкладом в сокровищницу гуманистической мысли раннего Нового времени. При всем воинственном порыве, столь сильно поощряемом в ордене папами второй половины века, иезуиты организационно и потенциально скрывали в себе гораздо большие возможности влияния на все сферы социальной жизни католической паствы, к реализации которых члены ордена приступили уже с первых лет его существования. На момент основания орден насчитывал лишь 60 членов, однако уже в последние годы жизни Лойолы, ставшего первым генералом ордена, число иезуитов, равно как и объем их пасторской деятельности, стремительно увеличилось, что позволило организовать первые *орденские провинции* в Испании и Португалии. Наивысшего влияния орден достиг в генералаты ближайших приемников Лойолы: Диего Лайнеса, Муция Вителлески, Клавдия Аквавивы, при которых орден окончательно укрепился в Германии. Среди пап мы не встречаем ни одного члена Общества Иисуса, однако в лице Григория XIII находим самого энергичного патрона и защитника орденской деятельности.

Но все достигнутые в середине века успехи на поприще реформирования отдельных структур могли перерасти в широкое и устойчивое движение лишь после приведения в порядок общих догматических и организационных основ церкви. Решающим шагом в этом направлении, шагом, имевшим огромные последствия для судеб католицизма, стал *Тридентский собор*, работавший с перерывами с 1545 по 1563 г. Его заседания распадаются на три этапа — 1545–1548 (Триент — Болонья), 1551–1552 (Триент) и 1561–1563 гг. (Триент). Входе первых сессий были выработаны важнейшие догматические положения, проводившие границу между католицизмом и протестантскими вероучениями (толкование Писания и Традиции), на втором этапе были приняты декреты по вопросам евхаристии, покаяния и миропомазания. На последнем прения развернулись по вопросам причастия чашей мирян, крещения младенцев, мессы, почитания святых и практики индульгенции.

Важнейшими постановлениями Собора стали:

1. В противовес протестантским толкованиям Библии и требованию популяризации Писания на национальных языках, раздававшимся из гуманистического лагеря, перевод св. Иеронима (*«Вульгата»*) был признан единственно каноничным.

2. В отличие от принципа *«sola-scriptura»* протестантизма, выставлявшего абсолютный примат библейского текста, Тридент сформулировал принцип *библейской, апостольской и церковной традиций* как источников учения. Правильное толкование Писания невозможно без руководящего участия епископов и папы, пасторские функции которых завещаны Евангелием. Роберто Беллармин, один из отцов католического обновления, прекрасно сформулировал мысль о том, что Библия сама по себе полна противоречий и, чтобы разобраться в ней, требуется комментарий церкви, в то время как руководство церковью посредством указаний и наставлений принадлежит папе.

3. *Семь таинств* выставлялись спасительными для верующих в смысле их действительного воздействия, в случае если сам верующий (его внутренняя воля и убежденность) им не противодействует. Верующему тем самым являлась надежда на действительное оправдание, чем разрушалась догматическая посылка реформатов о символическом толковании причастия и вместе с тем отрицалась благодатная роль только лишь евхаристии и крещения.

4. Милость Бога невозможно заслужить самому человеку, но его *добрые дела* могут склонять Всевышнего к милости, т. е. к совместной кооперации: *«cooperatio humilis cum Deo»*. Таким образом, Собор возвращался к идеям св. Фомы, обнаруживая «третий путь», синтезируя экстремальность лютеранства (*«sola fidei»*) и оправдание труда в реформатской доктрине. В главах о покаяниях подчеркивалась особая роль персонального исповедания и правильного соблюдения абсолюции. Добрые дела не ограничивались, как в кальвинизме, лишь социальной, житейской сферой, распространяясь на весь спектр священного ритуала: паломничество, покаяние, аскеза, почитание святых, пост, молитва за живых и мертвых.

5. Роль священника как сакральной фигуры была особенно выделена в противовес общинному, лишенному святости профилю пастора у протестантов.

6. Наконец, были подчеркнуты руководящие функции папы в сфере управления церковью, прежде всего в издании декретов и контроле над епископатом. Параллельно были приняты меры к усилению руководства епископов. Им окончательно подчинялись архидьяконы и передавалось право регулярного созыва диоцезальных синодов. Была отмечена необходимость устройства постоянных резиденций (декрет 1547 г.). Тем самым была решительно видоизменена традиция позднесредневековой церкви, во многом основанная на поощрении низовых структур, монастырей, монашеских конгрегации, а в сфере диоцезального управления — соборного капитула. Если до Тридента капитул постоянно выступал в контрольно-надзорных, часто — в соправительственных функциях по отношению к епископату, то теперь главной опорой реформ становился сам епископат.

Итоги Собора — при всей половинчатости и некоторой непоследовательности в принятых решениях — оказались важными прежде всего тем, что отныне церковь получила твердые основы — и догматические и организационные — дальнейшего существования. Был преодолен опасный кризис, резко осложненный Реформацией и расколом: противоречие между старыми формами и новыми силами. Собор венчал почти полувековые усилия не одного поколения католических реформаторов добиться обновления в решающих пунктах. Католицизму удалось ясно дистанцироваться от протестантских вероучений, сформулировать собственное видение догмы, но самое главное — не разрушить преемственность предшествующей традиции. Реформа церкви не переросла в ее разрушение, а элементы консерватизма не возобладали над желанием развивать Реформу.

Рим торопился закрепить достигнутый успех: в 1564 г., подытожив догматические принципы, провозглашенные Тридентом, папа издал *Формулу католического вероисповедания* (*Professio fidei Tridentino*). Вслед за тем был издан

Триденнский катехизис (Catechismus Romanus, 1566), римский breviарий (1568) и новый порядок мессы (Missale Romanum, 1570). Новая форма мессы призвана была особо подчеркнуть ее искупительное значение и посредническую роль клира. В структуре литургии была выделена особая часть — месса клира. Реформа богословско-догматического базиса увенчалась *реформой календаря*, проведенной в 1582 г. папой Григорием XIII. Формальная причина заключалась в астрономической разнице со старым юлианским календарем, составившей к концу XVI в. 10 дней. Теперь после 4 октября 1582 г. следовало сразу 15 октября. Но наряду с научным аспектом совершенно отчетливо выступала идеологическая сторона — желание апостольского престола не только в вере, но и во времени отделить церковь от протестантизма. Отныне не только обновленные структуры церкви, не только ясно обозначенная догма, но само время призвано было служить делу истинной веры. Характерно, что протестантские земли Германии решительно воспротивились новшеству, по-прежнему ориентируясь на юлианский календарь. Новый календарь в Империи окончательно восторжествует лишь ок. в 1700 г., в некоторых странах — еще позднее (в Англии — в 1752 г.). Одновременно с завершением теоретической основы Реформы жизненно важным для церкви стало скорейшее проведение в жизнь организационных преобразований. В центре забот апостольского престола оказывался *епископат*. Епископы превращались не только в важнейшее звено обновленной церкви: на них отныне возлагалась и главная ответственность за успешное противостояние протестантизму на местах. Именно с епископатом были связаны главные организационные проблемы: ряды прелатов нуждались в пополнении, а для этого требовалась в высшей степени квалифицированная подготовка, хорошо развитая способность к самостоятельной и энергичной деятельности, глубокое знание богословских и правоведческих нюансов. Административная реформа должна была идти нога в ногу с усовершенствованным образованием.

В католической пропаганде большое место отныне уделялось образу аскетичного, благочестивого и вместе с тем

ученого пастыря. Личность *Карло Борромео* (1538–1584), кардинала и епископа Миланского, здесь была образцовой для подражания. Прелаты нового поколения выпестовывались в новых педагогических центрах, учрежденных усилиями реформационных пап. Первым и важнейшим для немецкого католицизма стал *Немецкий Коллегиум* (Collegium Germanicum), основанный в Риме в 1552 г., позже появилась аналогичная академия для венгерского духовенства: *Венгерский Коллегиум* (Collegium Hungaricum). Необходимость высокой образовательной планки вызвала, в свою очередь, увеличение богословских научных и педагогических кадров.

Во второй половине XVI в. Старая Церковь в целом обрела твердую почву за счет осуществления реформ, провозглашенных на Тридентском соборе. Движущими силами Реформы отныне становились не только папские инициативы и римская курия, но и региональные структуры в лице *епископата*, новые образовательные центры, руководимые идеями всемерной защиты и обновления, и новые *монашеские ордена*, приспособленные к условиям бескомпромиссного противостояния с протестантизмом, прежде всего иезуиты. Естественно, успехи были бы немыслимы без активной поддержки светских католических властей. Вместе с тем Реформа церкви все более перерастала в *Контрреформацию*, под которой мы понимаем непосредственное противостояние протестантизму, протекавшее в различных хронологических границах и формах.

в) *Католическая Реформа в Германии. Деятельность иезуитов, новый епископат и организация церкви.* На момент завершения Тридентского собора значительное число владений в Империи было потеряно для католицизма, причем во многих оставшихся либо уже укрепились влиятельные протестантские общины, либо зрели элементы евангелического движения, а некоторые княжества (например, герцогство Юлих-Берг), хранили верность католицизму лишь от имени правивших Домов. Только в очень немногих землях католическая церковь сохраняла господствующее положение, почти нетронутое реформационными по-

трясениями. К их числу следует отнести имперские диоцезы на юге и юго-западе: Бриксен, Триент, архиепископство Зальцбург, габсбургские владения в передней Швабии (Брейзгау, наместничество Ортенау, графство Гогенберг, ландграфство Нелленбург, земли швабского наместничества, маркграфство Бургау) и Предгорье, из имперских городов — Юбирлинген и Кёльн, имперские земли в Лотарингии, архиепископство Трир, общины Реклингхаузена, архидьяконат Ксантен. С оговорками следует отнести к этому реестру Баварию, где среди вассальных земель Виттельсбахов встречались и тяготевшие к протестантизму (графство Ортенбург, Хааг и Гогенвальдек, чьи владельцы примыкали к т. н. «движению за чашу»).

Позиции церкви осложнялись не только сравнительно малым числом владений, твердо стоявших за Рим, но и напряженной борьбой, протекавшей во многих из тех территорий, где уже успело укрепиться евангелическое вероучение. Реформу приходилось осуществлять в открытом поединке с «ересями», порой в тяжелейших условиях, что делает характерной именно для Империи трудную различимость граней между *Реформой* и *Контрреформацией*. К числу обстоятельств, возводивших серьезные препятствия на пути церковных преобразований, следует отнести прежде всего весьма широкий размах евангелического движения, еще не потерявшего силу после Аугсбургского мира: даже во владениях католических прелатов и князей, оставшихся в лоне католицизма, имелись зачастую весьма влиятельные сословные силы, подверженные лютеранству. Кроме того, среди немецкого епископата сплошь и рядом обнаруживалась неготовность сразу принять тридентские реформы, поскольку восстановление жесткой иерархии в церкви, система контроля и надзора за духовенством приходили в противоречие с интересами имперского клира, интегрированного в сословно-ленную корпорацию как часть княжеской элиты. Требовалось время на перестройку работы епископата. К тому же значительное число имперских прелатов представляли еще старое поколение «ренессансной» церкви со всеми его изъянами (светские формы повседневности, зачастую граничившие с образом жизни мир-

ского государя, заботы о собственной публичной репрезентации, меценатство, позволявшее оказываться в ближайшем окружении некаатолика, стремление укрепить собственную территориальную власть, следствием чего становился nepoтизм, и т. д.). Наконец, тесная взаимосвязь политики католических прелатов и имперской княжеской элиты требовала более активного участия и поддержки со стороны светской княжеской власти.

Но при всех трудностях имелись объективные возможности для проведения Реформы и Контрреформации. А. Шиндлинг указывает здесь на четыре главных фактора.

Во-первых, изначально имелась тесная связь князей церкви с *имперской сословной организацией*. По мере упрочнения имперских институтов, начавшегося еще в позднее средневековье, все более крепкими и в правовом аспекте более определенными становились и позиции духовного сословия как неотъемлемой части всей имперской иерархии. Реформация не могла упразднить само духовное сословие Империи. Прелаты могли рассчитывать на поддержку правительственных учреждений, на правовые нормы имперской организации.

Во-вторых, епископы и аббаты были интегрированы в *региональную политическую систему*, получая возможность черпать из нее дополнительный источник стабильности. Будучи либо лидерами больших и малых групп местного дворянства, либо выступая в качестве сателлитов крупных светских княжеств, они оказывались защищенными довольно сильными и многочисленными сословными фракциями. В том случае, если епископства или аббатства оказывались «прикрытыми» соседними мощными католическими династиями, их будущее становилось гарантированным.

В-третьих, интересы религиозные переплетались с *интересами династическими и социальными*. Соборные каноники и епископские кафедры в большинстве своем использовали местными дворянскими родами для укрепления своего социального положения и престижа. Крупные дворянские фракции были на уровне территорий заинтересованы в сохранении церковных учреждений. К тому

же имелась широкая династическая солидарность, не позволявшая осуществить реформационные преобразования в рамках таких корпоративных институтов, как соборный капитул.

Наконец, в-четвертых, почти во всех духовных княжествах Германии сохранились прежние традиции *церковного образования и благочестия*, и сам по себе клир нигде не выступал инициатором лютеранской Реформации. Тем самым сохранялась базовая сила возрождения в виде рядов самого духовенства, догматически едва ли соблазненных протестантским вероучением за редчайшими исключениями (Гебхард Трухзес фон Вальдбург).

Необходимы были, однако, усилия, направленные прежде всего на внутрицерковное обновление. Именно они должны были дать толчок к возрождению имперской церкви. Главными средствами здесь стали миссионерская, в высшей степени многоплановая деятельность *иезуитов* и появление нового поколения *епископов*, преданных делу тридентской реформы и постепенно осуществлявших реорганизацию церкви в своих диоцезах.

Начало деятельности Общества Иисуса в Империи было связано с именами Пьера Фабера и Петра Канисия, соратников и поздних современников Лойолы. Фабер в 40-е гг. был в Майнце, хлопотал об организации там католической типографии и находился в контактах с архиепископом Альбрехтом Бранденбургским (1514–1545). Но настоящим подвижником ордена и крупнейшим организатором его деятельности в Империи по праву считается *Св. Петр Канисий* (1521–1597).

Петр Канисий родился в Нимвегене в семье бургомистра Якоба Каниса (Canis). С юности Канисий выделялся большим прилежанием к наукам, учился в университете Кёльна, где получил в 1540 г. степень *magister artium*. Колоссальное влияние на него оказали идеи «нового благочестия» и позднесредневековой мистики (картезианцы и бегины). Вероятно, общность многих положений этих учений с практикой Общества Иисуса сблизил Канисия с Пьером Фабером и майнцскими иезуитами. В мае 1543 г. он вступил в ряды ордена, после чего несколько лет провел в Италии, ближе знакомясь с задачами церкви и принимая участие (весна 1547 г.) в сессиях Тридентского собора. Выдающиеся способности, проявленные им на

пасторском, богословском и полемическом поприще, побудили руководство ордена и курию направить Канисия обратно в Германию, куда он и явился в 1549 г. в «образе второго св. Бонифация» (Хуберт Йедин). Острый недостаток в образованных теологах и хороших администраторах побуждал Канисия выполнять служебные миссии при различных княжеских дворах и епископствах (1549–1552 гг. — в Мюнхене при Вильгельме IV Баварском; 1552–1559 гг. — в Вене и Праге по поручению Фердинанда I; 1559–1566 гг. — в Аугсбурге при архиепископе Отто Трухсессе фон Вальдбурге; 1571–1577 гг. — в Инсбруке при дворе эрцгерцога Фердинанда). Кипучая проповедническая и организационная деятельность сочетались в нем с увлеченностью публицистикой. Главные его усилия были направлены на реорганизацию образования под опекой иезуитов. С его именем связано учреждение первых иезуитских коллегиумов в Вене в 1552 г., в Кёльне и Ингольштадте в 1556 г., а также знаменитого впоследствии университета в Диллингене в 1564 г. Как публицист Канисий стяжал себе непреходящую славу изданием катехизисов: 1555 г. — «Большого» (*Summa corporis doctrina christiana*), написанного по распоряжению короля Фердинанда в форме 211 вопросов и ответов, излагавших основополагающие принципы тридентского вероисповедания; 1556 г. — «Малого» в 59 вопросах, рассчитанного на самые широкие круги населения вместе с кратким молитвенником для детей; 1558 г. — «Среднего». Язык Канисия, простой и ясный, его необычайная способность доходчиво толковать сложные статьи веры превратили его катехизисы в самый популярный продукт католической пропаганды в Империи. Однако попытки Канисия при поддержке некоторых прелатов (пражский архиепископ Брус фон Мюглиц) убедить отцов Тридентского собора создать на основе его трудов единый катехизис для католиков остались безрезультатными. С 1580 г. и до самой смерти он исполнял обязанности провинциала во Фрайбурге (Брайзгау). Пий XI причислил его к лику святых и равноапостольных. Трактовка его деятельности в католическом изложении представлена у Г. Пастора и Б. Дюра: *Pastor G. Geschichte der Päpste*. Bd 7–8. Leipzig, 1933; *Duhr B. Geschichte der Jesuiten in den Ländern deutsche Zunge*. Bd 3. Freiburg im Breisgau, 1910.

Успехи миссионерской деятельности Канисия следовали в русле общих, весьма энергичных усилий ордена в отношении немецких земель. В 1552 г. был учрежден *первый иезуитский коллегиум в Вене*, затем число учебных заведений, контролируемых иезуитами, резко возросло: появились коллегиумы и университеты в Кёльне, Ингольштадте, Вормсе, Мюнхене, Аугсбурге, Трире, Инсбруке, Майнце, Диллингене, Вюрцбурге. Университет в *Диллингене* (диоцез Аугсбург), основанный в 1564 г., стал самым знаменитым и популярным в Германии среди католической элиты

и первым университетом, всецело находившимся под опекой ордена. Формы деятельности Общества Иисуса были различны: иезуиты выступали в качестве исповедников и проповедников в сельской местности, в городах, при католических дворах, в качестве экспертов по делам церкви — в епископских и княжеских резиденциях, в качестве педагогов и наставников — в университетах, коллегиумах и в княжеских и дворянских семьях. Из практики старых монашеских орденов иезуиты использовали полифункциональность деятельности и ее повсеместность, не ограничиваясь лишь сельской или городской общиной. Но они наполнили старые формы новым качеством, прежде всего в сфере церковного и светского образования. Педагогическая методика иезуитов стяжала им большую известность. В организации преподавания они последовательно проводили принцип разделения по классам с самостоятельными годовыми программами (сельские и городские школы). В области теории иезуиты сочетали наглядную педагогику с принципами гуманизма в смысле раскрытия максимальных возможностей человеческих дарований, могущих служить духовному возрождению. Следствием выступал широкий гуманитарный уклон (изучение языков, истории, истории церкви). В сфере религиозного наставничества постоянно подчеркивалась значимость исповедания и причащения, что стимулировало необычайный рост популярной духовной литературы в католической Германии.

Число иезуитских миссий быстро росло. Сперва были организованы две провинции ордена в Империи: рейнская и верхненемецкая, а в конце века — еще одна, австрийская, охватывавшая наследственные земли Габсбургов.

Обновление епископальной церкви было подготовлено на общецерковном уровне созданием по инициативе Лойолы в 1552 г. *Немецкого Коллегиума* в Риме, призванного обучать будущих высокопоставленных клириков Империи. Популярность Коллегиума вскоре стала огромной: в XVII в. около трети всех немецких епископов были питомцами этого заведения, спустя сто лет цифра возросла до двух третей. Вспомогательную роль выполняли ведущие итальянские и нидерландские университеты, контролируе-

мые иезуитами, в стенах которых преподавали крупнейшие католические богословы (Падуа, Болонья, Лувен).

Среди представителей тридентского католицизма на епископских кафедрах Германии можно выделить два поколения. Старшее в нашем понимании заключало современников Тридентского собора. Для них идеи церковного обновления преобладали над текущей политической конъюнктурой. Многие прелаты стремились наладить тесное взаимодействие между апостольским престолом и региональными диоцезами. Младшее поколение выступило на рубеже XVI–XVII вв. Оно действовало под давлением все более нараставших кризисных симптомов в имперской организации. Кризис времен Рудольфа II вынуждал постоянно разрываться между хлопотами во благо церкви и сохранением своего влияния в сословном обществе. Для епископов этого второго поколения территориальные и правительственные интересы столь тесно переплетались с духовными, что превращали их скорее в экспонентов политической власти, нежели лишь только в духовных подвижников. Впрочем, чересчур обильный и пестрый биографический материал исключает широкие обобщения.

В самых общих чертах мы можем отнести к представителям *первого*, собственно тридентского поколения немецкого епископата такие бесспорно ключевые фигуры, как кардинал и епископ Аугсбурга *Отто Трухзесс фон Вальдбург* (1543–1573), архиепископ Майнцский *Даниэль Брендель фон Хомбург* (1555–1582), архиепископ Трирский *Якоб III фон Эльц* (1567–1581).

Отто Трухзесс фон Вальдбург был младшим сыном в знаменитой швабской дворянской семье и по обычаю того времени с 10 лет стал готовиться к духовной карьере. Учился он в Тюбингенском и итальянских университетах, со временем получил много духовных пребенд, но выдвинулся преимущественно благодаря своим незаурядным ученым и организаторским способностям. В 1541 г. Трухзесс стал советником Карла V по религиозным вопросам и некоторое время в качестве папского нунция представлял интересы Империи на Тридентском соборе. В 1543 г. Трухзесс был избран и подтвержден епископом Аугсбурга, но лишь с 1556 г., оставив итальянские дела, епископ смог постоянно пребывать в Империи и сосредоточиться на делах собственной епархии. Тогда же он обзавелся поддерж-

кой иезуитов и Канисия. Прекрасно осознавая тяжелое положение церкви, прелат стремился добиться финансовой поддержки курии, каковую, впрочем, в должной мере никогда не смог приобрести. Последнее обстоятельство вынудило его во имя спасения епископских финансов передать контроль над ними соборному капитулу (1577). Главным итогом его деятельности стало основание в 1564 г. университета в Диллингене, хотя попытка епископа учредить еще один университет непосредственно в Аугсбурге оказалась тщетной. См.: Zoepfl F. 1) Kardinal Otto Truchsess von Waldburg // Lebensbilder aus dem Bayerischen Schwaben. Bd 4. München, 1955. S. 204–248; 2) Das Bistum Augsburg und seine Bischöfe im Reformationsjahrhundert. Augsburg, 1969.

На смену этим подвижникам, ближе к концу века, выходят прелаты *второго* поколения тридентского католицизма. Среди них мы видим лица, преимущественно обращенные к имперским проблемам и к собственным территориальным интересам, что не исключало, впрочем, и активной церковной деятельности. Таковы Юлиус *Эхтер фон Меспельбрунн*, князь-епископ Вюрцбурга (1573–1617), *Мельхиор Клезль*, архиепископ Вены (1602–1619), *Вольф Дитрих фон Райтенау*, князь-архиепископ Зальцбурга (1587–1617).

Райтенау происходил из южнонемецкого имперского рыцарского рода, чьи владения концентрировались вдоль побережья Баденского озера. Смолоду он ощущал постоянную родственную поддержку сперва отца, состоявшего на имперской службе, затем, после того как определилась его духовная карьера — дяди, кардинала Маркса Зиттиха фон Гогенэмса в Риме и через него — архиепископа Миланского, знаменитого Карло Борромео. В 11 лет Райтенау уже получил первую духовную пребенду, а в 15 — каноникат в Базеле. Спустя три года он стал архиепископом Зальцбургским, будучи еще несовершеннолетним по каноническому праву. Райтенау закончил Немецкий Коллегиум в Риме и рассматривался поначалу римской курией потенциальным лидером Контрреформации в тирольских землях. Оказавшись, однако, во главе крупнейшего диоцеза габсбургской половины Империи, Райтенау выказал немалую склонность к укреплению собственной власти и публичной репрезентации. В первые же годы своего епископата он вступил в связь с дочерью зальцбургского городского советника Саломеей Альт, добившись при поддержке Рудольфа II легитимации ее детей и воздвигнув в честь ее знаменитый замок Альтенау — настоящий шедевр раннего барокко. Как прелат и территориальный государь Райтенау в весьма жестких формах добивался осуществления тридентских постановлений: соблюдения пасторских обязанностей со стороны приходских свя-

щенников, проповеди и неуклонного следования традиционной обрядности (крещение, причащение, посещение литургии, исповедание, посты и покаяние), реорганизации учебного дела в городе и на селе за счет иезуитов и новой учебной литературы (катехизисы Канисия). Большое значение приобрели при нем монашеские ордена, прежде всего проповедями: францисканцы, доминиканцы, иезуиты. Одновременно к эмиграции были принуждены сотни протестантских семей Зальцбурга. Райтенау развернул большое строительство как у себя в метрополии, так и в округе, в котором угадывались новые формы тридентского благочестия, призванные поставить архитектуру на службу церкви. Впрочем, большинство его проектов так и осталось неосуществленными. В деле организации духовной власти Райтенау поставил под контроль соборный капитул (издание Т. н. «вечного статута» в 1606 г.), собрав в своих руках решающие правительственные и надзорные функции. В качестве князя он не созывал с 1599 г. ландтагов и стремился округлить владения диоцеза за счет сопредельных владений. Следствием, с одной стороны, амбиций архиепископа, с другой — враждебного отношения Баварии, стал его конфликт с мюнхенскими Виттельсбахами по вопросу прав на имперское аббатство Берхтесгаден. Спор перерос в открытый разрыв и окончился занятием Зальцбурга баварскими войсками, смещением и арестом Райтенау в 1612 г. Пленником Виттельсбахов он и скончался в замке Верхний Зальцбург в 1617 г. См.: Fürstbischof Wolf Dietrich von Raitenau, Gründer des barocken Salzburg. Katalog zur vierten Salzburger Landesausstellung. Salzburg, 1987.

В своей административной организации немецкие епископства имели существенные региональные отличия, что обуславливалось множеством факторов (специфика имевшейся в середине XVI в. структурной основы, особенности проведения реформы). Потому возможно говорить лишь об *идеально-типичной* модели. В целом она соответствовала тридентским положениям о единоначалии епископа и твердой иерархии. В руках у епископа сосредотачивались важнейшие функции управления и контроля. Он имел заместителей по линии *potestas ordinis*, *potestas magisterii*, *potestas jurisdictionis*. Им соответствовали «вайхбишоф», генеральный викарий и официал. «Вайхбишоф» был заместителем по линии визитации и поддержания обрядов: он курировал монастыри, священников приходов и сами общины. Генеральный викарий осуществлял замещение епископа по всей административной части, официал отправлял церковный суд и суд чести. Отдельным институтом был представлен архидьяконат, непосредственно контро-

лировавший священников и прихожан и осуществлявший все повседневные судебные дела, визитацию и служебный надзор. Архидьяконат также надзирал за работой капитула. Община выступала подконтрольной сразу четырем инстанциям: «вайхбишофу», официалу, викарию и архидьяконату, хотя реальными возможностями для надзора обладал именно архидьяконат. Подобное дублирование функций должно было обеспечить всестороннее влияние на религиозный быт мирян. Так же как и протестантские церкви, тридентский католицизм, сделав ставку на епископат, требовал жесткой иерархии. В структурах управления представительные учреждения, не считая капитула, лишавшегося теперь значительной части своих полномочий, утрачивали всякое значение. Акцент был сделан на дублировании функций нескольких подчиненных епископу инстанций, что должно было, опять-таки в идеале, ликвидировать почву для возможных злоупотреблений и установить прочный контроль за администрацией.

Следствием реорганизации выступали и иные, более высокие требования к *профессиональной подготовке*: клирики были обязаны прекрасно знать каноническое право, уметь комбинировать пасторскую и проповедническую деятельность епископам надлежало вникать в нюансы административной работы и в то же время быть образцом духовного служения. На плечи имперских прелатов ложилась тяжелая ноша, но путь персональной ответственности был одним из немногих, обещавшим сколько-нибудь успешное проведение реформы.

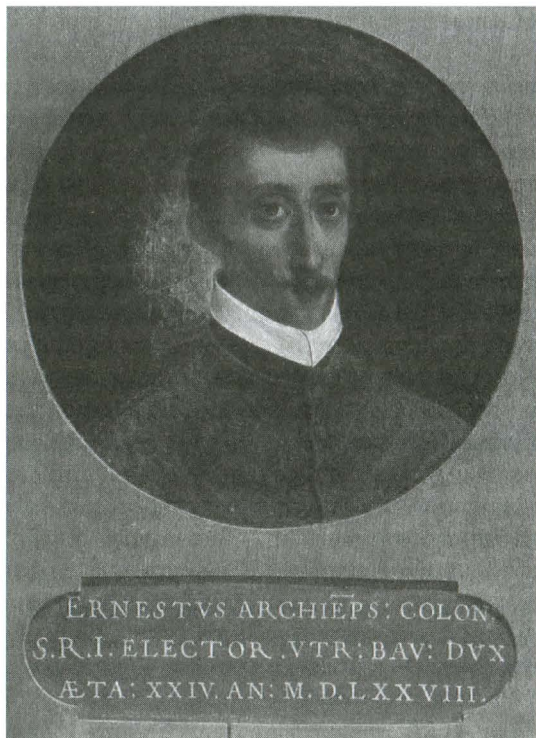
2) *Контрреформация в светских и духовных владениях*. Выше уже отмечались трудности, связанные с разграничением реформы и собственно контрреформационных мероприятий в отдельных диоцезах. Однако в большинстве княжеств восстановление утраченных позиций сопровождалось более или менее острой борьбой с протестантизмом.

Первое весьма ощутимое противодействие реформационному движению стало все явственней проявляться уже с начала 40-х гг. За точку отсчета здесь можно принять

провал реформационных нововведений в кёльнском архиепископстве в 1543 г., когда вмешательство императора и курии воспрепятствовало переходу в лютеранство Германа фон Вида, архиепископа Кёльна. В 1546 г. после победы над протестантами в Шмалькальденской войне Карл окончательно вернул этот крупнейший рейнский диоцез в лоно Старой Церкви. Тем самым был обеспечен мост между нидерландскими и южногерманскими владениями Габсбургов.

После Аугсбургского мира реставрация католицизма следовала с нарастающей энергией в отдельных духовных владениях. Существенным успехом контрреформы стал исход *Страсбургской соборной распри*. В годы правления страсбургского епископа Иоганна фон Мандершайда, решительного католика, были предприняты первые серьезные попытки реформировать церковные структуры диоцеза, для чего в 1579 г. были приглашены иезуиты. В 1583–1584 гг. это привело к первым серьезным конфликтам с протестантами: епископ вознамерился тогда удалить из рядов соборного капитула евангелических каноников и лишить их церковных доходов. После смерти же Мандершайда в 1592 г. вспыхнула ожесточенная борьба за кафедру между протестантскими членами капитула, поддерживаемыми страсбургскими лютеранами («Академия» Якоба Штурма), и католической партией. Обе стороны не имели решительного перевеса и потому обратились к соседним княжеским Домам: католики — к Лотарингцам и Виттельсбахам, протестанты — к Гогенцоллернам. Сын герцога Лотарингского Карл, уже будучи епископом Меца, оказался самым реальным претендентом от католической партии. От протестантов главным кандидатом стал сын бранденбургского курфюрста Иоганн Георг. Но нерешительность самих евангелических сословий Империи, прежде всего Саксонии и Бранденбурга, связанных сложными династическими и территориальными интересами и, кроме того, не желавших дестабилизации положения внутри самой Империи, сыграло на руку католическому претенденту. Пользуясь выгодами создавшегося положения, император Рудольф II, укрепивший свой авторитет победами на турецком фронте, сме-

ло вмешался в страсбургский конфликт и в 1599 г. в конце концов добился торжества католического дела. Герцог Лотарингский получил предварительный ленный индульд на епископские земли и в 1599 г. был введен в епископский сан. Страсбургский диоцез превратился в больверк католицизма в Эльзасе.

Эрнст Баварский, курфюрст и архиепископ Кёльна стал верным защитником католицизма на берегах Рейна.

Портрет из так называемого «семейного альбома Виттельсбахов». Вторая половина XVI в.

В Кёльне вторично в 1582 г. усилиями Гебхарда Трухзесса фон Вальдбурга протестанты, на сей раз реформаты активнее, чем лютеране, пытались ввести Реформацию. Но и здесь императору удалось быстро и жестко остано-

вить протестантское наступление. Архиепископ в 1582 г. отказался добровольно сложить с себя духовный сан и объявил свободу обоим вероисповеданиям даже для каноников капитула. Император использовал, с одной стороны, право имперской экзекуции на поддержание духовной оговорки, с другой — мощь баварских герцогов, вмешавшихся в конфликт в защиту притязаний Эрнста, сына Альбрехта V на архиепископский трон. Эрнст был только что назначен наместником Испанских Нидерландов и опирался на прямую испанскую вооруженную помощь. В Кёльн была организована совместная испано-имперская интервенция, и Гебхард был изгнан за пределы диоцеза. Ландтаг архиепископства уже в феврале 1583 г. отказался поддерживать своего патрона.

Вместе с тем особенности каждого конкретного случая до сих пор затрудняют создание итоговой картины рекатолизации. По степени употребления насильственных мер диапазон представляется весьма широким: от откровенных *репрессий* в имперских городах (Гмюнд, 1579; Кёльн, 1583–1587; Роттвайль, 1593; Ахен, 1598) и светских владениях (Австрия) до сравнительно *умеренных форм* вытеснения протестантизма (герцогство Бавария, маркграфство Баден-Баден, епископство Аугсбург, архиепископство Майнц). С другой стороны, имелись свои отличия в *моделях Контрреформации* в духовных и светских владениях ввиду специфики организации институтов власти, а также в динамике преобразований. Например, реставрация и укрепление католицизма в землях мюнхенских Виттельсбахов и Габсбургов существенно отличались между собой, равно как и борьба с протестантизмом в кёльнских и зальцбургских архиепископствах.

При всем том судьбоносное значение для будущего католической церкви имел исход борьбы в крупнейших светских владениях. После Аугсбургского мира здесь многое, если не все, зависело от конфессиональной ориентации самих *правящих династий*. Классическими моделями Контрреформации в светских княжествах стали *Бавария* и *Австрия*.

В Баварии многое определялось изначально твердыми позициями, занятыми в вопросе осуществления тридент-

ских реформ герцогской властью. В лице *Альбрехта V* (1550–1579) явился строгий и непреклонный властитель, в первые годы своего правления симпатизировавший мягкой и средней линии «умеренного католицизма», но вскоре начавший бескомпромиссную борьбу с противниками церкви. Именно по прямой инициативе герцогской власти были осуществлены важнейшие мероприятия. В 1568 г. тридентские постановления стали обязательными к исполнению для профессоров Ингольштадского университета, в 1569 г. — для всех учителей, духовенства и служащих. Тогда же Альбрехт издал мандат о цензуре всей печатной продукции, издававшейся на территории его владений, и организовал первую крупную визитацию церковных владений и имущества после начала Реформации (1569–1570). Фактически деятельность церковных учреждений была поставлена под прямой контроль герцогской власти. Другой особенностью Баварии были изначально слабые позиции протестантов. Сельское и городское население в массе (за редкими исключениями) осталось в лоне католицизма, и больших симпатий к протестантизму здесь не наблюдалось. Реформация нашла поддержку лишь у некоторой части *дворянства* (графы Ортенбург), хотя и ее стремления были ограничены в основном изменениями в обрядности, а не в области догмы («*движение за чашу для мирян*», «*Kelchbewegung*», т. е. за право принимать причастие под обоими видами). В таких условиях герцогской администрации не стоило больших усилий консолидировать ландтаг в борьбе с ересью: в 1564 г. Альбрехт получил поддержку сословий и разгромил оппозиционную дворянскую фракцию. По обвинению в нарушении ленных обязательств и измене графы Ортенбург подверглись опале, а их владения заняли герцогские войска. Немногие убежденные последователи Лютера должны были оставить Баварию. Еще одной характерной чертой был большой удельный вес светских надворных учреждений, курировавших церковь. Решающим шагом в этом отношении стала организация по распоряжению герцога в 1570 г. т. н. «*Церковного совета*» (de facto функционировавшего с 1556 г.) — высшего коллегиального и консультативного органа при князе по церковным вопросам.

Решения совета были обязательны к исполнению духовными инстанциями, включая диоцезы-сателлиты (Фрайзинг, Регенсбург, Аугсбург). Светские власти выступали в Баварии главным локомотивом католической Реформации. Напротив, епископат в баварских землях зачастую еще не был готов к активному восприятию принципов тридентских нововведений. Вялость, апатичность, граничившая с откровенным саботажем герцогских начинаний, характеризовали поведение баварского духовенства. Во многом скрытое противодействие было вызвано нежеланием следовать в фарватере интересов светской власти, боязнью епископата лишиться остатков прежней средневековой самостоятельности. Будучи верным сыном Старой Церкви, высший клир, однако, шел в хвосте контрреформационных начинаний.

Контрреформация эпохи Альбрехта V оказалась успешной: к началу правления его внука Максимилиана I (1598–1651) земли мюнхенских Виттельсбахов преобразовались в надежный плацдарм католицизма в Империи.

Совсем иначе рисуется Контрреформация в наследственных владениях Габсбургов. В отличие от Баварии в *Австрии* после Аугсбургского мира не наблюдалось ни твердости в осуществлении тридентских реформ на герцогском престоле, ни слабости в рядах протестантской оппозиции. Особенностью Австрии было довольно *раннее развитие* реформационного движения, так что уже с конца 20-х гг. XVI в. многочисленные лютеранские общины усеяли собой всю долину Дуная. Протестантизм нашел там поддержку в рядах дворянства и горожан, причем именно дворянство выступало главной силой преобразований. После династического раздела в Доме Габсбургов 1564 г. эрцгерцогу *Карлу* (1540–1590), которому отошли т. н. Внутренняя Австрия, Штирия, Каринтия, Крайна, и императору Максимилиану II, стоявшему близко к немецкому протестантизму и сохранившему за собой Нижнюю и Верхнюю Австрию с Веной, пришлось использовать тактику компромисса с многочисленными протестантскими фракциями сословий. Герцогская власть шла на существенные уступки. В 1568 г. император разрешил дворянам-протестантам своих

австрийских земель свободное отправление евангелического культа. Более того, в целях упорядочения религиозных дел по распоряжению Максимилиана в Австрию был приглашен ростокский теолог *Давид Цитреус* (1531 -1600), трудившийся над созданием единой для протестантских чин-нов Австрии формулы веры. В 1571 г. она была признана сословиями как не противоречащая Аугсбургскому исповеданию и опубликована в качестве основы для организации австрийской евангелической церкви. Тогда же Максимилиан подтвердил свободу вероисповедания актом Религиозной Ассекурации. В Штирии эрцгерцог Карл вынужден был таким же образом в 1572 г. даровать свободу вероисповедания местному дворянству, исключая, правда, города и «местечки» (*Грацская Религиозная Пацификация*).

Уступка позволила протестантам резко расширить свое влияние, превратив ландтаг фактически в форум религиозной оппозиции. На ландтаге, состоявшемся в 1578 г. в Бруке на Муре, Карл, уступая давлению протестантов, легализовал евангелическую конфессию в Каринтии и Крайне и, кроме того, разрешил отправление ее в городах. Это был пик успеха евангелической Реформации в наследственных землях. Положение осложнялось внешними обстоятельствами: Карл и Максимилиан нуждались в деньгах рыцарства, необходимых для войны с турками, что побуждало их идти на уступки в вопросах веры. В таких условиях контрреформационные шаги не могли инициироваться ослабленной княжеской властью, следовать «сверху». В Австрии борьба с протестантизмом организовывалась «снизу», преимущественно кипучей деятельностью *Общества Иисуса* и созданием новых учебных учреждений. В 1573 г. был организован иезуитский коллегийум в Граце, превращенный в 1586 г. в университет, ставший главной кузницей обновленных богословских и административных кадров. В 1587 г. последовало создание *Реформационной комиссии*, призванной надзирать за состоянием имущества католической церкви и одновременно разработать и организовать очищение Австрии от «ереси». В рядах комиссии работало немало представителей нового поколения борцов с протестантизмом. Однако только лишь с восшествием на престол

в 1590 г. сына Карла, энергичного *Фердинанда* (1571–1637), ставшего позже императором, дело реставрации пошло более быстрыми темпами. Историки говорят о т. н. «*второй волне Контрреформации*», начавшейся при Фердинанде с середины 90-х гг. и завершившейся в 1600–1601 гг. полной победой над протестантизмом.

В Нижней и Верхней Австрии ситуация также изменилась после смерти Максимилиана в 1576 г., в годы правления его сыновей *Эрнста* (1576–1595) и *Матфея* (1595–1612). Оба князя последовательно и энергично действовали в русле осуществления тридентских преобразований. Острейшим моментом противостояния с протестантами стали события *крестьянского восстания* в землях «мельничной четверти» в 1594–1597 гг., нашедшие отклик в сопредельных областях. Крестьянское и в массе своей антикатолическое движение было самым тяжелым испытанием на прочность католицизма в Австрии, но перед лицом общей опасности князь, светские чины и церковь продемонстрировали единство и непреклонность в достижении общего умиротворения. Вместе с подавлением крестьянских выступлений закатилась и звезда австрийского протестантизма.

Еще одним отличием от баварской Контрреформации стала решительная позиция, занятая *австрийским епископатом*, ярким представителем которого стал епископ Винер-Нойштадта *Мельхиор Клезль* (1553–1630).

¹ Клезль был сыном венского хлебопекаря лютеранского вероисповедания, являя собой пример выдвиженца из бюргерских низов. Получил университетское образование в Вене и в молодые годы увлекся евангелическим вероучением. Впоследствии, однако, под влиянием венских иезуитов (Георг Шере) Клезль отошел от протестантизма, поменял веру и стал послушником иезуитов в конvente св. Варвары. Для совершенствования своих богословских познаний он отправился в Ингольштадтский университет, по возвращении из которого стал пробстом собора Св. Стефана, канцлером, а позже — ректором Венского университета. Вскоре Клезль выдвинулся в первые ряды сторонников решительной Контрреформации. Его звездный час пробил в 1590 г., когда он по поручению Рудольфа II возглавил всю работу Реформационной комиссии по рекатолизации Австрии и добился окончательной победы католицизма во вверенных ему территориях к началу XVII в. В 1598 г. он стал администратором епископства Винер-Нойштадта, а с 1602 г. — епископства венского, хотя посвящение в епископский сан последовало лишь в

1614 г. В 1590–1601 гг. Клезль находился в ближайшем окружении императора, выполняя функции тайного надворного советника. Однако в начавшемся конфликте между Рудольфом и его братьями он занял сторону Матфея, сделавшего его главным экспертом не только в религиозных, но и в политических вопросах. Роль Клезля резко возросла после восшествия Матфея на престол в 1612 г., при дворе которого практически до его смерти Клезль возглавлял Тайный надворный совет. Будучи ревностным поборником тридентских реформ, Клезль, однако, сохранял готовность к компромиссу с протестантами на общеимперском уровне, что стало одной из причин его падения в начавшейся Тридцатилетней войне. Нити заговора исходили от эрцгерцога Максимилиана и племянника его Фердинанда Штирийского, недовольных уступчивостью Клезля в борьбе с мятежной Богемией. В июле 1618 г. он был арестован в Хофбурге, препровожден сперва в Амбрас, затем в Инсбрук, откуда после долгих хлопот римской курии был отпущен в Италию. В 1627 г. ему было позволено вернуться к пасторским обязанностям в Вене, где он и умер в 1630 г. Новой биографии кардинала, удовлетворительно освещавшей бы его деятельность в научном аспекте, до сих пор нет. Из старых исследований полнотой информации отличается: *Hammer-Purgstall J. Frh. von. Klesels des Kardinals, Directors des geheimen Cabinetts des Kaisers Mathias, Leben. Bd 1–4. Leipzig, 1847–1851.*

Если в Баварии борьба с протестантизмом лишь временами находила отзвук на ландтаге, где большинство сословных групп поддерживало идею реставрации, то иначе складывалось положение в Австрии, где как раз большинство *дворянства* выступало на стороне евангелической Реформации. Для местной герцогской власти важнее было взломать единый фронт протестантской оппозиции, в первую очередь дворянства, и лишь потом перейти к физическому вытеснению протестантизма. Не рискуя прибегать к открытой конфронтации, Фердинанд и Матфей использовали весь арсенал своих правовых полномочий, прежде всего раздачу титулов и аноблирование, обуславливая их переходом в католическое вероисповедание. Дополнительный толчок был задан хаосом крестьянских восстаний 1594–1597 гг., вынуждавших протестантское рыцарство теснее блокироваться с католическими властями. В итоге был достигнут впечатляющий перелом: к началу XVII в. подавляющее большинство дворянских семейств оказалось в лоне католицизма. Только на этом решающем этапе были приняты репрессивные меры против остатков протестант-

ского населения в городах. В 1601–1602 гг. большинство его покинуло австрийские владения. С 1588 г. стала обязательной форма католической присяги горожан, а в 1598 г. были отменены все постановления Брукской пацификации. Евангелический приход отныне ограничивался лишь кругом нескольких дворянских фамилий.

Различия двух представленных моделей Контрреформации отнюдь не исчерпывали весь спектр нюансов, имевшийся в различных уголках Империи. Весьма разным было соотношение светской и духовной инициатив. Баварская модель, основанная на решающем влиянии светских князей, была рецептирована в ближайших землях, например в маркграфстве Баден-Баден, где изначально жесткий диктат княжеской власти выступал главным проводником рекатолизации. Этому немало способствовал фактор прямого патронажа Виттельсбахов: будущий маркграф Филипп I Баден-Баденский был племянником Альбрехта V и воспитывался при мюнхенском дворе, привнеся в свои земли готовые формулы реставрации. Но в ряде случаев наблюдалась и решающая инициатива духовенства. В Тироле, по мнению Г. Р. Шмидта, мы сталкиваемся с совершенно уникальным примером, когда энергичная деятельность прелатов по осуществлению тридентских постановлений привела фактически к полной ликвидации светского патронажа.

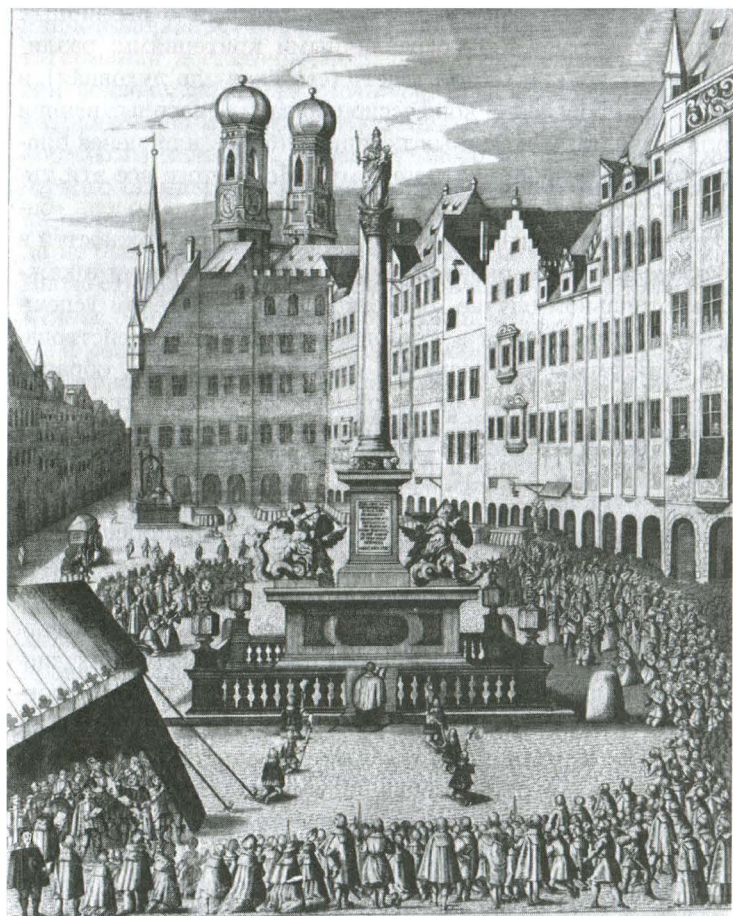
В целом, однако, реставрация в духовных владениях, особенно тех, которые лежали на границе протестантских земель, шла сравнительно медленно и со сбоем в отличие от крупных светских территорий.

д) *Итоги католической конфессионализации.* Католицизм нашел в себе силы к середине XVII в. вернуть значительную часть бывших своих анклавов. Рекатолизации подверглись: вестфальские и везерские епископства Оснабрюк, Мюнстер, нижнесаксонский диоцез Гильдесгейм, епископство Падеборн, частично земли кёльнских и трирских архиепископов, аббатство Фульда и Айхсфельд, территория Лаузица, западная Пруссия и Эрмланд. На юге этот процесс затронул большую часть бывших католиче-

ских епископств: Вюрцбург, Бамберг, Майнц, Вормс, Аугсбург, Констанц, Страсбург, а также маркграфство Баден-Баден, Пфальц-Нойбург, графство Фюрстенберг, Вальдбург, Гогенцоллерн, Хельфенштейн, Монфор, множество имперских рыцарских сеньорий, равно как и владения Немецкого ордена. На нижнем Рейне католической церкви удалось вернуть часть земель Юлих-Бергского герцогства. Из имперских городов католицизм утвердился в Кёльне, Ахене, Гмюнде, Гегенбахе, Кайзерсберге, Розгейме, Констанце, Роттвейле и некоторых других.

Сложнее обстоит дело с выяснением итогов католической конфессионализации как широкого социального процесса. Единой точки зрения среди историков сегодня не наблюдается. Речь может идти лишь о самых общих выводах, поскольку региональный материал, с одной стороны, еще мало исследован, с другой — часто дает весьма специфическую картину, затрудняющую создание общей панорамы. По вопросу укоренения католических форм *духовной жизни* среди светского общества и духовенства различаются две точки зрения. Г. Р. Шмидт, подытоживая исследования коллег (Э. В. Цееден, А. Хан), считает, что полная победа тридентского католицизма в практике и воззрениях духовенства наступила лишь в 1600–1650 гг., в светских территориях — много позже, ок. 1700 г. В последние годы наметилось желание более осторожно трактовать результаты католического обновления. Э. В. Цееден предпочитает говорить об окончательном торжестве светской и духовной конфессионализации лишь в XVIII в. А. Шиндлинг указывает на 1648 г. как на важнейший рубеж, подводивший итоги предшествовавшей реставрации в политико-правовом аспекте, но отмечает, что процесс укрепления тридентского католицизма продолжался и после Тридцатилетней войны. Ввиду множества *региональных отличий* историки все больше пытаются типологизировать данные по отдельным регионам. А. Шиндлинг выделяет две фазы католической конфессионализации: раннюю, берущую свое начало от первых попыток реставрации в середине века (Бавария), и позднюю, охватывавшую рубеж XVI-XVII вв. (Австрия, Богемия). В. Циглер, принимая эту схему за основу, услож-

SUB TVVM PRASIDIUM CONFUGIMVS SANCTA DEI GENITRIX

SERENISSIMAE PRINCIPI AC DNÆ DNÆ MARIAE ANNAE COMITIS PALATINAE RHENI,
VTRIVSQVE BAVARIAE DVCISSAE, ELECTRICI, NATAE, PRINCIPI HUNGARIAE ET BOHE-
MIAE, ARCHIDVCISSAE AVSTRIAE, DVCISSAE BVRGVNDIAE, ET COMITI TYROLIS.

D. D. H.

Jo. Barckh. Rellm. Calogravator

Культ Девы Марии приобрел огромную популярность в католических землях Империи. Гравюра Бартоломея Килиана изображает мариинскую колонну на ратушной площади Мюнхена. Ок. 1660 г.

няет ее. По его мнению, следует говорить о различных типах в соответствии с различными критериями: различие в статусе княжеской власти (светская или духовная), в моделях проведения конфессионализации (насильственная или мирная), в исходных позициях (более или менее благоприятствовавших католицизму). Но в итоге все эти типы интегрировались в начале XVII в. в общую модель «барочного католицизма», показывая широту возможностей в осуществлении церковной реформы и реставрации в каждом отдельном случае. Во всяком случае, в целом успешные преобразования в католических землях содействовали сближению католической Германии с Римом, образуя составную часть католической Европы. Множество нитей связывало немецкий католицизм с европейским. При всей специфике и региональных отличиях эту общность невозможно отрицать.

Разные точки зрения мы наблюдаем и при оценке темпов и результатов реформ в отдельных социальных сферах. В области *реформирования клира* и упорядочения службы заметен скепсис историков. *Петер Ланг*, исследовавший протоколы церковных визитаций южнонемецких диоцезов, пришел к выводу лишь о частичных успехах реформы на 1600 г. Относительно жесткий контроль чувствовался в сфере морали и нравственности (запрет азартных игр, алкоголя) и при отправлении литургии и таинств. Введение строгого celibата, улучшение качества проповедей, наконец, серьезное изучение катехизисов прослеживается лишь в первой четверти XVII в. П. Ланг говорит о поэтапной реформе, при которой вначале стремились усовершенствовать основы богослужения и обряды, а лишь затем переходили к контролю за образом жизни и профессиональной подготовке духовенства. Работы *Алоиза Хана*, выполненные на материале северозападного католического духовенства, во многом согласуются с негативным тезисом П. Ланга. А. Хан также считает, что образование священников и качество исполняемых ими обязанностей оставляло желать лучшего даже в конце XVII в. В целом мнения этих историков согласуются с общими выводами Х. Йедина, считавшего, что преобразования в рядах духовенства состоялись

лишь в начале XVII в., а сами тридентские реформы шли в Германии достаточно медленно. Отчасти итоги дискуссии подвел *Ганс Георг Молитор*, предложивший считать католическую конфессионализацию в Германии совершенно особым явлением, имевшим много отличий от классического стандарта, завещанного Тридентом. В этой связи он подчеркнул, что в Германии собственно с самого начала не было тридентских реформ как таковых: речь идет о множестве различных моделей, причем в целом — с очень медленными темпами преобразований.

В светской половине общества большинство историков усматривает в целом более длительный период реставрации духовных нормативов, нежели в рядах клира. Данные по сельским местностям и городским общинам различны, равно как и результаты изысканий в отдельных княжествах. Особенно сомнительными выглядели успехи на поприще проведения в жизнь тридентских декретов о браке. В землях кёльнской епархии публикация и контроль за исполнением брачного права растянулись почти на столетие и лишь во второй половине XVII в. сельское население стало проявлять относительную лояльность принципам католического брака. Не менее сложная и большая работа предстояла в деле вытеснения из повседневного религиозного сознания и ритуала мощных наслоений суеверий, магии и следов протестантского вероисповедания. Весьма поверхностная визитация 118 приходов на берегах Рейна в 1569–1570 гг. показывала, что по меньшей мере в 40 из них присутствовали грубейшие отклонения от католического учения (не совершался подобающим образом обряд миропомзания для умирающих, исповедание и т. д.). Почти аналогичная ситуация имелаась на Нижнем Рейне, где прихожане были в еще большей степени подвержены протестантскому влиянию. Очевидно, что паства все еще плохо видела грань, отделявшую «истинную веру» от ереси.

Более очевидно воздействие на *сословную* элиту. Тридентский католицизм, подкрепленный решительными усилиями местных католических князей, содействовал сплоченности католического дворянства, мобилизовывал его потенциал на службу церкви. Важнейшей предпосылкой

здесь было гарантированное сохранение церковных институтов в качестве жизненно необходимых источников дворянского существования. Вновь возрождались старые элитные монашеские конгрегации: Немецкий орден и орден св. Иоанна Странноприимника. Тридентский католицизм усиливал дух военного подвижничества, вновь возрождал функции благородной паствы как «воинов Христовых». Деятельность эрцгерцога Максимилиана в качестве наместника имперских общин Немецкого ордена весьма ярко характеризует мотивы единения клира и мира в борьбе за истинную веру. Церковь к началу XVII в. превратила дворянство большинства духовных и светских католических княжеств в верного защитника своих интересов.

Бесспорно, в конце XVI в. католическая конфессионализация делала лишь самые первые и главные шаги и сомнительно будет говорить о решительных успехах на всех направлениях. Но едва ли возможно закрыть глаза на огромные результаты первых посттридентских десятилетий. Католическая реформа и Контрреформация добились главного: удалось не только остановить экспансию протестантизма в южных и западных землях Империи, воздвигнуть прочный барьер на границах протестантских владений, барьер, который к началу XVII в. приобрел четкую территориальную конфигурацию, но и вырвать инициативу из рук немецкого протестантизма. Возможно, в этом стремительном подъеме следует искать разгадку повышенной агрессивности протестантских княжеств, прежде всего Пфальца, оставшихся в почти глухом окружении католических владений.

Другой стороной успеха было обновление базовых структур церковной организации: к началу нового века на большинстве епископских кафедр мы встречаем лояльных тридентскому католицизму пастырей. При всех их колебаниях в отношении внутрицерковных преобразований верность Старой Церкви не ставилась под сомнение. Эксперимент Гебхарда Трухзесса Кёльнского оказался, очевидно, последним примером серьезного отступничества в пользу протестантизма. Вместе с епископатом создавалась и базовая административная предпосылка последующих пре-

образований, пусть и затянувшихся на целые десятилетия.

Следует отметить значение католической конфессионализации для имперских *институтов*. Она в целом содействовала упрочнению основ имперской организации, прежде всего самого имперского престола, бывшего в руках у императора-католика. Если лютеранство терпимо относилось к мысли о католической Империи при соблюдении определенных гарантий, если кальвинизм прямо вредил самой имперской концепции, то в лице имперских католических прелатов и светских князей императоры Габсбурги получили бесспорную поддержку по меньшей мере в своем противостоянии протестантской оппозиции. Тридентский католицизм актуализировал значение Империи как важнейшей структуры христианского мира и умножил число сторонников прочности имперского здания. С другой стороны, имперские прелаты, будучи членами сословной элиты, были заинтересованы в поддержке короны и нормальном функционировании центральных имперских институтов.

К началу XVII в. репрезентация церкви заключала в себе характерные черты *«барочного католицизма»*, насыщенного новыми духовными и культурными веяниями: импозантность, нарочитая демонстрация благоденствия, триумфальный акцент. Характерной была «имперская» ипостась, «имперский» дух немецкого католического барокко. В многообразной символике он насаждал идею лояльности Империи и ее престолу.

Несомненно, огромными были достижения на ниве *образования* и влияния на культуру, по крайней мере сословной верхушки. Если протестантская Реформация влекла появление новых школ и университетов в середине века, на гребне реформационных успехов, то католическая Германия с не меньшим, если не с большим успехом насытила высшими учебными заведениями свои регионы. Причем, как и прежде, ядро католических академий образовывали старейшие университеты Германии, пережившие времена смут и колебаний: университеты Майнца, Кёльна, Трира и Ингольштадта. К ним теперь добавилась блистательная россыпь иезуитских коллегиумов и университе-

тов с основными центрами в Диллингене, Граце, Кёльне и Вене. Педагогическая мысль иезуитов, оставаясь в основе своей верной старой схоластической традиции, необычайно сильно стимулировала гуманистические аспекты воспитания.

Культура барокко, проникая из Италии, преобразовала храмовую архитектуру католической Германии. Церковь Св. Михаила в Мюнхене (конец XVI в.) стала воплощением новых веяний в области архитектуры

Были реанимированы и наполнены новыми силами старые традиции позднесредневекового *благочестия*. Вновь обрело популярность поклонение святым местам и мощам, что стимулировалось взглядами обновленной церкви на почитание реликвий как на род добрых дел. Однако теперь в отличие от конца XV в. резко поменялась география: заморские, палестинские святыни решительно уступают место собственно немецким и итальянским. В Германии ими были известные и ранее, но ставшие именно в конце XVI в. самыми популярными: *Альтоттинг* с образом Черной Мадонны — чудотворной иконы, почитавшейся в Баварии уже с XIII в., *Мариинцелла* (пещера Пречистой Девы) в Тироле, *Кёльн* с мощами св. Урсулы и Трех Королей, *Дюрен* с мощами св. Анны. За пределами Германии популярность среди немецких католиков приобретают святыни *Рима* и *Лоретты* близ Неаполя со знаменитым Домом Богородицы. Под влиянием Тридента меняются святцы, дополняемые теперь именами новых мучеников за веру. Перемены касались и именников: пропаганда апостольских и марианских мотивов влекла появление имен, не столь сильно распространенных в позднее средневековье: Иосиф, Ксаверий, Иммануил, Тереза, Перпетуа, Поликсена, Петр, Павел, Мария (в качестве мужского имени). В сфере *архитектуры* и изобразительного *искусства* мы видим все более заметное влияние Италии, где формируется стиль раннего барокко, или *маньеризм*. Характерным образом это отобразилось в архитектуре южно- и западнонемецких католических храмов, образцом для которых стала церковь Иисуса Христа в Риме. В конце XVI в. в Мюнхене был воздвигнут храм Св. Михаила, одним из первых в католической Германии явивший характерные черты раннего барокко. В живописи смещаются акценты в иконографии. Центральное значение приобретают образы св. Семейства, св. Апостолов и Девы Марии, что соответствовало духу Тридента, увековечившего церковную иерархию и место апостолика как посредника между небом и землей. Все заметней становились триумфальные мотивы живописных полотен: триумф Правды в борьбе с Ложью и Тьмой, победа истинной веры над ересью. Вновь центральным моментом здесь выступал

образ Марии в противовес христоцентризму протестантской живописи. Наивысшего размаха подобная тенденция приобрела в художественных кругах пражского двора императора Рудольфа II. *Мариинские мотивы* играли заметную роль в скульптуре католической Германии. Место старых сельских каплиц с фигурой Распятого заступает образ Марии во Славе в качестве не только объекта поклонения, но и символа-программы: земная жизнь Марии тождественна земной жизни и борьбе церкви на пути к конечной победе над Тьмой и ересью. Городские площади и фасады резиденций украшались скульптурными композициями, изображавшими Деву с младенцем и венцом Славы (т. н. «мариинские колонны»). Наиболее полно подобные культурные новации стали заметны в баварских землях и на территории рейнских епископств. Германская католическая культура постепенно становилась составной частью культурного ландшафта обновленного европейского католицизма.

ИСТОЧНИКИ

1. Acta Reformationis Catholicae Ecclesiam Germaniae Concernentia seculi XVI. Die Reformationsverhandlungen des deutschen Episkopats von 1520 bis 1570 / Hrsg. von G. Pfeilschifter. Bd 1–6. Regensburg, 1959–1974.
2. Acten und Correspondenzen zur Geschichte der Gegenreformation in Innerösterreich unter Erzherzog Karl II. (1578–1590) / Hrsg. von J. Loserth. Wien, 1898.
3. Akten und Korrespondenzen zur Geschichte der Gegenreformation in Innerösterreich unter Ferdinand II. T. 1–2 / Hrsg. von J. Loserth. Wien, 1906–1907.
4. Concilium Tridentinum. Diariorum, Actorum, Epistolarum, Tractatum Nova Collectio. Bd I–III (Tagebücher), IV–IX (Akten), X–XI (Briefe), XII–XIII (Traktate). Freiburg im Breisgau, 1901–1972.
5. Corpus Catholicorum. Werke katholischer Schriftsteller im Zeitalter der Glaubensspaltung. Bd 1–38. Münster, 1919 ff.
6. Deutschlands katholische Katechismen bis zum Ende des 16. Jahrhunderts / Hrsg. von P. Bahlmann. Münster; Regensburg, 1894.
7. Nuntiaturberichte aus Deutschland nebst ergänzenden Aktenstücken. Abt. I–IV (1533–1648). Gotha; Tübingen, 1892–1981.
8. Petri Canisii SJ Epistolae et Acta / Hrsg. von O. Braunsberger. Bd 1–8. Freiburg im Breisgau, 1896–1923.

1. *Ammerich H.* Formen und Wege der katholischen Reform in den Diözesen Speyer und Strassburg. Klerusreform und Seelsorgereform // Barock am Oberrhein / Hrsg. von V. Press, E. Reinhardt, H. Scharzmaier. Karlsruhe, 1985. S. 291–327.
2. *Christ G.* Bamberg // TRZRK, 4, 1992. S. 146–166.
3. Concilium Tridentinum / Hrsg. von R. Baumer. Darmstadt, 1979.
4. *Barthel M.* Die Jesuiten. Düsseldorf, 1982.
5. *Bauerreiss R.* Kirchengeschichte Bayerns. Bd 6. Das 16. Jahrhundert. St Ottilien, 1965.
6. *Borromeo A.* Tridentine Discipline: The Church of Rome. Between Catholic Reform and Counter-reformation // Die dänische Reformation (II, § 3, 3.1) P. 241–263.
7. *Bosbach F.* Köln, Erzstift und Freie Reichsstadt // TRZRK, 3, 1995. S. 58–86.
8. *Bossy J. A.* The Counter-Reformation and the People of Catholic Europe // Past and Present, 47, 1970. P. 51–70.
9. *Bücking J.* Frühabsolutismus und Kirchenreform in Tirol (1565–1665). Ein Beitrag zum Ringen zwischen «Staat» und «Kirche» in der frühen Neuzeit. Wiesbaden, 1972.
10. *Buzbaum E. M.* Petrus Canisius und die kirchliche Erneuerung des Herzogthums Bayern 1549–1556. Rom, 1973.
11. *Coenen D.* Die katholische Kirche am Niederrhein von der Reformation bis zum Beginn des 18. Jahrhunderts. Münster, 1967.
12. *Duhr B.* Geschichte der Jesuiten in den Ländern deutscher Zunge im 16. Jahrhundert. Bd 1–4. Freiburg im Breisgau, 1907–1928.
13. *Ecclesia militans.* Studien zur Konzilien- und Reformationsgeschichte. Festschrift für R. Bäumer / Hrsg. von W. Brandmüller, H. Immenkötter, E. Iserloh. Bd 1–2. Paderborn; München; Wien; Zürich, 1988.
14. *Franzen A.* Die Herausbildung des Konfessionsbewusstseins am Niederrhein im XVI. Jahrhundert // Annalen des Historischen Vereins für den Niederrhein, 158, 1956. S. 164–209.
15. Gegenreformation / Hrsg. von E. W. Zeeden. Darmstadt, 1973.
16. *Gelmi J.* Kirchengeschichte Tirols. Innsbruck, 1986.
17. *Grebner C.* Kaspar Gropper (1514 bis 1594) und Nicolaus Elgard (ca. 1538 bis 1587). Biographie und Reformtätigkeit. Ein Beitrag zur Kirchenreform in Franken und im Rheinland in den Jahren 1573 bis 1576. Münster, 1982.
18. Handbuch der bayerischen Geschichte / Hrsg. von M. Spindler. Bd 2–3. 2. Aufl. München, 1977–1979.
19. *Hausberger K.* Geschichte des Bistums Regensburg. Bd 1. Regensburg, 1989.
20. *Hengst K.* Jesuiten an Universitäten in der Oberdeutschen und Rheinischen Provinz der Gesellschaft Jesu im Zeitalter der konfessionellen Auseinandersetzung. München, 1981.

21. *Hengst K.* Konfession und Konfessionsbewusstsein im Klerus des 16. Jahrhunderts. Ein Beitrag zum Problem der Konfessionsbildung // *Ecclesia militans* (N. 13). Bd 2. S. 587–605.

22. *Henze B.* Orden und ihre Kläster in der Umbruchszeit der Konfessionalisierung // *TRZRK*, 7, 1997. S. 91–107.

23. *Jäger B.* Das geistliche Fürstentum Fulda in der frühen Neuzeit. Landesherrschaft, Landstände und fürstliche Verwaltung. Ein Beitrag zur Verfassungs- und Verwaltungsgeschichte kleiner Territorien des Alten Reiches. Marburg, 1986.

24. *Sedin H.* Geschichte des Konzils von Trient. Bd 1–4. 3. Aufl. Freiburg i. Br., 1978.

25. Julius Echter von Mespelbrunn und seine Zeit / Hrsg. von F. Merzbacher. Würzburg, 1973.

26. *Jürgensmeier F.* Das Bistum Mainz. Von der Römerzeit bis zum II. Vatikanischen Konzil. Frankfurt am Main, 1988.

27. Katholische Reform und Konfessionalisierung / Hrsg. von A.-P. Luttenberger. Darmstadt, 2006.

28. *Krammer O.* Bildungswesen und Gegenreformation. Die Hohen Schulen der Jesuiten im katholischen Teil Deutschlands vom 16. bis 18. Jahrhundert. Würzburg, 1988.

29. *Lang P. T.* Reform im Wandel. Die katholischen Visitationsinterrogatorien des 16. und 17. Jahrhunderts // *Kirche und Visitation*. Beiträge zur Erforschung des frühneuzeitlichen Visitationswesens in Europa / Hrsg. von E. W. Zeeden, P. T. Lang. Stuttgart, 1984.

30. *May G.* Die deutschen Bischöfe angesichts der Glaubensspaltung des 16. Jahrhunderts. Wien, 1983.

31. *Molitor H.* Die untredentinische Reform. Anfänge katholischer Erneuerung in der Reichskirche // *N 13*. Bd 1. S. 399–431.

32. *Press V.* Geistliche Fürstentümer (Neuzeit) // *ThRE*, 11, 1983. S. 715–719.

33. *Reinhardt W.* Was ist katholische Konfessionalisierung? // *KK*. S. 419–55.

34. *Schilling H.* Die Konfessionalisierung von Kirche, Staat und Gesellschaft — Profil, Leistung, Defizite und Perspektiven eines geschichtswissenschaftlichen Paradigmas // *KK*. S. 1–49.

35. *Schindling A.* Die katholische Bildungsreform zwischen Humanismus und Barock. Dillingen, Dole, Freiburg, Molsheim und Salzburg: Die Vorlande und die benachbarten Universitäten // *Vorderösterreich in der frühen Neuzeit* / Hrsg. von H. Maier, V. Press. Sigmaringen, 1989. S. 137–176.

36. *Schindling A.* Reichskirche und Reformation. Zur Glaubensspaltung und Konfessionalisierung in den geistlichen Fürstentümern des Reiches // *Neue Studien zur frühneuzeitlichen Reichsgeschichte* / Hrsg. von J. Kunisch. Berlin, 1987. S. 81–112.

37. *Schmidt*, Konfessionalisierung. S. 24–44.

38. *Schmidt P.* Das Collegium Germanicum in Rom und die Germaniker. Zur Funktion eines römischen ausländerseminars 1552–1914. Tübingen, 1984.

39. *Schweiger C.* Die Religionspolitik der bayerischen Herzöge im XVI. Jahrhundert // *Johannes Eck (1486–1543) im Streit der Jahrhunderte* / Hrsg. Von E. Iserloh. Münster, 1988. S. 250–274.

40. *Das Weltkonzil von Trient* / V. G. Schreiber. Bd 1–2. Freiburg i. Br., 1951.

41. *Ziegler W.* Altgläubige Territorien im Konfessionalisierungsprozess // *TRZRK*, 7. S. 66–90.

6. Высшее дворянство

а) Историография проблемы. Верхушку сословного общества к 1555 г. образовывало *высшее и низшее дворянство*, сведенное в трехступенчатую пирамиду:

1. Князья.

2. Графы и «господа» (Herren).

3. Бароны (Freiherren) и рыцари.

Подобная триада была продуктом весьма долгой и сложной эволюции немецкого общества в период средневековья и лишь в XIV–XV вв. приобрела относительную четкость. Вместе с тем ее оформление свидетельствовало и о конституировании самого сословного общества с наличием определенных, более или менее жестких вертикальных перегородок.

Проблемы имперского дворянства в конфессиональную эпоху исследуются сегодня преимущественно в свете «ре-визии» старых подходов к феномену Священной Империи. Дворянство рассматривается важнейшей социальной опорой имперской организации, обладавшей большими возможностями к сохранению ведущих позиций в различных общественных сферах. Однако при всем относительном обилии работ, появившихся в 1980–2000 гг. вслед за выходом программных статей *Фолькера Пресса*, многие вопросы остаются все еще либо без ответа, либо нуждаются в более широких разработках.

До начала 80-х гг. историки оценивали состояние имперской княжеской элиты во второй половине XVI в., сообразуясь со старыми социально-политическими концепциями. Общим местом, не встречающим резких возражений, стало утверждение об упрочнении социальных позиций князей в итоге Реформации, что, однако, — парадоксальным

образом! — не побудило ни представителей старой немецкой школы, ни марксистских историков заняться проблемой собственно имперской элиты как исторического феномена.

Немарксистские историки отмечали главенствующую роль князей в религиозных нововведениях, что означало утверждение контроля светской власти над церковью. Кроме того, выделялся процесс «одомашивания» (доместикации) дворянства, позволивший территориальным государям превратить местных вассалов в послушный «материал» к концу XVI в. Марксисты, также констатируя усиление княжеской власти, видят истоки его в поражении «первой буржуазной революции» 1524–1525 гг. и в сплочении «феодального класса», боровшегося за сохранение первенствующего места в меняющемся мире. Имперские князья выступали в их глазах своеобразным собирательным типом, для которого после Реформации открывался путь дальнейшего упрочнения региональной власти за счет подчинения церкви и последовательного ослабления имперской короны.

Обобщающие исследования *Фолькера Пресса* в 80-е гг. позволили соединить проблему конфессионализации с *социально-политическими аспектами* развития имперского княжеского форума и дифференцировать слишком общую картину. Ф. Пресс развернул проблему имперской княжеской элиты не столько в сторону территориальной, сколько имперской проблематики. Он увидел в результатах Аугсбургского мира не только шаг вперед в развитии структур территориальной власти, не только очередной виток роста могущества князей, но и возникновение новых возможностей к стабилизации всего имперского здания. Одним из противоречий эпохи, по его мнению, стало, с одной стороны, внутреннее разложение княжеской элиты, вызванное религиозным расколом, с другой — новые возможности к укреплению княжеской власти на уровне отдельных территорий.

Исходным пунктом рассуждений Ф. Пресса стал тезис о дворянстве как тесно связанной узами родства сословной организации. С его точки зрения, не следует забывать, что

плотный династический ландшафт, собственно, и образовывал основы имперского объединения. Религиозный раскол, узаконенный в Аугсбурге, повлек размежевание среди князей на уровне брачных связей. Имперские протестантские, равно как и католические Дома отныне все более объединялись в относительно изолированные родственные группы, что усиливало конфессиональный радикализм и сокращало возможности к компромиссу. Но наряду с ослаблением внутреннего сословного единства ощущалось укрепление позиций династов в собственных владениях. Здесь были явственны не только достижения на ниве институционального укрепления княжеской власти (проблема «территориального государства»), но и наметившийся жесткий контроль над сословиями, прежде всего над земским дворянством. В данном контексте Ф. Пресс особенно подчеркивал феномен двора как не столько формального административного института, сколько социального, на котором прежде всего отражалась тенденция подчинения низшего дворянства княжеской власти.

Опыт систематизации Ф. Пресса стимулировал последующие исследования в двух направлениях: в локальном *социально-политическом* и в более широком *типологическом*. Результаты социальных или социополитических изысканий оказались более чем скромными, ввиду, главным образом, нежелания рассматривать княжеский Олимп посредством широкого сравнительного метода. Здесь исследования не пошли дальше констатации тезиса о социальной замкнутости, «неподвижности» верхушки сословного айсберга: позиции высшего дворянства были резко отграничены от дворянства низшего, состав самой корпорации не испытывал большой динамики перемен, по меньшей мере вплоть до Тридцатилетней войны (Р. Эндрес). Хотя князья и являются верхним эшелоном имперского дворянства, но именно в обобщающих исследованиях им не отводится практически никакого места. В некоторых случаях (Х. Рабе) встречаются почти дословные повторения аналитической схемы Ф. Пресса, но с акцентом на рост территориального могущества князей. Наблюдается скорее желание проследить за путями и методами укрепления социаль-

ных позиций князей в территориальных структурах, нежели дать комплексный анализ под влиянием конфессионализации. Во всяком случае, тезис Ф. Пресса об ослаблении связующих скреп в княжеских рядах, о появлении новых типов территориальных властителей собственно под влиянием конфессиональной борьбы остался без развития в этих работах.

Однако если в аспекте внешнего социального анализа историки ограничиваются давно известными положениями, то определенные сдвиги происходят при взгляде на способы «воспроизводства» социального лидерства. Здесь следует отметить новое прочтение позабытого в старой либеральной историографии династического фактора, влияния широких родственных связей. Сперва *Иоханнес Кунши* на сравнительных примерах, а несколько лет назад — *Вольфганг Вебер* в весьма инструктивном обобщающем исследовании не только подчеркнули огромную консолидирующую роль *семейно-родственных отношений*, но и прямо указали на родственные интересы как на важнейший функциональный, программный фактор в жизни имперской элиты. В том или ином виде, но во всех сферах повседневности, в интересах, поначалу кажущихся глубоко частными или прагматичными, угадываются мотивы семейственности, воспроизводства традиционных династических отношений и взгляда на вещи. Тезис В. Вебера вместе с тем ставит под сомнение вывод Ф. Пресса о разрушительных последствиях конфессионального раскола для самосознания и внутреннего единства княжеской элиты. Одновременно он побуждает искать ответ на вопрос о природе внутриимперских конфликтов в плоскости традиционных династических отношений нескольких десятков княжеских Домов.

В области *типологизации* в последние годы сдвиги кажутся более заметными.

Э. В. Цееден в свое время не решался собрать княжеские портреты конфессиональной эпохи в отдельные, четко разграниченные галереи. «Стиль личной жизни определялся известными условиями (конфессия, соответствующие статусу образование и деятельность), но не был обу-

словлен лишь только ими» [Zeeden, ZG. S. 224]. В последующем некоторые историки пытались выделять представителей *отдельных поколений имперских князей* в целях прежде всего лучшего методологического понимания отдельных фаз княжеской Реформации. Так, например, К. Блашке, говоря о Морице Саксонском, считает его «реформационным князем второго поколения». Однако вплоть до работ *Фолькера Пресса* подобный, условно говоря, генерационный подход выступал лишь методологическим приемом и не становился самостоятельным исследовательским объектом. Ф. Пресс, вероятно, первым отважился соединить шкалу поколений с широким социальным контекстом, включая фактор конфессионализации.

В одной из своих ранних работ («Социальные последствия Реформации», 1983) он выделял три типа имперских князей, последовательно сменявших друг друга от начала Реформации: «Первое поколение ре-формационных князей демонстрировало склонность к религиозному подвижничеству — на обеих сторонах заметной становилась тенденция к формированию образа «молящегося князя», с которым контрастировал иной тип государя, как и до того, так и после, грубого, склонного скорее к охоте и военным лагерям. Этому последнему типу были неизменно свойственны независимые от вероисповедания черты. В конце века наблюдается возврат к подчеркнутому придворному лоску, с которым связывались специфические формы конфессионального менталитета» [23. S. 442]. Если первое поколение, по мысли Ф. Пресса, было едино в своей социокультурной ипостаси, то во втором под влиянием конфессий намечается дифференциация прежде единого типа.

Позже, на примере вюртембергских, баденских и баварских государей Ф. Пресс попытался осуществить более широкую типологизацию. Он выделял:

1. Тип «*молящегося князя*» («*Betefürsten*») как прямое порождение реформационных потрясений. Этому типу присущи глубокая религиозность и желание подчинить свои правительственные акции требованиям догмы. Данный тип получил распространение в середине и во второй половине XVI в., носил «старонемецкие» патриархальные

черты, и ярким представителем его был герцог Христофор Вюртембергский (1550–1568).

2. Тип князей кануна Тридцатилетней войны, которому Ф. Пресс не подобрал собирательного ярлыка. По его мнению, ярче всего он проступал в образе Максимилиана Баварского. Региональные отличия были весьма велики, но при всей разнице можно увидеть характерный для этого типа князей правительственный почерк: хлопоты по совершенствованию административной, прежде всего финансовой системы, желание создать эффективную военную машину ввиду надвигавшейся угрозы войны, забота о придворном блеске (меценатство, поощрение собирательства и т. д.). «Княжеский тип кануна Тридцатилетней войны был менее цельным, чем предшествовавший. К нему можно отнести разнообразные экспоненты, формировавшиеся, впрочем, единой основой: угрозой войны и экономическим кризисом. Именно благодаря этой основе возникали мощные импульсы, стоявшие уже в преддверии абсолютизма» [24. S. 129].

3. Князья — современники Тридцатилетней войны также, по мысли Ф. Пресса, не могут быть привязаны лишь к одному, характеризующему всех портрету. Ярко выраженные военные натуры («Kriegsfürsten») соседствовали с глубоко религиозными властителями, в лице которых возрождался образ «молящегося государя». Фигура Максимилиана Баварского последовательно демонстрировала умелое сочетание династических, религиозных и административных интересов. Но поколение властителей Тридцатилетней войны при всех весьма существенных отличиях между своими представителями стало предвестником нового типа государей второй половины XVII в. «Сколь различным было воздействие войны — особенно на послевоенное время, — столь же по-разному выступали отдельные князья, но столь же очевидной была основа этого поколения. Нужда и война уменьшали влияние сословий, усиливали прямое вмешательство княжеского авторитета, содействовали развитию армии и бюрократии... Война решительно содействовала формированию нового типа князей» [24. S. 130].

4. Во второй половине XVII в. начинает доминировать тип *«первого поколения абсолютных государей»*, озабоченных преимущественно залечиванием нанесенных войной ран и последовательным развитием тех возможностей княжеской власти, которые были созданы военным лихолетьем.

5. На смену ему на рубеже XVII и XVIII вв. приходит поколение князей *«придворного абсолютизма»*. «В последней четверти XVII в. абсолютизм обнаруживал в немецких князьях свои самые выразительные формы — он знаменовал высшую точку автократического правления и придворного блеска» [24. S. 131].

Далее Ф. Пресс выделил еще три типа, доводя свое исследование до конца Старой Империи, что лежит уже за рамками нашего обзора. В основе типологизации лежала, таким образом, не столько социокультурная шкала, привязанная к конкретным персонажам, сколько более общие социально-политические и духовные критерии, менявшиеся от века Реформации до Наполеоновских войн. Причем различные княжеские типы сближаются у Ф. Пресса с различными поколениями территориальных властителей. Лишь в двух случаях — применимо к князьям второй половины XVI в. и времен расцвета абсолютизма — историк смог найти более или менее четкие определения. «Представляется, что с конца XVI в. и до начала XIX сменилось восемь фаз, причем лишь только религиозные князья конца XVI в. и придворные абсолютисты ок. 1700 г., в меньшей степени — просвещенные абсолютисты, маркировали единый тип князей» [24. S. 141].

Некоторые историки, вооружившись, как бы мы сказали, генерационно-типологическим методом Ф. Пресса, попытались обобщить картину. У. Вайсе и Р. Штраубель упростили его схему: в целом, по их мнению, второй половине XVI в. свойственен образ именно «благочестивого», «молящегося» государя, все еще пребывавшего в хлопотах об устройстве церкви, укоренению избранной им догмы. XVII в. знал тип «военного властителя», сформированный военным временем. «Теперь характерно повышалась репутация государя, если он выступал в качестве полководца

или военного организатора, состоя на иноземной службе или во главе своих войск» [15. S. 15]. На смену ему уже в середине XVIII в. приходит лик просвещенного государя, «просветителя на троне», правившего в уже иной общественной атмосфере.

Наметился и более осторожный подход, предпочитающий выделять не столько связь типа с поколением, сколько указывать на типологическую разницу между самими поколениями. В подобном духе высказывался Р. Эндрес, противопоставляя два поколения имперских князей: времен Аугсбургского мира (Альбрехт Баварский, Август Саксонский, Иоганн Георг Бранденбургский) и князей начала XVII в. (Фридрих V Пфальцский, Максимилиан I Баварский). Если представители первого поколения были озабочены сохранением мира, то новые государи кануна Тридцатилетней войны выступали, выражаясь его словами, «энергичными активистами» в защиту собственных религиозных и династических интересов, причем наиболее ярко новые черты отразились в портретах кальвинистских лидеров Империи. А. Крауз по меньшей мере выделяет тип «раннеабсолютистского государя» в начале XVII в., но вновь как синоним нового поколения. Предшественники, «отцы и деды» Максимилиана Баварского, черпали удовольствие в «ренессансном образе жизни, в растущих личных удовольствиях временами примитивного рода, ставших возможными благодаря их княжескому статусу» [17. S. 23]. Их ближайшие наследники видели в персональном правлении прежде всего большие возможности к достижению собственного величия и величия своего государства. А. Крауз, хотя и рассматривает проблему на примере католических Виттельсбахов, однако склонен скорее к обобщению в социокультурологическом контексте, избегая конфессиональной дифференциации Ф. Пресса. «Раннеабсолютистский государь» — универсальный тип для начавшегося XVII в., Максимилиан I Баварский — первый его представитель на немецкой почве.

Наряду с генерационно-типологическим приемом в последние годы наметилась тенденция к более узкому анализу, ограниченному одним-двумя поколениями, в основе

которого лежит связь отдельных групп князей с определенной конфессией, иными словами, к *конфессиональной типологизации*. Одним из первых опытов в этом направлении стал сборник работ, изданный в 1991 г. под редакцией Х. Духарда, призванный обобщить характерные черты представителей католической и протестантской княжеской элиты, правда, преимущественно в XVII в. На страницах этого сборника А. Крауз исследовал лидеров католической элиты (Максимилиан Баварский и Фердинанд II), сам Х. Духард — протестантских властителей. Прототипом исследовательской модели для А. Крауза стал сравнительный метод С. Скалвейта, использованный им для характеристики «образа государя» XVII в. При всей относительности выводов, не позволивших провести четкие различия между евангелическим и католическим типом имперского князя, оба автора к тому же ограничили свои задачи выяснением самовосприятия и восприятия государя современниками, отказавшись использовать инструментарий социального анализа.

В более развернутом виде проблему рассмотрел Манфред Рудерсдорф. Лейпцигский историк совместил конфессиональную типологизацию с генерационным методом Ф. Пресса: в центре его внимания — лютеранские князья середины и второй половины XVI в., сведенные в несколько поколений. Генерационная стратификация выступает у него не целью, а аналитическим приемом в построении собственной типологизации. Подобно Ф. Прессу, Рудерсдорф выделяет три поколения немецких властителей от Реформации до конца Тридцатилетней войны: поколение эпохи Реформации, времен после Аугсбургского мира и «раннеабсолютистский» тип первой половины XVII в., для которого война представлялась источником укрепления и умножения собственной власти. Но главный акцент поставлен на групповом анализе лютеранских князей второй половины XVI в. Рудерсдорф определяет их как *поколение «лютеранских князей-отцов, эпигонов Реформации»*. По мнению исследователя, в отличие от евангелических властителей первого реформационного поколения, демонстрировавших широкий типологический спектр (преданные Еванге-

лию государи соседствовали с натурами, разрывавшимися между Империей и собственными интересами, к которым добавлялись князья-созидатели, не участвовавшие в крупных религиозно-политических баталиях первой половины XVI в., но озабоченные прежде всего сохранением порядка в наследственных землях), теперь во второй половине XVI в. наблюдается тенденция к унификации княжеского портрета. Образ лютеранского князя утрачивает противоречивые компоненты предшествующей эпохи, становится более цельным. Для «князей-отцов» свойственна реализация двух главных задач: укрепление конфессионального единства собственных земель в сочетании с модернизацией государственного управления и всемерное поддержание мира и покоя в Империи на платформе соглашений 1555 г. Решение возникших проблем отражалось в трех характерных типах лютеранских государей, соответствующих, по мнению М. Рудерсдорфа, «трем уровням задач», стоявших перед правителями: «государя-конфессора», «государя-правителя» и «государя-династа». Первая ипостась определялась персональным религиозным подвижничеством, хлопотами по укоренению конфессий и организации церкви. Вторая — поиском новых средств и принципов правления, сообразуясь с патриархальной концепцией лютеранства. Третья — манифестацией собственной персоны династа в окружении институтов, прежде всего двора. М. Рудерсдорф, однако, не отождествляет отдельные типы с отдельными группами, он склонен скорее видеть отражение всех трех черт в каждом конкретном случае.

Итогом выступает собирательный профиль князя второй половины XVI в. Он свойственен, по мнению М. Рудерсдорфа, особому типу, стоявшему между старшим поколением реформационных властителей, переживших лихолетье религиозных смут, и позднейшей когортой князей XVII в., уже пожинавших плоды конфессионализации.

В отличие от Ф. Пресса лейпцигский историк в большей мере подчеркнул стабилизирующее значение лютеранской княжеской элиты в сохранении внутренней целостности Империи после 1555 г. Поколение князей эпохи Аугс-

бурга и конца века, с точки зрения М. Рудерсдорфа, незаслуженно забыто, поскольку именно их правительственная практика закрепила успехи религиозного компромисса. Князья той эпохи, бесспорно, внесли свой вклад в становление «территориальной государственности», но всегда были тесно связаны с общеимперской конъюнктурой и имперскими институтами, и это обстоятельство формировало не только региональную, но и *общеимперскую*, причем созидательную роль этих государей.

Однако выводы М. Рудерсдорфа ограничиваются лишь группой евангелических государей. Обобщающих работ по католической княжеской элите до сих пор нет. Исследовательская парадигма Ф. Пресса остается, все еще не развернутой на широком синтетическом уровне.

Подготовительным этапом будущих обобщений могут выступать работы *биографического жанра*. Для большинства историков здесь характерно желание связать избранный персонаж с проблемой конфессионализации и устойчивости имперских структур, причем чисто региональный взгляд интегрируется в общеимперскую панораму. Одним из первопроходцев в этом направлении был тот же М. Рудерсдорф с его монографией о Людвиге IV Гессен-Марбургском. Это исследование предварило вышеуказанные результаты. В лице Людвига представлен блестящий пример лютеранского государя-традиционалиста, опиравшегося одновременно и на территориально-династический плацдарм, и на имперские структуры. Верность короне и стремление сохранить согласие в Империи выступали важными лейтмотивами его правительственной деятельности. *Андреас Крауз* и *Дитер Альбрехт*, написавшие прекрасные монографии о Максимилиане Баварском, показали наличие многих нитей, связывавших их героя с предшественниками времен Аугсбургского мира. А. Крауз, рассматривая феномен Максимилиана главным образом с привычных для него как исследователя высот сословной культуры, протестует против попыток модернизировать образ католического государя рубежа веков как «локомотива» решительных государственных и общественных реформ, хотя и причисляет своего избранника к представителям «раннего абсолютиз-

ма». А. Крауз видит картину в принципиально ином свете: князья кануна Тридцатилетней войны были прямыми наследниками консервативных традиций позднего средневековья, они видели свои задачи не столько в изменениях существующих структур, сколько в их сохранности. Максимилиан — типичный экспонент подобного консерватизма. Он обращен и к Империи, и к Баварии, и к церкви и во всех трех сферах предстает фигурой стабилизирующей, во всяком случае с ограниченным потенциалом радикализма. Лишь ураган Тридцатилетней войны придает больший динамизм его действиям, но не программе, всегда лежавшей в русле имперской и династической лояльности. Д. Альбрехт, в большей мере затронувший внешний аспект правления Максимилиана (отношения с Лигой, императором и протестантами), несколько преуменьшает традиционалистские основы его деятельности, но видит в нем фигуру общеимперской значимости, без поддержки которой судьба Дома Габсбургов могла бы быть иной.

Складывается впечатление, что оба исследователя молчаливо соглашались с выводами М. Рудерсдорфа: как лютеранская элита, так и католическая (по крайней мере, на примере баварского курфюрста) стремилась сохранить внутреннюю устойчивость Империи, будучи тесно связанной с интересами короны и Старой Церкви. Укрепление территориальной власти не противоречило *стабилизирующей роли князей* в Империи. В случае если бы этот тезис получил подтверждение на множестве других примеров, мы бы оказались перед необходимостью не только подтвердить мнение Ф. Пресса, но и существенно изменить представление о княжеской элите. В качестве не только внешне замкнутого и сплоченного монолита, но и единой в отношении целей, программ и методов своих действий группы верхушка сословного общества выступала главной центростремительной силой, заинтересованной в сохранении Империи. От расклада сил в ее рядах зависела возможность развития новых кризисов, которые, разумеется, формировались более общими процессами конфессионализации, но свое разрешение могли найти лишь в воле имперских князей.

б) *Династические ландшафты*. Как и в позднее средневековье, во второй половине XVI в. вершину сословного айсберга венчало созвездие самых могущественных и авторитетных родов. Ими были собственно *Габсбурги*, саксонские *Веттины*, баварские и пфальцские *Виттельсбахи*, бранденбургские, франконские, а с 1525 г. — и прусские *Го-генцоллерны*, нижнесаксонские *Вельфы*, *Вюртембергский Дом*, гессенский *Брабандский Дом*, младшая линия *Царингеров*, правившая в Бадене, мекленбургский Вендский княжеский Дом *Ободритов*, ангальтские *Аскании*, *померанский Дом Грайфенов*, шлезвиг-голштинский Дом *Ольденбургов*, юлих-бергский *Клевский Дом*. К ним следует добавить еще множество «окняживших», т. е. получивших ко второй половине века статус имперских, семейств в Швабии и Франконии. Всего по подсчетам историков речь идет примерно о 80–90 семьях.

Практически весь ландшафт Империи распадался на зоны, если так можно выразиться, династических интересов. Империя выступала с этой точки зрения прежде всего сообществом ведущих Домов и династов. В отличие от позднего средневековья конфессиональная эпоха знаменовала собой фазу устойчивости, внешней корпоративной замкнутости этой ведущей группы. Курфюршеская коллегия в своей светской половине не знала перемен династического уровня: состав ее не пополнился представителями новых Домов. Лишь Вестфальский мир узаконил новое светское курфюршество — Верхний Пфальц, принадлежавший баварским Виттельсбахам.

Являясь элитарной и недостижимой для низших ступеней дворянского сословия (случаи возведения в княжеское достоинство были чрезвычайно редки и будут отмечены в основном лишь в ходе Тридцатилетней войны), княжеская фракция, однако, ощущала внутренние структурные перемены. Если вертикаль княжеской корпорации была весьма стабильной, то горизонтальный срез являл определенную динамику. Речь идет в первую очередь об изменении баланса сил между отдельными Домами по причине, во-первых, расширения зон династических интересов, выражавшегося в приобретении но-

вых территорий, а во-вторых, за счет усложнения владетельного ландшафта посредством династических разделов, что по-разному сказывалось на позициях отдельных родов.

Габсбурги были «первыми среди равных» с точки зрения авторитета и традиционных прав на корону, а по территориальным владениям — самой крупной династией Империи. Непосредственная конфигурация их земель не претерпела существенных перемен во второй половине XVI в.: как имперские династы Габсбурги не расширили свой наследственный блок между 1555 и 1618 гг. Однако были изменения иного порядка — внутрисемейные разделы и появление новых зависимых территорий. Решающее значение имел *договор 1564 г.*, поделивший австрийские владения Дома между сыновьями Фердинанда I. Младшему сыну эрцгерцогу *Фердинанду II* достался Тироль, Передняя Австрия, Эльзас, Зундгау, Брайсгау и австрийская Швабия, среднему *Карлу* — внутренняя Австрия со Штирией, Каринтией и Крайной, *Максимилиану* (впоследствии — императору) — Верхняя и Нижняя Австрия с богемской и венгерской коронами. *Инсбрукская линия* угасла в 1595 г. ввиду отсутствия у Фердинанда законных наследников из-за его морганатического брака. Но установив ленный патронаж, старшие Габсбурги имели возможность управлять Инсбрукскими владениями вплоть до 1667 г., когда Тироль вновь (и теперь — навсегда) перешел к императорскому Дому. Семейный ландшафт Габсбургов отличался пестротой и заключал в себе весьма разные, не только по модели политического устройства, но даже по этническому и языковому профилю земли. Славяноязычная Крайна сочеталась с традиционно ориентированным на Швабию и имперский юг Тиролем, земли богемской короны св. Венцеля — с Венгрией и австрийскими аллодами. При подобном раскладе сил было ясно, что самим императорам необходимо было искать точку опоры в пункте, располагавшемся ближе к центральным владениям Империи, который бы выступал одновременно центром наследственных земель, метрополией старшей ветви и крупнейшим городом самой Империи. *Прага* подходила для этой роли больше всего. Уже Максимилиан II считал

этот город главным центром своих владений, а Рудольф II в 1583 г. окончательно перевел туда свой двор. Вплоть до 1614 г., на протяжении свыше четверти века, Прага вновь — и в последний раз в имперской истории — блистала в качестве главной резиденции. Тем самым правящая ветвь Дома ближе связывала себя с богемской короной, соответственно — с богемскими проблемами. Бесспорно, за счет этого император — и географически и политически — сближался с Центральной Германией, с тамошними ведущими династиями. В лице Максимилиана II и Рудольфа II Габсбурги вновь осязаемо присутствовали в сердцевине Империи. Но диалектика была такова, что укрепляя свое присутствие «в Империи», старшая ветвь неизбежно дистанцировалась от австрийских и тирольских родственников. Правительственная инициатива на местах переходила в руки родни, чем дальше — тем больше, пока, наконец, в ходе «распри братьев» в начале XVII в. именно младшие, периферийные линии не восторжествовали над правящей ветвью. Конфликт между эрцгерцогом Матфеем и его братом Рудольфом II был, помимо всего прочего, поединком между созревшими в крупную величину «тыловыми» владениями и богемским центром.

Династические разделы имели и другую сторону. Усилившаяся территориализация ослабляла единство, но одновременно и содействовала формированию пограничной *клиентелы* в лице прелатов и дворянства Тироля, концентрировавшегося при инсбрукском дворе, дворянства западной Венгрии и Австрии — в Вене и Граце, наконец, чешских магнатов — вокруг рудольфинского двора в Праге. Постепенно, с перерывами и с перебоями, разворачивался процесс консолидации правительственных сил и ресурсов вокруг региональных центров. В огромной мере этому способствовала Контрреформация, осуществленная с успехом в австрийских землях к началу XVII в. В итоге в начале XVII в., за исключением Богемии, переживавшей острый внутренний кризис, Габсбургам удалось почти повсеместно упрочнить свою власть, тем самым подготовив создание в будущем единого, достаточно сильного блока наследственных земель на юго-востоке Империи. Задача эта, собствен-

но, и была решена Фердинандом II в огне Тридцатилетней войны.

Очевидно, следует согласиться с теми немецкими историками, которые полагают *Веттинов* самым влиятельным и могущественным княжеским Домом Империи кануна Реформации. В начале XVI в. им принадлежало сразу несколько светских и духовных княжеств, руководство Немецким орденом и имперский викариат по землям Саксонского Права. Не случайными кажутся и успехи Реформации в первые годы после выступления Лютера: Фридрих Мудрый мог гарантировать относительную безопасность евангелических общин у себя в Саксонии, пользуясь особой близостью с имперским престолом и своим бесспорным влиянием в курфюршеской коллегии (предвыборная борьба за корону в 1519 г.). Однако большего после Реформации Веттинам добиться не удалось: переход в евангелическую конфессию лишил их возможности занимать кафедры престижных духовных общин, как, например, Магдебурга, Гальберштадта или Майнца, в борьбе за которые инициатива перешла к Гогенцоллернам. Дрезден и Виттенберг вынужден был ограничиться лишь администрацией «доместицированных» епископств (Майссен, Наумбург, Мерзебург), окончательно секуляризованных в правление курфюрста *Августа I* (1553–1586). Доступ в католические церковные структуры для дрезденских властителей был закрыт, что побуждало дрезденских курфюрстов быть активными лишь на уровне светских династических связей. В отличие от предреформационного времени усиливалась близость с северонемецкими протестантскими Домами, а также со скандинавскими протестантскими королевствами. Традиционными брачными партнерами Веттинов становятся с середины XVI в. мекленбургские Ободриты, бранденбургские и прусские Гогенцоллерны, датский королевский Дом, померанские властители, позже — голштинские герцоги. Тезис Ф. Пресса о конфессиональной изоляции династов прекрасно иллюстрируется браками сыновей и дочерей альбертинских курфюрстов. Веттины на целых полтора века, вплоть до 1717 г., были изолированы от южнонемецкой католической элиты!

Конфессионально-династический фактор, однако, действовал в условиях исторической близости Саксонии с богемскими землями Габсбургов. Партнерство двух могущественных Домов имело давние традиции. Различие в вероисповедании не препятствовало активной роли дрезденских курфюрстов в имперской политике. Принципы лютеранской политической этики и территориальные амбиции альбертинских курфюрстов в порубежных с Богемией землях обрекали их на тесное сотрудничество с Габсбургами, не нарушенное Реформацией и конфессионализацией второй половины века. В русле прежде всего имперской лояльности рисуется деятельность знаменитого в саксонской истории «отца» *Августа I (1553–1586)*.

Август родился в 1523 г. в семье Генриха Благочестивого и Екатерины Мекленбургской. Его дядя, властитель Майссенской Марки Георг Бородатый был ревностным защитником Старой Церкви. Отец же довольствовался выделенным для него пожизненным уделом с центром во Фрайберге, потому первые годы будущий курфюрст провел вдали от главных резиденций. Под влиянием матери, рано и тайне обратившейся в лютеранство, постепенно вся семья восприняла новое вероучение, но только кончина Георга в 1539 г. открыло двери перед Реформацией в альбертинских землях. Короткое правление отца было ознаменовано первыми церковными преобразованиями и глухим внутрисемейным конфликтом между старшим братом Августа Морицем, им самими и матерью вокруг гарантированных прав на пожизненные уделы для Августа и по вопросу брака Морица с гессенской княжной. Принятие правительственной ноши Морицем в 1541 г. и достигнутая затем договоренность с братом сгладили внутреннее противостояние и подготовили почву к столь важной солидарности в вопросах правления. Август несколько лет провел в землях Габсбургов, где завязал дружеские отношения с будущим наследником престола Максимилианом. Гибель старшего брата под Зиверсгаузенем в 1553 г. открыло ему дорогу к курфюршеским регалиям. При нем наследственные земли получили прочную церковную организацию, сотканную из местной практики и вюртембергской традиции при участии как саксонских, так и вюртембергских богословов. Итоговое уложение 1580 г. стало образцовым для соседних земель и сформировало административно-духовный фундамент саксонского лютеранства. Сам Август ещё принадлежал к поколению князей, не разделявших и не противопоставлявших наследие Лютера и Меланхтона. Он почитал обоих реформаторов и был глубоко чужд внутрелютеранской полемики, обострившейся после смерти Меланхтона в 1560 г. Во многом именно его усилиями, в конце концов, удалось найти путь компромисса, приведший к Формуле Согласия 1577 г. Репрессии против «филиппистов», организо-

ванные в 1574 г. и жертвами которых пал в том числе канцлер Георг Краков, были следствием скорее не столько глубокой предубежденности в вопросах догмы, сколько частных мотивов, затрагивавших достоинство самого государя и его супруги. Многие из почитателей Меланхтона сохранили свое положение и после 1574 г., а специальная декларация провозглашала единство богословского наследия двух реформаторов. В отношениях со светскими сословиями курфюрст стремился обеспечить полную лояльность своему Дому, охотно созывал ландтаги и в тоже время добивался прочной интеграции в ленную зависимость от Дрездена соседних земель и ди-настов. Крупнейшими успехом здесь стало установление контроля над землями Фогтланда в 1569 г. и секвестрация в пользу Веттинов владений мансфельдских графов в 1570 г. Последовательное стремление упорядочить судопроизводство и правовую практику вызвало с 1565 г. целый ряд законодательных инициатив, оформленных в 1572 г. в знаменитой кодификации процессуальных норм, договорных обычаев, наследственного и уголовного права («*Codex Augusteus*»). Резко выраженный персональный стиль его правления не помешал учреждению Тайного совета в 1574 г. и выдвижению из бюргерской среды толковых и сведущих помощников, таких как Краков или Каспар Пойкер. На имперской арене курфюрст выступал самым авторитетным лидером евангелического сообщества и в постоянных контактах с правящими Габсбургами сумел искусно поддерживать сложившейся баланс интересов религиозных и династических сил. Будучи скромным и «бережливым» в лучших традициях патриархальной этики, он однако завершил перестройку новой дрезденской резиденции и ещё свыше 20 провинциальных замков, настоящей ренессансной жемчужиной среди которых являлся Аугустусбург под Хемницем. При нем в дрезденском замке была основана в 1560 г. Кунсткамера. В браке с дочерью датского короля Христиана III Анной (с 1548 г.) он имел 15 детей, из которых, впрочем, до совершеннолетия дожило лишь трое, в том числе и наследник его Христиан. Супруга, воспитанная в лучших традициях лютеранского благочестия, вела образцовое домохозяйство (поместье Ной-Остра под Дрезденом), ей курфюрст доверил в 1578 г. надзор над всем камеральным имуществом и она же оставила огромное эпистолярное наследие. Её кончину в октябре 1585 г. Август пережил лишь на несколько месяцев. Смерть его знаменовала уход со сцены поколения князей — хранителей мирных устоев 1555 г., потерю для Империи самой авторитетной фигуры и, по мнению историков — символическую точку отсчета нового кризиса.

При всей значимости этого государя и как имперского князя и как регионального лидера он до сих пор не удостоился новых крупных биографических изысканий. См.: *Falke J. Geschichte des Kurfürsten August in volkswirtschaftlicher Beziehung. Leipzig, 1868; Blaschke K. Der Fürstenzug in Dresden. Denkmal und Geschichte des Hauses Wettin. Leipzig, Jena, Berlin, 1991 S. 146–154; Bruning J. August I (1553–1586) // Herrscher Sachsens / Hrsg. von F. L. Kroll. München, 2007. S. 110–125; Groß R. Die Wettiner. Stuttgart, 2007.*

Неудачная попытка открыть дверь кальвинизму в короткое правление *Христиана I* (1586–1591) прекрасно иллюстрировала историческую неизбежность не только раз сделанного конфессионального выбора, но и ориентации на имперский центр. Опираясь на поддержку части склонной к кальвинизму бюргерской элиты, Христиан попытался осуществить реформу церкви в курфюршестве и сблизиться с кальвинистами-радикалами на имперской арене. Главными советниками курфюрста в этих начинаниях стали уроженец Брауншвейга Андреас Паулль, надворный духовник Иоганн Зальмут, но роль первой скрипки играл занявший в 1589 г. пост канцлера купеческий сын Николай Крелль. Стараниями Крелля удалось наладить диалог с пфальцскими кальвинистами, прежде всего с пфальцграфом Иоганном Казимиром: речь шла о создании широкого политического альянса протестантских сил. В самой Саксонии реформированию в кальвинистском духе подверглись столичные университеты, княжеские школы, консистории и надворный суд. В 1590–1591 гг. была даже подготовлена к новому изданию лютерова Библия, прокомментированная в части разделов с реформатской точки зрения придворными богословами. Однако нововведения вызвали резкое противодействие со стороны княжеской семьи, лютеранского дворянства и подавляющего большинства горожан. Словно-княжеский компромисс оказался под угрозой распада. Впрочем, скорая смерть самого курфюрста, последовавшая в сентябре 1591 г., повлекла быстрое крушение реформ и реставрацию лютеранской ортодоксии. Крелль был арестован и после десятилетнего заключения обезглавлен (1601). В регентство вдовы Христиана *Софии Бранденбургской* (1591–1601), а затем в правление сыновей — *Христиана I* (1601–1611) и *Иоганна Георга I* (1611–1656) — прежний курс на тесное сотрудничество с католическим престолом был восстановлен, быть может, даже с приливом свежих сил.

Положение также осложнялось династическим расколом 1485 г., когда возникли Эрнестинская и Альбертинская ветви Дома, конкуренция между которыми гасила энергию внешней экспансии. *Эрнестины*, берущие свое начало от курфюрста Эрнста (1464–1486), владели до 1547 г. курфюршеской шапкой и имели наследственные земли преимущественно на западе в Тюрингии, Альбертины — потомки Альбрехта Мужественного (1464–1500) имели опорой Майсенскую Марку с центром в Дрездене, т.е. восточный анклав родовых владений. Катастрофа 1547 г. повлекла отказ Эрнестина Иоганна Фридриха Великодушного от курфюршеских прав в пользу дрезденского родственника Морица, ставшего первым альбертинским властителем курфюршества Саксонии (1547–1553). В руках у дрезденской ветви отныне были сосредоточены помимо Марки герцогство Саксен-Виттенберг и некоторые владения в Тюрингии.

Если Альбертины вплоть до 1656 г. следовали праву первородства, введенному еще Георгом Бородатым (1500–1539), то Эрнестины практиковали наследственные разделы, что привело к скорому распаду их тюрингинского массива. Сыновья скончавшегося в 1554 г. Иоганна Фридриха Великодушного — Иоганн Фридрих Средний и Иоганн Вильгельм, правда, не всегда последовательно, стремились в целом к пересмотру итогов 1547 г. в конфликте с альбертинскими курфюрстами. Иоганн Фридрих сделался одним из главных союзников в мятежном движении франконского рыцаря Вильгельма фон Грумбаха, за что поплатился имперской опалой в 1567 г. и передачей наследства младшему брату. В свою очередь, Иоганн Вильгельм Веймарский, избегая прямого конфликта с Дрезденом, поощрял лютеранскую ортодоксию в своем Йенском университете в пику виттенбергскому «филиппизму» и пытался играть роль главного защитника «неизменной Аугсбургской конфессии». В 1572 г. в результате семейного раздела единый блок эрнестинских владений распался и возникло три родственных герцогства: *Саксен-Веймар*, *Саксен-Кобург* и *Саксен-Эйзенах*. Лишь с переходом герцогских регалий в Веймаре к Фридриху Вильгельму I (1573–1602), бывшему до 1586 г. под курфюршеской опекой, наметилась стабилизация отно-

шений Эрнестинов с Дрезденом. Острые грани сглаживались регентством Фридриха Вильгельма в курфюршестве (1591–1601) вследствие малолетства детей скончавшегося в 1591 г. курфюрста Христиана I. В свою очередь, Альбертины в лице курфюрстов Христиана II (1601–1611) и Иоганна Георга I (1611–1656) осуществляли опеку над наследниками скончавшегося в 1605 г. Иоганна Веймарского (1603–1605) и второго сына Фридриха Вильгельма Иоганна Филиппа. Впрочем и здесь возникали острые моменты, главным из которых стал т. н. спор за «альтенбургское наследство» (1611–1613), по итогам которого Дрезден сумел добиться испомещения в Альтенбурге, оспаривавшемся веймарской родней, Иоганна Филиппа, бывшего потом в тесном союзе с саксонским курфюрстом. Владетельный ландшафт Эрнестинов все более мельчал, вытесняя наследников Иоганна Фридриха Великодушного из рядов наиболее могущественных имперских княжеских династов и вместе с тем дробя некогда единый массив родовых земель.

В отличие и в противовес Веттинам, нашедшим границы своего территориального могущества, стали крепнуть к концу XVI в. позиции *Гогенцоллернов*. Династический раздел в конце XV в. сделал возможным становление трех ветвей этого Дома: старшей *бранденбургской*, средней *ансбах-байройт-кульмбахской* (или франконской) и младшей *прусской* как отпочковавшейся от франконской. В годы Реформации виден очевидный конфессиональный раскол в рядах семьи: если старшая ветвь в лице курфюрста Иоахима I Нестора (1499–1535) и его младшего брата кардинала и архиепископа Майнцкого и Магдебургского Альбрехта (1513–1545) еще держала сторону Старой Церкви, то прусская линия, представленная последним католическим гроссмайстером Немецкого ордена из Дома Гогенцоллернов Альбрехтом I Старым (1510–1568), уже в 1525 г. одной из первых княжеских династий в Империи приняла лютеранство. Впрочем, религиозный мезальянс в семье был преодолен с восшествием на курфюршеский престол в 1538 г. Иоахима II, усилиями которого была введена евангелическая Реформация в бранденбургских землях. После смерти этого государя Бранденбург следовал в русле классиче-

ской имперской политики лютеранских князей. В деятельности *Иоганна Георга Эконома* (1571–1598) и его старшего сына *Иоахима Фридриха* (1598–1608) мы видим неизменную комбинацию верности имперскому престолу, умеренного конфессионального курса по отношению к единоверцам и реформатам и тесной династической связи с соседними евангелическими Домами, прежде всего с Веттинами. Стиль правления обоих являл типичные для конца XVI в. патриархальные черты, не обременительные для подданных и не таившие опасности резких поворотов в политике. Положение изменилось с восшествием на престол *Иоганна Сигизмунда* (1608–1619), тяготевшего к реформатской конфессии и придавшего новый импульс бренбургской политике. Курфюрст завершил некоторые из начатых его предшественниками преобразования в системе административного управления и решительно поддерживал наиболее радикальные силы немецкого протестантизма, прежде всего Пфальц. Ещё в последние месяцы жизни Иоахима Фридриха, весной 1608 г., позиция бренбургских и пфальцских депутатов блокировала работу рейхстага в Регенсбурге и в конце концов обеспечила его провал. В 1613 г. Иоганн Сигизмунд отважился ввести *кальвинистское вероисповедание* при собственном дворе, что вызвало кризис в отношениях с подданными, но сохранило кальвинизм в курфюршестве в качестве семейной конфессии Гогенцоллернов. Радикализм Иоганна Сигизмунда на имперской арене влек одновременно кризис в отношениях с сословиями, недовольными, особенно в лице дворянства, кальвинистскими нововведениями и финансовой политикой своего государя: причина, побудившая наследника курфюрста-конвертанта *Георга Вильгельма* (1619–1640) вернуться к патриархальному и консервативному стилю правления предшественников.

Но не только религиозная эволюция маркировала позиции Дома. С конца XVI в. все более отчетливой становилась территориальная консолидация, развивавшаяся в унисон с расширением наследственных земель в Империи. Вслед за старой германской историографией здесь следует отметить укрепление двух полюсов династического ландшафта: восточного, в *Пруссии*, и западного, *рейнско-вестфальского*.

Прусское наследие *Альбрехта Старого*, превратившего бывшие орденские земли в настоящий династический больверк с прекрасной организацией, унаследованной от старых орденских времен, хотя и находилось под ленным покровом польской короны, однако связывалось тесными узами родства с Бранденбургом. Согласно завещанию Альбрехта, в своей концепции всецело соответствовавшему династическим принципам первых курфюрстов, устанавливалось наследование по мужской и женской линии, но без права отчуждения родовых владений. Последнее обстоятельство побуждало наследников Альбрехта ориентироваться в брачной политике преимущественно на старших бранденбургских родственников. Тесные узы родства прусского Дома с Бранденбургом постепенно вели к прямому династическому альянсу двух ветвей. Еще в годы правления Иоахима II бранденбургскому курфюрсту удалось добиться от польского короля Сигизмунда Августа, на сестре которого он был женат, инвеституры на прусские лены. В 1591 г., еще будучи несовершеннолетним, младший сын курфюрста Иоганна Георга (1571–1598) Иоганн Сигизмунд был помолвлен на внучке Альбрехта Прусского Анне, отец которой Альбрехт Фридрих, страдавший слабоумием, оказался не способен к правлению. Видимость самостоятельности прусского герцогства еще поддерживалась опекуном маркграфа Георга Фридриха из франконского Дома Гогенцоллернов. После его смерти в 1603 г. управление Орденской Пруссией окончательно перешло к бранденбургским курфюрстам. Смерть же самого Альбрехта Фридриха в 1618 г. означала пресечение мужского колена ансбах-байройтского Дома в Пруссии, что позволило Иоганну Сигизмунду, ставшему курфюрстом в 1608 г., присоединить *пруссские владения* Гогенцоллернов к курфюршеству Бранденбург.

Одновременно перед Гогенцоллернами открылись блестящие перспективы на западе Империи. Женитьба Иоганна Сигизмунда на Анне Прусской, по линии своей матери бывшей в родстве с юлих-бергскими герцогами, позволила Гогенцоллернам принять участие в борьбе за *наследство Клевского Дома*. После смерти последнего гер-

цога Юлих-Берга Иоганна Вильгельма (1592–1609), умершего бездетным и имевшего лишь многочисленных сестер, бывших замужем за другими имперскими князьями, Бранденбург предъявил свои притязания на выморочный лен, ссылаясь на завещание отца, скончавшегося клевского герцога Вильгельма Богатого, согласно которому престол в случае бездетной смерти его сына должен был перейти к родственникам старшей его дочери. Немедленно начавшийся вслед за тем весьма драматичный и сопровождавшийся открытым военным противостоянием конфликт был разрешен в 1614 г. соглашением в *Ксантене* закреплявшим за Гогенцоллернами собственно *герцогство Клеве, маркграфство Марк и Равенсберг*. В итоге Бранденбург обзавелся стратегически важным вестфальско-рейнским плацдармом. Тем самым к началу Тридцатилетней войны Гогенцоллерны укрепились на востоке в Пруссии и на западе на берегах Рейна («бранденбургский орел расправляет крылья»). Вместе с тем были созданы благоприятные предпосылки к последующему территориальному росту в северной Германии.

В южном и юго-восточном направлении Гогенцоллернам удалось окончательно поставить под свой контроль среднее течение Эльбы, где главным форпостом выступало *архиепископство Магдебург*. После интронизации там в 1513 г. Альбрехта Бранденбургского, младшего сына курфюрста Иоганна Цицерона, архиепископство оказалось фактически семейным уделом бранденбургских курфюрстов. В свою очередь, переход в 1552 г. митры архиепископа к Сигизмунду Гогенцоллерну (1552–1566), симпатизировавшему протестантам, означало победу Реформации в архиепископских землях. В 1561 г. там была проведена инвентаризация монастырского имущества, что означало первый шаг к секуляризации этого духовного княжества. Последующие Гогенцоллерны управляли архиепископством практически на правах евангелических администраторов (Иоахим Фридрих, 1566–1598; Христиан Вильгельм, 1598–1628). Вместе с тем пришел конец и гегемонии Веттинов на берегах Эльбы, представлявших здесь свои династические интересы со времени позднего средневековья.

Франконские владения Гогенцоллернов во второй половине века отодвигались на второстепенные позиции, уступая по своему значению в династической политике Берлину. Однако и здесь видны тенденции к территориальной консолидации. После кончины своего ансбахского родственника Георг Фридрих в 1557 г. объединил оба франконских маркграфства — ансбахское и кульмбахское. Будучи в религиозном отношении решительным лютеранином, он, однако, выступал на имперской арене весьма трезвым и осторожным политиком. Его опекуновство над прусскими владениями, равно как и участие в судьбе клеветского наследства, превратили его в одну из ключевых фигур Дома. После его смерти франконский массив распался вновь: маркграф Христиан (1603–1655), приняв кульмбахские земли, продолжил достаточно взвешенную имперскую политику, в то время как его ансбахский брат Иоахим Эрнст (1603–1625) стремительно перешел в стан самых радикальных протестантских сил Империи.

Остальные имперские княжеские Дома в северном и северо-западном секторе Империи намного уступали в размерах территориального и династического влияния Веттинам и Гогенцоллернам. Тенденция к ослаблению оказалась прежде всего на мелких княжествах, где классический образец являл *Ангальт*. Относительная сплоченность Асканийского Дома была прервана коллизиями второй половины XVI в. Принятие лютеранства не ликвидировало династическую рыхлость. В 1603 г. владения Дома распались на четыре ветви: *Ангальт-Кётен*, *Ангальт-Цербст*, *Ангальт-Бернбург* и *Ангальт-Дессау*. Раздел практически означал отказ от каких-либо серьезных перспектив территориальной консолидации и, тем более, территориальной экспансии: жесткая блокада со стороны Бранденбурга и Саксонии исключала шансы на успех. Отчасти выходом из кризисного положения стал «прыжок» Бернбургской линии в лоно кальвинистской церкви в 1592 г., с чем можно было связывать поиск новых политических возможностей для бедных владениями властителей. В кипучей энергии *Христиана Ангальт-Бернбурга* (1586–1630) мы видим попытку использовать инструментарий религиозного радика-

лизма и персональной службы для адаптации в новых условиях. Центром тяжести в его деятельности станет Верхний Пфальц и служба гейдельбергским курфюрстам.

В обоих балтийских герцогствах — *Мекленбурге* и *Померании* на рубеже веков не ощущалось сколько-нибудь заметных тенденций в сторону территориального роста и укрепления княжеской власти. Мекленбургский массив, постоянно страдавший под бременем династических разделов, имел два исторически сложившихся ядра — *Шверин* и *Гюстров*. Соединение в одно целое обеих половин в XVI в. не исключило последующего дробления: в 1622 г. единое герцогство вновь распалось на старые исторические составные. К тому же сильные позиции дворянства и относительная самостоятельность прибрежных ганзейских городов (к примеру, Ростока) резко ограничивали успехи на ниве усиления княжеской власти. Судьба померанского герцогства, довольно рано принявшего Реформацию, была решена фактически уже к концу XVI в. Расположенная в треугольнике территориально-династических интересов Гогенцоллернов, Польши и Швеции и обладавшая чересчур разбросанным ландшафтом, не имевшим мощного центра политической власти, Померания должна была рано или поздно сойти со сцены имперской истории. В правление *Богуслава XIV* (1625–1637), скончавшегося бездетным, угасла звезда Дома Грайфенов. Владения его были поделены между Бранденбургом и Швецией.

В юго-западном секторе Империи все более усиливались позиции *Баварских Виттельсбахов*. После того как в 1506 г. усилиями Альбрехта IV Мудрого ландсгутские земли и мюнхенская Бавария объединились в одно герцогство, правившие там Виттельсбахи стали самой влиятельной региональной силой юга. Главным результатом объединения стало прежде всего превращение наследственных земель Виттельсбахов в единый — за исключением сравнительно небольшого пфальц-нойбургского княжества — компактный территориальный массив. Был завершен длившийся несколько веков процесс региональной консолидации. В годы Реформации мюнхенские герцоги не только последовательно защищали интересы католической церк-

В треугольнике ведущих династий Империи баварским Виттельсбахам принадлежала огромная роль. Альбрехт V (1550–1579) успешно боролся с протестантизмом в своих владениях. Его лояльность католицизму подчеркнута темными тонами его испанского костюма.

Картина неизвестного мастера XVI в.

ви, но и сумели заполнить немногие из еще остававшихся территориальных лакун, превратив в сателлитов династии епископства Фрайзинг и Регенсбург. Со второй половины XVI в. тамошними митрополитами выступали родственные члены самого Дома. Но, безусловно, решающие шаги на пути вхождения Виттельсбахов в ряды ведущих католических династий Империи следует связывать с именем и с правлением *Альбрехта V* (1550–1579) — решительного католика и последовательного сторонника расширения династических интересов. Он не только очистил Баварию от последних следов протестантизма, но и приступил к перспективной династической политике. Как и ранее, традиционные интересы Мюнхена связывались со *Швабией*, где посредством укрепления рыцарской клиентелы Виттельсбахи пытались, с одной стороны, перекрыть дорогу габсбургской экспансии с востока, а с другой — возвести барьеры на пути усиления позиций Вюртембергского герцогского Дома, боровшегося за лидерство в швабском округе. Успешное единоборство с гейдельбергскими курфюрстами позволило Баварии активизировать свое влияние и в сопредельных пфальцских владениях. Здесь аппетиты мюнхенских Виттельсбахов разыгрывались в основном на *Верхний Пфальц* и на *пфальц-ной-бургские земли*. Гейдельберг после поражения в начале века в борьбе за Ландсгут и переживавший нелегкий внутренний религиозный кризис, вызванный введением сперва лютеранства, а затем и утверждением кальвинизма, не представлял на ближайшие годы серьезной опасности для Мюнхена. К началу Тридцатилетней войны становилось все более ясной конфликтная перспектива в отношениях между Мюнхеном и Гейдельбергом по вопросу Верхнего Пфальца. Крупным успехом для баварских герцогов был переход в 1613 г. в католическую веру властителя Пфальц-Нойбурга пфальцграфа Вольфганга Вильгельма, что резко дистанцировало остатки дунайского массива Пфальца от Гейдельберга и превратило нойбургскую ветвь Виттельсбахов в сателлитов католической Баварии. Одновременно в прицеле баварских интересов оказались духовные княжества на Рейне, что соответствовало общей династической конъюнктуре: будучи заблокированными в сво-

ем влиянии на тирольские и фюральбергские земли Габсбургами, мюнхенские герцоги пробовали реализовать свои амбиции на западе в прирейнских владениях. При этом этому весьма существенно содействовала Контрреформация. Среди прочих представителей мюнхенских Виттельсбахов младший сын Альбрехта V, *Эрнст* (1554–1595), воплощал в своей деятельности особенно яркие династической экспансии.

Эрнст, родившийся в 1554 г., испытал на себе все превратности младшего отпрыска именитой семьи. Уже в 11 лет он стал каноником страсбургской соборной церкви, позже был отправлен в Рим, где получил блестящее образование в Немецком Коллегиуме под руководством иезуитов и стал известен в кругах римской курии. В 1566 г. Эрнст был постулирован в епископы Фрайзинга, в 1573 г. — в епископы Гильдесгейма. Стараниями отца он стал готовиться к занятию кёльнского архиепископского престола, хотя ни по возрасту, ни по наклонностям щеголеватый прелат не соответствовал ожиданиям римской курии. Тем не менее при поддержке Альбрехта V и некоторых сторонников Виттельсбахов в Риме Эрнст принял участие в борьбе за архиепископский престол. Виттельсбахам, однако, не удалось преодолеть оппозицию соборного капитула, чины которого, опасаясь чересчур жесткого баварского диктата и частично склоняясь к протестантизму, после долгих проволочек избрали архиепископом Гебхарда Трухсэсса, не скрывавшего своих откровенно лютеранских симпатий. Лишь после открытого перехода Гебхарда в протестантизм в 1583 г. Рим согласился с кандидатурой Эрнста, призванного отныне сохранить Кёльн за Старой Церковью. Оказавшись с митрой крупнейшего рейнского духовного князя, Эрнст с энергией принялся защищать дело католицизма, не останавливаясь даже перед принятием вооруженной помощи со стороны Испании и используя мощную династическую поддержку мюнхенских родственников. После нескольких месяцев вооруженной борьбы и нескольких лет самых решительных действий против протестантов (издание эдиктов, испомещение иезуитских миссий) Эрнст сумел превратить Кёльн в надежный бастион католической церкви на Рейне. В 1589 г. он получил признание своего имперского статуса архиепископа и от императора. В 1581 г. Эрнст был избран архиепископом Люттиха (Льежа) и стал администратором имперских аббатств Стабло и Мальмеди, а в 1585 г. заполучил епископство Мюнстер, хотя попытка «протолкнуть» его еще и на минденскую кафедру окончилась для Виттельсбахов неудачно. Будучи незаурядным организатором, Эрнст характерным для своей эпохи образом сочетал в себе духовную миссию и совершенно светский образ жизни, зачастую граничивший с отступничеством от элементарных требований церкви, что, впрочем, всегда прощалось Римом ввиду очевидных заслуг этого Виттельсбаха на ниве защиты католицизма. Вскоре после своего утверждения в

Кёльне Эрнст, страдая телесными недугами, пошел на ресигнацию и передачу правительственных полномочий своему племяннику Фердинанду. Последние годы жизни Эрнст провел совершенно светским лицом в обществе своей любовницы Гертруды фон Платтенберг. Его роль как экспонента баварской политики исчерпывающе исследована Гюнтером фон Лоевски: *Lojewski G. V. 1) Bayerns Weg nach Köln. Bonn, 1961; 2) Bayerns Kampf um Köln // N 34. S. 40–47.*

Архиепископ *Фердинанд* взял впоследствии бразды правления всеми епископствами, кроме Фрайзинга, а в 1612 г. ему достался еще и Падеборн. В итоге к началу XVII в. образовался целый блок территорий-сателлитов мюнхенских герцогов. Главной цитаделью его бесспорно был Кёльн, находившийся в руках Виттельсбахов вплоть до 1746 г.

При ближайшим преемнике Альбрехта V *Вильгельме V* (1579–1598) Бавария оказалась в тяжелом кризисе, вызванном большими финансовыми расходами и ростом задолженности. Под бременем проблем Вильгельм вынужден был даже отречься от престола. Однако с восшествием его старшего сына *Максимилиана I* (1598–1651) тенденция к укреплению правительственной власти и активной династической политике наметилась с новой силой.

Мюнхенские герцоги смогли подготовить свои позиции для стремительного рывка в годы Тридцатилетней войны и превратиться в важнейших партнеров правящего имперского Дома. Таковы были плоды мастерской комбинации территориально-династической политики с последовательной защитой интересов католической церкви.

Пфальцская линия Виттельсбахов в первой половине XVI в. медленно оправлялась от удара, полученного в войне за «Ландсгутское наследство» (1503–1505), в которой Гейдельберг лишился большей части своих дунайских земель с центром в Ландсгуте. Четырьмя крупнейшими массивами пфальцкого Дома оставались земли *Нижнего Пфальца*, заключенные преимущественно в междуречье Неккара и Рейна, с главной резиденцией в Гейдельберге, родственные анклавов на рейнском левобережье, где выделялся *Пфальц-Зиммерн* и *Пфальц-Цвейбрюккен*, а также *Верхний Пфальц*, сердце которого образовывал треуголь-

ник Амберг—Зульцбах—Ноймаркт. Одинокое, не связанное с остальными владениями Пфальца и окруженное баварскими землями располагалось на берегах Дуная Нойбургское княжество, выделившееся после 1506 г. с правившей там младшей линией пфальцских Виттельсбахов. Традиционными сателлитами Пфальца оставались епископы *Шпейера* и *Вормса*, представленные либо местными дворянскими родами, бывшими в ленной зависимости от Гейдельберга, либо членами курфюршеской семьи, а также рыцарство Эльзаса и пфальцкого левобережья. Здесь позиции Дома подкреплялись правами курфюрстов как имперских фогтов Эльзаса, а также викариатным правом по землям Швабского зеркала.

Гейдельбергские курфюрсты эпохи Реформации стремились, с одной стороны, заблокировать дальнейший успех своих баварских родственников, с другой — консолидировать усилия семьи ради улучшения своего территориально-династического положения. Выходом из тяжелой ситуации стала все большая ориентация на имперский двор, на сближение с короной, отчетливо проявившаяся в годы правления курфюрста Фридриха II (1544–1556). Характерным признаком здесь стало весьма пассивное участие Гейдельберга в реформационном движении, развивавшемся в Пфальце скорее «снизу», чем «сверху». Но победа императора в Шмалькальденской войне, в которой курфюрст, пусть и осторожно, но все же поддерживал Шмалькальденский союз, привела к достаточно жестким ответным шагам короны, пытавшейся восстановить в пфальцских владениях католицизм и подвергнувшееся репрессиям лютеранское дворянство Пфальца. Сословия в конце концов были разочарованы двойственной политикой Фридриха. Сын и наследник его *Отто Генрих* (1556–1559), последний представитель старой гейдельбергской линии, отказался от чрезмерного заигрывания с имперским престолом и достаточно смело ввел в наследственных владениях лютеранскую Реформацию. Ему же удалось объединить с Пфальцем нойбургские земли, тем самым сделав попытку вернуть утраченные позиции на юго-востоке. Регентом Нойбурга стал брат курфюрста пфальцграф *Вольфганг* из цвайбрюккен-

ского Дома, что символизировало сближение Гейдельберга с родственными ветвями на рейнском левобережье. Впрочем, иллюзия дружественного альянса развеялась ввиду обострения финансового вопроса, поскольку и курфюр-ше-ские домены, и цвейбрюккен-нойбургские владения оказались обремененными чрезмерными долгами, спор из-за уплаты которых похоронил радужные ожидания Отто Генриха.

Поворотным для Пфальца стало правление *Фридриха III* (1559–1576), человека глубоко религиозного, но лишенного больших правительственных талантов. С ним произошла и смена династии: в лице Фридриха в Гейдельберге воссела младшая, зиммернская ветвь пфальцских Виттельсбахов. Он ввел в Пфальце кальвинизм, что вызвало двойные и равно тяжелые для судеб Пфальца последствия. Прежде всего обращение Фридриха спровоцировало конфликт в собственном Доме, главным образом с хранившим верность лютеранству братом Райхардом Зиммерном и сыном своим Людвигом, бывшим правителем Верхнего Пфальца, не желавшим отступать от евангелической Реформации. Вместе с тем последовало решительное отторжение от Гейдельберга местного дворянства, почти сплошь настроенного пролютерански и раздраженного религиозными новшествами своего патрона. После смерти в 1576 г. отца *Людвиг VI* (1576–1583) в качестве курфюрста на несколько лет восстановил евангелическое вероисповедание в Гейдельберге, что, Впрочем, не помешало возвращению пфальцских земель в лоно кальвинизма в годы регентства его младшего брата Людвига *Иоганна Казимира* (1583–1592). Будучи опекуном наследника, будущего Фридриха IV, регент постарался привить принцу ортодоксальное реформатское благочестие и сплотить вокруг Гейдельберга кальвинистских князей на западе Империи. Прямым следствием реставрации кальвинизма стал окончательный распад старой пфальцской клиентелы. Лютеранское дворянство покидало ряды ленников курфюрста и целенаправленно стремилось приобрести имперский статус, пополняя при поддержке императора ряды непосредственного имперского рыцарства. Курфюрст, ведя переговоры

с сословиями, находил опору лишь в городских общинах и немногих графских семьях из Веттерау или рейнского левобережья, как, например, графов фон Эрбах, что было явно недостаточно для погашения финансового долга. Угрожающим стал и раскол в семье: лютеранский властитель Зиммерна Райхард, один из опекунов принца, требовал признания совершеннолетия наследника лишь по достижении последним 25 лет, мечтая стать администратором Пфальца, что означало бы лютеранскую реставрацию. Спасая реформатскую церковь, Иоганн Казимир, а затем и Фридрих IV все теснее блокировались с кальвинистами-радикалами из соседних земель. Ко двору в качестве гофмейстера был приглашен граф Людвиг Сайн-Виттгенштейн, тесные отношения поддерживались и с младшим братом Вильгельма Оранского Иоганном Нассау-Дилленбург. Тем самым обозначилась и специфическая направленность пфальцских интересов: они теперь концентрировались на западе Империи, обеспечиваясь союзом с реформатскими графами Веттерау и Нассау, а также политической поддержкой Нидерландов и французских гугенотов. Одновременно, не желая оставлять верхнепфальцские земли под контролем своих лютеранских родственников, Фридрих сделал ставку на своего штатгальтера, решительного кальвиниста князя *Христиана Ангальт-Бернбурга* (1586–1630). Его весьма энергичное и толковое правление сглаживало острое религиозное противостояние в Верхнем Пфальце, позволяя Гейдельбергу навести более надежные мосты со своими юго-восточными землями.

В целом к началу правления *Фридриха V* (1610–1623) Гейдельберг сумел завершить перестройку своих политических ориентиров, вызванных религиозной реформой Фридриха III. Гораздо явственнее, нежели в начале века, обозначился его союз с западноимперскими, преимущественно рейнскими силами немецкого протестантизма и Нидерландами. Тем самым Пфальц обретал новые точки опоры взамен утраченных в борьбе с Баварией. Но поворот в религиозной политике сопровождался громадными внутренними издержками: была разрушена почти вся система традиционной клиентелы Гейдельберга. Помимо утра-

ты доверия со стороны целых анклавов (Верхний Пфальц) была нарушена жизненно важная сетка ленных связей с местным лютеранским дворянством, что лишало кальвинистских курфюрстов не только вассалов, но и важнейших источников финансовых доходов. Трагическим следствием выступал нараставший финансовый кризис. Необходимо было компенсировать отсутствие внутренних перспектив, и гейдельбергские властители нашли выход в решительной династической, имперской и зарубежной политике. Они стремились оживить силы немецкого протестантизма и оказаться во главе их: лишь таким образом, будучи лидерами сплоченной фракции радикалов, можно было надеяться взять реванш в противостоянии с мюнхенской родней и предотвратить окончательный внутренний паралич.

Поляризация региональных сил южной и юго-западной Германии под воздействием борьбы двух ветвей Виттельсбахов ограничивала размах династических и территориальных амбиций соседних княжеских Домов: *Вюртемберга* и *Бадена*. Конфессионализация обострила проблему территориальной выживаемости: лютеранскому Вюртембергу противостояло полукольцо католических баварских владений. Вместе с тем открывались и новые перспективы. Вюртембергские властители в лице *Христофора I* (1550–1568), *Людвига* (1568–1593) и *Фридриха I* (1593–1608), придерживаясь строго лютеранской ортодоксии внутри и нейтрального курса вовне, сумели обзавестись важными династическими связями с альбертинской Саксонией. При Христофоре наметилась и более ясная ориентация на имперский престол как на реальный противовес против баварского давления с востока и как гаранта достигнутых позиций в структурах феодального мира Швабии. Большие возможности представляло дарованное вюртембергским герцогам место главы швабского имперского округа, что превращало их в доминирующую силу региона и гарантировало от баварской конкуренции.

Сложнее было положение баденского маркграфства. Если в начале века видны усилия маркграфа Филиппа I объединить конгломерат подвластных земель, то конфессио-

нальная эпоха привела к решительному династическому и территориальному расколу. В 1535–1596 гг. маркграфство распалось на два массива — *Баден-Баден* и *Баден-Дурлах*, причем соперничество двух ветвей обострялось религиозным противостоянием: если Баден-Баден находился в руках католика *Эдуарда Фортуната* (1588–1596), то Баден-Дурлах принадлежал кальвинисту *Эрнсту Фридриху* (1584–1604), оккупировавшему в 1594 г. земли своего южного родственника и насильно введшему там евангелическое вероисповедание. Преемник его *Георг Фридрих* (1604–1622), решительный лютеранин, превратил свое княжество в самый прочный больверк лютеранской церкви на берегах Рейна.

В *центральных* землях Империи в треугольнике рек Верры, Рейна и Майна доминировал *Брабандский Гессенский Дом*. Годы Реформации совпали с пиком политической роли Гессена на имперской арене и территориальной консолидации под руководством *Филиппа I Великодушного* (1518–1567). Конфигурация династических интересов Дома, определялась соседством на западе с землями Майнцского диоцеза и веттерау-вестфальскими графствами, а на востоке — с духовными общинами, также подконтрольными майнцской кафедре (Эрфурт, аббатство Фульда и епископство Эйхштедт). Реформация подорвала могущество Майнца и позволила ввести под контроль ландграфов большинство из соседствующих с ним островков духовной власти. Но вторая половина века ознаменовалась для Гессена династическими разделами, исключившими возможность дальнейшей экспансии. В 1567 г., по завещанию Филиппа Великодушного, владения Дома распались на четыре, а затем, с 1583 г. — на три линии. Старшая линия имела опорой северные земли с центром в Касселе. Две средние — в Марбурге и Райнфельсе, младшая — на юге в Дармштадте. Если в лице *Людвига IV Гессен-Марбургского* (1567–1604) мы сталкиваемся со строго последовательным евангелическим конфессором, придерживавшимся политики имперской лояльности, то его брат *Вильгельм IV* (1567–1592) Гессен-Кассельский выступал более динамичной натурой, воспринявшей от отца близкую кальвинизму религиозно-

политическую модель. Постепенно намечался раскол в конфессиональной и имперско-политической концепции Дома, соответствующий двум направлениям, сочетавшимся некогда в деятельности Филиппа Великодушного. Спор, возникший вокруг марбургского наследства в 1604 г. после кончины Людвига, парализовал единство Дома Гессена. Дармштадтская линия, претендовавшая на Марбург, придерживалась строго лютеранского курса внутри и строго лютеранского понимания своих задач в Империи, в то время как Кассель в лице *Морица Ученого* (1592–1627), блестящего интеллектуала и экспрессивной натуры, склонялся в пользу более решительной протестантской направленности. Конфликт с родственниками укрепил в конце концов ландграфа в мысли о переходе в кальвинизм, что означало и кардинальную радикализацию внутриимперской политики: отныне главными союзниками Гессен-Касселя становятся Пфальц и Нассауские графы, а ландграфа Морица можно было видеть среди инициаторов самых рискованных политических комбинаций. Конфессиональный раскол был подкреплен нарочито подчеркнутым противостоянием и двух университетских центров — в Марбурге и Гессене. Две ветви Дома оказались во враждебном противостоянии, наложившем печать на ход Тридцатилетней войны и превратившем Гессен в питательную почву самого конфликта.

Раздробленный Гессен тем не менее сохранял лидирующие позиции в регионе, оттесняя на задний план соседних мелкoderжавных династов. Все они были обречены в конечном счете лавировать между Гессеном на севере и востоке и Пфальцем — на западе. Не в последнюю очередь под воздействием этого внешнего давления оформился ландшафт кальвинистских графов *Веттерау*, где самую влиятельную силу представляли *Нассау-Дилленбург*, *Сольм-Браунфельс* и *Сайн-Витгенштейн*. Наряду с Пфальцем и Гессен-Касселем они образовывали относительно сплоченную фалангу радикально настроенных имперских чинов, пытавшихся в тесном союзе друг с другом укрепить свои позиции в имперских структурах. Семейный, «домашний», скрепленный узами тесного родства характер этого альянса как нельзя

лучше иллюстрировал олигархизацию Империи в конфессиональную эпоху.

Архиепископство *Майнц* как территориальная величина, контролируемая местными католическими династиями, напротив, имело достаточно мало шансов удержаться на уровне крупной региональной силы, способной диктовать волю соседям и формировать политический климат. Территориально архиепископские земли распадались на два массива, имевших географические центры на востоке — вокруг Ашаффенбурга в бассейне Майна и на западе — в самом Майнце. Однако умеренный, весьма взвешенный региональный курс, осуществленный параллельно церковным реформам при архиепископах *Даниеле Бренделе фон Хомбурге* (1555–1582) и *Иоганне Швайххарде фон Крёнберге* (1604–1626), содействовал стабилизации старых позиций. Осторожность отразилась в том числе и на имперской политике: Крёнберг наряду с умеренными лидерами протестантов представлял своего рода «третью» нейтральную силу на имперском Олимпе, много сделав если и не для предотвращения будущей войны, то, по меньшей мере, для отсрочки трагической развязки. Представители других католических графских Домов искали успех на попроще главным образом борьбы за каноникаты, аббатства и епископские кафедры в уцелевших или реставрированных диоцезах.

Во владениях Трирских и Кёльнских архиепископов, расположенных западней и северней Майнца, на рубеже веков также наметилась консолидация католицизма. В Трире первые крупные шаги в направлении реформы были приняты в правление *Якоба фон Эльтца* (1567–1581) — одного из самых последовательных сторонников тридентских преобразований. В начале XVII в. архиепископ *Филипп Христофор фон Зёттерн*, бывший ранее епископом Вормса, решительно продолжил линию на борьбу с протестантизмом, прежде всего с Пфальцем. Он попытался ослабить старую зависимость вормских владений от Гейдельберга и построил в городке Уденхайм новую крепость, названную собственным именем — Филиппсбург, превращенную в настоящий форпост в противостоянии с соседним курфюр-

шеством. В *Кёльнском архиепископстве* с 1583 г., как уже говорилось, надежно укрепились баварские Виттельсбахи. Пфальц ощущал жесткую блокаду в полукольце католических княжеств, что еще более питало воинственность кальвинистских курфюрстов.

На *северо-западе* бесспорным было влияние *Вельфов*, исторически контролировавших практически все пространство между средним течением Везера и Эльбы. С позднего средневековья владения Дома распадались на несколько ветвей: Брауншвейг-Люнебург, Брауншвейг-Вольфенбюттель, Брауншвейг-Каленберг, Брауншвейг-Геттинген и Брауншвейг-Грубенхаген. Частые династические распри и альянсы помножились в эпоху Реформации на религиозное противостояние. Отчетливо вырисовывался конфессиональный и династический антагонизм между сильнейшим лютеранским династом Дома *Люнебургским герцогством* и его католическим оппонентом герцогством *Вольфенбюттель*. Во второй половине века произошли существенные перемены: в 1568 г. с переходом в лютеранство *Юлия Брауншвейг-Вольфенбюттельского* земли Вельфов приобрели конфессиональную монолитность. Вокруг Вольфенбюттеля сложилась группа конфессиональных сателлитов, тесно связанных с бывшим католическим герцогством: Грубенхаген и Калленберг. Вместе с тем все сильнее стала ощущаться династическая экспансия в западном и восточном направлениях. На западе она шла за счет вестфальских епископств, оказавшихся под контролем администраторов из евангелических Домов, прежде всего Миндена и Фердена. Оснабрюкский диоцез в правление Филиппа Зигмунда Брауншвейгского также попал в тесную зависимость от Вельфов. В годы правления преемника герцога *Юлия Генриха Юлия Брауншвейг-Вольфенбюттеля* (1589–1613) Вельфы обеспечили свое влияние в духовных княжествах на севере (епископство Ратцебург) и на востоке в буферных землях с Бранденбургом и Саксонией (епископство Хальберштадт, администраторами которого выступали члены лютеранского герцогского рода). Герцог *Генрих Юлий* — меценат и литератор — оказался самым блистательным среди Вельфов кануна Тридцатилетней войны.

Помимо внешних успехов, при нем усилилась территориальная власть князя в наследственных землях. Наметившаяся тогда консолидация Дома отчасти восполняла проигрыш в давней борьбе за лидерство на севере Империи с Веттинами.

Наконец, еще дальше на севере, на стыке датских земель лежали владения *Голиштинского* герцогского Дома, размещавшиеся между нижним течением Эльбы и Кильской бухтой. Они испытывали почти постоянное давление со стороны северного соседа — датской короны. Заключение Рипенского договора означало введение северных владений герцогства (территория Шлезвига) в ленную зависимость от Дании, что узаконивало статус самих герцогов как сателлитов скандинавского королевства. Вопрос конфессионализации здесь решался однозначно в пользу лютеранства под влиянием Реформации, утвердившейся в самой Дании. Во второй половине века голиштинские герцоги все больше связывали себя с интересами датской короны. Согласно очередному разделу 1580 г., владения Дома были расщеплены на собственно герцогскую половину (юг с центром в Киле) и королевскую (северную, Шлезвиг), тесно интегрированную в структуры датской монархии. Расширялась династическая экспансия Дании: с воцарением *Христиана IV* (1598–1648) под властью престола на правах администратур наследных принцев оказались епископства Бремен и Любек. Датский фактор, черпавший свою силу из ленного подданства Империи, становился все более очевидным в начале XVII в. и обещавшим немало проблем имперскому престолу в грядущих бурях Тридцатилетней войны.

Бросая общий взгляд на карту имперских династических ландшафтов, можно использовать методологическую схему немецкого историка *Петера Морава*. Территории Империи, по его мнению, группировались в две зоны: *имперскоблизкие* (т. е. расположенные вблизи наследственных земель правящего Дома Габсбургов), в которых влияние императора было весьма значимым и которые образовывали своего рода территориальное ядро Империи, и *имперско-дальние*, удаленные от центральных областей и менее под-

верженные влиянию короны, стоявшие под воздействием не столько центростремительных, сколько периферийных сил, зачастую иноземных держав. По мнению П. Морава, политические судьбы Империи во многом зависели от процессов, протекавших именно в имперскоблизкой зоне, от возможностей и способностей тамошних династов блокироваться с престолом, а также от усилий самой короны, направленных на удержание этих земель в сфере своих интересов.

Используя схему П. Морава, мы в состоянии выделить *Баварско-Швабский* и *Саксонско-Франконский* регионы как несомненно имперскоблизкие земли, бывшие таковыми со времен позднего средневековья. Во второй половине XVI в. их значение резко возрастает. Очевидна тенденция к упрощению династического пейзажа в целом в Империи и в указанных регионах в частности. Регионы, бывшие под контролем сейчас ослабевших Домов, постепенно поглощались более сильными соседями. На севере и отчасти в центральных землях лидерами оставались *саксонские Веттины*, хотя они и соседствовали с начавшим крепнуть Домом Гогенцоллернов. На юге и юго-западе бесспорно ведущие позиции заняли *баварские Виттельсбахи*. Подобный расклад в зонах, расположенных по соседству с наследственными землями Габсбургов, означал, что будущее Империи должно было решиться в консорциуме интересов этих трех наряду с Габсбургами Домов. Складывался треугольник *Дрезден — Вена — Мюнхен*, и всякое колебание конфессионально-политического характера в любой из его вершин не могло не отразиться на всей Империи. Можно утверждать, что конфессиональная эпоха завершила многовековой процесс олигархизации Империи.

в) *Стиль правления и формы повседневной жизни княжеской элиты. Культура резиденций.* Конфессиональная эпоха решительно усилила роль князей в судьбах Империи и отдельных конфессий. Требовалось новое осмысление задач светских государей, поставленных в условия религиозного раскола, осмысление, впрочем, не прерывавшее предшествующую традицию.

Следствием стало появление большого количества всевозможных наставлений в воспитании и правлении государя, изложенных в форме «*княжеских* зеркал». Католическая традиция здесь эволюционировала от «Воспитания христианского князя» Эразма Роттердамского, написанного в 1517 г. в духе позднего гуманизма. Наиболее яркими памятниками позднейшего времени стали трактат придворного духовника в Вене иезуита *Вильгельма Ламормэна* «*О добродетелях императора Фердинанда*», посвященный памяти императора Фердинанда II (1637), и «*Отеческое наставление*» курфюрста Баварии Максимилиана I, адресованное его сыну Фердинанду Марии (1639), написанное, скорей всего, в редакции мюнхенского иезуита Иоганна Ферво. Лютеранская точка зрения на властителя берет начало от произведений самого Лютера (трактат «О светской власти», 1523), но находит свое первое развернутое выражение в «*Завещании*» саксонского советника *Мельхиора фон Оссы* (написано в 1557 г., издано в 1607 г.), посвященном курфюрсту Августу I.

По мнению *Райнера Мюллера*, в указанном жанре произведений сказываются новые черты в сравнении с поздним средневековьем: адресатом наставлений выступает непосредственно сам государь, в центре внимания оказываются его персональные обязанности, речь более не идет в духе общих рассуждений о предначертании абстрактного «царства» или «империи», о месте властителя в божественном плане спасения.

С точки зрения основополагающих принципов правления Р. А. Мюллер классифицировал лютеранские и католические зеркала в два типа: созвучные концепции Аристотеля и следовавшие в большей мере учению Фомы Аквината.

К первой категории относились наставления, во главу угла ставившие обязанности перед ближними, семьей и подданными. Ко второй группе — зеркала, вещавшие о первоочередном служении церкви. Последний тип был, естественно, более свойственен католической точке зрения, для которой церковь по-прежнему являла свое суверенное и сакральное начало. Однако зачастую различия были весьма относительны.

В основе как католического, так и протестантского взгляда лежало представление о персональном *благочестии*, «страхе Божиим» как залоге душевного благополучия государя, неизбежно отражавшегося на его управлении подданными. Для католиков здесь не было ничего нового: государь считался членом церкви и оттого изначально обязанным соответствовать духовным требованиям. Тридентский католицизм безусловно усиливал акцент на персональной ответственности перед Богом. Лютеранство, видевшее в государе брэнного наместника Всевышнего и относившееся к его обязанностям как к должности (*Amt*), с не меньшей последовательностью взывало к глубокому восприятию веры. Порядок в стране может поддерживаться надлежащим образом лишь при правильном отправлении правителем своих обязанностей, что невозможно без поддержания внутренней веры.

За требованиями благочестия следовал наказ уважения и почитания церкви, имевший значение для католических князей в смысле соблюдения обязанностей перед церковью как институтом, а для протестантских властителей имевший адекватное отражение в требовании надзора за благочестием подданных. *Пастырские полномочия* государя ставились во главу угла в зеркалах лютеранских и реформатских князей.

Следствием «правильного» исповедания и ревности на поприще церковного служения выступала забота о благе *подданных* вне зависимости от сословных перегородок. Причем значение этого понятия восходило к старой аристотелевской концепции «общего блага», воспринятой в учении св. Фомы. Под ним подразумевали удовлетворение интересов подданных (разумеется, в сословно-корпоративном понимании) на почве соблюдения традиционных прав без «новации». Князь лишь хранит интересы подданных, не меняя их содержания, вообще не создавая новых ориентиров. Властные prerogatives государя ограничены его «прирожденным» правом на власть, но в рамках традиции. Нарушая ее, князь превращается в «тирана», в «модификатора», что влечет разрушение христианского правления. Католические взгляды здесь были отмечены, быть может, пе-

Култ Девы Марии занимал особое место в благочестии католических государей. Покрова Богородицы распростерты над Баварией и ее династией. Семейный портрет Альбрехта V кисти Ганса Милиха. 1572 г. Центральная часть алтаря церкви Св. Марии в Ингольштадте

частью большего стремления к сохранению *иерархии* ценностей — от благочестия личного к соблюдению блага подданных. Лютеранская же концепция, ориентированная на непосредственный ветхозаветный образец, видела в князе патриарха, «отца страны» (*Landesvater*). Забота о поддержании веры органично связывалась с поддержанием мира и порядка в «общем Доме», где княжеская семья была неотделима от мира подданных государя. Подобно царям Израилевым, правившим богоизбранным народом, князь-отец выступал кормильцем и патроном всех своих подданных. Как показывают исследования П. Мюнха, патерналистские библейские мотивы хотя и не были порождением только лишь реформационной эпохи, но решительно подчеркивались с середины XVI в., не столько поднимая князя над подданными, сколько соединяя подданных вокруг самого властителя.

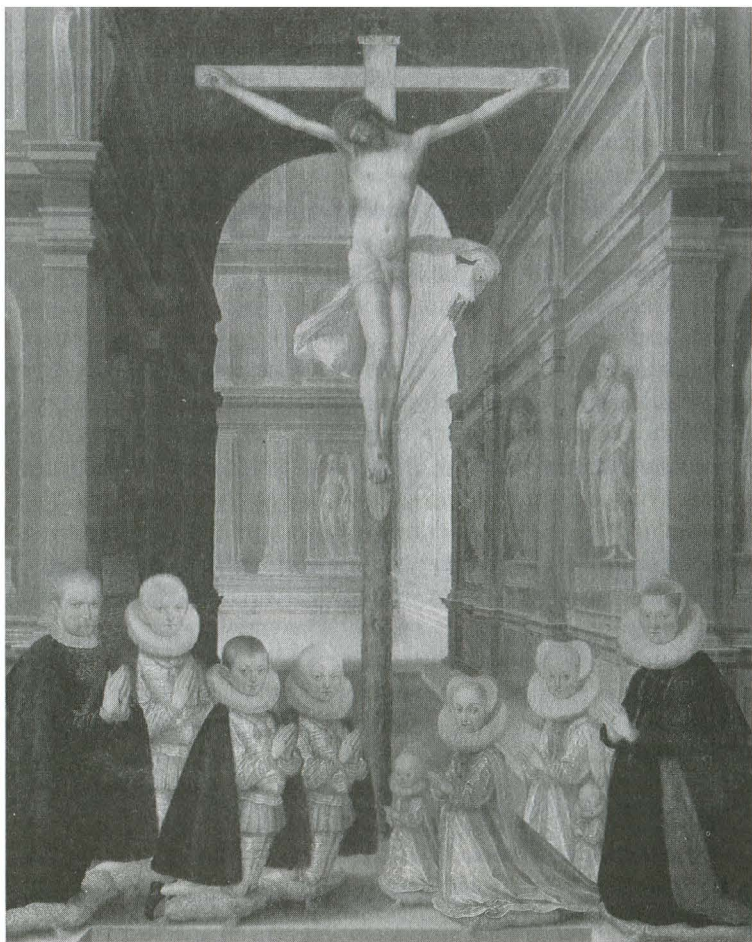
И для католической, и для протестантской традиции были равно чужды идеи «аморальной» политики, основанной на нехристианских ценностях и преследовавшей лишь «государственную выгоду». Следствием стало, как показывают исследования Р. Бёрли, отторжение идей Маккиавелли, дидактичный «*антимаккиавеллизм*», отраженный в придворной публицистике на рубеже веков. В целом же, несмотря на явную тенденцию к антропоцентризму, превращавшую князя в главный объект дидактики, сама концепция правления хранила тесную взаимосвязь духовного и земного, светского и церковного, выступала все еще мало подверженной секулярным импульсам единой величинной. Если во второй половине XVI в. княжеские зеркала были до предела насыщены назидательными, дидактическими мотивами, в которых отражалась тревога за судьбы веры, зависимые от волеизъявления князей, то в XVII в. мы видим подчеркнутый триумфальный тенор. Идеальный государь на троне воспринимался воплощенной добродетелью.

Обостренное желание видеть в государе верного защитника веры, соответствующего высоким требованиям эпохи, выдвигало повышенные требования к «правильному» *воспитанию* будущего властителя. Здесь трудно уви-

деть принципиальные отличия между католической и лютеранской моделью. По-прежнему огромным было влияние династических традиций, домашней атмосферы и домашнего наставничества, где дуэт материнского благочестия и дворянских добродетелей отца играл решающую роль.

Но главная роль в процессе образования, как и ранее, отводилась *схоластическому ригоризму*, прежде всего в сфере духовных дисциплин. Князь лишь тогда станет достойным властителем, когда устрашится Всевышнего. Он прежде всего сам должен быть нестигаем в вопросах своего вероисповедания. Отсюда — высокие требования к духовной жизни педагогов и мотив устрашенности в духовных упражнениях. Католики усиливали надлежащий эффект требованиями аскезы, молитвы и поклонений реликвиям. Большое значение имел и принцип наглядной педагогики, применяемый иезуитами. В этом смысле католический мир был в более выгодных позициях, нежели протестанты. Региональные и местные святыни играли роль притягательных магнитов, важных средств поддержания веры. В конце концов, как средство эстетического удовольствия они обладали гораздо большей силой, нежели материальная память о Лютере и его сподвижниках в Виттенберге. Из главных центров паломничеств отметим Рим и храм девы Марии в Лоретто. Лореттанский образ стал местом наиболее массового поклонения немецкой католической знати. Распространяется обычай приношения присяги на верность Пресвятой Деве как Главной Патроне («Генералиссима») с текстовыми клятвами. Из внутри-германских святынь следует выделить Мариенцеллу в Тироле и Альтоттинг в Баварии, бывший знаменитым уже в средние века. Там в каролингской капелле находился чудотворный образ девы Марии — «черная мадонна», как считали, написанный апостолом Лукой. Рядом в золотых урнах покоились сердца баварских Виттельсбахов, что весьма наглядно демонстрировало идею неразрывной связи династической благодати с защитой и покровительством веры.

Обычным наряду с домашним воспитанием во второй половине века становится посещение ведущих немецких и

Христоцентризм и патернализм занимали важное место в протестантской концепции власти. Семейный портрет курфюрста Саксонии Христиана I кисти Захария Веме. После 1595 г. Галерея Старых Мастеров. Дрезден

европейских университетов. Для католической знати излюбленным храмом науки был *Ингольштадтский университет* в Баварии, руководимый иезуитами, для юных отпрысков протестантских княжеских Домов — университеты Йены, Виттенберга, Альтдорфа, а также Лейденский университет в Нидерландах. За счет университетских наук стремились повысить профессиональный уровень подготовки.

Наконец, на рубеже XVI–XVII вв. возникает и феномен *ознакомительных поездок* за рубеж, зачастую, впрочем, не связанных только лишь с желанием приобщиться к университетской науке: большую роль в этих «турах» играло желание продемонстрировать собственный высокий статус, завести персональные знакомства с местной знатью, что создавало своеобразный эффект интернациональной солидарности элиты. Если для католических князей подобные поездки, особенно в средиземноморские страны, выглядели вполне конфессионально ориентированными, то первые «туры» в аналогичном направлении, предпринятые протестантскими властителями (герцогами Фридрихом I Вюртембергским, Иоганном Георгом Саксонским, ландграфом Людвигом Гессен-Дармштадтским), указывали на проницаемость двух конфессиональных миров, на силу корпоративной солидарности, ограничивавшей последствия религиозного противостояния.

Мир евангелических и кальвинистских князей был более скромным с точки зрения внешней манифестации. Религиозное благочестие обнаруживало тут, однако, иные возможности. Ими стало поощрение и забота о *школах* и *университетах*, которые во множестве стали открываться в протестантских землях в конце XVI в. Образцовыми для подражания были три школы, учрежденные курфюрстами Саксонии после секуляризации церковного имущества: св. Афры в Майссене, в Гримме и в Пфорте. Не отставали от Веттинов и вюртембергские герцоги и гессенские ландграфы, как Кассельской, так и Дармштадтской линии. Марбургский университет, основанный Филиппом Великодушным, был главным ориентиром. Но настоящий ренессанс школы переживали в кальвинистских землях — в Пфальце

и нассауских владениях, где роль главного источника научно-педагогической мысли играл Херборнский университет. Идея правильного приобщения массы населения к Писанию выступала, как правило, руководящим мотивом в подобной просветительской деятельности князей.

По-видимому, к числу существенных особенностей, предопределявших стиль правления протестантских князей, отличный от католических, нужно отнести ярко выраженное следование *патриархальной* традиции. Князь-лютеранин был обязан заботиться о всех своих подданных как об одной семье. Он рисовался своеобразным старшиной общества подданных, в обязанность которого входило поддержание прав каждого в отдельности и земского мира вообще. Следствием этого выступало и удельное право, часто практиковавшееся в землях протестантских князей. Династические разделы, например, в эрнестинских землях Тюрингии, следовали из непосредственных этических соображений тамошних герцогов. Забота об образовании, учреждение новых школ и университетов также лежали в русле лютеранских этических представлений. Ближайшие к князю институты, как, например, двор, виделись частями семейного пространства, были насыщены патриархальной аурой.

Католические государи в большей мере отстаивали принципы *иерархичного старшинства*. Этим возможно объяснить и более ускоренную в сравнении с протестантскими землями реорганизацию системы управления в католических княжествах. Максимилиан Баварский, энергично приступившей к наведению порядка в финансовом ведомстве, в окружном управлении и в вооруженных силах, в первые годы своего правления направлялся помимо прочего, бесспорно, и своим видением долга католического князя. Все это позволяет некоторым историкам (А. Крауз) связывать именно с католическими государами появление первых правителей «раннеабсолютистского» типа. В династической практике *майорат* играл для католиков большее значение, чем для протестантов. Протестантские власти, напротив, склонны были (правда, с исключениями) следовать традиционным правовым нормам.

В повседневной жизни и в культуре резиденций мы видим большую преемственность традиции, в целом роднившую католическую элиту с протестантской.

Архитектурные формы резиденций редко где претерпевали разительную эволюцию в сравнении с предшествующими столетиями. Во многом масштабы перестроек зависели от финансовых средств хозяев, во многом — от личных вкусов, но в целом «столичный» архитектурный пейзаж все еще пребывал под мощным воздействием старых средневековых традиций. К числу заметно изменивших свой облик «княжеских гнезд» следует отнести *Гейдельбергский замок*, украсившийся новым комплексом парадных зданий при курфюрстах Отто Генрихе и Фридрихе IV, рядом с которым чуть позже на террасах был разбит великолепный парк («Hortus palatinus»). Выделялся также *Нойбург* на Дунае, ставший символом новой ветви Виттельсбахов, *Ашаффенбург* во Франконии, перестроенный при архиепископе Альбрехте Бранденбургском, раннебарочная резиденция в *Зальцбурге*, созданная усилиями Вольфа Дитриха фон Райтенау. В центральнонемецких землях роль законодателей архитектурной моды и «гегемонов» в строительстве резиденций, по словам *Маттиаса Мюллера*, играли Веттины. Еще с конца XV в. с сооружения нового замка в Майссене берет начало целая череда новых архитектурных ансамблей. Стараниями зодчего Ганса Кребса в 1533–1544 был воздвигнута резиденция в Торгау, с 1549 г. шло строительство новых апартаментов в Дрездене, наконец, в правление Августа I во второй половине века было построено и перестроено свыше 20 провинциальных замков. Эстафету подхватил наследник Августа Христиан I, при котором Дрезден обогатился великолепными сооружениями, в том числе комплексом княжеских конюшен, сооруженных по проектам архитектора Ганса Ирмиша, а вокруг города стал формироваться садово-парковый ансамбль, принадлежавшей курфюршеской семье.

В середине реформационного века появляются обновленные резиденции и в северных княжествах: в Берлине, где перестройка замка шла с 1538 г., у мекленбургских герцогов в Гюстрове (1558 г.), во владениях ангальтских кня-

зей бернбургской ветви (1567 г.) и у нижнесаксонских Вельфов.

Впрочем, лишь немногие из общего множества были построены как новые резиденции: подавляющее большинство являло более или менее обновленные и перестроенные на старой основе комплексы.

Для большинства характерным было сохранение старой средневековой кубической основы с наброшенным на нее покрывалом *ренессанса* и *раннего барокко*: башни венчались луковичными или шатровыми киверами, четче прописывавалось деление на этажи, зримей проступали элементы настенного орнамента, скульптурно более богатыми выглядели порталы. Внутренние помещения, по меньшей мере парадные, раздвигали свое пространство и наполнялись светом. В некоторых случаях, как, например, в Гейдельберге или Нойбурге, видны даже элементы концептуального конфессионализма, смешанного с идеей богоизбранности Дома. Настенные граффити, фрески и скульптурное убранство более или менее последовательно возглашали принцип преданности вере, благодати правящего Дома и властителя. Большинство заимствований следовало из Италии, отчасти — из Нидерландов и Франции, причем, если позволяли средства — благодаря непосредственному участию иноземных итальянских или нидерландских мастеров.

В то же время сохранялись явные черты традиционного, патриархального уклада: личные апартаменты, как правило, были удалены от парадных помещений, а покои женской половины строго изолированы от остальных, что неоднократно возглашалось в надворных уложениях. Типичной традицией, как показывают исследования *Стефана Хоппе*, было наличие печного отопления в главных жилых помещениях (Stube) и отсутствие его в опочевальнях (Schlafkammer), а сами спальные помещения в отличие от французской традиции все еще хранили глубоко интимный характер, были недоступны для гостей и придворных чинов. Непременной частью всего комплекса оставалась княжеская капелла. В лютеранских резиденциях ее планировка и убранство восходила к типу капеллы в Торгау, постро-

Архитектура княжеских резиденций XVI в. еще хранила средневековую кубическую основу с «наброшенными» на нее элементами ренессанса. Классический пример: резиденция Майнцкого архиепископа Ашаффенбург

Дрезденский замок саксонских Веттинов.
Перестроен в стиле ренессанса в середине XVI в.

Веймар. Резиденция эрнестинских герцогов
с доминантой средневекового донжона

енной в 1542 г. и освященной самим Лютером. Имевшая в плане квадрат или вытянутый прямоугольник, капелла, как правило, располагала кафедрой на южной стороне, органом на западной и алтарными хорами с купелью. Таким образом унаследовалась не только средневековая традиция четкого деления на главный храмовый неф и алтарную часть, но и подчеркивалось литургическое значение главных таинств лютеранской традиции: причастия и крещения, пространственно изолированных от остальной части. Под влиянием реформационной доктрины менялась и сама алтарная композиция: нижний ярус, собственно пределлу, занимали сцены Тайной Вечери, центральная часть являла образ Распятого, а вверху помещалось изображение воскресшего или возносящегося Христа, часто в образе Спасителя (*salvator mundi*). Тем самым резко акцентировалась новозаветная традиция с исключительной силой христоцентризмом, с лаконично и емко преподанной «историей мира и обретения веры». Исключениями из общего правила выступали лишь земли Вюртемберга и эрнестинской Тюрингии, где алтарные изображения были упразднены ещё в ходе реформационной борьбы и в середине XVI в.

Кардинальные перемены начнут ощущаться лишь со второй половины XVII в. под воздействием французской дворцовой и садово-парковой традиции. Пока же большинство имперских князей средней и мелкой руки все еще предпочитали отсиживаться лишь в слегка измененных вкусом времени «отцовских» и «дедовских гнездах».

Увлеченность публичными мероприятиями, охотой, застольем, общением с собственным придворным штатом выступала неотъемлемой частью старой *патриархальной культуры*, долженствовавшей показать единство князя и его подданных, собственное благополучие. Княжеская семья и двор все еще воспринимались нерасторжимым целым, единым пространством «общего Дома». Поздне-средневековый уклад жизни оставался почти неизменным вплоть до второй половины XVII в. Влияние ведущих моделей придворной организации Европы — испано-бургундской, итальянской и французской — едва ли заметно ощущалось в покоях большинства княжеских резиден-

ций. Лишь двор императора в правление Рудольфа II, а также резиденция мюнхенских Виттельсбахов испытали относительно сильное испанское воздействие.

Некоторые перемены происходили разве что в формах манифестации. Придворные торжества выступали характерной формой манифестации, соответствовали, как правило, циклу годовых династических и церковных праздников, приурочивались к дням рождения, крестинам, бракосочетаниям, а также в виде «траурных торжеств» (*«rompa funebris»*) — к погребению членов правящей семьи, родственников и чинов придворных штатов. В структуре самого церемониала, как такового еще не оформившегося и не воспринимавшегося, заметными становились с одной стороны — отличия, вызванные конфессиональной принадлежностью, с другой — сословная солидарность, тяготевавшая к унификации ритуала. Так, например, процедура бракосочетания в католических землях по-прежнему предполагала ведущую сакральную роль духовенства, что составляло венчание в церкви кульминацией собственно свадьбы, в то время как в протестантской традиции, лишенной сакрального участия клира, главный акцент делался на помолвке и символическом свершении брака в виде древнего обряда «укладывания» (*«Beylager»*), когда молодожен на несколько минут усаживали на символическое брачное ложе, давали наставления со стороны родственников и друзей и вручали подарки.

Погребальная обрядность при католических дворах испытывала влияние имперской модели, со всей пышностью заявленной в 1559 г. по случаю кончины Карла V. Кроме того, здесь вновь сохранялось ведущая роль духовенства. Характерным для католической, прежде всего габсбургской традиции, стал со временем все более выраженный акцент на помпезной траурной архитектуре, сооружавшейся в главных храмах наследственных земель на поминальный срок и возглашавшей бессмертную славу почившего монарха, и меньший — на саму погребальную процессию, все более редуцированную к середине XVII в. Протестантские резиденции вынуждены были ориентироваться на более скромные параметры, соответствовавшие духу рефор-

мационной доктрины, однако, с конца XVI в. и там стремились усилить сословно-репрезентативный аспект. В отличие от католической версии достигалось это за счет равномерной акцентации трех главных звеньев: появления цельнолитых или сборных оловянных саркофагов, обильно покрытых инскрипциями и династической символикой, увеличения самой погребальной процессии за счет участия в ней сословий наследственных земель, и сооружения траурного убранства в храме-усыпальницы, получившего наименование в протестантских землях «печальной залы» («castrum doloris») и постепенно сближавшегося в основных элементах с католическими вариациями.

Несколько менялись традиционные формы увеселений: они отчасти утрачивали публичный характер, перемещаясь с городских площадей в замковый двор или во внутренние апартаменты. Участниками их становились члены княжеской семьи, дальние и близкие родственники, почетные гости и сам двор, что создавало ясно видимый династический характер самих торжеств. Получили распространение т. н. «*инвенции*» либо в виде аллегорических *турниров*, как правило, джостр, участники которых изображали античных или библейских героев, либо в образе торжественных выездов княжеской семьи и двора, когда занятые в них лица, включая самого государя, инсценировали в статичных позах мифологические сюжеты и античные божеества. К числу давних и неизменных, в свою очередь, относились *охотничьи забавы*: эпоха Ренессанса лишь сильнее, чем прежде истолковывала победу над животным миром признаком удачи, благоволения Фортуны и небес и вместе с тем харизматичной состоятельности самого охотника. Появляются изготовленные на заказ целые охотничьи гарнитуры, художественное оформление которых во множестве вариаций отражало мотив Фортуны и торжествующего охотника. Обмен охотничьими трофеями и их экспозиция оставались поведенческой нормой немецкой знати. Вплоть до конца XVII в. в ходу была т. н. «старонемецкая загонная» охота, требовавшая большой подготовительной работы и участия внушительного числа доезжичих, егерей, гончих. Крупные охотничьи выезды собирали, как прави-

ло, не только пышную свиту, но и знатную родню, соседей из числа имперских династов, превращаясь в своего рода «мобильный» форум сословной элиты. Популярными оставались и забавы с уже пойманными животными на городских площадях, в замковых дворах и даже во внутренних покоях резиденций.

Шаг навстречу друг другу в конфессиональную эпоху сделали сцена и музыка. Постепенно рождался, занимавший отдельное помещение, собственно *придворный театр* со сценой и зрительской ложей. Ощутимей становился элемент пространственной иллюзии: появились кулисы, отделявшие сцену с трех сторон от зрителей (впервые — при дворе архиепископа Кёльнского в 1581 г.). Позднее стали употреблять и внутренние занавесы, создававшие эффект глубины. Одним из первых собственно придворных театров стал устроенный в 1604–1605 гг. в Касселе усилиями ландграфа Морица «Оттониум». Для католических дворов перемены в целом были более характерны, нежели для протестантских резиденций. Репертуар, однако, был в общем одинаков для обеих конфессиональных половин. Все большую популярность завоевывали сюжеты из античной истории с ее героическими мотивами. Ставились и спектакли, воскрешавшие раннюю историю христианства и крестового подвижничества, к чему особую склонность питали католические дворы, пользовавшиеся литературными работками главного шедевра итальянского католического ренессанса: поэмой *Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим»*. Наблюдается и все большее влияние иезуитов: к началу XVII в. появляется феномен *иезуитской драмы*, сочетавший не только богатую сюжетную палитру, но и новейшие достижения сценического искусства. Лютеранские и реформатские властители, по-видимому, были более склонны обыгрывать назидательные моменты из области библейской истории, хотя различия порой были весьма относительны.

Поучительность, своеобразный сценический дидактизм, подчеркнутая героизация образов, выпячивавшая роль хозяина резиденции, несомненно, содействовали культу властителя — патрона церкви и хранителя веры, хотя и не со-

здавали принципиально нового видения государя. Актерами — помимо собственно придворных и членов княжеской семьи — выступали в основном заезжие комедианты: итальянцы и англичане, реже — французы. Среди немецких государей мы видим не только поклонников сцены, но и авторов крупных драматических произведений, весьма содействовавших прогрессу театрального искусства. К их числу несомненно следует отнести герцога Брауншвейг-Вольфенбюттельского Генриха Юлия (1589–1613), любившего перо и под влиянием английской драмы с ее необычайной склонностью к реализму и эффектным кровавым сценам написавшего несколько пьес. Среди прочих выделялись его притча «Об одном развращенном сыне, учинившим бесчеловечные и неслыханные смертоубийства...» (1594), а также комедия «Винцент Ладислав» (1594), в которой назидательно излагалась печальная судьба балагура и насмешника, осмелившегося поносить добропорядочные христианские обычаи. Суровый дидактизм в весьма грубоватых формах и глубокая преданность патриархальному евангельскому укладу ярко сквозили со страниц этих произведений.

Музыка при княжеских дворах переживала своеобразный ренессанс, превращаясь из элемента повседневности (застольное или праздничное исполнение) в форму публичной манифестации (озвучивание театральных постановок и хорового пения). Она пребывала на стадии перехода от полифонии к созданию крупных жанровых произведений. Конфессио-нализация резко содействовала переменам. Создавались целые циклы законченных религиозных произведений. Ярчайшим представителем музыкального творчества второй половины XVI в. стал нидерландец *Орландо ди Лассо* (ок. 1532–1594), долгое время работавший капельмейстером при дворе герцога Альбрехта V Баварского и написавший около 2000 разнообразных музыкальных произведений.

Важнейшим этапом стало соединение музыки и театра при княжеских дворах в первой половине XVII в. До той поры формально различные виды искусства сливаются в единый поток, что привело к рождению *оперы и балета*.

В 1627 г. в Торгау в присутствии курфюрста Саксонии и ландграфа Гессен-Дармштадтского была исполнена первая в Германии оперная постановка «Дафна». Ее автором, как и творцом огромного множества блистательных музыкальных шедевров, стал капельмейстер дрезденского курфюрста *Генрих Шютц* (1585–1672) — крупнейший композитор конфессиональной эпохи, своим творчеством наметивший путь последующим поколениям деятелей немецкой музыкальной культуры.

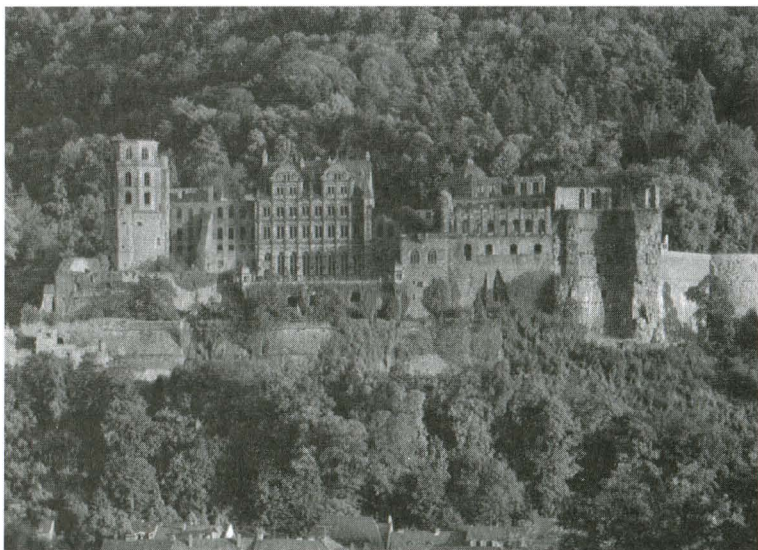
Шютц (латиноязычный вариант — *Sagittarius*) родился в местечке Кёстриц в Тюрингии в землях курфюршества Саксонии. Его отец, глава многочисленной семьи, получил место городского советника и стал владельцем постоянного двора в Вайссенфельсе, где музыкальные дарования юного Шютца были замечены в 1598 г. посетившим город ландграфом Морицем Гессенским. Ландграф предложил молодому человеку учебу в Касселе, и в 1599 г. сделал тому назначение в собственную капеллу под началом капельмейстера Георга Отто. Позже при поддержке ландграфа Шютц совершил большое путешествие в Италию, где главным образом в Венеции совершенствовался композиторскому мастерству у тамошних знаменитостей, в том числе у Джованни Габриэлли. Вернувшись ко двору Морица, Шютц совмещал музыкальные студии с изучением юриспруденции в Марбурге и, в конце концов, был затребован своим патроном молодым курфюрстом Саксонии Иоганном Георгом I, много наслышанный о способностях своего подданного. С 1617 г. Шютц возглавлял дрезденскую придворную капеллу и в течение 20-х гг. сделал свое имя знаменитым: он создает первые крупные музыкальные композиции, среди них первую на немецкой почве оперную постановку «Дафна» на либретто силезца Мартина Опитца, сыгранную в 1627 г. Тяготы войны, с 1631 г. охватившей Саксонию, резко препятствуют его творчеству на родине, заставляют бомбардировать патрона многочисленными ходатайствами и хлопотать об отпуске в родственную и дружественную Веттинам Данию, куда, в конце концов, он направляется трижды, оставаясь подолгу, в последний раз — до 1644 г., т. е. фактически до выхода Саксонии из войны. Из числа крупных композиций этих лет выделяются траурные «экзеквии», в сущности первые в истории немецкой музыкальной культуры, написанные в память одного из патронов Генрих фон Ройсс, а также циклы традиционных для лютеранской музыкальной культуры пассионов. Послевоенные годы Шютц проводит в делах по реорганизации дрезденской капеллы и обустройству учеников. Он пережил своего курфюрста на 16 лет и скончался в 1672 г. Надворный проповедник Мартин Гайер посвятил ему надгробную проповедь, в своей биографической части — важнейший источник вместе с авторским мемуаром 1651 г., реконструирующий основные вехи жизненного пути. Значение Шютца — в рецепции на немецкой почве первых и лучших

достижений итальянской раннебарочной музыки, что отражало силу воздействия католического полюса Европы на ее протестантскую половину при сохранении у Шютца строго лютеранского воззрения и на творческие задачи и на художественную палитру. В социальном аспекте его деятельность способствовала укреплению позиций при дрезденском дворе итальянской колонии и содействовала прокатолическим художественным ориентирам дрезденских Веттинов. *Heinrich Schütz. Gesammelte Briefe und Schriften* / Hrsg. von E. H. Müller. Regensburg, 1931; *Moser H. J. Heinrich Schütz. Sein Leben und Werck*. Kassel, 1936.

Балет окончательно завоевал придворную сцену несколько позже, отчасти — под влиянием французского Версаля. И для католических, и для протестантских капелл общей школой в становлении музыкального творчества оставалась Италия. Из тамошних музыкантов формировались чаще всего и сами княжеские капеллы.

К числу общих направлений культурной жизни княжеских резиденций того времени следует отнести заметную тягу к *собирачеству*. В виде так называемых «шкафов раритетов», позднее — «*кунсткамер*» и «*кунсткабинетов*» выступали первые коллекционные собрания предметов старины и искусства. Католическая традиция здесь обнаруживала более подготовленную почву, имея предпосылкой собирание реликвий, часто практиковавшееся в позднее средневековье. В эпоху Ренессанса религиозный аспект комбинируется с мистическим, собирательство приравнивается к акту божественного творения и становится ипостасью мудрости — *sapientia*: собранные редкости отражают достоинства наследных земель и своей совокупностью выставляют обладателя знатоком космоса. Во второй половине XVI в. складывается крупное собрание редкостей в мюнхенской резиденции Виттельсбахов, где стараниями Альбрехта V был открыт знаменитый «*Антиквариум*» — в сущности первый публичный музей Германии. Ещё значительней оказалась коллекция эрцгерцога Фердинанда II Тирольского в *Амбрасе*, доставшаяся после его кончины в 1595 г. большей частью племяннику Рудольфу II и перевезенная в Прагу. Протестантская традиция на свой лад трактовала функции кунсткамеры прежде всего как отражение добродетелей государя — патриар-

ха, в согласии с ветхозаветными образами своим прилежанием созидавшего благо собственных подданных. Характерным примером стала *дрезденская кунсткамера*, учрежденная Августом I — центром экспозиции здесь становилась личная токарня курфюрста и его многочисленные рабочие инструменты, символизовавшие каждодневный труд главного патрона евангелической Церкви Империи.

Панорама гейдельбергского замка, главной резиденции пфальцских Виттельсбахов в конфессиональную эпоху. В 1689 г. замок был разрушен французами генерала Мелака

Примерно схожая ситуация рисовалась с увлеченностью книжной мудростью. При некоторых княжеских дворах (Мюнхен, Гейдельберг, Дрезден, Кассель, Дармштадт, Вольфенбюттель) возникают крупные *библиотеки*, книги все чаще приобретают по специальным заказам на ярмарках и за границей. Однако для большинства немецких территориальных государей книга выступала скорее данью моде, инструментом повышения собственной репутации, нежели искренним предметом увлечения. Кроме немногих представителей (графы Нассау, ландграф Мо-

риц Ученый Гессен-Кассельский, князь Христиан Ангальтский, позже — Фридрих Вильгельм Бранденбургский, Август Брауншвейг-Вольфенбюттель) основная масса хранила верность узко религиозной ипостаси литературы. Примером здесь выступали и Максимилиан Баварский, и ландграф Гессен-Дармштадтский Георг II, как говорят, перечитывавший за свою жизнь Библию 46 раз. Знаменитая библиотека герцога Брауншвейгского Августа (*Bibliotheca Augusta Ducalis*), в год смерти своего владельца насчитывавшая около 100 тысяч книг (1666), была редчайшим образцом целенаправленного собирательства. Увлеченность магией, оккультными дисциплинами, астрологией в той или иной форме были общим явлением при католических и протестантских дворах.

Но при всем бесспорно сильном консерватизме, царившем в резиденциях князей, при всех сохранившихся весьма прочных традициях позднего средневековья невозможно не заметить плодотворных сдвигов в интеллектуальной сфере: собирательство, формальная увлеченность литературой и науками позволяли ученым находить приют под крышами дворцов и замков. В лице домашних педагогов, библиотекарей, ученых-астрологов, университетских профессоров мы встречаем предтеч будущих представителей академий наук и научных специализаций.

ИСТОЧНИКИ

1. Beiträge zur Geschichte Herzog Albrechts V. und des Landsberger Bundes 1556–1598 / Hrsg. von W. Goetz. München, 1898.
2. Briefe des Pfalzgrafen Johann Casimir mit Verwandten Schriftstücken / Hrsg. von F. von Bezold. Bd 1–3. München, 1882–1903.
3. Briefe Fridrich des Frommen, Kurfürsten von der Pfalz, mit verwandten Schriftstücken / Hrsg. von A. Kluckhohn. Bd 1–2. Braunschweig, 1868–1872.
4. Briefe und Akten zur Geschichte des 16. Jahrhunderts mit besonderer Rücksicht auf Bayerns Fürstenhaus / Hrsg. von A. von Druffel, W. Goetz, L. Theobald. München; Leipzig, 1873–1913.
5. Briefwechsel des Herzogs Christoph von Württemberg / Hrsg. von V. Ernst. Bd 1–4. Stuttgart, 1899–1907.
6. Die politischen Testamente der Hohenzollern / Hrsg. von R. Dietrich. Köln; Wien, 1986.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Прокопьев А. Ю.* «Zur letzten Ehre». Погребальная обрядность протестантских дворов Германии раннего нового времени // Университетский историк. Альманах. Вып. 2. СПб., 2003. С. 85–112.
2. *Прокопьев А. Ю.* «Mobiliore, nobiliore!»: путешествие в конфессиональную эпоху // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени / Под ред. Г. Е. Лебедевой. Вып. 4. СПб., 2003. С. 60–82.
3. *Прокопьев А. Ю.* Детская комната — основа государства? // *Albo dies notanda lapillo. Коллеги и ученики — Г. Е. Лебедевой* / Под ред. В. А. Якубского. СПб., 2005. С. 239–240.
4. *Albrecht D.* Maximilian I von Bayern 1573–1651. München, 1998.
5. *Alle Wunder dieser Welt. Die Kostbarsten Kunstwerke aus der Sammlung Erzherzog Ferdinands II (1529–1595)* / Hrsg. von W. Seipel. Wien, 2001.
6. *Bireley R.* The Counter-reformation prince: Antimachiavellianism or catholic statecraft in early modern Europe. Chapel Hill, 1990.
7. *Carsten F. L.* Die Entstehung Preussens. Berlin; Wien, 1981.
8. *Das Haus Wittebach und die europäischen Dynastien.* München, 1980.
9. *Demandt K. E.* Geschichte des Landes Hessen. 2. Aufl. Kassel, 1980.
10. *Dotterweich H.* Der junge Maximilian. Jugend und Erziehung des bayerischen Herzogs und späteren Kurfürsten Maximilian I. 2. Aufl. München, 1980.
11. *Duchhardt H.* Das protestantische Herrscherbild des 17. Jahrhunderts im Reich // *Das Herrscherbild im 17. Jahrhundert* / Hrsg. von K. Reppen. Münster, 1991. S. 26–43.
12. *Endres R.* Die deutsche Führungsschichten um 1600 // *Deutsche Führungsschichten in der Neuzeit. Eine Zwischenbilanz* / Hrsg. von H. H. Hofman, G. Franz. Boppard, 1980. S. 79–109.
13. *Essegern U.* Fürstinnen am kursächsischen Hof. Lebenskonzepte und Lebensläufe zwischen Familie, Hof und Politik in der ersten Hälfte des 17. Jahrhunderts. Leipzig, 2007.
14. *Geschichte Niedersachsens* / Hrsg. von H. Patze. Bd 2. Hildesheim, 1983.
15. *Geschichte Sachsens* / Hrsg. von K. Czok. Weimar, 1989.
16. *Geschichte Schleswig-Holsteins* / Hrsg. von O. Klose. Bd 4–5. Neumünster, 1960.
17. *Geschichte Thüringens* / Hrsg. von H. Patze, W. Schlesinger. Bd 3–5. Köln, 1967.
18. *Gotthard A.* Die Säulen des Reiches. Die Kurfürsten im frühneuzeitlichen Reichsverband. Bd 1–2. Husum, 1999.
19. *Groß R.* Die Wettiner. Stuttgart, 2007.

20. Die Herrscher Bayerns / Hrsg. von A. Schmid, K. Weigand. München, 2006
21. Die Herrscher Sachsens. Markgrafen, Kurfürsten, Könige 1089–1918/ Hrsg. von F. L. Kroll. München, 2007.
22. *Herold H.-J.* Markgraf Joachim Ernst von Brandenburg-Ansbach als Reichsfürst. Göttingen, 1973.
23. *Hintze O.* Die Hohenzollern und ihr Werk. Fünfhundert Jahre vaterländischer Geschichte. Berlin, 1915.
24. *Hoppe S.* Die funktionale und räumliche Struktur des frühen Schlossbaus in Mitteldeutschland, untersucht an Beispielen landesherrlicher Bauten der Zeit zwischen 1479 und 1570. Köln, 1996.
25. Kaiser, König, Kardinal. Deutsche Fürsten 1500–1800 / Hrsg. von R. Straubel, U. Weiss. Leipzig; Jena; Berlin, 1991.
26. *Kraus A.* Das katholische Herrscherbild im Reich dargestellt am Beispiel Kaiser Ferdinands II. und Kurfürst Maximilians I. von Bayern // Das Herrscherbild im 17. Jahrhundert / Hrsg. von K. Repgen. Münster, 1991. N 5. S. 1–26.
27. *Kraus A.* Maximilian I, Bayerns Grosser Kurfürst. München, 1991.
28. *Kraus A.* Geschichte Bayerns. Von den Anfängen bis zum Gegenwart. 2. Aufl. München, 1988.
29. *Kunisch J.* Staatsbildung als Gesetzgebungsproblem. Zum Verfassungscharakter frühneuzeitlicher Sukzessionsordnungen // Gesetzgebung als Faktor der Staatesentwicklung. Berlin, 1984. S. 63–88.
30. Kunst und Repräsentation am Dresdner Hof/ Hrsg. von B. Marx. Stuttgart, 2005
31. *Müller R. A.* Die deutschen Fürstenspiegel des 17. Jahrhunderts. Regierungslehren und politische Pädagogik // HZ, 240, H. 3, 1985. S. 571–597.
32. *Müller M.* Das Schloß als Bild des Fürsten. Herrschaftliche Metaphorik in der Residenzarchitektur des Alten Reichs. Göttingen, 2004.
33. *Press V.* Bayerns wittelsbachische Gegenspieler — Die Heidelberger Kurfürsten 1505–1685 // Um Glauben und Reich. Kurfürst Maximilian I. Beiträge zur Bayerischen Geschichte und Kunst 1573–1651 / Hrsg. von H. Glaser. München; Zürich, 1980. S. 24–39.
34. *Press, KK.* S. 95–110.
35. *Press V.* Soziale Folgen der Reformation in Deutschland // Press, AR. S. 435–480.
36. *Press V.* Der Typ des absolutistischen Fürsten in Süddeutschland // III, § 3, 3. N 12. S. 123–141.
37. Preussens Herrscher. Von den ersten Hohenzollern bis Wilhelm II./ Hrsg. von F. L. Kroll. München, 2006.
38. *Richter J.* Das Erziehungswesen am Hofe der Wettiner Albertinischer Linie (Haupt)-Linie. Berlin, 1913.
39. *Rudersdorf M.* Ludwig IV. Landgraf von Hessen-Marburg (1537–1604) Landesteilung und Luthertum in Hessen. Mainz, 1991.
40. *Rudersdorf M.* Die Generation der lutherischen Landesväter im Reich. Bausteine zu einer Typologie des deutschen Reformationsfürsten // TRZRK, 7, 1997. S. 137–170.

41. Die sächsischen Kurfürsten während des Religionsfriedens 1555 – 1618/ Hrsg. von H. Junghans. Stuttgart, 2007.
42. *Schaab M.* Geschichte der Kurpfalz. Bd 2. (Neuzeit). Stuttgart; Berlin; Köln, 1992.
43. *Schmidt F.* Geschichte der Erziehung der Bayerischen Witteisbacher. Berlin, 1882.
44. *Singer B.* Fürstenspiegel // ThRE, XI. S. 707–711.
45. *Singer B.* Die Fürstenspiegel in Deutschland im Zeitalter des Humanismus und der Reformation. München, 1981.
46. *Van de Water M. H.* Der schöne Tod. Zeremonialstruktur des Wiener Hofes bei Tod und Begräbnis zwischen 1640 und 1740. Wien; Freiburg; Basel, 1989.
47. *Watanabe O' Kelly H.* Court culture in Dresden: From Renaissance to Baroque. New York, 2002.
48. Wir sind Helden. Habsburgische Feste in der Renaissance / Bearb von A. Auer, M. Rauch, V. Sandbichler, K. Seidt. Wien, 2005.
49. *Weber W. E. J.* Dynastiesicherung und Staatsbildung. Die Entfaltung des frühmodernen Fürstenstaats // Der Fürst. Ideen und Wirklichkeiten in der europäischen Geschichte / Hrsg. von W. Weber. Köln; Weimar; Wien, 1998. S. 92–136.
50. Westfälische Geschichte / Hrsg. von W. Kohl. Bd 1. Düsseldorf, 1983.
51. Um Glauben und Reich. Kurfürst Maximilian I. Beiträge zur Bayerischen Geschichte und Kunst 1573–1651 / Hrsg. von H. Glaser. München; Zürich, 1980.

7. Низшее дворянство

Существенным недостатком в изучении низшего дворянства выступает отсутствие до сих пор крупных сравнительных исследований. Все еще подступами к охвату крупных сюжетов можно рассматривать многочисленные сборники, каталоги и биографии, выполненные в духе реконструкции «микроистории» или привязанные к отдельным большим проблемам. Сборник статей, изданный в 1965 г., демонстрирует во многом старые историографические постулаты и не соответствует результатам современных региональных исследований. Работа *Рудольфа Эндреса* в высшей степени осторожно касается только общих проблем социальной истории, причем на очень большом временном промежутке (от позднего средневековья до конца Старой Империи). При этом изданный под его же редакцией в 1990 г. сборник работ лишь отчасти восполняет зональные

пробелы и к тому же в выводах носит достаточно разноречивый характер.

Все это позволило *Фолькеру Прессу* в начале 80-х гг. констатировать совершенную неудовлетворенность состоянием «дворянских исследований», особенно в конфессиональную эпоху. Обобщающие этюды Ф. Пресса стимулировали рост интереса прежде всего к региональным дворянским ландшафтам. Сегодня дворянская тематика уже не является белым пятном в немецкой историографии, но представлена преимущественно региональными наблюдениями.

В целом можно отметить следующие исследовательские тенденции и результаты. Если марксистские историки вплоть до последних лет констатировали лишь общее укрепление позиций дворянства после Реформации и усиление их после Тридцатилетней войны, то Ф. Пресс, разделяя общий тезис о «рефеодализации», подошел к проблеме дифференцированно. По вертикали он четко отделил дворянство, стоявшее в непосредственной зависимости от короны (*Reichsadel*), от земского (*Landesadel*), а по территориальной горизонтали выделил три основных дворянских массива — северный, средненемецкий и южный по характеру социального развития и по степени интеграции в структуры территориально княжеской власти. В аспекте сословной взаимосвязи он попытался выявить проницаемость сословных перегородок и результаты конкуренции с бюргерством. По мнению Ф. Пресса, Реформация и конфессиональная эпоха в целом не разрушили социально-экономический фундамент немецкого дворянства, хотя и стали временем нелегких испытаний. Укрепились позиции имперского рыцарства: именно в конце XVI в. оно окончательно формируется в относительно прочное корпоративное сообщество. Во многом этому способствовала мощная протекция императора и имперских институтов. В отношении отдельных регионов в целом положение земского дворянства было более устойчивым на севере и отчасти в центральной Германии, где оно оказалось уже давно под контролем территориальной власти. Напротив, на юге в зоне мелкоземельного держания под воздействием религиозного

раскола позиции земского дворянства становились все менее крепкими. Конфессионализация в целом, по мысли Ф. Пресса, ухудшила положение протестантского дворянства, лишившегося важнейших источников существования в виде старой дворянской церкви. Католическое дворянство обладало большими возможностями для стабилизации своего положения. Огромную роль в поддержке дворянских родов Ф. Пресс отводил имперской и княжеской протекции, что в институционном плане отразилось на роли двора как важнейшего инструмента в процессе доместикации дворянских фракций. Вместе с тем Ф. Пресс последовательно подчеркивал значение традиционных моделей поведения и форм патронажа, а также ленного права в судьбах немецкого дворянства. Здесь он актуализировал взгляды *Отто Бруннера* на специфику дворянского мировоззрения и образ жизни. О. Бруннер особенно сильно акцентировал роль корпоративно-этических воззрений дворянской среды в деле сохранения сословного лидерства.

Рассматривая дворянство в отношениях с «третьим сословием», Ф. Пресс отметил тенденцию к проницаемости дворянства для бюргерской элиты и, напротив, изоляцию его от высших эшелонов знати. Прыжок в княжеские ряды стал возможен лишь в условиях кризиса и Тридцатилетней войны. С другой стороны, к концу века исчезла угроза для дворян со стороны бюргерства: конкуренция с третьим сословием решилась удачно для традиционной элиты.

Выводы Ф. Пресса без особых изменений и без существенной критики «перекочевали» в обобщающие работы Р. Эндреса, Х. Рабе и др. Вместе с тем они дали мощный импульс региональным исследованиям, по итогам которых мы можем говорить о *баварском, австрийском, бранденбургском и саксонском* дворянстве как наиболее полно исследованных феноменах. В то же время наметились и явные «аутсайдеры», например в лице саксонского дворянства, удостоившегося пристального изучения лишь в последние годы.

В целом социально-экономический и политический угол зрения остается преобладающим. *Карин Макхадли* на примере австрийских протестантских дворянских фракций

подтвердила тезис Ф. Пресса о мощном воздействии имперской протекции и роли двора в процессе укрепления социальных позиций дворян, причем интитуляция и аноблирование выступали главными рычагами реструктуризации. *Петер Михаэль Хан* показал значение двора и патронажа в процессе доместикации дворянства на бранденбургском и нижнесаксонском материале.

Сборники статей 1997 г. и 2003 г., посвященные саксонскому дворянству и средненемецкой знати, констатировали целый ряд особенностей в общественных позициях подданных Веттинов, прежде всего прочную опору в провинции и эффективное комбинирование придворно-административных и провинциальных служб, внутреннюю сословную сплоченность, устойчивое экономическое положение, позволившее преодолеть кризисы конфессиональной эпохи.

Меньше успехов добились историки в систематизации дворянства как социокультурного феномена. *Лэтиция Бём* и *Норберт Конраде* попытались выявить новое в дворянском воспитании и образовании под воздействием религиозных перемен и менявшегося общественного климата. Однако из всех прочих аспектов формирования дворянского *modus vivendi* в центре внимания оказались преимущественно проблемы дворянской школы и заграничных путешествий («кавалерские туры»). Накопленный опыт региональных изысканий позволил здесь приступить к теоретическому осмыслению. Исследования рыцарских академий и дворянских путешествий, проведенные Н. Конрадсом и В. Паравичини, кристаллизовали некоторые рабочие гипотезы, повлиявшие на последующие штудии. Крупной вехой в этой связи стала публикация материалов парижского симпозиума 2000 г., всецело посвященного проблемам дворянских путешествий XV–XVIII вв. в большом сравнительном диапазоне европейских стран и регионов. Историки стремятся показать прежде всего то, как дворянство укрепляло свои общественные позиции, используя новые институты и каналы, предоставленные эпохой. Социально-политические и экономические ориентиры остались доминирующими в этих работах.

Характерным следствием стало долгое и устойчивое невнимание к быту, традиционному мировоззрению и самовосприятию немецкого дворянина конфессиональной эпохи. Исследование О. Бруннера о жизни и творчестве Вольфа Хельмгарда фон Хохберга долгое время оставалось единственно крупным руководящим в плане идей пособием. Небольшие очерки по австрийскому дворянству, в последнее время — по саксонскому и, наконец, краткие пассажи в общих работах по истории общества и культуры не восполнили пробела. Биографические этюды, в том числе и самого Ф. Пресса, в большинстве случаев подчинены лишь социально-политическому анализу избранного персонажа. Между тем исследования *Йорга Гарбера* и *Клауса Беэка*, выполненные еще в 1982 г., позволяют утверждать, что в правовом сознании не только дворянства, но и бюргерства позиции дворян не нуждались в сколько-нибудь серьезной легитимации: при всех коллизиях XVII в. дворянство всегда считалось в глазах общества бесспорно состоятельной в своих притязаниях корпорацией. Однако тезис этих ученых о необходимости глубокого изучения ментальных структур немецкого дворянства до последних лет оставался неслышанным. Пробел кажется тем очевидней, чем шире и глубже обосновывается концепция конфессионализации немецкого общества, разработанная маститыми историками в последние десятилетия. Определение размеров влияния конфессионализации на повседневную жизнь дворянских семей, прежде всего в широкой социокультурной сфере, все еще пребывает в области желаемого. Некоторые перемены наметились лишь в 90-х гг. Влияние религиозных воззрений на хозяйственную деятельность дворян особенно сильно подчеркивается в исследованиях *Мартины Шаттковски*. По ее мнению, лютеранская этика, верность традиционным социальным и религиозным ориентирам содействовала стабилизации поместного ландшафта, правда, не всегда с выгодой для хозяйственного благополучия самих дворян. Изданное автором в 2007 г. исследование о саксонском дворянине Кристофе фон Лос (1574–1620) являет пример характерного плюралистичного подхода в духе «микроистории», когда биография дворянина становится пово-

дом взглянуть на весь срез общественных проблем сословия и эпохи. М. Шаттковски еще раз подчеркнула особенности в экономическом и социальном положении саксонского дворянства на рубеже XVI–XVII вв.

Молодой дворянин. Гравюра Венцеля Холлара

Каков был собирательный портрет немецкого дворянства в конфессиональную эпоху? В XVI в. завершилось формирование его структуры. Последней пристройкой ста-

ла фракция *имперского рыцарства*. Ее образование, наметившееся еще в XV в., было активизировано в первой половине и в середине XVI в. стремлением Габсбургов, особенно в лице Карла V и Фердинанда I, создать массовую клиентелу из числа дворянства южных и центральных земель. Важнейшим толчком к организации рыцарских округов стало налогообложение, введенное для нужд турецкой кампании в первой половине XVI в., заставившее консолидироваться швабских и франконских рыцарей. Первый имперский рыцарский диплом был дарован не ранее 1547 г., а к концу века имперское рыцарство обрело более или менее ясные корпоративные очертания. Рыцарство получило право представлять свои интересы на рейхстаге, и на местах было организовано в округа и окружные кантоны по швейцарскому образцу. К началу XVII в. сложилось два округа: в 1560 г. *швабский* (старейший, состоявший из 5 кантонов), в 1591 г. *франконский* (6 кантонов). Позже, уже после окончания Тридцатилетней войны, оформился *рейнский* округ, состоявший из 3 кантонов. Эльзасское рыцарство долгое время держалось особняком к своим западным соседям и лишь с середины XVII в. под угрозой французского давления стало подумывать над интеграцией в рейнские кантоны. Но еще прежде окончательного утверждения окружного самоуправления эльзасцы вынуждены были признать суверенитет французской короны (1678–1681).

Во главе кантонов (сам термин получит распространение лишь в XVII в., в XVI в. говорили «четверть») стояли выборные органы — т. н. «*малые*» и «*большие комитеты*», заключавшие в себе зачастую добрую треть самих членов кантона. «*Большие комитеты*» готовили основные вопросы, по которым работали более узкие «*малые комитеты*». С течением времени «*большие комитеты*» уступили место «*малым*», работа которых шла на профессионально более высоком уровне. Эти «*малые комитеты*» состояли, как правило, всего из нескольких рыцарей, позже именовавшихся «*директорами*». На межрегиональном уровне главным связующим звеном между округами был «*генеральный съезд*» («*General-Correspondenztag*»), служивший цели обмена информацией. Чаще всего на «*генеральных съездах*» обсуж-

дались проблемы денежных субсидий имперскому престолу. Самостоятельность отдельных округов и кантонов была достаточно большой, что исключало формирование строго централизованного механизма самоуправления.

Организация имперского рыцарства служила прежде всего целям создания твердых социальных гарантий самого рыцарства, что обеспечивалось прямой протекцией императора. В 70-е гг. император стал бесспорным лидером и главой сообществ имперских рыцарей. Конфессионализация весьма специфическим образом отразилась на развитии имперского рыцарства. Оно состояло как из католических, так и из лютеранских семейств. Религиозные различия здесь всегда занимали вторичное место в отличие от главной образующей — от правовой зависимости от императора. Если швабские кантоны были представлены преимущественно католиками, то франконские и рейнские — на добрую половину лютеранами. Имперский вектор в жизни этого сословного организма занимал постоянно ведущее место. Однако если конфессионализация не влияла на функционирование рыцарских институтов, то ее значение сказывалось на самом формировании имперского рыцарства, когда религиозные конфликты между князем и его вассалами стимулировали разрушение старых ленных связей. Яркий пример тому дает судьба Пфальца. После кальвинистского переворота Фридриха III местное лютеранское дворянство отказалось поддерживать религиозные нововведения и поспешило изолироваться в самом северном швабском рыцарском кантоне Крайхгау.

В целом структуры имперского рыцарства оказались в состоянии, по крайней мере на ближайшее столетие, удовлетворить интересы своих членов. В то же время в условиях постоянной напряженности второй половины XVI в. имперское рыцарство стало важнейшим инструментом в деле достижения социальной и политической стабильности в центральных и южнонемецких областях. Опираясь на рыцарство, императоры могли не только рассчитывать на встречную поддержку своих непосредственных ленников, но и эффективно поддерживать мир и покой в Империи.

Реформация и конфессиональная эпоха знаменовали новую фазу адаптации территориального дворянства к менявшемуся социальному климату столетия. Решение многих проблем, весьма остро стоявших перед дворянством накануне Реформации, связанных с поиском новых источников существования, влекло не только разрешение кризисных ситуаций, но и выход, казалось бы, старых вопросов на новый, более сложный уровень. В социальном плане по линии отношений с территориальными государами мы, однако, можем констатировать общую черту, характеризовавшую как католических, так и протестантских подданных князей: во второй половине XVI в. завершились последние крупные конфликты, связанные с «доместикацией» дворянства, вводом его под эгиду княжеской власти. Реформация и эпоха Аугсбургского мира окончательно поставила точку в историческом споре территориальной власти с дворянской автономией. Путь открытой конфронтации, путь «кулачного права» и старых распрей как средства сохранить независимость в противостоянии с крепнувшими князьями стал со всей очевидностью бесперспективным. Движение франконского рыцаря *Вильгельма фон Грумбата* было последним крупным проявлением дворянской воли.

Грумбах родился в 1503 г., происходил из старого франконского дворянского рода, имевшего ленные владения в округе Вюрцбурга. Вассалами вюрцбургских епископов были предки Вильгельма и он сам. Довольно быстро Вильгельм поднялся по ступеням княжеской службы, став гофмаршалом епископа Конрада фон Бибры. Однако после того как в 1544 г. наследником Конрада стал злейший враг Грумбаха Мельхиор Цобель, отношения расстроились и в конце концов переросли в открытый конфликт, имевший поводом старый спор вокруг обладания Грамшатцским лесом, который Грумбах считал своей собственностью. Будучи даровитым организатором, Грумбах пытался связать свои интересы со смутами в самой Империи накануне заключения Аугсбургского мира. Озабоченный поисками союзников, он нашел таковых сперва в лице мятежного маркграфа Альбрехта Алквивада Бранденбург-Кульмбахского, а после его опалы в 1553 г. — в молодом наследнике эрнестинских земель Иоганне Фридрихе II, вероятно, внушив ему мысль о возможном пересмотре итогов династического раздела 1547 г. Кульминации противостояние достигло в 1558 г., когда, правда, не без прямого указа, но с молчаливого одобрения Грумбаха его сообщни-

ки убили епископа Цобеля. Следствием этого стало наложение имперской опалы на мятежного рыцаря (1563). Попытки Грумбаха создать широкий альянс из протестантских князей, включая Пфальц и Саксонию, и имперского рыцарства Франконии и Швабии рухнули из-за явного нежелания рыцарства портить отношения с короной и боязни князей восстановить дворянский произвол по соседству с собственными владениями. Весьма деятельная дипломатия Грумбаха в сопредельных регионах, где главным проводником его интересов был выходец из Оденвальда Альфред фон Розенберг, не принесла ощутимых плодов. Потеряв всякую надежду на поддержку своего дела, Грумбах и Иоганн Фридрих оказались изолированы в Тюрингии и были заперты в стенах Готы, со взятием которой в 1567 г. войсками имперского эзекутора курфюрста Августа I мятеж был окончательно подавлен. Иоганн Фридрих поплатился пожизненным заключением в Вене, Грумбах же был приговорен имперским трибуналом к четвертованию. Прекрасное исследование его выступления именно под углом зрения общей имперской и дворянской проблематики середины XVI в. выполнил Ф. Пресс: *Press, AAR. S. 383–419.*

Дело Грумбаха наглядно продемонстрировало не только отсутствие сколько-нибудь больших возможностей дворянской оппозиции в середине XVI в. оспаривать гегемонию князей, но и прочность имперских структур. Реакция протестантских князей на рыцарский разбой совершенно ясно говорила о солидарности в рядах сословной элиты при защите «земского мира», базовых основ существования самой Империи, заложенных в Аугсбургской системе. Император располагал весьма эффективным механизмом ликвидации подобного рода опасных очагов.

Вне зависимости от конфессиональной ориентации в большинстве территорий Империи местное дворянство предпочитало мирно интегрироваться в систему территориальной власти. Своеобразным следствием стало насыщение административных институтов, системы земского представительства дворянским элементом. Дворянство начинало играть все большую роль в институционном развитии отдельных княжеств. Тенденция к этому ощущалась в целом ряде территорий уже с позднего средневековья, но в конце XVI в. стала еще более заметной. Весьма наглядно она прослеживалась прежде всего в крупных северных, северо-восточных и южных территориях. В землях курфюршества *Бранденбург* после последних дворянских смут эпохи

Иоахима II во второй четверти века дворянство постепенно занимает лидирующие позиции в структурах регионально-го управления, укрепляет их на ландтаге, причем в землях Прусского герцогства добивается свобод, граничивших с вольностями польской шляхты. В 1610 г. курфюрст вынужден был обещать впредь занимать высшие придворные должности лишь представителями самых именитых родов Бранденбурга. Аналогичные процессы проходили во владениях *баварских герцогов*, где после 1563 г. — после поражения сочувствовавшей Реформации дворянской оппозиции — местная знать перенесла центр тяжести своего влияния в региональную администрацию и аппарат герцогского управления. В *австрийских владениях* Габсбургов, только что очищенных от последних следов протестантизма, мы наблюдаем стремительную интеграцию бывших лютеранских дворянских родов в систему территориальной службы. Штубенберги, Шраттенбахи, Траутманнсдорфы выступали здесь самыми зримыми показателями «одворянивания» администрации. Дворянство занимало ключевые позиции и в крупнейших духовных владениях. Соборные капитулы Кёльна и Майнца выступали своеобразными витринами самых влиятельных дворянских семейств.

Вместе с тем процесс конфессионализации накладывал глубокую печать не только на религиозный профиль, но и на быт немецкого дворянства. Будучи в своей основе дворянством сельским, оно было обречено зависеть от аграрного сектора, что неизбежно делало проблему надежного экономического тыла одной из главных даже в век тяжелейших религиозных потрясений. *Поместье* выступало, как и столетия назад, главной хозяйственной базой дворянских родов. М. Шаттковски в своей монографии о Кристофе фон Лос очень хорошо показала важность поместной опоры и механизм хозяйственной деятельности дворянина конца XVI в.: речь идет именно об интенсификации различных сфер экономических и правовых отношений в рамках ленных владений. От его совокупного дохода зависело благополучие часто далеко не только одной семьи: семейные разделы, влекшие дележ имущества, вынуждали кромсать доходы от владений зачастую одной деревни. Мелоч-

ные, порой до педантичной скрупулезности перечислявшие стоимость ломаных стульев и поношенных шляп, дворянские завещания и акты родовых разделов хорошо иллюстрировали жизненно важную необходимость устойчивого поместного подспорья. Львиную долю фамильных архивов образовывали многочисленные судебные акты и договоры вокруг обладания наследственной землей. Богатство в денежной и земельной форме выступало социально значимой чертой.

Между тем *экономическая и демографическая конъюнктура* в конце XVI в. если и не грозила скорыми напастями на немецкое дворянство, то и не обещала слишком радужных перспектив. Дворянство, исчислявшееся, по подсчетам историков, примерно 1,5% от общего населения Германии, было избавлено от физического вымирания: демографический прирост, наметившийся еще с конца XV в., сказывался и на дворянских родах. В большинстве случаев мы имеем дело с многодетными, достаточно плодовитыми семьями, в среднем имевшими по пять детей, доживавших до совершеннолетия. Дворянское собрание существенно пополнялось в отдельных регионах, прежде всего в наследственных землях Габсбургов (Богемия, Австрия) за счет нобилитации, организованной короной.

Однако со второй половины XVI в. стали сказываться симптомы ограниченности аграрного рынка. Сельская экономика, бывшая основой повседневной жизни, достигла максимума своих возможностей. Сталкиваясь с феноменом демографического бума, она не справлялась со спросом, что, по мнению по меньшей мере мальтузианских приверженцев в области экономической истории, стало прологом к кризису XVII в. Владельцы поместий должны были в той или иной мере опасаться за будущее своих доходов. Складывалась достаточно тревожная ситуация, побуждавшая к поиску новых путей обогащения,

В целом к концу века все более четкими становились два типа землевладения немецкого дворянства. Один, формировавшийся на протяжении последних перед Реформацией столетий, характеризовался наличием арендного крестьянского держания с сохранением за господином прав верхов-

ной собственности на землю, части низшей юстиции. Отработочная повинность играла ограниченную роль. Такой тип поместья обычно именуется *сенььорией* (*Grundherrschaft*). Он получил преимущественное распространение в *западных*, отчасти *центральных* землях Империи, в зоне, традиционно отмеченной поместным мелкодержанием. Другой тип формировался главным образом в *восточных*, отчасти *юго-западных* и *северо-восточных* массивах. Отличительными признаками его стало поглощение господской земель крестьянских наделов и образование на этой почве более или менее крупных фольварочных хозяйств. Экономической основой здесь выступала в основном отработочная рента, а в правовом аспекте — аккумуляция в руках у господина всей полноты права высшей и низшей юстиции, включая право на охоту, наследственный чинш и т. д. Подобный тип именуется в литературе *вотчинным землевладением* (*Gutsherrschaft*). Зрелых форм оно достигло в землях, расположенных, условно говоря, к востоку от Эльбы, прежде всего в Бранденбурге, Мекленбурге, Померании и прусском герцогстве, где дворянство перестраивалось под хорошую рыночную конъюнктуру, используя крестьянскую пашню под товарное производство хлеба.

Впрочем, выращивание зерновых культур отнюдь не исчерпывало экономические возможности дворянских владений. Широко практиковалось *скотоводство*, на котором специализировались преимущественно северо-западные территории (Голштиния), часть богемских и австрийских поместий. Здесь также играло большую роль производство мясо-молочной продукции, в первую очередь сыра и масла. Торговля крупным рогатым скотом превратилась в настоящую золотую жилу для северонемецкого дворянства во второй половине века: ежегодно до 50 000 голов транспортировалось из Дании и Голштинии во внутренние области Империи. Огромную роль играло *овцеводство*, особенно в регионах с промышленным сукноделием (некоторые районы Саксонии, Тюрингии, Австрии), что объяснялось относительно дешевыми условиями содержания и разведения овец, а также возможностью получить быструю прибыль. По-прежнему важную статью помест-

ного дохода давало *пивоварение* и выгонка крепких алкогольных напитков в большинстве восточных немецких земель, Богемии и Австрии. Но настоящий бум во второй половине XVI в. переживал рыбный промысел. Разведение и продажа пресноводной рыбы, главным образом озерного карпа, практиковались в местностях, изобиловавших озерами, реками, низменностями, пригодными для сооружения искусственных водоемов. Успешнее всего рыболовство и рыботорговля развивалась в Бранденбурге, Мекленбурге, Померании, Лаузице, Нижней Австрии, превращаясь в важнейшую статью дохода рыцарских сеньорий. Так, например, крупнейшее лаузицкое поместье Мускау в 1556–1557 гг. имело от продажи рыбы ок. 30% всех своих годовых доходов. Во многих сеньориях Нижней Австрии эта доля достигала 40%.

Старым и часто повторяющимся тезисом марксистской историографии выступает мнение о всеобщем закреплении крестьян в целых регионах, о т. н. «втором издании крепостничества к востоку от Эльбы» в конце XVI в. В свете новых исследований, однако, становятся ясными весьма заметные *региональные отличия* во времени, способах и формах организации вотчинного хозяйства. Интенсивная хозяйственная перестройка и связанное с этим ухудшение положения крестьян наблюдались в некоторых районах Бранденбурга, что было доказано в обстоятельном исследовании Х. Харниша на примере поместья Бойценбург. В землях прусского герцогства доля доходов от хлеботорговли за счет господской запашки превышала 80%. Однако далеко не столь стремительно и широко развивался фольварк в Мекленбурге, Бранденбурге, на среднем течении Эльбы, в Нижней Австрии. Исследования Х. Книттлера, изучавшего хозяйственную жизнь 42 австрийских поместий, показали, что поступления за счет отработочной ренты не составляли и третьей части всех доходов. Успех в реструктуризации поместий здесь был зачастую весьма относительным, сопровождался большими издержками и не обеспечивал быструю доходность. С другой стороны, имелись *смешанные зоны*, сочетавшие в себе как сеньориальный, так и вотчинный тип землевладения, как, например, в *Тюрин-*

гии и Саксонии. Зачастую же даже в отдельных хозяйствах встречались переплетения разных укладов, причем далеко не всегда созданных разрушением крестьянского общинного права. В землях курфюршества Саксонского отработочные повинности (Frone) сочетались с традиционно крепкими правами крестьян, личной свободой и отсутствием наследственного чинша. Результаты работ П. М. Хана позволяют утверждать, что постепенная прорисовка землевладельческой реструктуризации еще не означала автоматического укрепления экономического положения дворянства. П. М. Хан, изучая бранденбургские и нижнесаксонские дворянские ландшафты, пришел к выводу о существенных региональных отличиях в структурах и степени эффективности поместных хозяйств в конце XVI в. По его мнению, складывается мозаичная картина даже в рамках относительно небольших территорий. Если в Укермарке (Бранденбург) крестьянин в 1600 г. вынужден был во время сбора урожая проводить на барщине 4–5 дней, то в Старой Марке — лишь 2. В то же время забота о поддержании престижа, организация свадеб, крестин, похорон нещадно опустошали кошельки дворянских семей. Одновременно все более тяжелым становились бремя княжеской службы и пресс государственных налогов. В таких условиях реорганизацию поместного хозяйства нельзя рассматривать лишь как тенденцию обогащения горсти дворян за счет разорения массы податного крестьянства. Она следовала в унисон сложным общественным процессам, в которых дворянство пыталось укрепить свой не слишком прочный экономический тыл.

Обобщая панораму экономической жизни дворянства, вероятно, можно утверждать, что в каждом конкретном регионе бесспорное экономическое благополучие характеризовало относительно немногочисленные группы семей. Вместе с тем невозможно рисовать черными красками хозяйственный быт большинства дворянских родов. Признаков тяжелого экономического кризиса дворянства накануне Тридцатилетней войны не наблюдается, его экономические позиции были в целом стабильными. Хотя и не проглядывали всецело радужные перспективы, но не было и предчувствия надвигающейся хозяйственной катастрофы. Дво-

рянская публицистика и корреспонденция назидательно вещали о важности «доброй экономии» на земле, однако не исторгали жалоб и страхов за возможно дурное настоящее и будущее.

Религиозный раскол и новая адаптация, впрочем, повлияли на другие стороны жизни прежде всего *протестантского дворянства*. В протестантских землях Реформация объективно влекла сужение социальных возможностей для многих дворянских семейств. Исчезновение старых церковных учреждений в виде монастырей, епископств и многочисленных орденских филиалов лишало дополнительного финансового подспорья, заставляя многочисленные дворянские семьи искать новые источники доходов. Далеко не везде дворянство смогло компенсировать ликвидацию старых церковных каналов благополучия за счет секуляризации церковного имущества. В Бранденбурге и без того сильные позиции дворянства в раскладе сословных сил позволяли ему получить солидный выигрыш: в старых курфюршеских землях местные дворянские роды получили имущество нескольких десятков бывших монастырей, а также доходы от каноникатов. Однако в Саксонии, например, большая часть церковной собственности пополнила курфюршеский фонд. Дворянство получило лишь малую толику церковных богатств и было вынуждено ориентироваться на курфюршескую службу и милость — блестящая возможность к превращению дворянства в послушную клиентелу! Примерно схожая ситуация складывалась на юге, в землях вюртембергских герцогов. В целом же материальное благосостояние дворянских семейств в протестантских княжествах если и не ухудшилось, то и не поправилось радикальным образом, особенно в мелкопоместных ландшафтах южной и юго-западной Германии. Дополнительные трудности возникали к тому же не только из-за не всегда гарантированных возможностей, предоставлявшихся княжеской службой и связанным с этим материальным поощрением, но и религиозной специфике, влиявшей на модель хозяйствования дворянина. Лютеранская этика во многих случаях усугубляла положение. Предъявляя высокие требования к соблюдению патриархального семейного уклада,

она вынуждала зачастую отказываться от права майората, превращая наследственные держания в общесемейную собственность. Частое дробление поместного ландшафта вело к истощению материальной базы. Консерватизм в отношениях с подвластным крестьянством, во многом также проистекавший из верности религиозным принципам, мешал модернизировать систему поместного хозяйства, устанавливать новые налоги и увеличивать объем обязательных повинностей крестьян. Так в ходе Реформации представители сасонской семьи Айнзидель, вынужденные прибегнуть к взиманию новых податей с крестьян, оказался в тяжелом конфликте с собственной совестью. Они обратились за советом к самому Лютеру, прося его определить степень правомочности нового налогообложения, а затем и вовсе отказался от него. Дворянам приходилось закладывать свои поместья с согласия всех членов рода бюргерам или продавать их, что, впрочем, не всегда улучшало положение. Особенно заметным подобного рода кризис был в западных лютеранских областях Империи с его типичным мелкопоместным ландшафтом.

Но каковы были возможности улучшить свое благосостояние?

Одной из них стало характерное для протестантских владений искусственное сохранение старых *монастырских общин и соборных каноникатов* ради обеспечения доходами младших отпрысков дворянских родов. Так, в землях саксонских курфюрстов, в Вюртемберге и в Гессене продолжали существовать под видом «женских общин» старые орденские филиалы, в которых религиозные требы справляли по евангелическому образцу, при этом сохранялись старые монастырские доходы. При секуляризированных епископских кафедрах сохранялась система каноникатов на правах составной части новой «администрации» в чисто светском понимании, с доходами, позволявшими кормиться их обладателям. Пожизненное сохранение соборных пребенд и общинных доходов в какой-то мере тормозило люмпенизацию части дворянских семейств. С другой стороны, наблюдается выраженная тяга к социальной «самоадаптации» в рамках прежде всего самих родов. Она нашла вы-

ражение в следовании принципу *родового единства*, если и не в прямом понимании — места для внутрисемейных раздоров всегда было предостаточно! — то в качестве общей тенденции, этической по форме и во многом материальной по сути. Лютеранская этика выступала здесь амбивалентной величиной: препятствуя хозяйственным новшествам, она же поощряла заботу о ближнем, о всех членах рода. Традиционной формой ленных держаний для протестантских дворян становится пожалование поместий на правах *«общей руки»*, причем не только по мужской, но и по женской линии. В случае смерти прямых потомков лены автоматически переходили к другим членам рода. С одной стороны, это закрепляло имущество за родом, с другой, однако, часто вело к быстрому истощению доходов и разорению. Другой формой родственной и материальной консолидации становилась все более частая практика *«общесемейных уложений»* (*«Geschlechtsordnungen, Familienverträge, Fideikomisse, Lehnspacta»*) — своеобразных договоров между всеми членами рода с целью нормировать прежде всего материальные основы общего благополучия. Большая часть статей посвящалась регулированию брака, семейных разделов и доходов. Посредством соглашений вырабатывалась своеобразная общесемейная стратегия, призванная обезопасить благополучие родственников в кризисные моменты. В них весьма зримо проглядывали тенденции к внутренней сплоченности и солидарности близких и дальних родственников. Значение этих уложений кажется весьма существенным в свете новых исследований по отдельным дворянским родам.

Во второй половине XVI в. мы наблюдаем необычайную мобильность немецкого территориального дворянства, искавшего всюду, где можно, шансы на подъем. Теряя былую поддержку церковных институтов, дворянство стремилось компенсировать ее поиском *службы* у князей, причем далеко не только у своих непосредственных ленных сюзеренов. Служба все явственней занимала центральное место в мировоззрении дворянина. Княжеский двор, административные и военные должности становились здесь спасительными пристанями. Институт пажей и юнкеров при дворе

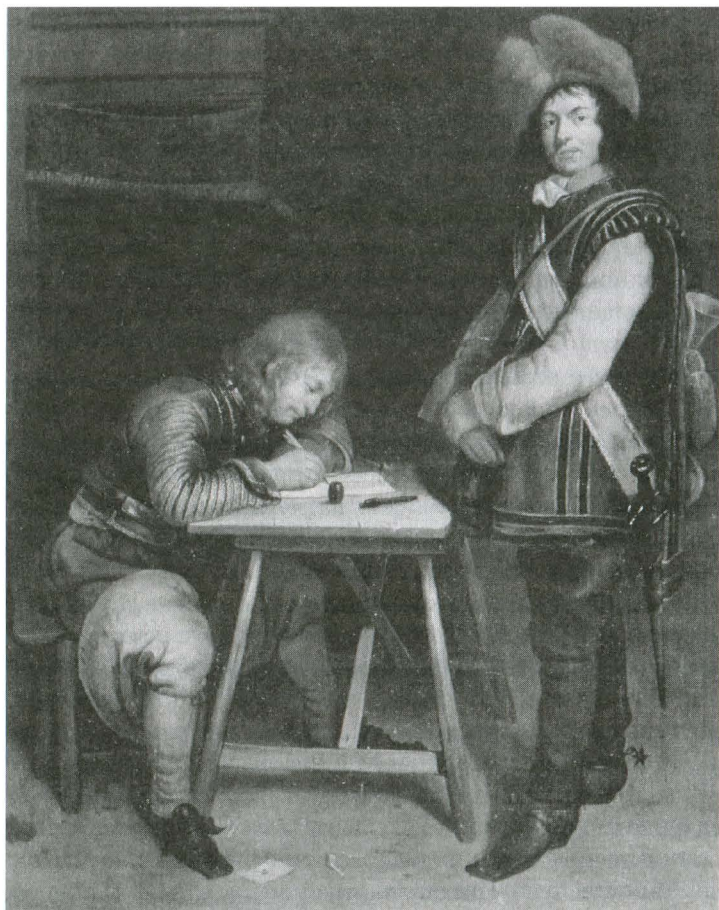
заменял до известной степени бывшие церковные каноники. Молодые дворяне, даже если не могли рассчитывать в ближайшее время на приобретение более или менее доходных поместий, получали, однако, определенное денежное содержание, занимая пусть и низшие, но все же престижные ступени в придворной иерархии.

Впрочем, придворная служба не только решала, но и создавала новые проблемы. Необходимо было поддерживать собственную репутацию, на что также требовались деньги. Кроме того, чтобы занять престижную должность, нужно было преодолеть потенциально сильную конкуренцию ученых бюргеров и местной знати, не желавшей уступать своих позиций. Требовалась специальная профессиональная подготовка. Много здесь зависело от самих князей, которые, не желая терять дворянскую клиентелу и испытывая патриархальные чувства, вынуждены были содержать при своих дворах представителей обедневших дворянских семейств. Прямым следствием этого выступали быстро растущие придворные штаты и «щедрость» князей, что сделалось — как ни парадоксально при взгляде на рачительность и «бережливость», казалось бы, столь свойственную протестантскому миру! — особой приметой именно протестантских дворов. Весьма показательным здесь был, например, дрезденский двор курфюрста Христиана II (1601–1611), славившийся своими яркими традициями патронажа. Но возможности самих князей были достаточно ограниченны, поэтому малоимущим дворянам приходилось зачастую обращаться за *протекцией*, дабы получить доступ к родственным княжеским дворам или пристроить своих детей в престижные университеты. На помощь приходила прежде всего родственная солидарность: немалое число прозябавших в бедности дворянских отпрысков спасалось посредничеством и заступничеством более состоятельных родственников, уже получивших приличные назначения. Родственная протекция зачастую приводила к формированию целых кланов, подвизавшихся на придворной службе. Письменные ходатайства, случайные встречи в свитах на княжеских ассамблеях или рейхстагах давали шанс получить «путевку в жизнь». Возраста-

ло значение всевозможных *сословных форумов* не столько в их прямой политической функции, сколько в значении настоящих институтов социальной адаптации дворянства. В этом заключался вклад низшего дворянства в процесс олигархизации Империи, укрепление элитарности ее институтов. В этой связи заслуживает внимания, к сожалению, еще мало изученный феномен *«дворянских ландшафтов»*, основанный на взаимосвязи родственных групп в различных территориях, дополнявший ландшафт княжеских династий и выполнявший важную роль социальной поддержки.

Наряду с административной и придворной карьерами по-прежнему значимой оставалась *военная служба*. Религиозные войны середины века создавали благоприятную почву к оттоку части младших отпрысков дворянских семейств в качестве наемников на чужбину. Военные конфликты на конфессиональной почве во Франции и в Нидерландах превращались в каналы, по которым за рубеж выбрасывался «излишек» дворянского сословия. Немецкие дворяне в чине старших офицеров нередко прокладывали таким образом себе путь к последующей, иногда блестящей карьере при иноземных дворах. Прекрасным примером здесь выступает судьба Каспара фон Шенберга, лютеранина, представителя старинного и знатного саксонского рыцарского рода, совершившего головокружительный взлет во Франции при дворе последнего Валуа. Вместе с тем в самой Германии дворянин в кирасе и с офицерским патентом не стал накануне Тридцатилетней войны самой типичной фигурой. Возможности, предоставляемые на ниве служения Марсу, отнюдь не доминировали в общей структуре дворянских служб.

Наряду с различными формами службы и протекцией большую роль в судьбах дворянства начинает играть *профессиональное образование*, все более выступавшее в стратегической роли как условие к должностному «росту». Многое здесь зависело от материального благополучия семей. По-прежнему широко практиковалось образование на дому усилиями частных педагогов. Но для совершенствования профессиональных навыков требовалась систематиче-

Военная служба играла все большую роль в жизни немецкого дворянства XVII в. Пишущий офицер.

Картина Герарда Терборха.

Галерея Старых Мастеров. Дрезден

ская подготовка. Состоятельные семьи, заручившись княжеской протекцией, отправляли своих питомцев на учебу в университеты или в более или менее престижные школы и гимназии. Получила распространение практика т. н. «кавалерских туров», или путешествий с ознакомительными целями за рубеж, игравших амбивалентную роль: и

как способ повысить профессиональные навыки, и как форма поддержания социального престижа, дворянского статуса. Излюбленными центрами научных штудий становятся университеты *Страсбурга*, *Альтдорфа* (близ Нюрнберга) и *Виттенберга* в Саксонии. За рубежом внимание привлекали протестантские университеты в Нидерландах, прежде всего *Лейденский*, а также итальянские академии. Военное образование протестантские дворяне получали в нидерландской армии принцев Оранских, а также в Седане в Академии герцогов Бульонских. В целях совершенствования профессиональной подготовки, привития надлежащего воспитания немецкие князья в конце XVI в. организовали первые т. н. *рыцарские академии*. В основе их организации лежали принципы, выработанные публицистами времен религиозных войн во Франции, в первую очередь Франсуа де Лану и Антуаном де Плювинелем, а также военная практика графов Нассау-Оранских. Однако, как показывает исследование Норберта Конрадса, в целом академическая подготовка питалась специфически немецкими условиями. Первая дворянская академия была открыта в *Тюбингене* герцогом Фридрихом в 1594 г., вторая — гессенским ландграфом Морицем V в *Касселе* в 1618 г. Параллельно с этим функционировала дворянская военная школа Оранских в *Зигене*. В отличие от академий она была в большей мере ориентирована на военную подготовку. В подобных заведениях преподавали и учили догму, языки, верховую езду, фехтование и основы военного дела. Тридцатилетняя война временно прервала развитие дворянских академий, но не покончила с укоренившейся традицией заботы территориальных государей о нуждах ведущего сословия Империи с ясно обозначившейся линией на профессионализацию дворянской службы.

Католическое дворянство в отличие от протестантского сумело сохранить старые каналы материального благополучия, и в целом положение его рисовалось в более благоприятном свете. *Церковные учреждения* не только сохранили, но и повысили свою ценность традиционной социальной ниши. К старым соборным каноникам и орденовским общинам теперь добавилось немало новых. Многочис-

Одна из первых «рыцарских академий» в Германии, учрежденная герцогом Фридрихом I в Тюбингене. Современный вид

ленные филиалы братств урсулинок, кармелиток и вновь возрожденных старых женских орденов позволяли создавать новые резервуары для младших дочерей дворянских семейств. Постепенно восстанавливали свое значение исторические *духовно-рыцарские ордена*. Если филиалов ордена св. Иоанна Странноприимника, *иоаннитов*, в землях Империи было не так много, то гораздо большее значение играл *Немецкий Орден*, окончательно превратившийся в приют католического дворянства Империи. Деятельность гротмайстера ордена эрцгерцога Максимилиана Габсбурга весьма содействовала возрождению его роли. Франконские земли превращаются в настоящее сердце орденской миссии. Несомненно, огромную роль играли не только прямая протекция местных католических государей и короны, но и материальные ресурсы Рима. Административная унификация структур католической церкви превращали Рим не только в стороннего наблюдателя, но и в активного покровителя интересов немецкой церкви. Проблема содержания тридентской церкви облегчалась щедростью курии. Во

второй половине XVI в. мы видим в буквальном смысле *дворянскую церковь* в католических землях Империи. Образованные бюргеры, сидевшие на соборных пребендах и занимавшие канониаты, становятся «белыми воронами», редкими исключениями в общей массе должностей, занимаемых дворянством. В старых соборных капитулах на западе Империи, как, например, в *Кёльне*, окончательно консервировались ведущие позиции дворянских родов не только фактически, но и юридически, путем строгой регламентации механизма занятия должностей. Для вступления на должность каноника требовалось доказать потомственное дворянство в нескольких коленах, необходимо было иметь и солидную родственную протекцию. Для мелкоземельного дворянства рейнских епископств, где не существовало серьезной альтернативы духовной службе, интеграция в церковные структуры оставалась единственным крупным шансом на социальный подъем. Многочисленные рыцарские, баронские и графские семьи фон Эрталь и Шенборнов в Майнце, Изенбургов, Мёров и Вид в Кёльне образовывали устойчивые клановые фракции в тамошних соборных капитулах, зачастую превращая и сами архиепископские кафедры в едва ли не наследственную должность, что блестяще иллюстрирует история Шенборнов в XVII в. Но помимо церковных институтов прямая имперская протекция была для католического дворянства также более актуальной, нежели для протестантского. *Инфляция титулов* и *аноблирование*, свойственные имперской политике кануна Тридцатилетней войны, в первую очередь поощряли к службе католические роды. Типичным и самым показательным примером, бесспорно, выступала Австрия, где усилиями эрцгерцога Фердинанда Штирийского за счет раздачи титулов создавалась надежная клиентела Габсбургского Дома. В руках у императоров *ленное право* выступало эффективным инструментом к укреплению собственных позиций и в наследственном секторе владений, и в самой Империи.

Как и в протестантских землях, так и в католических княжествах все более престижной становилась *придворная* и *административная служба*, но здесь огромное значение

и гораздо большие возможности предоставлял сам императорский двор, сперва пражский, а с воцарения Матфея в 1612 г. — Венский. Габсбурги собирали вокруг себя целые дворянские роды — и старые католические и вновь обращенные в католицизм. Накануне Тридцатилетней войны наметилась ведущая роль *Хофбурга* в созвездии имперских княжеских дворов. Используя покровительство короны, дворянство видело службу при дворе главным шансом на счастливое будущее. Будучи дворянским по социальному профилю, Хофбург стал интеррегиональным и интернациональным по исполненным на придворных должностях дворянским фракциям: чехи соседствовали с венграми, австрийцами и швабами. «Интернационализация» венского двора шла в унисон с консолидацией наследственных земель.

Военная служба католической знати если по формам и не отличалась от ратной стези протестантских «коллег», то выступала в более значимом виде: католик-дворянин, с оружием в руках защищавший корону, вечную Империю и Церковь, подтверждал свой статус *miles christianus*, унаследованный от средневековья. Турецкие войны Рудольфа II позволяли актуализировать религиозный профиль императорских офицеров, тем самым создавая им дополнительные дивиденды.

Католическое дворянство, как и протестантское, в основном сохраняло традиционный базовый уклад хозяйственной жизни. Родственная солидарность, семейная поддержка выступали зримыми чертами повседневности. Однако больший акцент на иерархии, быть может, связанный с религиозной доктриной возрождавшегося католицизма и спецификой относительно небольшого землевладения, несколько явственней проступал в католической среде. Более широкое распространение получает практика *майората*, неделимости наследственного имущества. Семьи Фюрстенбергов, Лихтенштейнов весьма показательно следовали праву первородства. Бесспорно, майорат, хотя и лишал младших родственников больших шансов на гарантированный удел, однако содействовал территориальному росту наследственных владений.

Естественно, более привычными и близкими для католиков-дворян оставались каналы культурного обмена со странами Средиземноморья. Посещение итальянских и французских университетов было привычным явлением. Академия савойских герцогов в *Турине* сделалась главным средоточием новых веяний в образовании дворян с католического юга Германии. Конфессиональная эпоха лишь более решительно подчеркивала этот южноевропейский вектор дворянских интересов. Если отпрыски дворянских семейств из Баварии и Австрии были всегда «своими» во Франции и Италии и перед ними часто легко открывались двери южноевропейских дворов, то столь же заметным сделалось присутствие — во всем своем многообразии — *романской католической культуры* в быту благородных семейств. Южная Европа не только принимала, но и многое отдавала католической Германии: мода в одежде, во всевозможных развлечениях, в убранстве интерьера, наконец, в языковой и книжной культуре испытывала мощное воздействие нарождавшегося католического барокко.

Система ценностей немецкого дворянства не переживала в рассматриваемое время кардинальных структурных перемен. Основные постулаты дворянского достоинства состояли в преемственности позднему средневековью. Речь шла скорее о более ясно очерченных приоритетах и о тенденции к «формализации» в смысле совокупного осмысления дворянского статуса. В своих исследованиях Й. Гарбер и К. Беек показали, что по-прежнему в сознании современников, в том числе и ученой бюргерской элиты, дворянство по крови («*Gebblutsadel*») считалось предпочтительным перед выслуженным дворянством («*Dienstadel*»), а дворянство по древности («*Uradel*») — перед дворянством по диплому («*Briefadel*»). основополагающими компонентами дворянского статуса оставались собственно благородство в смысле древности самого рода и служб предков, а также персональная добродетельность, что измерялось служебным поприщем и соответствием главным этическим принципам. В XVI в. мы можем заметить своеобразную взаимоинтеграцию этих двух больших сфер на почве внешней формализации: под воздействием общеевропейских, преж-

де всего итальянских концепций, в начале XVII в. модифицируется понятие о *чести* («Ehre»), обнимавшей теперь абсолютно всю совокупность дворянских достоинств. Честь выступала своего рода этическим эквивалентом персоны. В свою очередь, внешним оценочным восприятием чести становилась *репутация*, уронить которую означало нанести ущерб собственной чести, т.е. уязвить всю совокупность не только персональных, но и родовых достоинств. Поддержание репутации есть защита чести, в известном смысле ее воспроизводство. Впрочем, все эти перемены несли характер лишь самых общих тенденций. Бесспорным был, однако, резко подчеркнутый конфессиональный акцент. Благочестие не просто приравнивалось к личной добродетели, но и требовало — в пафосе высокой назидательности — активного подвижничества в защите интересов Церкви и веры. В общественном сознании место дворянина сохраняло свои достоинства, оно по-прежнему оставляло позади себя ряды горожан. Именно во второй половине XVI в. появляются первые крупные апологетические работы, в которых обыгрываются мотивы дворянской добродетельности и излагаются *интегральные теории имперского дворянства* (сочинения Цириака Шпангенберга и графа Зольм). Они содержали яркий триумфальный тенор, рассеивающий все сомнения касательно правомочности дворянского лидерства в сословной иерархии. Одновременно затухают и критические нотки, столь часто раздававшиеся по адресу имперского дворянства в годы Реформации. Сатирическая публицистика бюргерства, на исходе века ярче всего представленная вюртембержцем Никодемом Фришлином, не получила широкого отзвука и практически смолкла накануне Тридцатилетней войны.

Подытоживая сказанное, можно, очевидно, утверждать, что немецкое дворянство смогло в целом с успехом приспособиться к последствиям реформационного кризиса. Позиции дворянства в обществе, имея в виду и сословные структуры и социально-экономические сферы, оставались прочными. Рост влияния «третьего», бюргерского сословия, стимулированный Реформацией, был блокирован дворянством

к началу XVII в. Конкуренция с неаноблированными выскочками окончилась полной победой имперского дворянства. Лучше всего этот успех иллюстрировало обостренное желание бюргерской элиты оказаться в дворянских рядах. Она становилась одним из главных резервуаров пополнения дворянской массы за счет аноблирования. Вместе с тем сохранялась и проницаемость сословных перегородок немецкого дворянства: если прыжок в княжеский статус оставался проблематичным, то само дворянство могло принять в свои ряды выдвиженцев «из низов», из числа именитых горожан. Все это свидетельствовало не только об укреплении позиций дворянства в обществе, но и о сохранявшейся относительной мобильности его как сословия. Стабилизация позиций одного из ведущих сословий Империи вносила серьезный вклад в укрепление всего имперского здания.

ИСТОЧНИКИ

1. *Bibliotheca equestris. Item das alte Thurnier-Buch* / Hrsg. Von J. S. Burgermeister. Th. 1–2. Ulm, 1720.
2. *Burgermeister J. S. Graven- und Ritter-Saal*. Ulm, 1715.
3. *Knipschild P. Von der Ritterschaft, Staat und Session*. O. L., 1644.
4. *Spangenberg C. Adels-Spiegel*. Th. 1–2. Schmalkalden, 1592.
5. *Thesaurus Juris derer Grafen und Herren* / Hrsg. Von J. C. Lünig. Frankfurt am Main, 1725.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Прокопьев А. Ю.* Немецкая аристократия и дворянство ко времени Тридцатилетней войны (Опыт регионального исследования) // Клио. Журнал для ученых. 3 (6), 1998. С. 84–94.
2. *Таценко Т. И.* Немецкое дворянство в XVI в. // Европейское дворянство XVI–XVII вв. Границы сословия / Под ред. В. А. Ведюшкина. М., 1997. С. 151–170.
3. *Abel, GDL*.
4. *Adel in der Frühneuzeit. Ein regionaler Vergleich* / Hrsg. Von R. Endres. Köln; Wien, 1991.
5. *Adel im Wandel. Politik—Kultur—Konfession 1500–1700*. Österreichische Landesausstellung 1989. Wien, 1990.
6. *Adel im Weserraum um 1600*. Katalog. München, Berlin, 1996.
7. *Adelige Welt und familiäre Beziehungen. Aspekte der «privaten Welt» des Adels an böhmischen, pölnischen und deutschen Beispielen vom*

14. bis zum 16. Jahrhundert / Hrsg. von H.-D. Heinemann. Potsdam, 2000.

6. *Bleek K., Garber J.* Nobilitas. Standes- und Privilegienlegitimation in deutschen Adelstheorien des 16. und 17. Jahrhunderts // *Daphnis*, 11, 1982. S. 49–114.

7. *Boehm L.* Konservatismus und Modernität in der Regenerziehung an deutschen Höfen Im 15. und 16. Jahrhundert // *Humanismus und Bildungswesen* / Hrsg. von W. Reinhardt. Weinheim, 1986. S. 61–94.

8. *Brunner O.* Adeliges Landleben und europäischer Geist. Leben und Werk Wolf Helmgard von Hohberg 1612–1688. Salzburg, 1949.

9. *Conrads N.* Ritterakademien der frühen Neuzeit. Bildung als Ständesprivileg im 16. und 17. Jahrhundert. Göttingen, 1982.

10. *Deutscher Adel 1555–1740. Büdinger Vorträge 1964* / Hrsg. Von H. Rössler. Darmstadt, 1965.

11. *Endres R.* (II, § 3, 4 a).

12. *Endres R.* Adel in der Frühen Neuzeit. München, 1993.

13. Der europäische Adel im Ancien Regime. Von der Krise der ständischen Monarchie bis zur Revolution (ca. 1600 – 1789) / Hrsg. von R. Asch. Köln, Weimar, Wien, 2001.

14. Der ganzen Welt ein Lob und Spiegel. Das Fürstenhaus Lichtenstein in der Frühen Neuzeit / Hrsg. von E. Oberhammer. Wien; München, 1990.

15. Geschichte des sächsischen Adels / Hrsg. Von K. Keller, J. Matzerath. Köln; Weimar; Wien, 1997.

16. *Grand Tour.* Adeliges Reisen und europäische Kultur vom 14. bis zum 18. Jahrhundert / Hrsg. von R. Babel, W. Paravicini. Stuttgart, 2005.

17. Gutsherrschaft als soziales Modell. Vergleichende Betrachtungen zur Funktionsweise frühneuzeitlicher Agrargesellschaften / Hrsg. von J. Peters. München, 1995.

18. *Hahn P.-M.* Struktur und Funktion des brandenburgischen Adels im 16. Jahrhundert. Berlin, 1979.

19. *Hahn P.-M.* Fürstliche Territorialhoheit und lokale Adelsgewalt. Die herrschaftliche Durchdringung des landlichen Raumes zwischen Elbe und Aller. Berlin, 1989.

20. *Harnisch H.* Probleme einer Periodisierung und regionalen Typisierung der Gutsherrschaft im mitteleuropäischen Raum // *Jahrbuch der Geschichte Feudalismus*, 10, 1986. S. 251–274.

21. Hochadelige Herrschaft im mitteleuropäischen Raum (1200 bis 1600). Formen-Legitimation-Repräsentation / Hrsg. J. Rogge, U. Schirmer. Stuttgart, 2003.

22. *Lütge, GDA.*

23. *MacHardy J.* Der Einfluss von Status, Konfession und Besitz auf das politische Verhalten des niederösterreichischen Ritterstandes 1580–1620 // *Klingenstein. SG.* S. 56–83.

24. *Press V.* Adel im Reich um 1600 // *Klingenstein, SG.* S. 15–47.

25. *Press V.* Kaiser Karl V, König Ferdinand und die Entstehung der Reichsritterschaft. 2. Aufl. Mainz, 1980.

26. *Press V.* Wilhelm von Grumbach und die deutsche Adelskrise der 1560er Jahre // *Press, AAR.* S. 383–421.

27. *Press V.* Die Reichsritterschaft im Reich der Frühen Neuzeit // *Press, AAR.* S. 205–231.

28. *Schattkowsky M.* «...und wollte ich mit ihnen in Frieden und Ruhe leben». Hintergründe zum Herrschaftsverständnis adliger Rittergutsbesitzer in Kursachsen um 1600 // *Konflikt und Kontrolle in Gutsherrschaftsgesellschaften. Über Resistenz- und Herrschaftsverhalten in ländlichen Sozialgebilden der Frühen Neuzeit* / Hrsg. von J. Peters. Göttingen, 1995. S. 359–403.

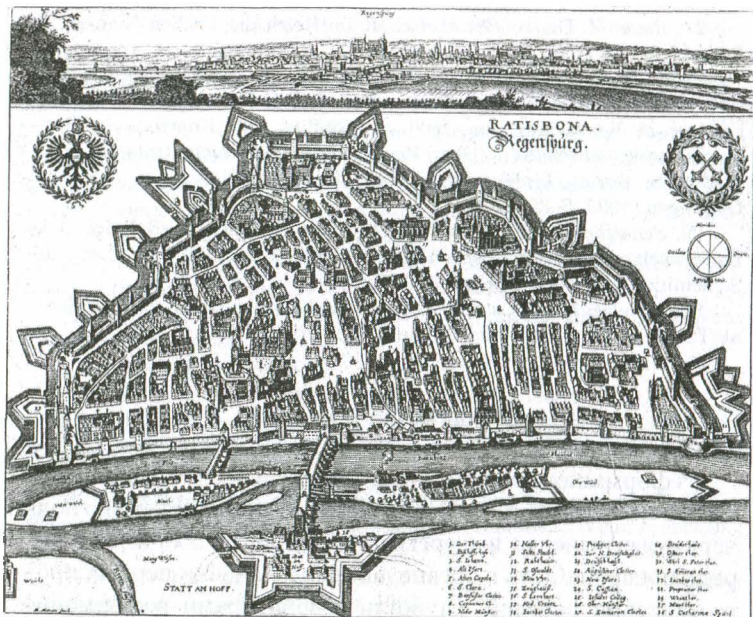
29. *Schattkowsky M.* Zwischen Rittergut, Residenz und Reich. Die Lebenswelt des kursächsischen Landadligen Christoph von Loß auf Schleinitz (1574–1620). Leipzig, 2007.

30. *Schulze W.* Die ständische Gesellschaft des 16/17 Jahrhunderts als Problem Von Statik und Dynamik // *Schulze, SGM.* S. 1–18.

8. Горожане и города

Реформация если и не была только лишь «городским событием», как полагает А. Дикенс, то, безусловно, резко подчеркнула значение имперского городского сообщества. Города превращались в организационные ячейки первых протестантских церквей, служили генераторами реформационных идей и в качестве самых плотных социальных величин — источником коммуникации, распространения реформационного движения. Без участия городов Реформация, вероятно, никогда бы не достигла с самого начала столь внушительного успеха.

В конце реформационной эпохи мы видим, однако, менее однозначную картину. Городам не удалось заменить князей в утверждении немецкого протестантизма, и это неизбежно отодвигало их на периферию политической жизни. К середине века наблюдалась окончательная консолидация имперского городского сословия на главном форуме Империи — на рейхстаге. Без финансов имперских городских общин становилась немыслимой большая политика короны. Города организационно конституировались, заняв свое место наряду с высшим дворянством Империи. Но при этом именно высшее дворянство, став главной выигравшей партией в Реформации, блокировало дальнейшее усиление городской фракции. Олигархизация рейхстага ограничивала активную роль городов в принятии важнейших политических решений. Если начало истории немецкого рейхста-

Регенсбург был местом проведения важнейших рейхстагов
конфессиональной эпохи. Панорама Регенсбурга XVII в.
Гравюра Матфея Мериана

га было немыслимо без созидательной работы нескольких ведущих городских общин, то в конфессиональную эпоху основная работа форума ложилась на плечи высшего дворянства.

На *региональном уровне* имперские города, казалось, обнаруживали более существенные каналы влияния: густота феодального пейзажа отдельных имперских округов создавала для городов хорошие возможности для реализации собственных интересов. Однако в тех случаях, когда соседство ограничивалось лишь крупными территориальными княжествами, города были вынуждены лишь стремиться сохранить свой имперский квазисуверенитет. В этом случае религиозное вероисповедание играло двоякую роль: им можно было пользоваться, дабы узаконить свои имперские полномочия немедиатизированной общины и пытаться противостоять территориальному давлению, но оно же под-

талкивало княжеские власти поскорей ликвидировать иноконфессиональные лакуны на теле собственных владений. Драма имперского города *Донауверта*, аннексированного в 1608 г. Баварией, наглядно показывала проблематичность защиты своего имперского статуса даже путем апелляции к короне. Много проблем таила в себе вынужденная терпимость имперских городов к религиозным меньшинствам в своих стенах, закрепленная в тексте Аугсбургского мира. С одной стороны, защищенным становился религиозный статус общины, с другой — в ее структурах возникало своеобразное инородное тело, потенциально способное провоцировать конфликты, «вскрывавшие» изнутри городскую «независимость». Лишь в тех случаях, когда крупные, экономически весьма развитые города с давними традициями политической самостоятельности находились на периферии не слишком сильных территориальных структур, сохранялась возможность и защиты имперского суверенитета и даже наращивания политического капитала. В таковой ипостаси предстают *Франкфурт-на-Майне* на стыке гессенских и франконских земель и *Нюрнберг*, все еще игравший роль сильнейшей городской общины во Франконии. Само собой разумеющейся оставалась «имперская непосредственность» северных *балтийских городов* Ганзы, таких как Любек, Бремен или Гамбург, с одной стороны — удаленных от имперского «ядра», с другой — доминировавших на сравнительно слабом территориальном ландшафте нижней Германии. Вместе с тем если конфессиональная конфронтация с местными князьями обостряла проблему имперской самостоятельности, то и религиозная гомогенность общин с территорией также содействовала интеграции городов в орбиту княжеских интересов, примеры чего наблюдаются на нижнесаксонской равнине во владениях Вельфов. Вплоть до 1569 г. питательной почвой для противостояния *Брауншвейга* и местного герцога служил в том числе вопрос веры: лютеранский город против католика-князя. Однако переход вольфенбюттельской линии в протестантизм выбил из рук общины этот существенный аргумент. Во второй половине века борьба города Брауншвейга за свою автономию стала делом безнадежным, а его

перспективы «имперской общины» — призрачными. Аналогичную судьбу должен был разделить *Магдебург* на средней Эльбе, оказавшийся в орбите интересов протестантского Бранденбурга, контролировавшего и местное архиепископство. Имперское городское сословие, консолидированное на верхнем уровне (рейхстаг), все более размывалось на региональном, теряя своих бывших членов, пополнявших ряды общин с сомнительным правовым статусом. Близость (и географическая и политическая) к имперской власти, на поддержку которой можно было еще рассчитывать, сохраняла важность лишь в отношении крупных и влиятельных городов с хорошими финансами и торговыми связями. В целом конфессиональная эпоха поставила точку в многовековом процессе взаимодействия князей и городов: историческое лидерство было окончательно закреплено за высшим дворянством.

Усиливалась взаимосвязь с территорией «*земских городов*» («*Landesstädte*»). Конфессиональное однообразие, унификация церковных структур и интеграция бюргерской элиты в систему княжеского управления все более подталкивали общины в объятия территориально-княжеской власти. Но не стремясь выйти из-под опеки князей, «земские города» располагали довольно большими возможностями для реализации собственных интересов. Верхушка бюргерства, представленная в административных структурах, городские финансы, питавшие княжескую казну, наконец, деятельное участие в сословном представительстве позволяли городам выступать неперенными партнерами территориальных государей, пользоваться выгодами сложившегося положения.

Экономическое развитие немецких городов в конце XVI в. было весьма неравномерным. Наметились стагнация и упадок бывших лидеров. На юге прекращается экономический рост швабских городов во главе с *Аугсбургом*, игравшим при Максимилиане I роль «неофициальной» столицы Империи. В начале XVII в. все более слабели некогда ведущие банкирские Дома Аугсбурга — Фуггеры и Вельзеры, пережившие в XVI в. тяжкие удары в связи с банкротством их коронованных клиентов. Переживают спад горные

города *Саксонии*, главным образом по причине сокращения добычи драгоценных металлов. На севере все более заметным становилось увядание *ганзейских балтийских «квартир»*. Отчасти это было связано с переносом важнейших торговых сообщений в Атлантику, отчасти — с протекционистской политикой соседних скандинавских держав, во многом и с общей политической нестабильностью, имевшей первоосновой начавшуюся борьбу за гегемонию на *Балтике* между скандинавскими державами. *Ганза* распалась в обычных для нее со времен средневековья формах, хотя попытки реанимировать прежние организационные структуры еще встречались в начале XVII в. Последний ганзатаг собрался в 1669 г.

Однако потеря лидерства некогда ведущими экономически развитыми общинами не означала линейного упадка экономики немецкого города. На смену прежним лидерам приходят новые. Расстройство прежних форм торговой деятельности не означало удара абсолютно по всем членам ганзейского сообщества. Части западных ганзейских городов — *Бремену* и *Гамбургу* — удалось перестроиться под менявшуюся конъюнктуру. Эти общины продолжали обогащаться и в первой половине XVII в., причем получили весьма существенные дивиденды даже в Тридцатилетнюю войну. Но самые внушительные экономические успехи были отмечены у городов Центральной Германии, где бесспорным лидером стал *Франкфурт-на-Майне*. Через него осуществлялся важнейший товарооборот между западными и восточными землями Империи, он же стал во второй половине века настоящей столицей биржевого дела, а разорение испанцами Нидерландов, прежде всего Антверпена, привело к притоку в стены Франкфурта состоятельной фламандской купеческо-ремесленной прослойки, что оживило здесь после 1585 г. ювелирное производство и торговлю шелком. Наряду с этим город выступал и как крупнейший центр книгопечатания. В восточном секторе по-прежнему лидирующие позиции занимал *Лейпциг*, бывший местом проведения сезонных ярмарок и обеспечивавший своими финансами саксонских Веттинов. Во Франконии роль доминирующей общины сохранял *Нюрнберг*, хотя и утративший бы-

лой блеск исключительного торгового посредника Германии и восточной Европы, прежде всего Чехии и Венгрии, но не лишившийся своих мощных финансовых ресурсов и важных региональных и интеррегиональных ярмарок. В начале XVII в. можно заметить своеобразную реструктуризацию банковского дела в немецких городах. Место прежних лидеров Фуггеров и Вельзеров занимают банки Гамбурга (1608), Нюрнберга (1621), а также крупные банкирские Дома Лейпцига.

Вместе с тем в конфессиональную эпоху менялись *социальные позиции* бюргерства. Если Реформация очевидно дала последний в истории Старой Империи импульс к усилению бюргерского сословия, если времена Карла V были еще отмечены выдающейся ролью неаноблированных выходцев из патрициата, к примеру, канцлера Георга Сигизмунда Зельда или замечательного баварского дуэта Иоганна и Леонарда Экков, то спустя полвека лидерство дворянства практически во всех политических и административных сферах Империи и ее территориальных структур стало неоспоримым фактором. Бюргерство уходило из на дворных и тайных советов императоров и территориальных государей, оно уступало дворянству места и в реформированных администрациях духовных княжеств, и в католических епископствах. Все более характерным — как показатель высокого статуса традиционной дворянской элиты — становилось стремление горожан, состоявших на службе у князей и короны, заполучить *дворянство* и влиться в ряды благородного сословия. В начале XVII в. полным ходом шло одворянивание бюргерской верхушки. Патрицианские роды Страсбурга, Нюрнберга и Аугсбурга получали дворянские дипломы и стремились выступать на равных, по меньшей мере, с местным имперским рыцарством. Верхняя граница бюргерского сословия на стыке с дворянством становилась проницаемой именно «снизу», со стороны патрицианской, академической, административно-служебной элиты бюргерства. Вместе с тем все более жестко фиксировалось расслоение горожан в стенах самих городов по линии «патрициат — ремесленные цехи — городские низы». Наблюдался процесс олигархизации городских об-

острых кризисов. Между 1580 и 1620 гг., особенно в старых северных ганзейских городах, прокатилась настоящая волна внутриобщинных смут (в Данциге, Висмаре, Гамбурге, Штральзунде). Однако самым ярким примером, пожалуй, может служить движение *Винцента Феттмильха* во Франкфурте-на-Майне в 1612–1614 гг.

Социальная структура франкфуртской общины была со времен позднего средневековья представлена дуализмом мощных купеческих корпораций и ремесленных цехов, борьба между которыми за власть в городском совете проходила красной нитью через всю историю старого Франкфурта. В начале XVII в. возник новый виток острого внутриобщинного кризиса. Против господства старых купеческих родов — т. н. союза «Старых лимпуржцев», контролировавшего первые две скамьи городского совета и в религиозном отношении представлявшем консервативное лютеранство, выступил весьма пестрый блок, в который входили мелкие торговцы, ремесленные цеха, эмигрировавшие во Франкфурт нидерландские коммерсанты-кальвинисты, даже католики. На фоне общего подъема городской экономики оппозиция стремилась разрушить монополию на контроль как за городской администрацией, так и за финансами, где позиции купеческой олигархии были особенно прочны ввиду тесной ее связи с еврейским ростовщическим капиталом (Франкфурт располагал одной из крупнейших еврейских общин в Империи). В 1612 г., пользуясь восшествием на престол нового императора Матфея и предстоявшей в этой связи во Франкфурте коронацией, оппозиция подвергла решительной ревизии традиционные правовые устои городского руководства, ища поддержки у нового императора. Матфей, не желая дальнейшей эскалации, в 1613 г. подтвердил городские статуты, в которых фиксировались новые порядки избрания городских ратманов и права цехов. Ряды городского совета были разбавлены представителями цеховой и купеческой верхушки (гильдия «Фрауэнштайн»), «старые лимпуржцы» утратили былую власть. Однако движение не смогло избежать крайне радикальной направленности. Часть его участников во главе с хлебопекарем Винцентом Феттмильхом требовала дальнейшей ликвидации финансовой и торговой монополии купеческой элиты. Ярость толпы оказалась направленной на еврейское гетто: 1 сентября 1614 г. там произошли страшные погромы, сопровождавшиеся убийствами, грабежом и изгнанием евреев из города. Общинный мир был нарушен, что поставило Франкфурт за рамки имперской юстиции. Над городом нависла угроза имперской опалы. Император вынужден был непосредственно вмешаться в события. Страх перед анархией и кровопролитием, а также угрозы, исходившие от престола, побудили главные силы движения отойти от радикалов. Феттмильх, Гернгросс, Шопп и другие зачинщики беспорядков — всего семь человек — были осуждены имперским судом на смерть: казнь состоялась 9 марта 1616 г. на конном рынке во Франкфурте. Тело Фетт-

мильха было четвертовано, а его части выставлены на четырех городских воротах. Были подтверждены права еврейской общины как находившейся под прямой защитой Империи. В знак этого над воротами гетто был укреплен огромный имперский орел. Гёте, в молодые годы посещавший Франкфурт, вспоминал о виденных им еще тогда черепках казенных бунтовщиков, красовавшихся на Мостовой башне со стороны Майна. Движение Феттмильха, безусловно, содействовало социальной модификации структуры городской власти, хотя и принадлежало в своей антиеврейской направленности к одной из самых черных страниц немецкой истории. Довольно подробный анализ движения дан А. Шиндлингом: *Schindling A. Wachstum und Wandel vom Konfessionellen Zeitalter bis zum Zeitalter Ludwigs XIV. Frankfurt am Main 1555–1685 // Frankfurt am Main. Die Geschichte der Stadt in neun Beiträgen. Sigmaringen, 1991. S. 229–238; 2) Frankfurt am Main // TRZRK, 4. S. 49–51.*

Подводя итоги, можно, очевидно, утверждать, что немецкое бюргерство, в целом не переживая в конфессиональную эпоху крупных кризисных явлений, начало сходить со сцены немецкой истории в качестве ведущей силы общественного развития. Наступала новая эпоха, отмеченная явной доминантой дворянства.

ИСТОЧНИКИ

1. Hanserezeesse. Abt. 3. Bd 9, Abt. 4. Bd 1–2. Leipzig; Köln, 1913, 1941, 1970.
2. Kaiser Karl V. und die Zunftverfassung. Ausgewählte Aktenstücke zu den Verfassungsänderungen in den oberdeutschen Reichsstädten (1547–1556) / Hrsg. von E. Naujoks. Stuttgart, 1985.
3. Quellen zur Frankfurter Geschichte / Hrsg. von R. Jung. Bd 1–2. Frankfurt am Main, 1888.
4. Quellen zur Geschichte des deutschen Handwerks. Selbstzeugnisse seit der Reformationszeit / Hrsg. von W. Fischer. Göttingen, 1957.
5. Quellentexte zur Aachener Geschichte / Hrsg. von W. Kaemmerer. Bd 1. Aachen, 1958.

ЛИТЕРАТУРА

1. Левинсон А. С. Бюрократия немецкого города в XVI–XVII вв. М., 2000.
2. Altständisches Bürgertum / Hrsg. von H. Stoob. Bd 1–2. Darmstadt, 1978.
3. Beamtentum und Pfaffterstand 1400–1800 / Hrsg. von G. Franz. Limburg, 1972.
4. Brunner O. Souverinitätsproblem und Sozialstruktur in den deutschen Reichsstädte der Frühen Neuzeit // Brunner O. Neue Wege

der Verfassungs- und Sozialgeschichte. 2. Aufl. Göttingen, 1968. S. 294–321.

5. Bürgerliche Eliten in den Niederlanden und in den Nordwestdeutschland. Studien zur Sozialgeschichte des europäischen Bürgertums im Mittelalter und in der Neuzeit / Hrsg. von H. Schilling, H. Diederiks. Köln; Wien, 1985.

6. Deutsches Patriziat 1430–1740 / Hrsg. von H. Rössler. Limburg/Lahn, 1968.

7. *Endres R.* (II, § 3, 4 a).

8. *Friedrichs Chr. R.* Urban Society in an Age of War. Nördlingen 1580–1720. Princeton, 1978.

9. *Friedrichs Chr. R.* German Town Revolts and the Seventeenth-Century Crisis // *Renaissance and Modern Studies*, 26, 1982. P. 27–51.

10. *Lütge*, DSW.

11. *Press V.* (II, § 3, 3 a).

12. *Press*, KK. S. 70–75.

13. *Schilling H.* Bürgerkämpfe in Aachen zu Beginn des 17. Jahrhunderts. Konflikte im Rahmen der alteuropäischen Stadtgesellschaft oder im Umkreis der frühbürgerlichen Revolution? // *ZHF*, 1, 1974. S. 175–231.

14. *Schilling H.* The European Crisis on the 1590s: the Situation in German Towns // *The European Crisis of the 1590s* / Ed. by P. Clark. London, 1985. P. 135–156.

15. *Schmidt G.* Der Städtetag in der Reichsverfassung. Stuttgart, 1984.

16. *Schmidt G.* Städtehanse und Reich im 16. und 17. Jahrhundert // *Niedergang oder Übergang. Zur Spätzeit der Hanse im 16. und 17. Jahrhundert* / Hrsg. von A. Grassmann. Köln, 1998. S. 25–46.

9. Крестьянство

Крестьянская война 1525 г. стала не только последней внушительной по своим масштабам силовой акцией немецкого крестьянства в XVI в., но и событием, знаменовавшим важный рубеж в общественном и экономическом развитии этого сословия. Вторая половина века следовала под знаком преимущественно структурных перемен. Если следовать концепции самого крупного ныне историка немецкого крестьянства в раннее Новое время *Петера Бликле*, то Крестьянскую войну нужно признать последней крупной попыткой узаконить крестьянско-общинную альтернативу территориальному развитию немецких земель. В этом смысле крестьянское сословие должно было сыграть если и не ведущую, то, по меньшей мере, выдающуюся роль в

судьбах немецкой государственности. Тезис П. Бликле подвергся во многом справедливой критике *Фолькера Пресса*, считавшего общинный «коммунализм» всегда субординированным более мощным территориальным силам. По его мнению, в условиях специфического территориального развития сельские общины не могли создать альтернативу сложившимся институтам власти.

Однако в любом случае движение 1525 г. следует считать самым крупным консолидированным проявлением словных интересов крестьян. После 1525 г. крестьянство не могло более играть существенную политическую роль, конкурируя с ведущими социальными силами Империи. Отныне крестьянству была уготована роль лишь экономического фундамента аграрного общества без существенных политических функций.

Но границы сословия не были вместе с тем абсолютно непроницаемыми. Конфессиональная эпоха являла множество примеров оттока крестьянского элемента, прежде всего в города. Экономические кризисы, плохая, особенно с начала XVII в., *аграрная конъюнктура* побуждали крестьян появляться на городских улицах в качестве поденщиков, относительно дешевой рабочей силы, лиц маргинальных профессий, зачастую - нищих. Шансов на подъем было не слишком много. Процессы «омертвления» общинных городских структур сдерживали развитие крестьянского элемента в городской среде. Но в тех случаях, когда удавалось «зацепиться» за городской мир, во втором или третьих поколениях можно было приобрести не только городское гражданство, но и престижный статус. В редких ситуациях через города пролегал даже путь в дворянство. Крупные и многолетние кризисы, как, например, Тридцатилетняя война, могли облегчить путь наверх через удачную военную службу. Дополнительные каналы открывал и процесс *конфессионализации*. Укоренение новых конфессий на селе шло бок о бок с организацией приходских начальных школ, что позволяло, правда, не слишком часто, надеяться жителям села на интеграцию в духовные структуры. Иезуитский орден питался далеко не только бюргерским элементом. Оба выдающихся духовника при мюнхен-

ском и венском дворе Адам Концен и Вильгельм Ламормэн происходили из крестьян западных областей. Протестантский сельский пасторат отчасти также рекрутировался из представителей крестьянства. Социальная нестабильность, частые конфликты, имевшие религиозную почву и окрас, побуждали крестьян к массовой эмиграции, и с ее мутным потоком им иногда удавалось осесть в новой социальной среде. В целом же, однако, для подавляющего большинства немецких крестьян их пожизненным уделом оставались правовые границы собственного прирожденного статуса. Крестьянство Германии раннего Нового времени являло, очевидно, наименее мобильную с социальной точки зрения массу.

Достаточно сложным представляется вопрос унификации *правового статуса* крестьян, который обычно марксистские историки рисуют весьма мрачными красками (после Крестьянской войны наступает эра «второго крепостничества»). Во второй половине века, безусловно, фиксируется ограничение общинных прав в различных местностях Германии и одновременно увеличение разнообразных повинностей. Но не везде все эти тенденции шли равномерно, а в ряде земель не наблюдались и вовсе. Бесспорно, по отношению к позднему средневековью сократилось число островков свободного крестьянства: утрачивают былую автономию общины Тироля и некоторых районов Швабии. Остаются, однако, по-прежнему прочными общинные традиции на далеком северо-западе, в *имперской Фрисландии*, социальные структуры которой едва ли существенно колебались под воздействием религиозных потрясений, в *Дитмаршине*, в некоторых уголках *Вестфалии*. Довольно большие пространства Центральной Германии, прежде всего земли *саксонского курфюршества*, *Тюрингии*, некоторых районов *Гессена* вообще не знали больших перемен в сторону ухудшения правового положения крестьян. Здесь сохранялись не только традиционно прочная общинная структура, но и личная свобода.

Так было в большинстве районов Саксонии, где крестьяне могли распоряжаться наследственным наделом и обладали личной свободой. На страже крестьянских ин-

тересов здесь стояло и княжеское законодательство: кодекс курфюрста Августа I 1572 г. закреплял за крестьянами право свободного распоряжения собственностью, ограничивал расширение повинностей и запрещал отчуждение в пользу помещиков крестьянской земли. С другой стороны, наступление дворянского землевладения на крестьянские права в землях к востоку от Эльбы, о чем уже писалось выше, не было одновременным и форсированным процессом, для второй половины XVI в. скорее имевшим характер лишь общей тенденции, но не готовой модели. В землях Бранденбургского курфюршества, еще севернее — в Мекленбурге или Померании имелись весьма существенные региональные отличия, вплоть до соседства крестьянской аренды и денежной ренты с барщиной и доминирующей господской запашкой. В некоторых случаях ухудшение правового статуса отчасти могло компенсироваться новыми хозяйственными функциями: увеличение господского хозяйства влекло создание своеобразной сельской крестьянской элиты, представленной штатом управляющих и их помощников, сидевших на денежном и натуральном довольствии. В ряде случаев религиозные принципы, исповедуемые владельцами поместий, также ограничивали их возможности модифицировать положение зависимых крестьян. Зачастую изменение характера крестьянского землевладения, разрушение старых общинных структур, побуждали дворян искать смягчающие формы, вплоть до организации всевозможных форм отдыха и досуга, патронажа над малоимущими и их детьми.

Ухудшение положения крестьян следовало как по линии увеличения объема старых повинностей, так и путем введения новых. Традиционной формой отработочной ренты оставалась работа на господском поле (барщина), всевозможные промыслы в пользу господина (пивоварение, овцеводство, рыболовство, сбор ягод и лесных плодов), ткачество на дому, выполнение ремонтных работ по содержанию усадьбы. Увеличение объема ренты варьировалось в разных регионах по-разному — от увеличения дней барщины до принуждения к промыслам. Общая тенденция в первом аспекте наблюдалась на северо-востоке в Бранденбур-

ге, Мекленбурге и Померании. Здесь со временем начала доминировать именно классическая барщина. В Богемии, Австрии, в некоторых сеньориях Саксонии большее значение играли пивоварение и скотоводство, в основном разведение овец. Здесь под выгон скота и его разведение отчуждалась немалая доля крестьянской земли, крестьяне зачастую переводились на кормление при господской усадьбе. Введение новых повинностей шло в форме либо фиксации барщины, либо других видов отработочной ренты. На западе Германии в отличие от востока и северо-востока изменения к худшему всегда были спорадическими явлениями. Попытки господ, впрочем, очень редкие, ввести некое подобие фольварочной модели наталкивались на жесткое сопротивление общин, находивших поддержку либо у территориальных сеньоров, либо у имперской юстиции.

В отличие от времен Крестьянской войны вторая половина XVI в. и начало следующего столетия отмечены в целом снижением размаха аграрных конфликтов. Конечно, имелись и весьма впечатляющие выступления. Восстание в Верхней Австрии в 1594–1597 гг. было одним из таковых. Причины, побуждавшие крестьян к акциям неповиновения, были по преимуществу экономические, причем поводом к протестам могли стать в одном случае — увеличение барщины, в другом — запрет на охоту в господских лесах, в третьем — простое увеличение налогов. В целом, однако, по мнению некоторых немецких историков, речь шла уже не столько о принципиальном улучшении старых правовых позиций, как в эпоху Крестьянской войны, а о сохранении уже имевшихся. Характер выступлений был скорее «оборонительным», чем «наступательным». Схема крестьянских выступлений при всех частных отличиях сохраняла определенный стержень: петиции господину с жалобами на нововведения сменялись отказом в подданстве и несении «несправедливых» повинностей, затем, как правило, следовало новое, более жесткое обоснование своих жалоб и протестов, потом на повестку дня ставилось более или менее подготовленное насильственное выступление, заканчивавшееся (либо после вооруженного подавления, либо посредством новых переговоров) актом юридического согла-

шения, создававшим новый компромисс между господином и подданными. Свою лепту вносила и конфессионализация: иногда аграрная борьба окрашивалась в религиозное противостояние крестьян и его господина.

Параллельно с сокращением числа аграрных выступлений мы наблюдаем тенденцию к *юрисдификации конфликтов*, к попыткам найти разрешение не только мирным, но и правовым способом через поместную, княжескую или имперскую юстицию. Конфессиональная эпоха при всей остроте религиозного противостояния открывала, однако, и новые возможности к компромиссу крестьян с их господами. Огромную роль играл фактор *религиозной солидарности* господина и его подданных, оживленный бурей реформационных лет. Опека и патронаж дворянина над сельским духовенством — с одной стороны, и пастырская забота того же духовенства над крестьянами — с другой, превращали фигуру протестантского пастыря или католического священника в важного посредника между господином и подвластным крестьянством, в своеобразного проводника интересов обеих сторон. Становление новых конфессий оживляло патриархальные чувства дворян к своим сельским подданным, побуждало включать подвластный дворянству сельский элемент, выражаясь словами О. Бруннера, в микрокосм «целого Дома». В этом смысле конфессионализация сближала и без того вскормленные одной аграрной почвой интересы крестьянства и низшего дворянства, скорее противопоставляя их иным, более сложным, более технологизированным и не столь традиционным товарно-денежным социумам, прежде всего городу. Рост духовной опеки выливался в создание новых социальных институтов — сельских начальных школ, в появление многообразных форм патронажа над малоимущим крестьянством. Большое значение имел и правительственный «консерватизм» территориальных государей, во многом все еще традиционный стиль правления, исключавший крупные и резкие новации и требовавший в том числе от своих дворянских ленников соблюдения «старого доброго обычая» в отношениях к крестьянам. Крестьянский труд в глазах, по меньшей мере, ведущих представителей высшего дво-

рянства Империи заслуживал глубокого уважения и признательности. В свою очередь, юрисдификация конфликтов означала и отсутствие слишком большого и радикального запала в сознании немецкого крестьянства, и готовность к компромиссу подавляющего большинства их господ, и повышение эффективности судебных учреждений. Деятельность имперского суда и поместных инстанций свидетельствовала если и не о безукоризненной объективности и «справедливости» этих органов, то, во всяком случае, об их высоком авторитете в глазах тысяч крестьян.

Конфессиональная эпоха принесла с собой не только ухудшение крестьянской доли, не только новые конфликты и споры с их господами, но и элементы *стабильности*, новые возможности компромисса, новую веру в правительственные и судебные институты. Немецкое крестьянство сумело не только адаптироваться к менявшимся социально-духовным условиям времени, не только сохранить первенствующее значение главного аграрного производителя, но и ввести свое существование в русло меньшей напряженности и конфликтности, отлить свой быт в формы, просуществовавшие до конца Старой Империи.

ИСТОЧНИКИ

1. *Dinklage K.* Fränkische Bauernweistümer. Würzburg, 1954.
2. *Grimm J.* Weistümer. Bd I-VIII. Berlin, 1957.
3. *Haselbach K.* Der niederösterreichische Bauernkrieg am Ende des 16. Jahrhunderts nach bisher unbenützten Urkunden. Wien, 1867.
4. *Krones F.* Aktenmässige Beiträge zur Geschichte des Windischen Bauern aufstandes vom Jahre 1573 // Beiträge zur Kunde steirmärkischer Geschichtsquellen, 5, 1868. S. 3-34.
5. *Franz, QGB.*
6. *Weizsäcker W.* Pfälzische Weistümer. Speyer, 1957.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Maüer B. E.* Крестьянство Германии в эпоху позднего феодализма. М., 1985.
2. *Abel, GDL.*
3. Aufstände, Revolten, Prozesse. Beiträge zu bäuerlichen Widerstandsbewegungen im frühneuzeitlichen Europa / Hrsg. von W. Schulze. Stuttgart, 1983.

4. *Blickte P.* Unruhen in der ständischen Gesellschaft 1300–1800. München, 1988.
5. *Boelke W. A.* Bäuerliche Wohlstand in Württemberg Ende des 16. Jahrhunderts // Jahrbuch für Nationalökonomie und Statistik, 176, 1964. S. 341–280.
6. *Eckhard H. W.* Herrschaftliche Jagd, bäuerliche Not und bürgerliche Kritik. Zur Geschichte der fürstlichen und adeligen Jagdprivilegien Vornehmlich im südwestdeutschen Raum. Göttingen, 1976.
7. *Feigl H.* Der niederösterreichische Bauernaufstand 1596 / 97. 2. Aufl. Wien, 1978.
8. *Grüll G.* Der Bauer im Lande ob der Enns am Ausgang des 16. Jahrhunderts. Abgaben und Leistungen im Lichte der Beschwerden und Verträge von 1597–1598. Wien; Köln; Graz, 1969.
9. *Franz G.* Geschichte des deutschen Bauernstandes Vom Frühen Mittelalter bis zum 19. Jahrhundert. 2. Aufl. Stuttgart, 1976.
10. *Lütge, GDA.*
11. *Pirchegger H.* Die Innerösterreichischen Bauernkriege. Ausgewählte Aufsätze. Graz, 1950.
12. *Press, KK.* S. 65–70.
13. *Schmidt G.* Bauernunruhen in Weilmünster (1563–1588) // Nassauische Annalen, 95, 1984. S. 91–117.
14. *Schmidt G.* Agrarkonflikte im Gebiet des Wetterauer Gravenvereins (ca. 1550–1650) // Wetterauer Geschichtsblätter, 33, 1984. S. 70–112.
15. *Schmidt G.* Agrarkonflikte und Territorialisierung // Jahrbuch für Regionalgeschichte, 16, 1989. S. 39–56.
16. *Schulze W.* Bäuerlicher Widerstand und feudale Herrschaft in der Frühen Neuzeit. Stuttgart; Bad Cannstatt, 1980.
17. *Schulze W.* Oberdeutsche Untertanenrevolten zwischen 1580 und 1620. Reichssteuern und bäuerlicher Widerstand // Bauer, Reich und Reformation. Festschrift für G. Franz / Hrsg. von P. Blickte. Stuttgart, 1982. S. 120–147.
18. *Wunder H.* Das Dorf um 1600 — der primäre Lebenszusammenhang der ländlichen Gesellschaft // Literatur und Volk im 17. Jahrhundert / Hrsg. von W. Brückner, P. Blickte. D. Breuer. T. 1. Wiesbaden, 1985. S. 69–87.
19. *Wunder H.* Die bäuerliche Gemeinde in Deutschland. Göttingen, 1986.

§ 4. СТРУКТУРЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ВЛАСТИ

До второй половины XX в. в работах немецких историков господствовал весьма устоявшийся взгляд на эпоху Реформации как на время резкого усиления территориальной власти князей. С середины XVI в. наблюдался новый виток в развитии «территориальной государственности».

Немецкие князья, став главным выигравшим от Реформации сословием, смогли использовать новые ресурсы и институты для усиления своей власти. Ярче всего подобный взгляд отобразился в работах классиков немецкой правовой и конституционной истории — *Георга фон Белова, Фрица Хартунга* и др.

В последние десятилетия наметился отход от чересчур жесткой «государственной» ориентации старых историков. Аксиоматичные тезисы сменились принципом «широкой парадигмы», рисующим большой диапазон различных моделей территориального развития. На фоне детальной прорисовки региональных особенностей стала исчезать, становиться более робкой категоричность в итоговых суждениях. Развитие территориальных княжеств рисуется не столько линейно, однобоко, сколько дифференцированно.

XVI в. открыл новый этап теоретического осмысления территориальной власти. Все более явственно обозначался научный, основанный на юридических принципах, подход к анализу властных институтов. Реформация естественным образом стимулировала метод теоретического научно-правового обобщения. Особенно впечатляющего размаха достигла протестантская традиция. «Секуляризация» статуса государя в лютеранской концепции, согласно которой властитель на земле выступал лишь хранителем общественного мироустройства в соответствии с божественными заповедями, открывала путь к исследованию естественно-правовых корней княжеского правления. Заметный вклад здесь внесла традиция Ф. Меланхтона, испытывавшего влияние позднего гуманизма и сознательно выдвигавшего на передний план изучение *аристотелевской политологии*. Усилиями Меланхтона в Виттенберге было введено систематическое изучение трудов Аристотеля, под влиянием его идей готовились новые кадры юристов для княжеской администрации. Тем самым объективно возрастал интерес не только к обязанностям самого властителя, не только и не столько к анализу его места в божественной картине мира, что было свойственно средневековой мысли, а именно к правовой почве функционирования самих властных институтов, отдельных отраслей власти. Са-

ма территориальная организация, «территория» все более рассматривалась самостоятельной в юридическом смысле величиной. Следствием стало появление первых крупных компендиумов, систематизировавших юридический взгляд на различные отрасли управления. Одним из первых опытов стала появившаяся в 1600 г. книга *Адреаса Книхеля «О территориальном праве» («De jure territoriale»)*, обстоятельно исследованная Д. Вилловайтом. В центре дискуссии оказывалась и проблема княжеского «суверенитета». Немецкая юридическая традиция отчасти питалась здесь идеями Жана Бодена, главный труд которого был переведен на немецкий язык и издан в 1592 г. Но время становления новых конфессий не избавляло теоретиков от религиозного осмысления, поэтому при всех, казалось бы, важных переменах на пути систематизации различных отраслей права по-прежнему сохранялся религиозный угол зрения, желание совместить новые подходы с иерархическими представлениями позднего средневековья. Персона властителя в трактатах юристов все еще виделась ограниченной в своих полномочиях божественным правом. Под «сувереном» подразумевался государь с полномочиями, пусть и «упакованными» в естественно-правовую оболочку, но рожденными божественной волей. «Суверенитет» фиксировался лишь в отношениях к непосредственным подданным государя, для которых он был единственной самой высокой правовой инстанцией, но это не означало отсутствия «суверена» над самим государем. Для лютеранской и католической традиции в равной мере прослеживалось желание видеть территориальные полномочия князей ограниченными «суверенитетом» имперской власти. Под воздействием подобных воззрений формировалась особенность государственно-правовой теории в немецких землях, последовательно отрицавшей возможность «неограниченной» власти государя и видившей в «абсолютном правлении» нехристианское и тираническое содержание. Характерным был необычайно сильный запал антимаккиавеллизма, желание считать «*absolutum dominium*» неким пропагандистским пугалом, которого следует постоянно остерегаться.

В целом наблюдается прогресс в административно-институциональном развитии. Практически на всех этажах управленческих структур территорий заметны определенные подвижки, в той или иной мере имевшие перспективное значение. Но это далеко не означало торжества регионов над имперским централизмом, не образовывало нового витка в «атомизации» Империи, ее распада на «суверенные» территориальные структуры. Нарастивание административного потенциала не влекло однозначного движения в сторону «суверенизации» немецких княжеств.

Вторая половина XVI в. в целом не знала существенного увеличения *территориального пространства* княжеской гегемонии. Если династические структуры испытывали толчки в сторону расширения «домашних» интересов отдельных Домов, то это не означало всеобщего увеличения объема территориальных владений отдельных властителей. В примерах с Баварией, Саксонией и Бранденбургом мы действительно сталкиваемся с интеграцией в территориальные массивы этих княжеств соседних, до той поры относительно «независимых» островков. Здесь по-настоящему заметны результаты секуляризации, позволившие Веттинам и Гогенцоллернам прибрать к рукам близ расположенные епископства (Майссен, Наумбург, Мерзебург, Хавельберг, Лебус и Бранденбург), а мюнхенским Виттельсбахам — до той поры формально самостоятельных по феодальному праву графов и «господ». Но то, что заметно на примерах очень крупных территорий, далеко не всегда повторялось в жизни не столь великих, средних по размерам княжеств. Самый яркий пример показывал Пфальц, который не только не сумел расширить свое традиционное ядро, но и ухитрился растерять к началу XVII в. многих из своих старых сателлитов. Иными словами, процесс территориальной консолидации был свойственен лишь относительно немногим крупным владениям.

Основы княжеского правления еще не утратили в профессиональную эру своего не только внешнего персонального окраса, но и по-прежнему довольно устойчивого персонального принципа, подразумевавшего неременное участие самого государя во всех важнейших делах. Местом

концентрации правительственной деятельности выступали *резиденции*, как правило, в статусе городов. Результаты исследований, проведенных в последние годы, позволяют констатировать относительную оседлость двора в одной или двух главных резиденциях. Был сделан шаг на пути превращения этих городов-резиденций в будущие политические столицы территорий. Важнейшие правительственные учреждения, канцелярия, суд и казначейство оседали на постоянное пребывание в этих городах.

Средоточием правительственной деятельности князей оставались, как и столетие назад, *двор* и *надворные учреждения*, причем в большинстве случаев собственно придворные штаты и правительственная канцелярия оставались объединенными в одно целое. Ядро двора образовывали по старинке четыре придворных ведомства: гофмейстера (Hofmeister), казначея (Kammerer), конюшего (Stallmeister), стольника (Truchsess). Во многих землях в XVI в. эти должности «развертываются» в отдельные штаты, что особенно хорошо прослеживается в крупных территориях (Австрия, Бавария, Саксония, Пфальц, Вюртемберг).

Более четким становится рисунок придворной иерархии. Относительно явно выделялись три яруса должностей: высшие, средние и низшие. Верхушку придворной организации венчал гофмейстер, именовавшийся в ряде владений (Саксония, Бранденбург и другие) *гофмаршалом* (Hofmarschall), символом власти которого был особый церемониальный жезл. Гофмейстер, или гофмаршал, надзирал за всеми придворными штатами и выступал главной апелляционной инстанцией для низовых звеньев придворной иерархии. Со временем в крупных владениях с многочисленным штатом у него появились помощники в лице *таузмаршалов*, или *фогтов*, ведавших домашним хозяйством князя. Второй по важности должностью был «кэммерер», или «оберкэммерер», впоследствии, в XVII в., именовавшийся камергером. В позднее средневековье «кэммереры» выступали личными казначеями князя, в XVI в. после выделения финансового ведомства в отдельное учреждение за «кэммерерами» закрепляются преимущественно функции хранителя личных княжеских покоев и гардероба. Наря-

ду с гофмейстером, или маршалом, «кэммерер» был особо доверенным лицом, на этот пост часто назначали близких друзей или очень заслуженных дворян. Символом власти «кэммерера» выступали ключи от княжеских апартаментов, носившиеся на поясе. Шенк, или трухзесс, выполнял функцию главного стольника, надзирал за княжеским столом и организовывал кухню при дворе. Фигура конюшего — «шталмейстера», или «обершталмейстера», поднялась в значимости при дворах многих властителей к концу XVI в. в связи с увеличением штатов и ростом коммуникабельности княжеских дворов, что требовало организации частых межрегиональных имперских турне. Глава охотничьего ведомства — «оберегермейстер» — становился также заметной персоной по мере развития охотничьего ремесла — излюбленного увеселения при дворах большинства князей конфессиональной эпохи.

Вторым эшелонном в придворной иерархии следовали надворные *юнгеры* из числа молодых дворян, образующие особые штаты помощников непосредственно при гофмейстере, или гофмаршале («гофюнгеры»), кэммерере («камерюнгеры») и конюшем («штальюнгеры»). Низовую ступень формировали пажи — как правило, несовершеннолетние мальчишки-дворяне, выполнявшие вспомогательные функции при совершении отдельных церемоний. Часть из них входила в состав ведомства гофмейстера («гофпажи»), часть подчинялась «кэммереру» («сильбер-пажи»), часть — «шталмейстеру» («штальпаж»). Духовную половину двора представляли *надворные духовники* в католических землях и *надворные проповедники* — в протестантских, как правило, занимавшие руководящие посты в церковных советах и консисториях. Отдельной половиной выступала т. н. «женская комната» (*Frauenzimmer*) — штат служащих при особе княжеской супруги. Он, как правило, совершенно дублировал иерархию чинов мужской части, был меньшим по числу и возглавлялся дворянами либо по представлению самой правительницы, либо по распоряжению ее супруга.

В качестве главного административного органа большинства княжеств оставалась *канцелярия* во главе с канц-

лером и штатом советников. Этот орган был связан с двором как часть системы персонального правления князя. Канцлер назначался лично князем, и на его плечи ложилась вся повседневная административная деятельность.

Несомненно, свидетельством роста княжеской власти в XVI в. стало появление *«тайных надворных советов»*, в которых узким кругом особо доверенных лиц решались главные политические вопросы. Впервые подобные учреждения возникли в землях Габсбургов согласно реформе 1559 г., а затем — в наиболее крупных княжествах (Бавария, Саксония, Бранденбург). В начале XVII в. в некоторых землях появился пост председателя тайного совета, *«директора»* или *«президента»*. Часто, как, например, в Саксонии, эти председатели становились вторыми по значимости фигурами в управлении, своего рода alter ego князей. В то же время во многих случаях согласно придворным уложениям (регламентам придворных штатов) непосредственный глава двора — гофмейстер, или гофмаршал — был и главой всей администрации, т. е. ему в экстренных случаях (отсутствие или смерть князя) подчинялся и канцлер со своим штатом. Конфессиональная эпоха еще не знала решительного разрыва с предшествовавшей позднесредневековой традицией персонального, институционно, еще не четко разграниченного правления.

Еще одним важным учреждением был *княжеский суд*. В курфюршеских землях уже давно существовала практика *non appellando*, не позволявшая подданным апеллировать на решения надворного суда к имперским учреждениям. В этом была одна из причин усиления роли судебных инстанций в больших княжествах. В крупных владениях суд развивается к началу XVII в. в многоступенчатую систему с филиалами в провинции. Классическим примером здесь была Саксония с центральным курфюршеским судом в Дрездене и двумя филиалами в Лейпциге и Виттенберге. Кадры комплектовались преимущественно за счет аноблированных выпускников юридических факультетов с весьма высокой профессиональной компетенцией.

Безусловно, в ходе XVI — начале XVII в. наблюдается рост профессионализации судебных кадров, что, впрочем,

не означало торжества римского права и рождения современной судебной системы. Напротив, в конфессиональную эпоху зримей предстала немецкая особенность юридической системы: *римское право* влияло на техническую организацию судопроизводства, на процесс, но не на закон. Руководствовались по-прежнему нормами обычного права, в зависимости от региона — саксонского или швабского. Особенно заметным правовым консерватизм был у лютеранских князей с их ярко выраженным желанием следовать «старой, доброй традиции».

Конфессиональная эпоха, бесспорно, наложила свою печать на облик двора. В целом акцентируется значение духовного окружения князя. Уже давно идущие споры по поводу размеров влияния конкретных лиц на государей (Вильгельма Ламормэна — на Фердинанда II, Адама Концена — на Максимилиана Баварского, Абрахама Скульте — на курфюрста Фридриха V Пфальского или Гоэ фон Гоэннегга — на Иоганна Георга I Саксонского) позволяют констатировать если и не прямую зависимость политики от голоса церкви, то, по крайней мере, глубокую ответственность перед мнением духовных наставников. Двор испытывал мощную религиозную унификацию. Характерный пример являла резиденция Габсбургов: чтобы приобрести более или менее престижную придворную должность в Вене или Праге, требовалась конвертация в католицизм. Искусственное сохранение на высших постах иноверцев осуществлялось, как правило, лишь исключительной протекцией князя, зачастую — с молчаливого неодобрения большинства придворных, принадлежавших к территориальной конфессии. Иллюзорно значимые позиции иноконфессиональных меньшинств при дворе исчезали почти мгновенно вместе с переменой правления, влекшей прекращение старой протекции. Пример Дрездена времен Христиана I (1586–1591) был одним из ярких: вслед за смертью этого друга кальвинистов на троне рушились карьеры всех его реформатских выдвиженцев. Конфессиональный ригоризм был ясно выражен функционировании придворных штатов. В надворных уложениях в первую очередь фиксировались требования к придворным придерживаться одной веры с

князем. Все чины — от гофмаршала и до пажей — обязаны были давать присягу на верность конфессии своего государя и защищать интересы церкви, что считалось равноценным защите княжеского достоинства.

В смысле социальных перемен мы видим на примерах самых крупных княжеских дворов (Вена, Мюнхен, Дрезден, Штуттгарт, Берлин) заметное вытеснение бюргерского элемента с командных должностей. Шел процесс своеобразного «*одворянивания*» придворных обществ. Столетие, насыщенное гуманистической аурой, учеными традициями, привнесенными академической элитой города, ушло в прошлое. Дворянство уверенно лидировала на всех этажах придворной администрации. Но приток его ко двору следовал в русле определенных нормативов. *Княжеская протекция* играла прежде всего существенную роль в жизни небогатых и неродовитых дворян. Поэтому двор пополнялся преимущественно выходцами из средних и низших рядов как местного, так и иноземного дворянства. Следствием выступало часто наблюдаемое расширение придворных штатов к началу XVII в.

Характерным явлением стал *фаворитизм*, представленный в виде прямого покровительства, выделявшего из массы чинов лишь одного. Традиции фаворитизма были неразрывно связаны с протекцией, корпоративной солидарностью сословного общества и восходили к «седому» средневековью. Однако само явление приобретает достаточно большой размах именно к началу XVII в., правда, в определенной немецкой специфике: почти не было женщин в публичном статусе фавориток, а будущие фавориты нередко располагали хорошо подготовленным служебным опытом, авторитетом и признанием. Причем в духе патриархальной традиции княжеская протекция распространялась обычно на всю родню любимцев. Феномен фаворитизма в немецких землях носил четко выраженный мужской, клановый и служебный характер. Немецкие дворы не знали примеров мгновенного взлета карьер от низовых ступеней до высших постов, равно как и заметного влияния «выскачек» на правительственные дела. В глазах современников быть избранным среди мно-

гих означало прежде всего признание высоких служебных заслуг и не считалось беспочвенной прихотью господина. Неслучайно, что и само слово — «любимчик», «фаворит» в своем сомнительном, часто негативном значении появится в немецком языке лишь много позднее, в XVIII в.

Немецкий княжеский двор к началу XVII в. все более утрачивал прежнюю конфигурацию относительно узкого круга лиц, обслуживающих нужды территориального государя. Он превращался в представительный форум местной сословной элиты, в сложный социальный организм, начинавший жить отчасти по собственным внутренним законам большой корпорации.

Заключая разговор о дворе, отметим его проблематику, в последние годы особенно оказавшуюся в центре внимания немецких историков. Двумя главными вопросами здесь являются специфика немецкой придворной организации в раннее Новое время и изменение ее социального профиля.

Часть немецких историков склонна находить специфику немецких княжеских дворов в патриархальности и консерватизме, унаследованных от позднего средневековья. Мы наблюдаем не столько революцию придворных структур, сколько эволюцию под тяжким бременем средневековых традиций. В Германии конфессиональной эпохи прослеживалось лишь локальное влияние двух основных типов европейской придворной организации — бургундско-испанской и итало-французской. Кроме Вены и в очень ограниченных размерах Мюнхена (главным образом, в области церемониала), нигде не видно заметного воздействия испано-бургундского прототипа.

Проблема социальной парадигмы двора была впервые ясно сформулирована *Норбертом Элиасом* в его книге «Придворное общество», изданной в 1969 г. В ней Н. Элиас, правда, на французском примере, определил решающее значение двора для «доместикации» дворянства в качестве клиентелы короля. Двор притягивал посредством королевской протекции провинциальное дворянство, лишал регионы серьезной антикоролевской оппозиции и выступал мощным рычагом центральной монархической власти. Н. Элиас считал двор раннего Нового времени индикатором и ге-

нератором крупных перемен в цивилизационном развитии. На немецком материале подобный тезис неоднократно воспроизводился в последующих исследованиях (Г. фон Крюденер, П. Баумгартен, Ф. Пресс и др.), в которых ставилась задача прежде всего показать интегративную роль двора для низшего дворянства. Сквозь призму социальных функций придворной организации историки стремились анализировать и культурные формы придворной жизни, манифестацию двора. Наиболее подробно на локальном венском материале подобный подход продемонстрировали Губерт Эхальт (двор Габсбургов в XVII в.) и Карин Плодек (ансбахский двор в XV-XVIII вв.).

Тезис Н. Элиаса, однако, стал встречать со временем все большие возражения среди историков, особенно регионалистов, которые отмечают однобокость, достаточный примитивизм его схемы. Наиболее последовательным оппонентом Н. Элиаса стал *Алоиз Винтерлинг*, издавший в 1986 г. свою диссертацию о дворе архиепископов Кёльна. В ней автор подчеркивает значение двора как системы межсословного компромисса, социальной стабилизации, в рамках которой обретали устойчивую опору институты власти и мир ее подданных. Для конфессиональной эпохи мы, в свою очередь, отметили бы значение патриархальных традиций, особенно развитых у лютеранских князей, для которых двор был ближним пространством собственного Дома. Как часть целого Дома двор был лишен программного, институционального смысла. Он являл собой огромный приют под покровом княжеской милости и щедрости, где реализовывались социальные гарантии дворянства и бюргерской элиты, отнюдь не в столь инструментализированной форме, как полагает А. Винтерлинг. Новейший обобщающий очерк *Райнера Мюллера* скорее констатирует все еще не до конца решенную проблему сравнительных параллелей между почти 300 княжескими дворами Империи раннего Нового времени, нежели дает однозначное решение поставленных проблем. Кроме того, большинство уже имеющихся наработок все-таки посвящены различным придворным парадигмам в гораздо более широком промежутке времени, чем собственно столетие 1550–1650 гг.

В последние годы усилиями академической комиссии по изучению резиденций во главе с Вернером Паравичини проделана большая работа в области исследования двора и отдельных сфер придворной жизни Германии раннего нового времени. В рамках ее работы были сформулированы и новые подходы к толкованию феномена придворных обществ, в частности *Яном Хирибигелем*, взгляды которого основываются на социологических постулатах Т. Парсонса и предполагают анализ взаимодействия двора с окружающей социальной средой. Новые версии, впрочем, соседствуют с обилием весьма разного и подчас противоречивого уникального материала источников и нуждаются в дальнейшей апробации.

В территориальной системе управления большинство немецких княжеств тяготело к традиционной схеме, унаследованной от средневековья, центрами которой были руководители местных округов — *амтманы* и *фогты*. Наблюдались перемены количественного порядка, расширялись штаты помощников, сами должности, обладателями которых выступали зачастую представители местной знати, превращались в своеобразные синекуры, позволявшие считать их скорее почетными и доходными, но при том возрастал уровень профессионализации и бюрократизации вспомогательного аппарата. Административное делопроизводство реально вели опытные секретари, большей частью — выходцы из бюргерской среды с дипломами юристов. Интенсификация административной жизни требовала высокой компетенции от местных начальников, поэтому даже дворяне в чинах амтманов или фогтов не были избавлены от предварительной специальной подготовки. Кузнецами учености в таких условиях становились либо собственные, либо близлежащие авторитетные *университеты*, заботливо опекавшие княжеской властью, видевшей в профессуре и выпускниках главную техническую опору своей администрации. Принципы местного управления существенно не изменились с позднего средневековья, но менялись его качественные и количественные показатели.

Некоторые перемены коснулись и *военной организации*, когда под воздействием нидерландской войны в западных

землях, особенно во владениях графов Нассау, стали формироваться регулярные армии нового типа. Этому содействовала кальвинистская доктрина с ее жесткой правительственной организацией, равно как стоическая философия античности, поклонниками которой выступали нассауские графы. Муштра, обезличивание солдата и офицера, превращавшихся из самостоятельных звеньев иерархии в простые боевые единицы, — главные образующие этой новой военной доктрины. Несомненно, мы наблюдаем в данном случае настоящий прорыв в военном деле, завершившийся созданием знаменитой линейной тактики, но он лишь весьма относительно затронул остальные немецкие земли, где, особенно в лютеранских владениях, господствовали старые воззрения и где повседневная защита возлагалась на дворянское ополчение, земский ландвер и наемный корпус офицеров. Только в случае большой войны предусматривался найм на службу генералитета, офицерского корпуса и развертывание из числа наемников рот, эскадронов и полков. Лишь в начале XVII вв. некоторые крупные князья, как Максимилиан Баварский и Иоганн Георг Саксонский, позволили себе организовать некое подобие регулярных формирований, однако в весьма ограниченных пределах, имевших мало общего с теоретически хорошо фундированной и на практике разветвленной системой военного дела нассауских графов. Принципиальным оставалось различие между подходом, основанным на постепенном размежевании «гражданских» и «военных» сфер общественной жизни, что логично вытекало из преобразований в Нидерландах, и ленно-правовой доктриной, предполагавшей не «общегражданский», внесловный подход, а иерархичный, основанный на статусе воюющих лиц.

Впрочем, эффективность всех этих долговременных процессов, протекавших в недрах судопроизводства, финансов и местного управления, не могла изменить базовую основу территориальной власти князей — ленное право, связывавшее князя и всех его подданных в единую пирамиду, на ступенях которой все — от рыцарей, медиатизированных графов, баронов и до городских общин — выступали вассалами, сословиями, «чинами земли». Поэто-

му и в конце реформационного столетия проблема отношений князей и сословий оставалась во многом центральной для судеб территориальных княжеств. Конфессиональная эпоха, как и предшествовавшее столетие, знала различные формы сословно-княжеского диалога. Главным местом его проведения был *ландтаг*. Сила сословий, превалирование тех или иных курий на ландтагах зависели от исторических условий каждого региона. В значительной части западных и центрально-немецких владений господствующей формой было *трехкамерное* сословное представительство, предполагавшее наличие трех относительно цельных и многочисленных курий: духовенства, рыцарства и городских общин (с многочисленными отклонениями в виде присутствия относительно малых и невлиятельных фракций баронов, «господ» или графов, принципиально не менявших общую схему). Классическими примерами здесь были Бавария, Пфальц, Гессен, брауншвейгские земли и Саксонское курфюршество. Другой формой был *«двухкамерный»* ландтаг, где руководящее значение имели две курии, представленные духовенством и дворянством или дворянством и городскими общинами, причем дворянство было весьма многочисленным и дробилось на две или несколько фракций: собственно рыцарство, «господа», бывшие в ленном подданстве князю, имперские бароны и имперские графы, также по части своих сеньорий бывшие ленниками князей. Подобное представительство получило развитие преимущественно в юго-восточных и южных землях Империи, особенно в Австрии и Богемии, где рыцарство и «господа» исторически образовывали самую мощную и влиятельную сословную группу. В Вюртемберге и Бадене, напротив, городские общины могли весьма ощутимо соперничать с рыцарством по степени влияния на ландтаге. Духовные княжества образовывали достаточно специфичную модель: традиционно ведущей силой здесь наряду с собранием духовных общин был соборный капитул — главный коллегиальный правительственный орган, избиравший епископов и архиепископов, представленный, как правило, самыми влиятельными дворянскими фамилиями. Хотя тридентские реформы резко ограничили автономию капитула, однако на

деле усиление епископских полномочий шло во многих княжествах очень медленно. Капитул, образуя фактически ядро ландтага, часто находил общий язык со светской дворянской курией и успешно блокировал инициативы своих патронов. Весьма показательный пример тому являло епископство Аугсбург, где в 1566 г. капитул вынудил архиепископа Отто Трухзеса практически передать под собственный контроль епископские финансы. Были примеры и иного рода: в 1606 г. соборный капитул архиепископства Зальцбург был вынужден практически капитулировать под давлением княжеской власти. В том и другом случае, впрочем, капитул выступал настоящим форумом местного дворянства, своеобразной духовной фракцией дворянского сословия.

Реформация в некоторых княжествах решительным образом изменила баланс сил между сословиями. За счет секуляризации церковного имущества и превращения бывших католических общин в администрации князей при формальном сохранении капитулов и каноникатов духовная курия лишилась на ландтагах бывшего значения, что ярче всего иллюстрирует пример Саксонского курфюршества и Нижнего Пфальца. Но это, как правило, не означало автоматического усиления позиций самих князей перед сословиями. Конфискованные земли церкви часто реализовывались для общественных нужд, даровались дворянским семьям, а соборные и орденские капитулы не распускались, являясь прибежищем младших отпрысков уже евангелических дворянских родов, для которых сохранение прежних церковных общин было жизненно важным подспорьем. Таким образом возникал эффект «поглощения» светским дворянством бывших скамей церковной курии на ландтаге, что резко усиливало роль дворянской фракции в целом. Пример Саксонии в этом смысле кажется весьма показательным: дворянство (преимущественно рыцарство) и города стали главными доминирующими силами на ландтаге в конфессиональную эпоху. От встречных «пожеланий» ландтага, весьма сильно связывавших руки Веттинов, князья не могли избавиться и в XVIII в. В Пфальце переход в кальвинизм гейдельбергских курфюрстов имел драмати-

ческие последствия для княжеской власти: ландтаг фактически распался из-за ухода лютеранского дворянства в имперское рыцарское сословие, что лишило Виттельсбахов главного источника финансовой поддержки и обусловило накануне Тридцатилетней войны настоящую финансовую катастрофу. В Вюртемберге слабость дворянской курии, традиционно тяготевшей к имперскому рыцарству, создавало опасную иллюзию слабости сословий, что спровоцировало герцога Фридриха I в начале XVII в. на жесткий прессинг ландтага, который, однако, сплотил сословия и вызвал ответную мощную реакцию, заставившую герцога пойти на полную капитуляцию и пожертвовать своим канцлером Маттиасом Энцлином. Пример Баварии как пример последовательного роста княжеского полюса в противовес ландтагу еще не стал всеобщим показателем. Вероятно, следует согласиться с мнением Ф. Пресса, считавшего неверным характеризовать отношения князя и сословий термином «*дуализм*»: речь нигде не шла о противопоставлении двух сфер интересов — только лишь княжеской «государственности» и нарождавшегося «гражданского общества» в лице сословий. Базовое единство сохранялось. Сословно-княжеский консенсус стал главной предпосылкой стабильного существования территориальной организации и нормой для рубежа XVI–XVII вв.

Главными вопросами, стоявшими в центре внимания ландтага, были *финансы* и *налогообложение*. Для крупных лютеранских княжеств эта проблема выступала в виде двуликого Януса: обогащаясь за счет секуляризации церковного имущества, вводя в орбиту финансового контроля новые земли, князья вынуждены были тратить на новые административные учреждения и ставить судьбу новых доходов от секуляризации в зависимость от сословного мнения. Доминирующие позиции дворянства, в меньшей степени — городов, вынуждали князей идти на компромисс, яркий пример которого демонстрировала Саксония. Еще более сложным оказался вариант Пфальца, где политика гейдельбергских властителей оттолкнула значительные ряды тамошнего дворянства, что привело к финансовому коллапсу. Но не менее противоречиво рисовались финансовые дела и в ка-

толических землях. В духовных княжествах, вынужденных перестраиваться под требования тридентских реформ, князья зачастую оказывались должниками сословий. Не были избавлены от больших издержек и светские католические государи, стремившиеся не только усилить административные институты, но и помогать подопечному духовенству. Финансирование крупных земских университетов и школ выступало здесь, как и в протестантских землях, одной из самых расходных статей бюджета. Пожалуй, лишь в Баварии осторожная политика Максимилиана Великого с 1598 г. смогла ликвидировать княжеские долги и избавить финансы от постоянной опеки сословий.

Перспективы развития территориальной власти в этой связи не видятся однозначно как мощный прорыв в становлении территориальной государственности. Конфессиональная эпоха бесспорно содействовала *росту институционализации* территорий, появлению новых учреждений, профессионально подготовленных управленческих кадров, прежде всего связанных с церковной администрацией и судебными инстанциями. Однако в совокупности комплекс проблем, унаследованный от «территориального государства» позднего средневековья, еще не получил окончательного, притом только лишь во благо княжеской власти решения. Речь шла скорее о *новом уровне* и новой динамике в развитии территориальных структур.

ИСТОЧНИКИ

1. Deutsche Hofordnungen des 16. und 17. Jahrhunderts / Hrsg. von A. Kern. Bd 1–2. Berlin, 1905, 1907.
2. Dokumente zur Geschichte von Staat und Gesellschaft in Bayern. Abt. 1–3. München, 1974 ff.
3. Die Hausgesetze der regierenden deutschen Fürstenhäuser / Hrsg. von H. Schulze. Bd 1–3. Jena, 1862–1883.
4. Landtagsakten von Jülich und Berg 1400–1610 / Hrsg. von G. von Below. Bd 1–2. Düsseldorf, 1895–1907.
5. Polizei- und Landesordnungen / Hrsg. von K. G. Schmelzeisen. Bd 1–2. Weimar, 1968–1969.
6. Quellen zur Behördengeschichte Bayerns / Hrsg. von M. Mayer. München, 1890.

1. *Проконьев А. Ю.* Жезл гофмаршала (высшие должности при дрезденском дворе в XVII в.) // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2. Вып. 1. 2001. С. 36–49.
2. *Элиас Н.* Придворное общество. М., 2002.
3. *Alltag bei Höfe* / Hrsg. W. Paravicini. Sigmaringen, 1995.
4. *Bauer V.* Die höfische Gesellschaft in Deutschland von der Mitte des 17. bis zum Ausgang des 18. Jahrhunderts. Tübingen, 1993.
5. *Bauer V.* Hofökonomie. Der Diskurs über den Fürstenhof in Zeremoniellwissenschaft, Hausväterliteratur und Kameralismus. Wien; Köln; Weimar, 1997.
6. *The Courts of Europe* / Ed. by A. G. Dickens. London, 1977.
7. *Bernhart W.* Die Zentralbehörden des Herzogtums Württemberg und ihre Beamten 1520–1629. Bd 1–2. Stuttgart, 1972–1973.
8. *Bosl K.* Geschichte der Repräsentation in Bayern. München, 1974.
9. *Carsten F.* Princes and Parliaments in Germany from the Fifteenth to the Eighteenth Century. Oxford, 1963.
10. *Deutsche Verwaltungsgeschichte* / Hrsg. von K. G. A. Jeserich et al. Bd 1 (Vom Spätmittelalter bis zum Ende des Reiches). Stuttgart, 1983.
11. *Dülfer K.* Fürst und Verwaltung. Grundzüge der hessischen Verwaltungsgeschichte Im 16–19. Jahrhundert // Hessisches Jahrbuch für Landesgeschichte, 3, 1953. S. 150–223.
12. *Duwe G.* Erzkämmerer, Kammerherren und Ihre Schlüssel: Historische Entwicklung eines der ältesten Hofämter vom Mittelalter bis 1918. Osnabrück, 1990.
13. *Das Frauenzimmer. Die Frau bei Hofe in Spätmittelalter und früher Neuzeit* / Hrsg. von J. Hirschbiegel, W. Paravicini. Stuttgart, 2000.
14. *Europäische Hofkultur im 16. und 17. Jahrhundert* / Hrsg. von A. Buck. Bd 1–3, Hamburg, 1981.
15. *Hattenauer H.* Geschichte des Beamtentums. Köln, 1980.
16. *Hintze O.* Typologie der ständischen Verfassungen des Abendlandes // Hintze O. Staat und Verfassung / Hrsg. von G. Oesterreich, F. Hartung. 2. Aufl. Göttingen, 1962. S. 120–139.
17. *Höfe und Hofordnungen 1200–1600* / Hrsg. von H. Kruse, W. Paravicini. Sigmaringen, 1999.
18. *Hollweg W.* Die Heeresreform der Oranier und die Antike. Berlin, 1941.
19. *Jsaaksohn S.* Geschichte des preussischen Beamtentums vom Anfang des 15. Jahrhunderts bis auf unsere Gegenwart. Bd 1–3. Berlin, 1874–1878.
20. *Klein E.* Geschichte der öffentlichen Finanzen in Deutschland (1500–1870). Wiesbaden, 1974.
21. *Kruedener J. Frhr. v.* Die Rolle des Hofes im Absolutismus. Stuttgart, 1973.
22. *Krüger K.* Finanzstaat Hessen 1500–1567. Staatsbildung vom Domänenstaat zum Steuerstaat. Marburg, 1980.
23. *Lanzinner M.* Fürst, Räte und Landstände. Zur Entstehung der Zentralbehörden in Bayern 1511–1598. Göttingen, 1980.

24. Ordnungsformen des Hofes / Hrsg. von U. Chr. Ewert, S. Selzer. Kiel, 1997.

25. *Plodeck K.* Hofstruktur und Hofzeremoniell in Brandenburg-Ansbach vom 16. zum 18. Jahrhundert // Jahrbuch des historischen Vereins für Mittelfranken, 86, 1971/72. S. 1–261.

26. *Press, KK.* S. 110–123.

27. *Press V.* Formen des Ständewesens in den deutschen Territorialstaaten des 16. und 17. Jahrhunderts // N 23. S. 280–318.

28. *Press V.* Finanzielle Grundlagen territorialer Verwaltung um 1500 (14.–17. Jh.) // Die Verwaltung und ihre Ressource. Untersuchungen zu ihrer Wechselwirkung. Berlin, 1991. S. 1–45.

29. *Princes. Patronage, and the Nobility -- The Court at the Beginning of the Modern Ages c 1450–1650* / Ed. by R. Asch, A. Birke. Oxford, 1991.

30. *Schirmer U.* Kursächsische Staatsfinanzen (1456–1656). Strukturen — Verfassung — Funktionseliten. Stuttgart, 2006.

31. Ständentum und Staatsbildung in Brandenburg-Preussen / Hrsg. von P. Baumgart. Berlin, 1983.

32. *Willoweit D.* Deutsche Verfassungsgeschichte. Vom Frankenreich bis zur Wiedervereinigung Deutschlands. 3. Aufl. München, 1997.

33. *Winterling A.* Der Hof der Kurfürsten von Köln 1688–1794. Eine Fallstudie zur Bedeutung «absolutistischer» Hofhaltung. Bonn, 1986.

III. КРИЗИС В ИМПЕРИИ НА РУБЕЖЕ XVI И XVII вв.

§ 1. ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

По мнению большинства немецких историков, к началу XVII в. Империя оказалась в состоянии глубокого структурного кризиса, ставшего прологом к Тридцатилетней войне. В основе его лежало постепенное расшатывание Аугсбургской мирной системы и эскалация напряженности на всех этажах имперского здания. Однако мнения вокруг хронологии и первых симптомов кризиса в трудах историков разнятся. Имеющиеся точки зрения условно можно разделить на две группы: ранняя и поздняя датировка. Э. В. Цееден, избегая точных рубежей, склонен был рисовать в целом все правление Рудольфа II (1576–1612) ступенями к Тридцатилетней войне. По мнению Г. Лутца, кризис стал развиваться в течение двух последних десятилетий XVI в. Г. Шмидт полагает необходимым брать за его начало уже конец 70-х гг., т. е. первые годы правления Рудольфа II. Х. Шиллинг также считает возможной относительно раннюю датировку: по его мнению, Империя была охвачена смутой на исходе века, но первые симптомы напряженности обнаруживались уже в конце 70-х гг. Для Ф. Пресса кризис несомненен во всяком случае для начала XVII в. Х. Клютинг с некоторой осторожностью указывает в целом на 1600 г., на самый рубеж столетий, как на начало новых конфессиональных столкновений.

Каковы же были составные элементы кризисных явлений?

Х. Шиллинг — в этом он резко отличается от своих более структурно ориентированных коллег — усматривает первопричину кризиса главным образом в общих социально-культурных, духовных и ментальных сдвигах в

конце XVI в. «Заявленная с семидесятих годов всеобщая мировоззренческая и идеологическая конфронтация, — пишет он, — воздействовала также на государства и на их отношения. В Империи появились люди, желавшие конфронтации. . . Почему же должно было случиться, что державшийся на протяжении целого поколения мирный порядок совместной жизни более не находил почвы? Виной тому не Аугсбургский компромисс, который к началу XVII в. скреплял мир, но люди, чьи представления в эпоху формирования конфессий изменились. Лишь эти ментальные перемены превращали спорные вопросы, по которым в 1555 г. не было достигнуто единства, в высшей степени взрывоопасный материал» [Schilling, АК. S. 397–398].

Г. Лутц также исходит из более общих социальных и духовных основ, хотя и не вполне разделяя парадигму конфессионализации Х. Шиллинга. Первым крупным симптомом кризиса, по мнению историка, стало относительно четко выраженное контрреформационное движение в годы правления Рудольфа II, сопровождавшееся серией острых региональных стычек между протестантами и католиками, начиная от борьбы за Кёльн при архиепископе Гебхарде Трухзесе в 1582 г. и заканчивая ростом религиозного противостояния в начале XVII в. Неразрешенный в полной мере и не могущий быть в условиях XVI в. разрешенным межконфессиональный конфликт имел логичным следствием острый кризис всей имперской организации.

Историки, стоящие на позициях институционального структурализма, склонны скорее указывать на конкретные неразрешенные вопросы Аугсбургского мира, медленно разрушавшие внутреннюю стабильность имперского здания. При этом, впрочем, ссылаются и на более общие причины, связанные с конфессионализацией. *Эрнст Вальтер Цееден* говорил о пяти спорных вопросах, оставшихся в наследство от 1555 г., оказавшихся так до конца и не урегулированными и превратившихся в главные спорные пункты между сословиями к концу века: проблема признания кальвинистов и кальвинизма, реформационное право имперских городов, секуляризация епископств и духовных общин, расположенных на протестантских тер-

риториях, обязанности по «Декларации Фердинанда» для духовных княжеств и «Духовной оговорке» — для светских чинов. *Фолькер Пресс* резче обрисовывал общий социально-религиозный контекст: «Обновленный католицизм настаивал с удвоенной силой на своих правах: реформаты, находясь в неустойчивом положении, стали под главенством Пфальца ударной силой политики ревизионизма, направленной против религиозного мира. Конечно, юристы закрывали туманными интерпретациями многочисленные неразрешенные проблемы 1555 г., но становившееся все более зримым размежевание сил содействовало католической консолидации, с одной стороны, и кальвинистскому ревизионизму — с другой, т. е. тому развитию, которое в конце концов должно было разрушить систему религиозного мира. Процесс конфессионализации был в 1555 г. нарочито признан, однако его взрывное воздействие на имперскую организацию не могло быть нейтрализовано» [*Press*, КК. S. 161].

Георг Шмидт, вышедший из школы Ф. Пресса и рассматривающий историю Империи сквозь призму национальной идеи и «комплементарной» государственности, увидел первые серьезные элементы кризиса уже в первые годы царствования Рудольфа. Они заключались, с его точки зрения, не только во внутренних проблемах, порожденных конфессионализацией, но и во все большей «открытости» Империи внешним силам, в «интернационализации» имперской политики, когда конфликты в соседних странах неизбежно задевали имперские регионы. Общество вовлекалось в общеевропейскую борьбу. «Рудольф II оценивал протестантов как ревнитель католицизма, и конфликты в Западной Европе более не щадили Германию. Немецкие проблемы оказались втянутыми в общеевропейскую политическую и религиозную борьбу... Мир уже задолго до Тридцатилетней войны стал понятием относительным» [*Schmidt*, GAR. S. 120].

Аксель Готтхард возлагает ответственность за эскалацию кризиса на разрушение внутриимперских коммуникаций — старых форм общения элиты и традиционных учреждений. Структура самого кризиса у него мало в чем от-

личается от модели, предложенной коллегами, но особенное внимание он обращает, как Х.Шиллинг и Ф.Пресс, на обостряющийся фактор конфессионализации и на разрушение личного доверия между имперскими чинами.

Наконец, все исследователи эпохи, начиная с Э. В. Цеедена, связывают драматичные перемены со сменой поколений: в конце XVI в. сошли со сцены почти все творцы Аугсбургской системы. Их сменили властители, не чувствовавшие за собой столь большую ответственность за сохранение мира и не испытывавшие тяжкие лишения религиозных войн последних лет царствования Карла. Многие из них оказывались скорее склонными к реваншу за неудачи предшественников, к ревизии, казалось бы, устоявшихся принципов, нежели к консерватизму и согласию.

Аксель Готтхард, например, в качестве символической даты разрыва между поколениями выставляет кончину курфюрста Августа Саксонского в 1586 г.: тогда сошел в могилу последний и, пожалуй, самый авторитетный участник созидания Аугсбургского мира.

Структурный анализ позволяет вычленить отдельные, тесно взаимосвязанные друг с другом компоненты кризиса. В числе главных в первую очередь следует отметить *династическую распрю в Доме Габсбургов* в начале XVII в., имевшую далеко идущие последствия для Империи в целом и особенно сильно сказавшуюся на общем положении Богемии в конфессионально-политическом пейзаже Империи. Вторым важным компонентом стал *паралич имперских правительственных учреждений*. Оказавшись без нормально работавших высших законосовещательных, законодательных и судебных инстанций, сословное общество вынуждено было направить энергию на созидание альтернативных структур. Наконец, третьим, территориальным слагаемым кризиса явилось все более отчетливое *формирование радикальных группировок* среди католической и протестантской княжеской элиты. Опираясь на региональные силы и иноземную поддержку, они не только «интернационализировали» саму имперскую политику, но и разрушали внутреннюю стабильность. Каждая из этих составляющих кризисного процесса имела свою собственную предыс-

торию, по времени своего возникновения они могли различаться. Однако при всем том очевидно тесное взаимопереплетение их с более общими проблемами, восходившими к неразрешенным вопросам конфессионализации и Аугсбургской мирной системы. В самом деле, едва ли они получили бы столь большое значение, если бы не имели глубоких корней и не затрагивали наболевшие язвы общественной жизни.

§ 2. РУДОЛЬФ II И ДИНАСТИЧЕСКИЙ КРИЗИС В ДОМЕ ГАБСБУРГОВ

В освещении деятельности этого императора вплоть до сегодняшнего дня мнения историков расходятся.

Рудольф являл собой образ, резко контрастировавший с коронованными предшественниками второй половины века. По воспитанию и склонностям он отличался от отца и дяди. Свою молодость будущий император провел в Вене, в насыщенной творческой и интеллектуальной ауре, еще не успевшей растаять после отречения Карла. Однако отправленный в 1563 г. в Испанию, где из династических соображений он вместе с братьями должен был провести семь лет, принц оказался совсем в иной среде: в строго католической атмосфере Мадридского двора, в таинственном мире сакрального придворного церемониала. *Испанские порядки* глубоко затронули его душу. Они если и не пробудили будущие наклонности, то, во всяком случае, сильно воздействовали на врожденные увлечения *мистикой*. Впоследствии, став властителем Империи, Рудольф поторопился воспроизвести у себя в Праге модель мадридского придворного стиля. Табуирование, постоянное сокрытие фигуры монарха от сторонних глаз выступало самой зримой чертой копирования. Если Фердинанд I, его дед, всегда сторонился испанской моды, всегда ощущал себя связанным прежде всего немецкой традицией наследственных земель, если Максимилиан II всюду, где можно, демонстрировал широту натуры, публичность и открытость людям, окружавшим его, и меньше всего соблазнялся строгой католической ортодоксией своих испанских родственников, то Рудольф, напро-

Император Рудольф II (1576–1612). Триумфальный образ, столь характерный для наступающего века барокко, представлен на современной гравюре Эгидия Зедлера

тив, привез и оставил подле себя частицу испанского мира, притом немалую. Несомненно, здесь сказывались предрасположенности, прежде всего к высоким интеллектуальным сферам, а поначалу — в менее заметной форме — к глубоким психологическим переживаниям.

При жизни отца Рудольф сумел пройти важнейшие ступени, отделявшие его от престола. В 1575 г. он венчался венгерской короной и в 1576 г. без больших препятствий был провозглашен курфюрстами императором Священной Империи. Наряду с новыми вкусами Рудольф внес и более заметные нотки конфессионального ригоризма: в отличие от терпимого и вообще склонного к «увлечению» протестантизмом отца Рудольф был более дисциплинирован в вопросах католической веры. Сам он никогда не выражал сомнения в правильности догмы и старался соблюдать обряды. Но интеллектуальные и психологические наклонности придавали его католицизму в высшей степени оригинальный характер. Болезни, часто навещавшие его, усугубляли картину: с 80-х гг. в нем все заметней стала проявляться тяга к одиночеству, к *мистике* и *оккультным наукам*, что, впрочем, соседствовало с патронажем высокому искусству. С одной стороны, в покои имперского дворца получили доступ явные представители мистических традиций, от заурядных алхимиков и абсолютно ничтожных проходимцев, вплоть до совершенно темных личностей, к примеру, раввина Юдаха Лёва бен Бетцалея, показывавшего Рудольфу якобы созданного им искусственного человека (легенда о Големе). С другой стороны, в окружении императора блистали крупнейшие европейские интеллектуалы, как-то астрономы первой величины тогдашней Европы швед Тихо де Браге и немец Иоганн Кеплер, удовлетворявшие, прежде всего, астрологические интересы государя. Наконец, Рудольф оказывал масштабное покровительство художникам и литераторам. Под его щедрой дланью в Праге возникнет т. н. *«Рудольфинский, или Пражский, кружок»*, превратившийся в главный центр раннебарочной культуры Центральной Европы. В нем мы видим преимущественно нидерландских (фламандских), немецких, реже — итальянских мастеров. Главным космополитическим арбитром вы-

ступал фламандец *Бартоломеус Шпрангер*, известный не только своими художественными творениями, но и теоретическими взглядами. Среди всех прочих следует отметить *Карела ван Мандера*, оставившего любопытные биографические заметки о деятелях рудольфинской академии, и немца *Ганса из Ахена*, потакавшего историко-провиденциалистскому настрою императора и создавшего великолепный цикл триумфальных полотен, прославлявших события и подвиги его царствования.

Увлечения императора накладывались на его внешне безупречный конфессиональный профиль и сильно стимулировались психологическими проблемами: депрессивность, вплоть до мыслей о самоубийстве, с годами посещала его все чаще. Целостное объяснение его феномена возможно лишь с принятием тезиса Р. Эванса и под его влиянием — Ф. Пресса, считавших, что император сознательно бежал от тяжелой реальности в мир высоких и таинственных материй. Слишком неустроенный христианский макрокосм в своем соприкосновении с легко ранимой душой императора побуждал к изоляции, к усиленной рефлексии в области трансцендентного. По мере роста политических проблем усиливалась депрессивная устранимость Рудольфа от мира в кругу мистиков, алхимиков и живописцев. Впрочем, пытаясь воссоздать коллективный портрет его окружения, можно увидеть некую общую черту: практически все из одаренных лаской императора думали универсальными макрокосмическими категориями; почти все пытались в своих опытах, открытиях или творчестве постичь идею единства и мировой гармонии, тем самым давая ответ на вопрос императора, поставленный его бегством от мира. В иллюзиях идеального целого Рудольф восполнял ущербность реального правления.

Прямым следствием выступало ширившееся сомнение среди родственников и духовенства в правильном понимании императором догмы: можно было принять и оправдать вполне нормированную эпохой увлеченность астрологией, но труднее было согласиться с откровенно магическими экспериментами и общением с носителями иудаизма. Родственников, особенно духовного сана, как, например, эрц-

герцога Максимилиана, главу Немецкого ордена, равно и Матфея раздражало помимо прочего именно это странное сочетание веры и оккультизма их императора. Здесь возникал один из истоков семейного кризиса, впрочем, до поры — не столь заметный.

Немаловажное значение для последующего развития событий имели и *династические проблемы*, связанные с наследованием. Рудольф не был женат, и законнорожденных детей у него не было, что, видимо, — и здесь вновь следует согласиться с Р. Эвансом — придавало его портрету драматичный оттенок. Проект его женитьбы на дочери Филиппа II Изабелле Кларе Евгении остался в мечтах. Пообещавший отдать свою любимую дочь императору, мадридский дядя потом переменял решение, обручил ее с родным братом Рудольфа Альбрехтом и назначил последнего наместником Нидерландов. Результатом стала стойкая неприязнь Рудольфа к брату и к испанским родственникам. С конца 90-х гг. в кругу многочисленных братьев императора стали намечаться планы возможного преемства, где роль ведущего претендента начал играть эрцгерцог Матфей. Лишенный всяких владений, за исключением пустого титула эрцгерцога Австрийского, Матфей мечтал о более достойном уделе, тем более что за несколько лет до этого он тщетно пытался укрепиться в Нидерландах, принуждаемый к этому самим императором.

Смесь родственных и религиозных обид дополнялась политическими трудностями, вину за которые возлагали на государя. Как никто из своих ближайших предшественников, Рудольф стремился восстановить репутацию Империи и престола в деле защиты европейского христианства.

Следствием стал кризис в отношениях с *Турцией*, приведший к войне, получившей в литературе наименование «*Долгой турецкой войны 1593–1606 гг.*» Борьба развернулась в границах традиционного противостояния: сражения шли в Среднем Дунае и в Венгрии. Христианскому оружию сопутствовал переменный успех: в 1593 г. имперцы разбили турок при Сисаке в Хорватии, в следующем г. сами потерпели поражение, лишились на короткое время стратегически важного Рааба (1594), но затем смогли отбить

древнюю столицу Венгрии Штульвайссенбург (Секешфехервар, 1596), вновь Рааб (1598) и даже на время захватить Буду в 1600 г. Однако новая неудача (потеря Канишы в 1601 г.) и изнурительная пограничная война, вылившаяся в мелкие операции, истощили стратегические ресурсы армии. Рудольф последовательно делал ставку на доверие протестантских князей, пытаясь заручиться их финансовой поддержкой в обмен на гарантии религиозных свобод. Компромисс с протестантами относительно хорошо работал в первые годы, до новых серьезных конфликтов. Но он сам по себе раздражал католическую родню императора, видевшую в уступках протестантам пагубу для всей имперской католической половины. Кроме того, война совершенно дестабилизировала ситуацию в сопредельных землях. В Трансильвании вспыхнуло опасное движение местного дворянства, поставившее под сомнение не только достигнутые успехи, но и всю систему габсбургской клиентелы в наследственных землях.

Истоки мятежа крылись в патронажной политике нового императора. Трансильвания, бывшая в орбите габсбургских интересов, всегда виделась далекой периферией с чрезвычайно сильными позициями местного дворянства. Политика же Рудольфа последовательно укрепляла немецкий элемент на всех этажах региональной администрации. Именно с Рудольфа началась активная интеграция венгерского дворянства в немецкое и наоборот. Конечно, подобный курс императора содействовал возникновению в будущем прочных сословных связей, но в непостоянном политическом климате Трансильвании его воплощение влекло за собой опасные издержки. Провозглашенный князем Трансильвании, *Стефан Бочкаи* не терпел немецкого присутствия при своем дворе, постоянно лоббировал интересы венгерского дворянства и, будучи лично оскорбленным императором, организовал в 1604 г. настоящее восстание в подвластных землях. Имперские войска, занятые борьбой с османами на Дунае, не могли тотчас же оккупировать Трансильванию и подавить движение. Началась затяжная война, грозившая прежде всего переходом Бочкаи в стан союзников Турции и финансовым истощением Габсбургов.

Бочкаи блестяще справился с ролью крупного дипломата и лолитика. Прекрасно осознавая важность Венгрии в политике короны, он постарался перекинуть пожар войны в ее земли, выступая в качестве гаранта *религиозных свобод* протестантского дворянства в западной Венгрии, т. е. той ее части, которая находилась непосредственно под властью Габсбургов.

В начавшейся смуте раздраженные родственники императора решились выступить со своей инициативой. В 1600 г. впервые зашла речь о достижении фамильного альянса двух младших братьев Рудольфа *Матфея* и *Максимиллиана* с их двоюродным братом эрцгерцогом Штирийским *Фердинандом*, сыном скончавшегося Карла Австрийского, с целью отстранения Рудольфа от престола. Но колебания Фердинанда и боязнь сомнительного предприятия отложили намерения родни. Большим успехом мятежных братьев стал переход на их сторону талантливого советника императора венского епископа Мельхиора Клезля, предложившего вскоре свои услуги в достижении нового компромисса с Рудольфом. Под давлением братьев, особенно Матфея, в решительную минуту венгерского движения выступившего гарантом тамошних протестантских сословий, Рудольф вынужден был вступить в переговоры с мятежниками. Смерть самого Бочкаи весной 1606 г. разрядила чересчур напряженную атмосферу. Рудольф делегировал Матфею полномочия на проведение переговоров с мятежниками. Эрцгерцог, оказавшись, таким образом, в роли не только защитника венгерских сословных свобод, но и политического посредника, сделал все, чтобы венгерские чины считали его своим настоящим патроном. Венгрия в результате переговоров получила настоящую внутреннюю автономию, вплоть до права избрания королевского наместника — палатина и финансовой самостоятельности.

Рудольфа до последней минуты связывала война с Турцией, не позволявшая решительно бороться с мятежным братом. Но в ноябре того же 1606 г. с ней был подписан мир в *Житватороке*. Империя сохраняла за собой завоеванный Рааб (Дьер), но возвращала все прочие отнятые у турок города. Фактически фиксировалось положение status

quo ante bellum. Главная проблема регионального противостояния на среднем течении Дуная так и не была разрешена в пользу христианского мира. Однако мирный договор имел все же и позитивное значение: Габсбурги смогли развязать себе руки на востоке и пусть с непрочными гарантиями надежного тыла вступить впоследствии в Тридцатилетнюю войну. Османская Порта не осмелилась в открытую вмешаться в последующий германский конфликт, хотя и поддерживала противников Габсбургов. Отныне почти на шестьдесят лет исчез фактор прямого военного противостояния Империи и Турции.

Матфей, пользуясь выгодами своего положения, при поддержке венгров и родни сумел добиться лояльности чинов наследственных австрийских земель и даже силой принудить к союзу с собой моравские сословия. Начался форменный мятеж против императора. Эрцгерцог с войсками готовился вступить в Богемию. Рудольф, спасая корону на своей голове, пошел на крайний шаг: он решил заручиться поддержкой богемского дворянства и городов, чтобы противопоставить одной половине своего наследства другую. В надвигавшейся смуте, грозившей Габсбургам кровавым хаосом и непредсказуемыми последствиями, сословия Богемии сочли за благо оказать поддержку своему королю. Матфей, оказавшийся перед лицом вооруженного сопротивления в Богемии, побоялся испробовать силу оружия и пошел на компромисс. В 1608 г. в *Либене* было достигнуто новое соглашение с Рудольфом, согласно которому император отдавал Матфею — отныне своему заклятому врагу — корону Венгрии, наследственные земли в Австрии и маркграфство Моравию. За собой он сохранил лишь корону св. Венцеля и имперский титул. С одной стороны, это выглядело впечатляющим успехом эрцгерцога, но с другой — превращало его в заложника тех сословных свобод, которые он даровал своим новым подданным. То же самое относилось и к Рудольфу. Пользуясь оказанными императору важными услугами в защите его интересов, сословия Богемии вынудили Рудольфа в *июне 1609 г.* даровать им т. н. «*Грамоту Величества*», являвшую собой внушительный реестр сословных вольностей, касавшихся прежде

всего свободы вероисповедания в Богемии. Император связал себя тяжелыми условиями с собственными вассалами, и это делало сомнительным его успех в борьбе с братом. В 1610 г. начался последний раунд тяжелого династического кризиса. Войска, собранные на Рейне племянником императора эрцгерцогом Леопольдом, епископом Пассауским, и предназначавшиеся для борьбы с протестантским претендентом на выморочный Юлих-Бергский лен, были по распоряжению Рудольфа брошены в Богемию, дабы с их помощью уничтожить все сделанные эрцгерцогу уступки. Матфей уже был готов просить мира, но положение, на его счастье, неожиданно переменилось. Императорские войска, не получая жалованья, решили возместить издержки за счет пражских жителей. Чехи, крайне раздраженные разбойным поведением «пассауских» солдат на улицах Праги, оставили сторону короля. В условиях открытого восстания Рудольф не смог предотвратить альянс недовольных сословий с его братом. Новый договор с Матфеем предусматривал передачу ему богемской короны (манифест об отречении был подписан Рудольфом 18 августа 1611 г.) и вынуждал Рудольфа провести затворником остаток своих дней на Градчанах, довольствуясь лишь императорским титулом. Там, в своей любимой резиденции, он и скончался в январе 1612 г., по некоторым сведениям, уже совершенно душевнобольным человеком. В том же г. Матфей был беспрепятственно избран новым государем Империи.

Важнейшим последствием семейного кризиса Габсбургов стало расшатывание позиций короны в наследственных землях, в первую очередь в Венгрии и в Богемии. Частые манипуляции сословным мнением, всевозможные гарантии, розданные сословиям этих королевств за годы междуусобицы, все более и более превращали их во внутренне совершенно автономные анклав. Не только разрушалось единство габсбургских доменов, но и падал авторитет, сужались властные функции короны в каждом из этих королевств.

Привилегии, дарованные *Венгрии* в 1606 г., историки даже склонны определять «великой хартией вольностей» венгерских сословий. Гарантировались религиозная терпимость и свобода вероисповедания, складывалась система

внутренней автономии и ликвидировались все начинания, предпринятые Рудольфом для онемечивания венгерской территориальной администрации. Матфею удалось сохранить Венгрию в составе Империи, однако на очень тяжелых условиях.

Но если венгерский вопрос был более или менее решен, то Богемии было суждено превратиться в настоящую язву всей Империи. Истоки напряженности в этом регионе следует искать еще во второй половине XVI в., когда при Фердинанде I и Максимилиане II, которые потакали протестантам, в землях св. Венцеля резко усилились позиции протестантизма. И без того знавшее сильное влияние старой гуситской традиции, оформившейся в *утраквистскую конфессию*, богемское общество восприняло и лютеранское вероучение. Наряду с уtrakвистами в Богемии быстро формировались влиятельные евангелические лютеранские общины, особенно в крупных столичных городах, прежде всего в Праге. Третьей, достаточно весомой силой выступало *движение богемских братьев*, организовавшееся в самостоятельную разновидность гусизма после поражения радикального его крыла еще в XV в. Первоначально пополнявшаяся лишь крестьянами и ремесленниками секта резко расширила свой социальный состав в первой половине века, вобрав в себя значительный дворянский элемент. Решающий шаг на пути консолидации чешского протестантизма был сделан в 1575 г., когда богемские братья вместе с лютеранами выработали собственную формулу веры — т. н. «*Богемское вероисповедание*» («*Confessio Bohemica*»).

Вместе с тем с середины века оживает деятельность католической церкви. В Богемию начинают проникать первые иезуитские миссии и возрождаться католический клир. Важнейшей вехой стало восстановление архиепископской кафедры в Праге в 1561–1562 гг., за счет чего богемский католицизм приобрел главный организационный центр. Иезуитский коллегиум в Праге превратился в важнейший рычаг пропаганды тридентского католицизма и источник пополнения клерикальных кадров. Но позиции католицизма оставались все еще шаткими: большая часть населения, и сельского и городского, исповедовала протестантизм. Ар-

хиерархия Печский контролировал не более половины прежних территориальных деканатов. Во главе приходов стояли в большинстве своем протестантские пасторы. В таких условиях, несмотря на подвижничество отдельных прелатов, к примеру архиепископа Мюглица, необходима была тактика компромисса. В кругах римской курии и при королевском дворе считали возможным достижение конфессионального единства между утравкистами и католиками. Однако эти планы оказались неосуществимыми при доминирующем в целом влиянии протестантских конфессий.

Впрочем, развитие самих протестантских вероисповеданий шло разными путями. Если социальная диаспора утравкизма не претерпевала существенных изменений, значительно исчерпав себя с XV в., то лютеране, богемские братья, сторонники Богемского вероисповедания пытались расширить ареал своего влияния. Тридентский католицизм пока еще находился в «оборонительном», более скромном положении, но и он не терял надежды на возрождение. В структурах Империи Богемия являла собой пример явно *поздней конфессионализации* с мощным конфликтным потенциалом, таившимся в еще не достигших границ своего роста религиозных движениях.

Помимо собственно религиозной специфики, важность имела адаптация конфессий к сословной структуре богемских земель. Там традиционно очень сильными были позиции дворянства — рыцарства и «господ» в противовес малому удельному весу городских общин. Дворянство превращалось в главного вершителя конфессиональных судеб страны. Но в конце века стал заметен раскол в его рядах. Основная масса исповедовала протестантскую догму в ее разновидностях: примерно из 1400 дворянских родов около 1000 были протестантскими. Меньшая часть выступала носителем католицизма. Среди самых видных защитников католической конфессии мы видим Розенбергов, Лобковичей, Слават. При этом, однако, католическое меньшинство находилось под особой протекцией короля и выдвигалось на важнейшие административные и придворные должности. Среди всех прочих, несомненно, выделялась фигура старшего канцлера королевства Георга фон Лобковича, ко-

торый был одним из главных советников при дворе сперва Рудольфа, а потом и Матфея, и родственница которого Поликсена фон Лобкович впоследствии вошла в число самых ярких ревнительниц католической веры в Богемии. Вместе с тем протестантское большинство не являло в религиозном отношении всецело однородную массу. В первое десятилетие XVII в. все более заметной становилась эволюция «богемских братьев» в сторону кальвинизма. Расширялись контакты между лидерами радикального крыла богемских протестантов с Пфальцем и австрийскими протестантами. Прочные позиции богемского дворянства были очевидны, но в его рядах имелась заметная религиозная дифференциация, влиявшая на отношения с короной.

Дарование Рудольфом в 1609 г. «Грамоты величества» означало окончательное признание за дворянством ведущей силы в стране. Городские общины не брались в расчет, и сам по себе этот документ превращался лишь в юридически оформленный компромисс с сословной элитой. Речь никоим образом не шла об общегражданском, тем более национальном уложении. Главными статьями провозглашались право *свободного исповедания* конфессий всеми непосредственными вассалами короны, право на *строительство церквей* в поместьях, *учреждение школ* и осуществление *церковного патронажа*. Позднее было узаконено создание органа, призванного гарантировать предоставленные свободы: был создан *совет* из 24 «защитников», или дефензоров, которому надлежало следить за соблюдением означенных свобод в коронных землях.

Важность здесь имел не столько сам по себе акт дарования привилегий сословиям, хотя он и лежал в контексте династической борьбы в Габсбургском Доме и свидетельствовал о расшатывании позиций короны. Принципиальное значение имело предоставление подданным короны, не бывшим в статусе имперских чинов, религиозных свобод, что шло вразрез с положениями Аугсбургского мира в Империи, согласно которым лишь субъект Империи, в данном случае — только король Богемии, мог определять религию своих вассалов. Они же, будучи земскими чинами, обязаны были следовать вере своего государя. Тем самым были

поставлены под сомнения важнейшие основы функционирования аугсбургской мирной системы. Если в Венгрии последствия концессий 1606 г. были нивелированы достаточной удаленностью самого королевства от имперского ядра и имели лишь региональное значение, то в Богемии складывалась совершенно иная ситуация: чешские земли образовывали *«имперскоблизкую»* зону и религиозно-политические движения здесь имели все шансы стать «достоянием» общеимперских интересов.

Новая модель отношений, узаконенная «Грамотой Величества» в 1609 г., являлась своеобразным сигналом к ревизии аугсбургских принципов в немецких землях. Протестантские силы Империи, особенно кальвинисты-радикалы, нашли в «Грамоте Величества» повод к пропаганде такой ревизии, и в этом заключался главный разрушительный вклад богемского компромисса 1609 г. В лице штатгальтера Верхнего Пфальца Христиана Ангальтского, правой руки гейдельбергского курфюрста, и лидера австрийских дворян-радикалов Георга Эразма Чернемыля явились политики, сознательно и целенаправленно использовавшие уступки богемскому дворянству для строительства планов дальнейшего ослабления правительственных структур католической Империи.

Эхо 1609 г. не смолкло там, где оно раздалось, — в землях св. Венцеля. Мощным раскатом пронеслось оно по всей Империи, вызвав встречный отклик в рядах имперских сословий. Теперь, после 1609 г., Богемия имела все шансы стать полигоном для испытания на прочность системы 1555 г.

§ 3. ЭСКАЛАЦИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ И ПАРАЛИЧ ИМПЕРСКИХ ИНСТИТУТОВ

Другим уровнем кризисных процессов был уровень *высших имперских учреждений*, судебных и общесословных, чья работа в условиях раздиравших Империю религиозно-политических противоречий становилась проблематичной

уже на исходе XVI в. К концу же правления Рудольфа II работа высших имперских органов оказалась и вовсе полностью парализованной.

Первые годы царствования императора обозначили продолжение традиционной линии предшественников, стремившихся опереться на мнение общесословного форума — рейхстага и пытавшихся поддерживать авторитет судебных и правительственных институтов. Даже первый крупный конфликт, имевший под собой очевидную религиозную подоплеку, вокруг кёльнской архиепископской кафедры в 1582–1583 гг. не затронул серьезным образом работу высших учреждений. Кёльнский спор стал, очевидно, последним, который удалось погасить в обычном правовом русле. Но постепенно стали давать о себе знать кризисные симптомы.

Наметился паралич, развивавшийся от отраслевых учреждений к общеимперским. В его основе лежала новая вспышка общих религиозно-политических противоречий.

Первым органом, оказавшимся под ударом, стал *камеральный суд*. Согласно принятым в 1555 г. положениям, деятельность суда должна была регулярно контролироваться особой ревизионной комиссией, назначавшейся императором и состоявшей из имперских чинов. Среди прочих место в комиссии принадлежало и магдебургскому архиепископу. С 1564 г. в качестве администратора секуляризованного архиепископства в комиссию входил маркграф Бранденбургский Иоахим Фридрих, хотя, будучи светским лицом и протестантом, он обязан был покинуть руководство магдебургской метрополией, сообразуясь с «духовной оговоркой» тотчас после перехода в протестантизм и своего избрания. Кроме того, в качестве властителя архиепископства он получал место в имперском княжеском совете на рейхстаге. И Максимилиан II, и Рудольф в первые годы своего правления смотрели сквозь пальцы на присутствие протестанта во главе духовного княжества. Однако вскоре поднялись протесты католиков, в лице архиепископа Майнцского и герцога Баварского потребовавших удаления маркграфа из княжеского совета под угрозой прекращения своего участия в работе рейхстага. Под давлени-

ем католиков и отчасти — из собственного желания строго следовать букве религиозного мира Рудольф отказался утверждать новый состав комиссии, требуя ухода бранденбургского князя. Имперское право было на стороне императора и католиков, тем более что секуляризованным было объявлено архиепископство, в 1552 г. бывшее католическим княжеством, и потому вообще не подлежавшее секуляризации. Вспыхнул жаркий спор с протестантами, отказывавшимися в противном случае принимать участие в работе комиссии, надлежавшей быть укомплектованной паритетным образом — наполовину из католиков, наполовину — из протестантов. До 1588 г. комиссия, однако, собиралась, и дело с проверкой камерального суда продолжалось. Но в том году император решился окончательно настоять на требованиях имперского права. Комиссия не смогла более собраться и тем самым автоматически блокировалась работа суда в Шпейере: множество дел лежало не разобранными, а уже принятые судебные решения не могли вступить в силу. Этим пользовались прежде всего сами имперские сословия, в некоторых случаях не заинтересованные в принятии законных решений по искам. В 1594 г., казалось, нашли выход, устраивавший всех: комиссию решили распустить, а ее полномочия передать специальному комитету рейхстага, который должен был приступить к ревизии судебных актов. Тем самым была бы устранена проблема светских администратур: рейхстаг был сам полномочен избрать из своих рядов чины для работы в комитете. Хотя в юридическом аспекте подобное решение страдало существенным изъяном (в Аугсбургских постановлениях была предусмотрена только работа ревизионной комиссии), чины все же решились игнорировать букву закона во имя стабильности. В 1596–1597 гг. рейхстаг поддержал проект, комитет был создан и приступил к работе. Правда, конфессиональная пропорция в нем была еще менее благоприятна для протестантов, чем в комиссии, и потому последние с самого начала тормозили ревизию судебных актов. Лишь в 1601 г. вновь вернулись к обсуждению этого вопроса.

Проблема заключалась еще и в том, что параллельно с попытками ввести в нормальное русло работу камераль-

ного суда, сам он оказался блокирован острыми *религиозными спорами*, по которым был не в состоянии принять удовлетворительного для всех сторон решения. Вновь и вновь ставился вопрос о правомочности введения под светскую юрисдикцию духовных владений, бывших таковыми в 1552 г. Спор вокруг Магдебургского архиепископства лишь накалил атмосферу. В 90-х гг. католические чины заговорили о монастырях, оказавшихся в разные времена под контролем протестантских властей и объявленных секуляризованными в нарушение условий Аугсбургского мира. Дело это вошло в историю под названием «*спора о четырех монастырях*» («*Vierklosterstreit*»). Речь шла об общинах картезианцев в Ризе, св. Маргариты в Страсбурге, кармелитов в Хиршхорне на Неккаре и монастыре Фрауэнальб в Шварцвальде. По приговору камерального суда в 1598 г. все они подлежали реституции. Тотчас посыпались жалобы и протесты со стороны тамошних протестантских властителей, что оживило в целом протестантскую пропаганду в Империи и резко накалило атмосферу. Следствием стала кратковременная реанимация съездов депутатского комитета. Поскольку постановления Аугсбургского мира весьма четко оговаривали затронутые аспекты, протестанты вынуждены были попросту бойкотировать заседание этого комитета, вновь собравшегося в 1600 г. Шпейерский суд в такой обстановке практически прекратил свою деятельность.

Паралич имперской юстиции имел естественным следствием передачу функций суда, с одной стороны — рейхстагу, с другой — высшим имперским надворным учреждениям, прежде всего имперскому совету. Подобные перемены на первый взгляд имели и положительный резонанс: повышалась значимость придворных инстанций и, следовательно, авторитет самого императора. Впрочем, это было лишь иллюзией: в условиях династического кризиса, ссоры Рудольфа с братьями, череды смут в наследственных землях ключевую роль в совете начали играть региональные силы, в первую очередь курфюрсты, среди которых особенно большую деятельность развернул архиепископ Майнцский. Большинство в коллегии курфюрстов было у католиков, протестанты вновь проигрывали в противостоянии, а им-

ператор не мог поставить совет под собственный жесткий контроль.

Таким образом, только рейхстаг оставался единственной правительственной инстанцией, способной погасить развал системы управления. Но в условиях резко обострившегося противостояния религиозно-сословных партий деятельность рейхстага становилась все более проблематичной. В 1603 г. на его сессию был вынесен вопрос о «четырех монастырях». Однако перед лицом мощного противодействия Пфальца и его союзников-радикалов, согласившихся вотировать новые налоги на турецкую войну только взамен на прекращение дела о реституции монастырей, Рудольф не решился добиваться подтверждения приговора. Император попросту изъял этот вопрос из повестки дня. Вопрос остался нерешенным, а рейхстаг оказался явно неспособен к выработке согласованного мнения. Новый конфликт, разразившийся в 1607 г. вокруг города *Донауверта*, окончательно парализовал возможность к единству сословий.

Донауверт пребывал в статусе имперского города с католическим меньшинством в своих стенах. Попытки лютеранского городского совета запретить на улицах города процессию католических монахов из тамошнего монастыря св. Креста в 1606 г. привели к конфликту с имперским судом. Насилия же, учиненные протестантскими гражданами над католиками, побудили императора потребовать удовлетворения жалобы католической общины, а в 1607 г. наложить на город имперскую опалу. Причем по решению Рудольфа экзекутором опального города был назначен не герцог Вюртембергский, что было обязательным согласно Швабскому Праву, в зоне действия которого находился Донауверт, а герцог Баварии Максимилиан. Баварские войска оккупировали город, а в возмещение военных издержек баварской стороне император передал город в залог Максимилиану, что грубо нарушало статус Донауверта как имперской общины и превращало его в ленника Баварии. В Империи на этой почве разразился самый громкий за последние десятилетия скандал, грозивший обернуться открытым вооруженным противостоянием. Проте-

станты чувствовали себя не просто ущемленными в правах, но и обманутыми императором, который в их глазах перестал выступать гарантом Аугсбургских соглашений, откровенно встав на точку зрения католиков. Одновременно исчезли и барьеры, еще сдерживавшие эмоции: Венское соглашение с Бочкаи и мир с турками в 1606 г. убрали последние препятствия на пути распада сословного единства.

В накаленной атмосфере в начале 1608 г. в *Регенсбурге* собрался новый рейхстаг. Проблема религиозного мира вообще и вопрос с Донаувертом в частности сразу же оказались в центре внимания сословий. Иллюзий на благоприятный исход споров питать не приходилось: турецкая война была позади и не было более спланировавшей всех внешней угрозы. С самого начала обозначались резко полярные позиции Пфальца и его кальвинистских сателлитов, с одной стороны, и Баварии, руководимой Максимилианом, — с другой. Тщетно имперский комиссар предлагал посредничество. Лишь Саксония, традиционно стоявшая на точке зрения имперской лояльности, поддержала имперскую инициативу. Но этого оказалось явно недостаточно: в ответ на требования католиков узаконить исход дела с Донаувертом, протестантские чины направили 27 апреля представителю императора эрцгерцогу Фердинанду послание, свидетельствовавшее о непримиримости их позиций. В последующие дни уполномоченные Пфальца и его союзников покинули город. Принятие окончательных решений стало невозможным, и рейхстаг был распущен. Так распался последний конституционный орган Империи, наряду с самим престолом пользовавшийся самым высоким авторитетом и полномочиями. Исчез последний инструментарий к достижению стабильности и согласия. Последствия были самыми драматичными: будучи не в силах использовать традиционные институты, католики и протестанты были обречены на создание собственных *альтернативных структур*. В форме и *Евангелической Унии*, и *Католической Лиги* вскоре возникли учреждения, не предусмотренные Аугсбургской системой и практикой «земского мира». Попытка императора Матфея в 1613 г. еще раз реанимировать

работу рейхстага натолкнулась на слишком жесткий узел противоречий и оказалась обреченной на провал. Базовые институты Империи оказались разрушены.

§ 4. «РЕВИЗИОНИЗМ» НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ КНЯЗЕЙ. ОБРАЗОВАНИЕ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ СТРУКТУР. УНИЯ И ЛИГА

Одновременно с развалом правительственных институтов кризис стал развиваться на низовом, территориальном уровне. Опасность здесь исходила от князей-радикалов, мечтавших пересмотреть основополагающие принципы Аугсбургской системы. Выше уже отмечалось желание современных немецких историков связать кризис с выходом на политическую арену Империи *нового поколения* протестантских и католических властителей. «Готовые к соглашениям князья поколения мира 1555 г. сошли в могилу (1579 — Альбрехт Баварский; 1586 — Август Саксонский), в то время как имперские сословия все с большей решительностью защищали свои религиозные интересы и организовывались в военно-религиозные группировки» [Zeeden, ZG. S. 145].

Ф.Пресс выделяет в этой связи две группы родственных своей нетерпимостью властителей, хотя и преследовавших различные религиозные интересы: гейдельбергских курфюрстов и герцогов Баварии. Среди первых следует отметить ближайших наследников Иоганна Казимира, администратора Пфальца до 1592 г.: *Фридриха IV* (1592–1610) и его сына *Фридриха V* (1610–1623), бывших главными защитниками и вождями кальвинистских сословий Империи; среди вторых — прежде всего герцога *Максимилиана I* (1598–1651). Разумеется, список князей-ревизионистов не исчерпывается лишь указанными именами: были фигуры масштабом поменьше, например, графы Нассау-Дилленбург, Зольм или ангальтские князья, представлявшие протестантский лагерь, равно как епископ Вюрцбургский Юлиус Эхтер фон Меспельбрунн или Фердинанд Кёльн-

ский — у католиков. Однако важно отметить принципиальную решительность, осуществляемую этими деятелями в вопросах защиты своих религиозно-политических интересов, решительность, граничившую с желанием пересмотреть основы Аугсбургского мира. Конечно, имелись представители, выражаясь современным языком, «нейтральной», третьей стороны, преимущественно из среды умеренного крыла лютеранских князей, и готовых к компромиссу католических властителей. *Саксония* в начале XVII в., избавившись от всяческих радикальных стремлений времен Христиана I, как раз превратилась в главного представителя умеренной, проимперской политики. В условиях расшатывания основ имперского мира дрезденские курфюрсты стремились выполнять роль гарантов стабильности, более или менее ясно осознавая возможные драматичные последствия кризиса. Дипломатия курфюрста *Христиана II* следовала в русле постоянного партнерства с императором и пыталась достичь примирения слишком радикальных сил протестантского и католического лагеря. Саксонские представители на последних рейхстагах Рудольфа II тщетно добивались столь желанного и необходимого согласия.

Тем не менее на фоне утраты внутренней стабильности, сохранить которую было не по силам нейтральной Саксонии и группе блокировавшихся с ней княжеств, радикализм нового поколения становился все заметнее и ощутимее. Пфальц в конце XVI в. стремился добиться полного лидерства в протестантском сообществе и пропагандировал жесткий прессинг по отношению к католикам. Подчеркнуто демонстрировалась солидарность с «международным» кальвинизмом. Заключение в 1593 г. брак курфюрста Фридриха IV с Луизой Юлианой Оранской, дочерью Вильгельма Молчаливого, еще теснее сближал Пфальц с Нидерландами. Сам Фридрих, подверженный алкоголизму — этому бичу пфальцских Виттельсбахов! — и утративший способность вообще мало-мальски заниматься правительственными делами, окружил себя, однако, толковыми советниками, отчасти доставшимися ему в наследство от дяди, отчасти — за счет новых назначений. Ключевой фигурой пфальцской дипломатии стал *Христиан Ангальт-Бернбург*, с 1595 г.

руководивший администрацией Верхнего Пфальца. Наделенный огромным честолюбием и немалыми талантами дипломата и организатора, этот обаятельный молодой человек действовал весьма энергично, собирая вокруг Пфальца всех протестантских государей, не боявшихся открытой конфронтации с католиками. Еще при жизни Иоганна Казимира в 1591 г. на съезде в Торгау Пфальцу удалось организовать форменный военно-политический союз протестантских князей, среди которых роль главного союзника Гейдельберга отводилась Саксонии. Так впервые в относительно ясных формах была воплощена идея общепротестантского альянса, легшая потом в основу Евангелической Унии. Однако последовавший затем уход со сцены и курфюрста Христиана и Иоганна Казимира, а также нерешительность партнеров Пфальца не позволили закрепить достигнутый в 1591 г. успех. Тем не менее пфальцские дипломаты настойчиво продолжали поиск путей к новому единению.

На помощь пришли два события: турецкая война и *Юлих-Бергский кризис*, разразившейся в конце 90-х гг. В Гейдельберге искусно воспользовались обоими. В 1598 г. на очередном рейхстаге в Регенсбурге по инициативе Пфальца протестантские чины связали свое согласие уплатить налог на турецкую войну с удовлетворением собственных религиозных и территориальных интересов. Кроме того, осенью началось вторжение испанских войск на Нижнем Рейне в земли герцогства Юлих-Берг. Овладев тамошними крепостями, прежде всего прекрасно укрепленным Везелем, испанцы надеялись взять в тиски северонидерландские провинции. Положение осложнялось и династическим фактором. Правивший в герцогстве Клевский Дом был на пороге вымирания: скончавшемуся в 1592 г. герцогу Вильгельму V наследовал его единственный душевнобольной сын Иоганн Вильгельм (1592–1609), не имевший детей. Еще в 1546 г. император Карл ввел особым уложением наследование по женской линии в Клевском Доме на случай отсутствия мужского потомства. Теперь, согласно этому порядку, все права должны были отойти сыновьям старшей дочери Вильгельма V Марии Элеоноре, бывшей за мужем

за герцогом Пруссии. Однако путаница в завещании самого Вильгельма, отсутствие мужского потомства у наследницы, равно как и более раннее обещание императора пожаловать юлихбергские земли Саксонии, посеяли невероятный хаос: на герцогство претендовали помимо Бранденбурга и Саксонии также Пфальц-Цвейбрюккен и Пфальц-Нойбург, властители которых были женаты на младших дочерях герцога Вильгельма. В самом герцогстве протестантское дворянство поддерживало супругу несчастного Иоганна Вильгельма Якобею Баденскую, пытавшуюся установить собственное регентство. Император, не желая допустить опасной развязки и мечтая сохранить герцогство за католической церковью, ввел в Юлих-Берге прямое правление через своих советников, прибывших в Дюссельдорф.

Пользуясь моментом, когда испанские войска выступили в землях герцогства естественными союзниками Габсбургов, играя на факте попрания Испанией имперского суверенитета и на религиозных чувствах, Пфальц добился относительного сближения трех главных претендентов в борьбе с католической стороной: Пфальц-Нойбурга, Пфальц-Цвейбрюккена и Бранденбурга. На севере стояли нидерландские войска Морица Нассау-Оранского, выбившие испанцев из графства Линген и ставшие теперь главной надеждой протестантов-радикалов. Положение постепенно стабилизировалось, но границы Империи на северо-западе оказались открытыми, а внутреннее спокойствие — надолго нарушенным.

Крупным успехом Гейдельберга, бесспорно, были решения рейхстага 1603 г. На нем курфюршеским представителям удалось добиться имперского подтверждения завещания Фридриха, передававшего по причине тяжелой болезни свои правительственные функции регентскому совету при малолетнем наследнике (будущем Фридрихе V), что одновременно означало и косвенное признание реформатского вероисповедания гейдельбергских властителей. В последующие годы Христиан Ангальтский вошел в доверие к Рудольфу II и, пользуясь раздорами в его семье, смог до некоторой степени играть роль неофициального политического советника короны. Тотчас после роспуска рейхстага в мае

1608 г. начались интенсивные переговоры пфальцских дипломатов с представителями ведущих протестантских княжеств Империи на предмет образования возможно более широкого военно-религиозного альянса.

Наряду с Пфальцем усилилась роль *Бранденбурга*, особенно после перехода курфюршеского престола к *Иоганну Сигизмунду* в 1608 г. Тесно связанный с кальвинистами Империи и сам тайно перешедший в 1606 г. в кальвинизм, курфюрст превратился в важнейшего партнера Пфальца на имперской арене. Если Гейдельберг стремился контролировать ситуацию на западе Империи, в кругу своих старых сателлитов, то Бранденбург пытался стать ударной силой протестантизма на севере. Наметиалась координированная работа обоих княжеств на рейхстагах. Бранденбургские уполномоченные поддерживали инициативу Пфальца весной 1608 г. и покинули регенсбургский рейхстаг, обеспечив его провал.

Католический лагерь также получил к началу XVII в. крупных лидеров. На юге Империи общепризнанным патроном католицизма была бесспорно Бавария. В лице герцога *Максимилиана I* (1598–1651) мы встречаемся с властителем, стремившимся самым энергичным образом поднять роль собственного Дома и церкви. Первые годы его правления были посвящены преимущественно решению внутренних, главным образом финансовых вопросов, и это обстоятельство в какой-то мере сдерживало общеимперские амбиции герцога. Однако уже в первом десятилетии нового века становилось ясным желание Виттельсбахов не только ограничиться сохранением достигнутой конфессиональной монолитности собственных владений, но и добиться более широких общеимперских гарантий для католических земель. Если Пфальц выступал главным протагонистом протестантских интересов, то Бавария приняла на себя роль главного защитника католической партии. Подобная поляризация стала особенно заметна на рейхстагах. Последние сословные ассамблеи Рудольфа II прошли под знаком все более растущего давления Баварии. К тому же династический конфликт в Доме Габсбургов, вредивший репутации короны, позволило баварской стороне выступить в ро-

ли главного хранителя интересов католических сословий. Авторитет Мюнхена во многом подкреплялся солидными территориальными ресурсами. К 1606–1608 гг. в Баварии под руководством герцога завершилась перестройка финансовой системы и военной организации. Максимилиан располагал крупным денежным фондом и обученной по испанскому образцу профессиональной армией, что в будущем превращало Мюнхен в главную цитадель — не только политическую, но и военную — католической партии. Курс Максимилиана не предполагал открытого ревизионизма Аугсбургской системы, самого герцога едва ли можно назвать главным разрушителем имперского мира. Глубоко религиозная натура, воспитанный в духе почтения к имперским ценностям, герцог, однако, считал возможным добиваться буквального исполнения Аугсбургских решений и в случаях, явно противоречивших букве 1555 г., он настаивал на самых решительных действиях. Этим объясняются постоянные требования баварских представителей защищать принцип «духовной оговорки» и пресекать агрессивные поползновения протестантов. Именно подобным образом Максимилиан повел себя в вопросе с Донаувертом. В 1606 г. он потребовал имперской опалы над городом и принял на себя организацию имперской экзекуции. Сила обстоятельств побуждала Максимилиана следовать в русле католического радикализма.

Заметные перемены наблюдались и в правящем имперском Доме. Если и Рудольф, и сменивший его в 1612 г. на престоле Матфей в общем пребывали в лоне достаточно традиционных воззрений на важность сохранения мира (к тому же долгие годы смут учили венценосцев терпению и компромиссу), то представители младшей линии правящего Дома выражали иные, более радикальные воззрения. Речь идет прежде всего о наследнике *Штирии, Каринтии и Крайны* эрцгерцоге *Фердинанде*. Открыто не вмешиваясь в распри между старшими братьями, Фердинанд тем не менее был сторонником последовательной и самой решительной реставрации католицизма в наследственных землях. К началу XVII в. ему удалось очистить свои владения от последних крупных анклавов протестантизма и тем

самым развязать себе руки для активной имперской политики. Фердинанд в отличие от своих старших родственников более последовательно ориентировался на поддержку римской курии и выступал сторонником сближения с Испанией не столько в чисто династическом плане — здесь он оставался верен немецкой традиции Дома, — сколько в политическом, в целях борьбы с протестантизмом. Являя образ традиционного властителя, не чуждого патриархальным традициям и едва ли склонного к программной перестройке своих властных основ в духе «абсолютизма», под которым он понимал лишь тиранию беззакония (в созвучии с современной ему католической политологией), Фердинанд, однако, сближался с Максимилианом Баварским в верности общей цели — всемерно содействовать торжеству католического универсализма и в этой связи решительно пресекать все нарушения имперского компромисса в пользу протестантов.

Если новое поколение протестантских князей в лице в первую очередь гейдельбергских властителей демонстрировало готовность добиваться (где только можно) преобладания протестантских интересов, то представители новой плеяды католических властителей в лице Максимилиана и Фердинанда Штирийского воплощали уже оформившийся продукт *тридентского католицизма*. Характерным в данном случае было не только желание видеть в будущем возрожденную и единую католическую церковь, но и всемерно содействовать этому возрождению с учетом имперской специфики путем резкого пресечения всех противоправных акций протестантских сил и последовательного восстановления «забытых» основ Аугсбургского мира — *реституции духовных владений*, отнятых протестантами после 1555 г. Было бы ошибкой утверждать, что все эти государи — и протестанты и католики — сознательно стремились разрушить систему Аугсбургского компромисса. Напротив, они настаивали на «аутентичном истолковании» (М. Хекель) статей религиозного мира, но именно этот «аутентизм» накалял атмосферу, создавал роковую иллюзию восстановления «справедливого мира» за счет полного пересмотра всего достигнутого после 1555 г.

Вместе с тем распад традиционных институтов, прежде всего рейхстага, облегчал перенос политической активности в область совершенно радикальных начинаний, не связанных обязательствами перед разрушенными учреждениями. Вакуум институтов стал восполняться альтернативными структурами. 14 мая 1608 г. по итогам переговоров пфальцских представителей с другими протестантскими княжествами в Агаузене под Нордлингеном был заключен альянс, получивший наименование *Евангелической Унии*. В целях новоявленного соглашения воплотилась заветная мечта протестантских князей-радикалов: создание вооруженной защиты членов союза от всех насильственных акций, прежде всего со стороны католиков, и *координация* общих политических интересов. Были организованы собственные *вооруженные силы*, директорат Унии был представлен *Пфальцем*, а главной исполнительной фигурой стал *Христиан Ангальт-Бернбург* в чине генерал-лейтенанта. Первоначально в ряды Унии вошли помимо Пфальца маркграфство Баден-Дурлах, герцогство Вюртемберг, франконские маркграфства Гогенцоллернов, Бранденбург под управлением курфюрста Иоганна Сигизмунда, а также три имперских города: Ульм, Нюрнберг и Страсбург. Графы Веттерау в силу довольно больших финансовых взносов, предусмотренных членством в Унии, не могли вступить в ее ряды, однако стали ее верными политическими сателлитами. Позднее состав унии расширился до 9 территорий и 17 городов. Политическая география Унии заключала преимущественно юго-западные и западные земли Империи, т. е. зоны, расположенные в орбите пфальцкого влияния.

Не долго оставались в долгу и католики: 10 июля 1609 г. в Мюнхене на съезде католических чинов была организована *Католическая Лига*. Ядро Лиги образовывали первоначально лишь южнонемецкие духовные и светские княжества: епископства Вюрцбург, Бамберг, Аугсбург, Констанц, Пассау, Регенсбург, Шпейер, Страссбург, Вормс, Бавария. В 1610 г. к союзу примкнули крупнейшие рейнские архиепископства: Кёльн, Майнц и Трир. Тогда же в ряды Лиги вступил имперский бургундский округ, эрцгерцог Макси-

Беспокойство и дух воинственности воцарились в обществе накануне Тридцатилетней войны. Гравюра Петра Иссельбурга изображает военный парад нюрнбергских горожан, приуроченный к учебным артиллерийским стрельбам. 1614 г.

милиан в качестве начальника немецких филиалов Немецкого ордена и эрцгерцог Фердинанд Штирийский. Организационно Лига распадалась на три округа: рейнский, швабский и франконский. Баварии суждено было играть решающую и направляющую роль в политике Лиги, исключая лишь некоторые этапы. Дипломатическое искусство Максимилиана Баварского, равно как и его организационные таланты, сыграли огромную роль в создании этой структуры.

Лига была представлена традиционными союзными институтами: были созданы касса, армия и дипломатические представительства в Империи и за ее пределами, прежде всего в Риме и в Испании.

С точки зрения эффективности организационных структур в выигрышном свете представлялась скорее Лига, нежели Уния. Состоявшей из достаточно удаленных территориальных массивов Унии не хватало к тому же мощных финансов и прочного согласия внутри. Лига, напротив, обладала надежной опорой в лице Баварии. Хорошо организованное денежное хозяйство Максимилиана, равно как и

его постоянная армия, предоставляли Лиге больше шансов на прочность.

Так родились учреждения, не предусмотренные системой Аугсбургского мира, призванные во имя достижения целей своих участников компенсировать недостачу распавшихся общеимперских институтов. Тем самым усиливалась опасная тенденция *поляризации религиозно-политических сил*. Драматичная логика обстоятельств подталкивала князей к дальнейшим шагам. Не находя действенных средств к достижению компромисса внутри самой Империи, оба альянса устремили свои взоры вовне: за рубежами Империи лидеры Унии и Лиги стремились найти сильных союзников, могущих поддержать их дело в случае кризиса. Хлопотами Пфальца в 1612 г. был заключен договор с *Англией*, а в 1613 г. — с *Республикой Соединенных Провинций*. Кроме того, делалась ставка на дружелюбие и заинтересованность в ослаблении католических сил Империи *Франции*, где в лице первого Бурбона — Генриха IV (1598–1610) Уния обзавелась своим деятельным сторонником. Лига, в свою очередь, вела интенсивные переговоры с *римской курией*, но особенно с *Испанией*, бывшей единственно мощной защитницей католических интересов в Европе. Помимо этого вожди Лиги рассчитывали на дружеские симпатии со стороны Польши, где курс Сигизмунда III Католика воплощал самую последовательную защиту интересов католической церкви.

Прямым следствием стала «*интернационализация*» имперской политики. Враждебные конфессиональные силы вскрывали имперский организм «вовне», впуская на имперскую арену соседей. Империя превращалась в достояние общеевропейских интересов. Способность ее собственных институтов стабилизировать положение становилась все более иллюзорной.

ИСТОЧНИКИ

1. Briefe und Akten zur Geschichte des Dreissigjährigen Krieges in den Zeiten des vorwaltenden Einflusses der Witteisbacher / Hrsg. von der Historischen Kommission bei der königlichen Akademie der Wissenschaften. Bd 1–12. (1598–1618). München, 1870–1978.

2. *Khevenhueller F. Chr.* Annales Ferdinandeï oder Wahrhafft Beschreibung Kayzers Ferdinandi des Anderen. Bd 1–12. Leipzig, 1721–1726.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Медведева К. Т.* Австрийские Габсбурги и сословия в начале XVII в. М., 2004.
2. *Пресс Ф.* Рудольф II 1576–1612 // Кайзеры. С. 114–132.
3. *Пресс Ф.* Маттиас 1612–1619 // Кайзеры. С. 133–147.
4. *Bahlcke J.* Regionalismus und Staatsintegration im Widerstreit. Die Länder der Böhmishe Krone im ersten Jahrhundert der Habsburg-erherrschaft (1526–1619). München, 1993.
5. *Clasen C. P.* The Palatinate in European History 1559–1660. London, 1963.
6. *Egloffstein H. von.* Der Reichstag zu Regensburg im Jahre 1608. München, 1886.
7. *Evans R. J. W.* Rudolf II. Ohnmacht und Einsamkeit. Graz, Wien, Köln, 1980.
8. *Gindely A.* Rudolf II und seine Zeit 1600–1612. Bd 1–2. Prag, 1863–1865.
9. *Gotthard A.* «Politice seint wir bäbstisch». Kursachsen und der deutschen Protestantismus im Frühen 17. Jahrhundert // ZHF, 20, 1993. S. 275–320.
10. *Gotthard A.* Protestantische «Union» und Katholische «Liga» — Subsidiäre Strukturelemente oder Alternativentwürfe? // ARV. S. 81–113.
11. *Gotthard A.* Der deutsche Konfessionskrieg 1619 — ein Resultat gestörter politischer Kommunikation // HJ, 122, 2002. S. 141–172.
12. *Kossol E.* Reichspolitik des Pfalzgrafen Philipp Ludwig von Neuburg (1547–1614). Göttingen, 1976.
13. *Lenz G.* Der Aufstand Bocskays und der Wiener Friede. Debrecen, 1917.
14. *Loebl A. H.* Zur Geschichte des Türkenkrieges von 1593–1606. Bd 1–2. Prag, 1899–1904.
15. *Lorenz K.* Die kirchlich-politische Parteibildung in Deutschland vor Beginn des Dreissigjährigen Krieges. München, 1903.
16. *Lossen M.* Geschichte des Kölnischen Krieges 1582–1586. München, 1987.
17. *Molhar A.* Fürst Stefan Bocskai als Staatsmann und Persönlichkeit im Spiegel seiner Briefe 1598–1606. München, 1983.
18. *Neuer-Landfried F.* Die Katholische Liga. Gründung, Neugründung und Organisation eines Sonderbundes 1606–1620. Kalimünz, 1968.
19. *Niederkorn J. P.* Die europäischen Mächte und der «Lange Türkenkrieg» Kaiser Rudolfs II. 1593–1606. Wien, 1993.
20. *Notflatscher H.* Glaube, Reich und Dynastie: Maximilian der Deutschmeister (1558–1618). Marburg, 1987.
21. *Panek J.* Das politische System des böhmischen Staates im ersten Jahrhundert der Habsburgischen Herrschaft (1526–1620) // Mitteilun-

gen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung. XCVII, 1989. S. 53–82.

22. *Panek J.* Der böhmische Staat und das Reich in der Frühen Neuzeit // ARV. S. 169–179.

23. Prag um 1600. Kunst und Kultur am Hofe Kaiser Rudolfs II. Katalog der Ausstellung des Kunsthistorischen Museums Wien 1988–1989. Bd 1–2. Freren; Emsland, 1988.

24. *Press, KK.* S. 161–184.

25. *Ritter, DG.* Bd 2.

26. *Ritter M.* Geschichte der Deutschen Union von den Vorbereitungen des Bundes bis zum Tode Kaiser Rudolfs II. (1598–1612). Bd 1–2. Schaffhausen, 1867–1873.

27. *Schilling, AK.* S. 397–420.

28. *Schmidt, GAR.* S. 132–149.

29. *Schulze W.* Reich und Türkengefahr im späten 16. Jahrhundert. Studien zu den politischen und geschichtlichen Auswirkungen einer äusseren Bedrohung. München, 1978.

30. *Vocelka K.* Rudolf II und seine Zeit. Wien; Köln; Graz, 1985.

31. *Vocelka K.* Die politische Propaganda Kaiser Rudolfs II. (1576–1612). Wien, 1981.

IV. ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА И ВЕСТФАЛЬСКИЙ МИР

§ 1. ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ. ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА КАК НЕМЕЦКИЙ ФЕНОМЕН

Проблема Тридцатилетней войны до сих пор остается одной из самых дискуссионных среди немецких историков. Споры во многом вызваны двумя аспектами грандиозной драмы: почти всеевропейским размахом войны и ее немецкими корнями. Как общеевропейское событие, втянувшее в орбиту своего конфликта ведущие европейские державы Францию, Испанию, Нидерланды и Швецию, войну следует рассматривать в контексте т. н. «кризиса XVII в.». Война выступала одним из звеньев кризисных явлений этого столетия. Но как событие, имевшее главные последствия для Германии, возникшее в Германии и исчерпавшее себя именно в немецких землях, Тридцатилетняя война принадлежит прежде всего немецкой истории, и истоки ее следует искать в болезнях немецкого общества.

До середины XX в. мы встречаем преимущественно религиозно-политическую трактовку причин и хода войны. У истоков этой традиции стояли писатели немецкого Просвещения, среди которых в первую очередь следует назвать *Фридриха Шиллера*, усматривавшего в борьбе протестантских и католических чинов поединок уходящего в прошлое старого католического универсализма и нарождавшегося мира европейского Просвещения, представленного наиболее развитыми протестантскими и католическими державами, выступавшими за равноправие конфессий.

Историки XIX в. жили в ожидании великого национального объединения и были свидетелями впечатляющего возрождения Пруссии. Надежды на будущее проецировались ими и на век XVII. Глазами патриота-протестанта смотрел на войну величайший историк Германии *Леопольд фон*

Ранке. Логичным следствием его критического взгляда на религиозный раскол XVI в. как на явление, не соответствовавшее национальным интересам немцев, выступала оценка самой войны: тридцать лет борьбы протестантских князей против отжившего свой век «универсализма» династии Габсбургов, опиравшихся на Испанию и Рим, спасли немецкий протестантизм, но не создали новой объединенной Германии. Констатируя вслед за Л. Ранке печальные итоги Вестфальского мира для будущего нации, немецкая историография второй половины XIX в. предпочитала уместной заниматься преимущественно политической фактурой. При этом трилогия *Морица Риттера* прекрасно отражала скрупулезно описательный подход. Наряду с позитивистскими исследованиями имелись, впрочем, и весьма откровенные в своей пристрастности религиозно-политические трактовки: с католической точки зрения здесь особенно выделялась книга *Онно Клоппа*; протестантская же традиция зримей всего была представлена работами *Иоганна Густава Дройзена-Младшего*.

В трудах этих ученых совершенно ясно проступала злободневная для той поры полемика вокруг «малогерманского» пути объединения Германии: с католической Австрией или без нее.

В первой половине XX в. стал более заметным интерес к отдельным структурам сословного общества в годы войны и вместе с тем наметился своеобразный сдвиг интересов от военно-политической хронологии и портретных зарисовок к более широкой социальной проблематике. Но лишь с начала кардинальных переоценок старой имперской истории, наметившейся в университетах и научных институтах ФРГ после Второй мировой войны, стало возможным появление и новых концептуальных разработок.

Здесь следует иметь в виду два аспекта: с одной стороны, наблюдалось желание теоретически осмыслить саму войну как явление определенной длительности, состоявшее из отдельных региональных коллизий, с другой — связать тридцатилетний конфликт не только с общеевропейскими, но и с сугубо германскими процессами. В первом аспекте весьма продуктивным стало исследование *Генри Зигфрида*

Штейнберга, утверждавшего, что Тридцатилетняя война как целостное явление стала жертвой огромной исторической мифологемы: прусским историкам было выгодно преподносить войну в свете борьбы прогрессивного территориально-государственного начала с силами регресса, католическо-имперским блоком, что привело к соединению воедино совершенно разных региональных конфликтов. По мнению Г.З. Штейнберга, война никогда не была целостным явлением, мы имеем дело лишь с отдельными конфликтными зонами, между которыми имела место слишком большая разница в мотивах и движущих силах. Кроме того, историк поставил под сомнение разрушительные последствия самой войны, он указывал и в данном случае на весьма заметные региональные отличия. Ответом на тезис Г.З. Штейнберга стало появление цикла работ *Конрада Репгена*, в которых историк, прежде всего на основе скрупулезного анализа множества источников, обстоятельно доказывал историческую обоснованность и самого термина «Тридцатилетняя война» и значение ее как относительно цельного феномена. Полемика К. Репгена со Г.З. Штейнбергом содействовала росту интереса к самой войне как «пространственно-территориальному» явлению. С другой стороны, рождение концепции конфессионализации и ревизионистское направление, восторжествовавшее в среде немецких историков с 70-х гг., в центре внимания которого оказались возможности базовых институтов Империи, содействовали все большему разделению собственно немецкой ипостаси войны и ее европейской стороны. *Эрнст Вальтер Цееден* видел в войне главным образом продукт внутринемецких противоречий, обусловленных социальной адаптацией новых конфессий, ставших непреодолимыми в начале XVII в. Но смешавшись с крупнейшими европейскими конфликтами, война превратилась в общеевропейскую. «Эта война, — говорит Э. В. Цееден, — начавшись локальным спором между сословиями и государем, постепенно расширяла круг своих участников и, в конце концов, завершилась общеевропейской бойней, к которой оказались причастны, кроме Англии и Турции, практически все державы... Когда вследствие северо-немецкой борьбы шведы пересекли Бал-

тийское море, а потом вмешалась и Франция, разразилась война народов, в которой имперские чины, даже если бы они были единодушны в желании обрести мир, оказались не в состоянии этого сделать. Вместо мира иноземные державы вели войну на территории Империи столь долго, сколь им этого хотелось — вплоть до того момента, когда за счет императора и Империи не стал возможен в условиях полного истощения мир, ознаменовавший для Германии и Европы новый период их политической Истории» [Zeeden, ZG. S. 161]. Хайнц Шиллинг более последовательно и развернуто рисует Тридцатилетнюю войну следствием процессов конфессионализации на самом широком уровне социально-культурных и ментальных обобщений. Однако вслед за Э. В. Цееденом он также выделяет две линии конфликта: собственно немецкую и европейскую, причем, по его мнению, развитие войны было обусловлено сплетением внутри-немецких проблем и европейской политики. «Боеготовность религиозных лагерей в Германии была тем опасней, что в остальной Европе росла напряженность. . . Для современников было ясно, что противостояние в Империи имело европейское значение. . . Формирование конфессиональных блоков в Германии и Европе также следовало в русле борьбы за определение Европы как сообщества ведущих держав после крушения испанской гегемонии. На вершинах конфессиональной политики во второй половине века обнаруживались перемены в сторону секулярной внешней политики, руководимой чисто государственными интересами. Религиозная война в центральной Европе несла в себе зародыш государственных войн Нового времени. . . То, что линии интересов и конфликтов в отдельных европейских зонах образовывали настоящую сеть дипломатической и военной активности, покрывавшую собой весь континент, было также результатом конфессионализации — существенное доказательство модернизирующей силы этого феномена» [Schilling, AK. S. 404–406].

Структурно-политический подход в отличие от более широкого конфессионального несколько меняет взгляд. Война исследуется прежде всего с точки зрения воздействия ее на имперское сословное общество и на структу-

ры имперской организации. В глазах структуралистов корни конфликта лежали не столько в синхронном международном кризисе начала XVII в., сколько в специфике собственно немецких условий. Кризис имперских структур, заявленный в эпоху Рудольфа, перерос не только в паралич важнейших институтов власти и эскалацию напряженности в отношениях между религиозными партиями, но и в прямое вооруженное противостояние. *Фолькер Пресс* наиболее последовательно трактовал войну как результат важных социально-политических сдвигов. «В целом корни Тридцатилетней войны, — пишет Ф. Пресс, — лежали в политической сфере, хотя оформившиеся экономические и ментальные кризисные явления усиливали ожидание войны и готовили к ней. Но применимо к войне речь шла о кризисе имперского сообщества, лучше сказать, о кризисе той системы, которая была создана Аугсбургским религиозным миром» [34. S. 62]. Ф. Пресс видел войну под углом зрения дестабилизации и новой реставрации имперских учреждений: каждая фаза конфликта влекла деформацию, эрозию, но при этом создавала и новые возможности к консолидации общества. В результате была представлена совсем нетипичная, совершенно новаторская картина итогов конфликта: Империя не только не распалась как системная величина, но и оказалась способной к регенерации своих организующих функций. Кризис 1618 г. сменился новым компромиссом и реставрацией Вестфальского мира 1648 г. Имперская власть смогла поставить ситуацию под контроль, а сословное общество, заинтересованное в сохранении властных институтов Империи, осталось под нишей монархической конструкции и выразило лояльность ее институтам. Вместе с тем война истощила почву для старого религиозного противостояния, введя религиозно-политические противоречия в русло институционализации. Подобная весьма оптимистичная трактовка результатов войны позволила оправдать и дальнейшее почти полуторовековое существование Старой Империи.

Структурный анализ при взгляде на Империю получил дальнейшее развитие. *Георг Шмидт* подчеркивает значение войны в деле формирования немецкой нации и т. н.

«усложненной государственности». По его мнению, война резко содействовала интеграции различных периферийных областей Империи в зону единого культурного ландшафта. Война стала формой распространения верхненемецких культурных потоков в нижнюю Германию, объединения Германии не в качестве политической структуры, но в виде культурной нации. Вместе с тем сохранилось два уровня политической организации общества: имперский и территориально-государственный, при котором, однако, не был принципиально разрушен баланс сил между имперским единоначалием и автономией территорий. Конфликт лишь закрепил *status quo*, сложившийся еще в позднее средневековье.

В отношении «организующей» роли войны на различных этажах общества *Йоханнес Бурхардт* констатировал рост социальной дисциплины, что имело следствием усиление государственных учреждений. Война, по его мнению, резко содействовала развитию государственных форм социальной жизни. В этом смысле И. Бурхардт подчеркивал значение войны для развития территориального управления в немецких землях. Его взгляд как нельзя лучше согласуется с теорией роста «социальной дисциплины» Г. Острайха как важнейшей предпосылки складывания современного государственного ландшафта Европы. При этом, однако, И. Бурхардт специально не анализирует фактор общеимперских структур и его концепция скорее дополняет на «территориальном» уровне имперскую структурологию Ф. Пресса и Г. Шмидта, не обнаруживая существенных расхождений в подходах к проблеме.

Рональд Аш попытался выявить не только «государствообразующие» функции войны, но и ее значение в других общественных сферах (война и финансы, война и власть, война и политика, война и социальный менталитет). В отличие от И. Бурхардта Р. Аш особенно подчеркивает роль финансовой организации различных территорий и государств, выросшей за счет длительного вооруженного противостояния.

Менее крупные структурологические этюды, как, например, исследование *Гергарда Шормана*, претендуют не

столько на новые концептуальные схемы, сколько корректно подытоживают воззрения коллег. Однако приходится признать, что ревизионистский подход Ф. Пресса и его учеников оживил дискуссию вокруг отдельных социально-политических аспектов кризиса, причем территориальный и локальный уровень исследований оказался тесно взаимосвязанным с общеимперской панорамой. Англо-американские исследователи, а также историки марксистской ориентации по-прежнему в центр внимания ставят общеевропейский характер войны. В их трудах события 1618 г. стали результатом глубокого общеевропейского кризиса XVII в. Собственно немецкие истоки конфликта либо отодвигаются на задний план, либо рассматриваются лишь одним из множества равновеликих факторов. На Германию тех лет смотрят взглядом «из Европы», ее неизбежно «растворяют» в бурлящем сообществе европейских стран раннего Нового времени. Специфика немецких условий невольно теряет свое первоначальное значение. Поэтому в рамках выбранной темы вдвойне важно сосредоточиться именно на немецкой ипостаси войны.

§ 2. КАНУН ВОЙНЫ. ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА, ПРОПАГАНДА

Общим местом в трудах историков стало освещение последних восьми лет, предшествовавших богемскому восстанию, в духе спонтанного роста напряженности, охватывавшей все ярусы сословной организации. Подобный взгляд, впрочем, не исключает разницу в итоговом «диагнозе». В глазах Ф. Пресса последние годы перед войной свидетельствовали о ее неизбежности. «Обе стороны, — пишет он, — стремились толковать противоречивые положения религиозного мира к своей собственной выгоде — с трудом достигнутый компромисс оказывался под воздействием противоположных интерпретаций, которые уже было невозможно согласовать. Конфессиональная поляризация расколола также и семейный союз имперских князей; вал публицистики и постоянная пропаганда мести подрывали доверие и уничтожали в зародыше любую мысль о компромиссе.

Разочарование сказывалось не только в отношениях между двумя религиозными партиями, но и между радикалами и умеренными в рамках одной и той же конфессии. Прогрессирующая поляризация все более разрушала силу солидарности. Обе религиозные группировки были подвержены тяжелому кризису, но роль тех, кто высказывал мнение о неизбежности войны, оказалась решающей — и это, вероятно, обуславливалось всеобщей смутой, проистекавшей из процесса перемен» [*Press*, КК. S. 194].

Несколько иным положение представляется Г. Шмидту. Он считает, что война не была неизбежностью, а скорее результатом стечения трагических обстоятельств, возникших на взрывоопасной почве напряженности. Имелись элементы, сдерживавшие кризис, указывавшие на силы внутреннего единства и стабилизации. Основой для этого, по мнению Г. Шмидта, были тенденции национального самосознания, формирование единого пространства «культурной нации». «У немецкой нации был шанс к единению, который следовало реализовать, но также имелась возможность множеству конфликтов преобразоваться в политическое размежевание и вырваться наружу. Война стала ужасной и продолжительной реальностью — неизбежностью, правда, она не была... Несмотря на длительную войну и фундаментальные опасности, имелись ценности, разделяемые представителями всех конфессий. Различия между протестантскими и католическими областями были в 1620 г. в Германии меньшими, чем можно предположить. В эпоху конфессионализации система ценностей, отлитая в нормативы, создавала универсальную модель поведения, поскольку властители и подданные были объединены общими задачами по поддержанию этой системы. Государственное единство Германии не стояло на повестке дня и раздавались голоса, требовавшие национального согласия на базе культурно-языковых воззрений. Они выражались в большей мере в публицистике и в литературных текстах, нежели в государственных бумагах и актах... Во множестве явленные ценности, такие как немецкая свобода, мир, согласие и единство, добродетель и право указывали по меньшей мере на то, что подданные идентифицировались с

этими представлениями, равно как и с Германией, к которой они чувствовали себя вправе апеллировать. Однако все более заметные различия в интересах и соответственно в трактовке кризиса затрудняли объединение с теми силами, к которым был обращен призыв» [*Schmidt, GAR. S. 151*].

На вершине имперской политики в последние предвоенные годы мы видим императора Матфея (1612–1619), пожинавшего плоды победы над своим старшим братом. Но перед новым императором оказался старый круг проблем (вопрос о престолонаследии и поиски компромисса в борьбе религиозных партий), что осложнялось распадом традиционных имперских институтов. Так же как и Рудольф, Матфей оказался бездетным, поэтому в первые же годы его правления начались интенсивные переговоры с испанскими родственниками на предмет решения династического вопроса. В силу обязательств, данных испанской короне еще в 1548 г., австрийские Габсбурги в случае угасания старшей линии обязаны были передать престол мадридской родне. В конце концов чувство старой доброй династической солидарности восторжествовало в Австрийском Доме: было достигнуто согласие, по которому в случае смерти бездетного императора корона отходила к младшей штирийской линии в лице эрцгерцога Фердинанда. Последний был в 1617 г. венчан чешской короной, а в 1618 г. — венгерской. Эрцгерцог получил таким образом прямую дорогу к имперскому престолу. С Испанией в 1617 г. был достигнут договор, получивший название по имени испанского посла в Вене графа Оньяте («договор Оньяте»). В соответствии с этим договором Филипп III Испанский отказывался от «эвентуальных» прав на богемскую и венгерскую корону взамен получения владений Габсбургов на берегах Рейна в Эльзасе (т. н. «рейнский коридор», стратегически важный район, позволявший Испании связать свои итальянские владения с Южными Нидерландами). За счет этого соглашения урегулировался важнейший династический вопрос в правящей семье, но обострялась другая проблема: выдвижение кандидатуры Фердинанда Штирийского означало уступку самым радикальным силам немецкого католицизма, видевшим в эрцгерцогe, а теперь — короле

чешском оплот католической церкви и бескомпромиссного борца с протестантизмом. Кроме того — и это имело перспективную важность — был сделан еще один шаг на пути «интернационализации» имперской политики за счет сближения с Испанией, которая теперь могла в военно-политическом смысле буквально присутствовать на имперской арене и влиять на внутренние отношения. Освобождаясь, таким образом, от одной проблемы, Империя обременялась другой.

Стиль правления Матфея, его личные способности не внушали больших надежд. С готовностью он предоставлял решение всех болезненных дел своим советникам. В еще большей степени, чем Рудольф, он бежал от повседневной рутины. Авторитет короны не был восстановлен в годы его правления, хотя ему и удалось решить вопрос с наследованием престола. Будучи убежденным католиком, он, правда, никогда не страдал резкой предубежденностью по отношению к протестантским сословиям, но это было лишь предпосылкой возможного компромисса, оставшейся так и нереализованной: император предоставил события их собственному течению.

Кризис по-прежнему держал в параличе важнейшие институты, прежде всего *рейхстаг*. Хотя император в 1613 г. еще раз созвал общеимперский форум, но на нем не смогли принять никаких существенных решений. Рейхстагу не суждено было собраться вновь вплоть до 1640 г. Острейшие разногласия между конфессиональными группировками исключали компромисс. Возможным выходом могло бы стать оживление переговоров с княжеской элитой в форме княжеских или курфюршеских съездов. Однако для этого требовалась элементарная готовность к диалогу лидеров высшего дворянства по кругу хотя бы самых общих вопросов. Слабоволие на престоле и растущее недоверие между княжескими Домами делали напрасными подобные мечты.

Конечно, имелись факторы, сдерживавшие эскалацию. Сами союзные структуры Унии и Лиги не были избавлены от внутренних противоречий. Расширяя контакты с иностранными дружественными державами, Уния тем не менее становилась внутренне все более рыхлой величиной. Спо-

ры вокруг финансирования союзной армии между городами и князьями — членами Унии, равно как и борьба за лидерство, в которой все более зримо проступали черты пфальцской гегемонии, порождали конфликты интересов и расстраивали эффективность союзной структуры. В 1617–1618 гг. внутренний кризис достиг своего предела, речь шла фактически о роспуске всей организации. Слабая финансовая и военная сторона Унии делали проблематичным ее реальный вес во внутриимперской борьбе. Но чем больше пробуксовывала союзная машина, тем решительней становился ревизионизм пфальцской дипломатии, тем активней Пфальц добивался тесного альянса с зарубежными силами, прежде всего с Нидерландами и Англией. Брак Фридриха V на дочери английского короля и тесные партнерские отношения с первым Стюартом демонстрировали готовность Пфальца окончательно дистанцироваться от более или менее приемлемых компромиссов с католическими лидерами в рамках имперских структур.

Католическая Лига, возникшая в недрах Империи, едва ли могла, как и Уния, считаться совершенно чуждой Империи структурой. Как показывает исследование *Акселя Готтхарда*, Лига преследовала цели, вполне уместившиеся в нормативное русло имперских институтов. Задача ее сводилась к «укреплению католического характера Империи», к защите католических учреждений (следовательно, самой Империи) от нападок еретиков. Но в условиях продолжавшейся конфессионализации выполнение этих задач означало пересмотр сложившихся после 1555 г. реалий, их осуществление влекло неконтролируемые последствия. Лига, защищая интересы своих субъектов, неизбежно подтачивала ставший хрупким компромисс Аугсбургской системы. С другой стороны, так же как и Уния, Лига страдала серьезными внутренними противоречиями. В первую очередь речь шла о разногласиях между Габсбургами и Виттельсбахами по вопросу руководства союзом. Максимилиан Баварский, основатель Лиги, по праву мог требовать руководство ею. К тому же баварский герцог опасался возмущающего влияния Габсбургов на участников Лиги: австрийские родственники могли воспользоваться своей главной ролью

в союзе ради расширения зоны собственных интересов в южной Германии. В 1616 г. на этой почве возник острый конфликт между Максимилианом и Фердинандом Штирийским: будущий император не желал видеть друга своего детства во главе католического альянса. Мюнхенский герцог демонстративно отказался принимать участие в работе Лиги, и лишь с трудом удалось восстановить согласие. Габсбурги в конце концов уступили первенство Виттельсбахам. Однако эти конфликты не влекли серьезной эрозии самой структуры союзной организации: большинство католических прелатов, особенно мелкопоместных, рассматривали Лигу главным инструментом, способным в ближайшие годы защитить их религиозные и территориальные интересы. К тому же прочная *финансовая* и *военная* структура Лиги позволяла ей выступать эффективной величиной, а тесное партнерство с Испанией, присутствие которой становилось теперь более зримым, обрекало Лигу действовать на острие антипротестантской борьбы в Империи. Внутренние разногласия не мешали деятельному участию Лиги в эскалации напряженности.

Княжеская элита, несмотря на внешне присущее ей корпоративное единство, была расколота теперь уже не только по религиозному признаку. Недоверие и разочарование в политике своих религиозных оппонентов разрушали внутреннюю солидарность. Произошел опасный сдвиг на семейном Олимпе имперских князей. Среди трех ведущих Домов Империи *пфальцская линия Виттельсбахов* и младшая *штирийская линия Габсбургов* демонстрировали все черты религиозно-политического радикализма, нарушая полувековой баланс в единой княжеской семье Империи. Переход в католицизм нойбургской линии пфальцских Виттельсбахов лишь обострял антагонизм в отношениях Гейдельберга и Мюнхена. Дрезденские *Веттины* в лице вззошедшего в 1611 г. на курфюршеский престол *Иоганна Георга I* (1611–1656) не могли одним лишь своим политическим весом и авторитетом восстановить равновесие.

Иоганн Георг был средним сыном в семье скончавшегося в 1591 г. курфюрста Христиана I.хлопотами матери Софии Бранденбургской, уstraшенной влиянием кальвинистов при дворе покой-

ного мужа, и при поддержке регента герцога Веймарского Фридриха Вильгельма, он вкупе с братьями и сестрами получил строго лютеранское воспитание, а в 1601 г., вероятно, не столько из образовательных мотивов, сколько из намерения матери привить сыну стойкость в вере и ввести в круг зарубежной элиты, предпринял инкогнито, полное приключений путешествие в Италию. В 1604 г. сочетался браком с принцессой Вюртембергского Дома, и после ее смерти — вторично в 1607 г. с наследницей Прусского герцогства Магдаленой Сибиллой, что позволило Веттинам вести спор с Гогенцоллернами относительно эвентуальных прав на прусские земли. Неожиданная смерть в 1611 г. старшего брата Христиана II даровала ему бразды правления и выдвинула в число ключевых фигур имперской истории. Как территориальный государь он стремился всеми силами соответствовать лучшим лютеранским образцам хранителя Церкви и защитника подданных, деятельно поддерживал сложившуюся структуру учреждений, исповедовал ярко выраженный патриархальный стиль правления, насыщенный широкими жестами патронажа и опеки, стиль, который постепенно и вопреки принятым мерам подтачивал финансовое благополучие курфюршества, но при соблюдении тонкого баланса интересов сословий. В Империи Иоганн Георг с самого начала выступал решительным сторонником короны и противником кальвинистов-радикалов, прежде всего Пфальца, в решительную минуту отказал в поддержке мятежной Праге и выказал полное доверие кандидатуре Фердинанда Штирийского на выборах 1619 г. Вплоть до издания Реституционного эдикта 1629 г. Иоганн Георг следовал в форваторе габсбургского курса, и лишь полный слом механизмов Аугсбургского мира и религиозных гарантий для лютеран заставил его примкнуть к шведскому королю в 1631 г., разделить со шведами участие в боевых операциях в течении двух последующих лет, но уже с начала 1634 г. начать тайные переговоры с имперской стороной, итогом которых стал Пражский мир 1635 г. До 1645 г. курфюрст оставался верен габсбургской стороне и лишь чудовищные опустошения его наследственных земель заставили его выйти из войны (соглашение со шведами в Кетченброде, 1645 г.). Впрочем, защитником имперских интересов курфюрст выступал и позже, в дни заключения Вестфальского мира. До последних дней Иоганн Георг отстаивал ценности, взлелеянные с детства: верность Церкви и престолу. Влияние Тайного совета и надворного духовенства, прежде всего австрийца Гоз фон Гоэннега на правительственный курс едва ли было определяющим, и лишь соответствовало общей программе самого государя. Брак его с Магдаленой Сибиллой был весьма плодотворителен и в отношении наследников в 1652 г. был сделан шаг, вполне согласовавшийся с лютеранской этикой отца: согласно составленному тогда завещанию наследные земли были поделены между тремя сыновьями при сохранении курфюршеских регалий за старшим. В глазах современников курфюрст остался безукоризненным воплощением заветов Лютера, что в зеркале национальной историографии XIX в. стало лишь признаком политической близорукости и несостоятельности. Негативные суждения о нем раздавались

до последнего времени, и лишь недавно наметилась переоценка его личности в призме особенностей конфессиональной эпохи. См.: Прокопьев А. Ю. 1) Иоганн Георг I, курфюрст Саксонский (1585–1656). Портрет эпохи раннего барокко // Вестн. С.-Петербур. ун-та. Вып. 3. Сер. 2. 1995. С. 95–101; 2) Немецкая аристократия и дворянство ко времени Тридцатилетней войны: опыт регионального исследования // Клио, 3, 1998. С. 84–94; Müller K. A. Johann Georg der Erste, seine Familie und sein Hof. Dresden, 1838; Müller F. Kursachsen und der Böhmisches Aufstand 1618–1622. Münster, 1997; Essegern U. Fürstinnen am kursächsischen Hof. Lebenskonzepte und Lebensläufe zwischen Familie, Hof und Politik in der ersten Hälfte des 17. Jahrhunderts. Leipzig, 2007.

Крепко затянутый клубок противоречий, открывавший ворота Империи для вмешательства соседних держав, ярче всего продемонстрировал конфликт за *юлих-бергское наследство (1609–1614)*, начавшийся, как мы видим, еще в конце 90-х гг. После смерти в 1609 г. последнего представителя старого Клевского Дома Иоганна Вильгельма, не оставившего после себя наследников по мужской линии, его лены были объявлены выморочными и за них началась борьба между породненными с герцогством Домами. Главный спор развернулся между *Бранденбургом* и *Пфальц-Нойбургом*, владельцы князья которых были женаты на сестрах покойного герцога. Переход в 1613 г. сына пфальцграфа Нойбургского Вольфганга Вильгельма (1613–1653) в католицизм резко обострил противостояние: император теперь мог деятельно поддерживать нойбургскую партию в герцогстве. Гейдельбергская дипломатия, в свою очередь, с успехом пользовалась моментом для образования за рубежом мощной коалиции держав в поддержку Унии и протестантского дела. Искусно лавируя, Христиан Ангальт-Бернбург стремился добиться от Унии согласия на прямое военное вторжение в Юлих, будоражил австрийские протестантские сословия, но главным образом пытался заручиться поддержкой Генриха IV Французского, склонявшегося к мысли о военном вмешательстве в дела Империи на стороне протестантов. Осенью 1609 г. Уния была готова начать военные операции на Рейне и, вероятно, лишь смерть Генриха IV, павшего в мае 1610 г. от кинжала Равальяка, спасла общеимперский мир:

французская интервенция на Рейне так и не состоялась.

В конце концов северный сектор оспариваемых территорий был оккупирован войсками Соединенных Провинций, защищавших дело бранденбургского наместника наследного принца Георга Вильгельма, а южный — испанцами, помогавшими пфальцграфу Вольфгангу Вильгельму. Северо-западные земли Империи превращались в настоящий полигон для опробования сил в будущей европейской войне. По договору в *Ксантене* в 1614 г. конфликт был исчерпан и компромисс достигнут. За Бранденбургом сохранялись герцогство Клеве и графство Марк с центром в Клеве, за католическим Домом Нойбурга — земли герцогства Юлих-Берг с главной резиденцией в Дюссельдорфе.

Третья, *нейтральная сила*, выступавшая с позиций компромисса и политического лавирования, была еще достаточно сильна. Ведущими представителями ее в имперской политике был главный политический советник Матфея кардинал *Мельхиор Клезль*, несмотря на свой персональный католицизм готовый к диалогу с протестантскими силами. Среди князей нейтралитет хранили *саксонские Веттины*. Однако давление сторон становилось все большим, а возможностей к компромиссу — все меньше. Третья партия (если так можно выразиться) вынуждена была играть на все более сужавшемся поле политического маневра. Изоляция Клезля при императорском дворе в последние месяцы перед пражским восстанием прекрасно демонстрировала ограниченные возможности для достижения компромисса.

Рост напряженности сказывался не только на верхних этажах имперской организации. Он проникал и развивался также в толще общественного сознания. Процессы конфессионализации следовали своим естественно обусловленным путем и наряду с компромиссами выдвигали самоидентификацию посетителей конфессий. Следствием становился общий дух конфронтации, религиозной нетерпимости, повышенной конфликтности.

Мощная *публицистическая волна*, появление множества пропагандистских книг, брошюр и листовок наглядно убеждали в непримиримости враждебных религиоз-

ных партий. Литература тридентского католицизма, сравнительно поздно вышедшая на имперскую аудиторию в сравнении с лютеранской или реформатской пропагандой (лишь в 70-е гг.), как раз в начале XVII в. переживала настоящий подъем. Огромный вклад в полемику с конфессиональными оппонентами, как показало исследование *Рихарда Кребса*, внесли *иезуиты*, ставшие главными носителями католической пропаганды в литературе. Анализ литературной полемики позволяет констатировать весьма важную тенденцию: формально провозглашая верность аугсбургским принципам, формально отталкиваясь от фундамента «земского мира», и католические, и протестантские литераторы, однако, все более последовательно подчеркивали тезис конфессионального универсализма — в будущем должна восторжествовать лишь одна, «истинная» вера. Ради этой главной цели следовало жертвовать многим. Развивался тезис о тираноборстве ради низвержения попиравшей религиозные свободы власти, об искоренении еретических движений, если те грозили уничтожить мир Старой Церкви. Причем оборонительный тезис (удар по еретикам лишь в случае опасности для Церкви) все более превращался в наступательный: борьба с еретиками как непременное условие сохранения Церкви. Весьма последовательно подобные мысли выражали в своих работах иезуиты *Матфей Майерхофер* («Зерцало проповедника», 1600) и *Иоганн Пауль Виндек* («Взгляд на будущее Церкви», 1609). Лютеранскую точку зрения с теоретическим блеском защищали прежде всего представители *саксонской ортодоксии* в лице дрезденских надворных проповедников *Поликарпа Лейзера* и *Матфея Гоз фон Гозннегга*. Не отставали от них и глашатаи Евангелия из Тюбингена, старого стража лютерова наследия в Империи. Все более возвышался и голос реформатов. Кальвинистские богословы всю мощь своей пропаганды направили на полемику с католиками, проявляя по отношению к лютеранам несколько большую терпимость. *Абрахам Скультет*, надворный проповедник в Гейдельберге, постоянно подчеркивал органичное родство протестантов двух направлений, призывая бороться в первую очередь с папистским Римом. Догматические разногласия в

стане реформатов (Дордрехтский синод 1618–1619 гг.), конечно, до некоторой степени подрывали конфессиональное единство, но едва ли это заметно сказывалось на поведении радикалов в имперских землях. В лице *Георга Эразма Чернембля*, вождя австрийской дворянской оппозиции, кальвинизм нашел накануне войны самого известного и талантливого интерпретатора концепции Альтузия. Если Христиан Ангальтский выполнял роль политика-практика, то Чернембль во многом идеологически подготавливал дворянскую оппозицию к будущим битвам. Своей высшей точки литературные страсти достигли в 1617 г., в столетнюю годовщину лютеровой Реформации. Некоторые исследователи вообще склонны считать вспыхнувший тогда взрыв религиозных эмоций прямым прологом к начавшейся вскоре войне. Самым ярким воплощением пропаганды и контрпропаганды в тот год стала полемика между дрезденцем Гёз фон Гёэннеггом и иезуитом Адамом Конценом по вопросу о значении и итогах лютеранской Реформации.

Накал *полемического противостояния* усиливался не только между католиками и протестантами, но и внутри самого протестантского мира, прежде всего между лютеранами и реформатами. Никогда с середины XVI в. взаимное сосуществование двух конфессий не знало столь бескомпромиссной литературной борьбы, как в предвоенные годы. Дух абсолютной нетерпимости, совершенного неприятия чужих взглядов, желание метафорически как можно глубже уязвить оппонентов характеризовали эту полемику и особенно ее лютеранскую сторону. Заметнее всего здесь выглядела фигура уже упомянутого надворного пастыря курфюрста Иоганна Георга I Матфея Гёз фон Гёэннегга. Он не только переиздавал, снабжая собственными комментариями, ранние антикальвинистские памфлеты, но и весьма последовательно ставил реформатскую конфессию на один уровень с «папистским Римом», полагая, что в некоторых случаях для лютеран более пристало действовать заодно с папистами, нежели с «кальвинианами». Если «антихристов Рим», по меньшей мере, берет свои корни от некогда чистой и непорочной первоапостольской церкви, то ересь Кальвина абсолютно беспочвенна: она есть порожде-

ние сатанинских сил и пагуба — в политическом смысле — всей Империи. Кальвинизм не только проповедует неверную догму, но и извращает дело Мартина Лютера.

Литературная пропаганда, однако, при всем своем агрессивном запале, как это ни парадоксально, имела, тогда пусть еще и незаметную, позитивную сторону: общество все более подвергалось воздействию единого информационного пространства, становилось более коммуникабельным благодаря информации. В свою очередь, мощная литературно-публицистическая волна соединяла языковые различия в одно целое и содействовала формированию единого культурно-языкового поля Империи. Формировалось пространство немецкого литературного языка, пространство культурной нации. Великая социокультурная миссия конфессионализации постепенно являла свое созидательное предназначение.

Рост религиозного противостояния спускался и на низовой уровень крестьянства и города. Характерным стало повышенное ощущение нестабильности и страха, охватывавшее широкие круги сельского и городского населения. Некоторые исследователи отмечают в этой связи и феномен роста *колдовских процессов* в различных уголках Империи накануне войны.

Начавшееся в конце XV в. гонение на ведьм переживало в век Реформации и религиозного раскола периоды подъема и спада, но именно в первые два десятилетия XVII в. оно получило новый мощный толчок. Как показывают новые исследования, помимо чисто мифологической основы, в отсутствие социальной причинности (провоцирование процессов властями и элитой ради усмирения социальной оппозиции «снизу») гонения на ведьм проистекали из подспудного желания «простого» человека реализовать себя в условиях все более возрастающего диктата властных учреждений, лишивших массы подданных самостоятельной активности. Религиозная пропаганда в таких условиях подталкивала крестьян и горожан к самодеятельности, даруя им роль самодеятельного элемента. И общество с охотой пользовалось предоставленной компенсацией взамен отобранной властью социальной самостоятельности.

Массовое сожжение ведьм. Гравюра Яна Люйкена

Впрочем, далеко не только низы страдали избытком ревности в борьбе с силами зла. Идеи очищения христианства от бесовской скверны владели умами и представителей городской элиты, и придворных обществ. В предвоенные годы *окультизм*, занятие *магией* и всевозможные *пророчества* сделались повседневной нормой в городской среде и в домашнем мире имперских князей. Такова была логика развития конфессионализации: единого всеобъемлющего, всепоглощающего процесса, не оставлявшего крупных социальных лакун и демонстрировавшего лишь ту или иную степень динамики.

Наконец, дух нестабильности, тревоги и воинственности более или менее характеризовал все сословия в целом, что было заметно, разумеется, в первую очередь на верхушечном уровне. Строительство крепостей, появление первых регулярных армий, публицистическая пропаганда военных добродетелей, ощущение готовности к отражению возможного удара оппонентов отмечались современниками и были заметны для глаз иностранных наблюдателей.

§ 3. ОТ ПРАЖСКОГО ВОССТАНИЯ ДО ИЗДАНИЯ РЕСТИТУЦИОННОГО ЭДИКТА (1618–1629)

Ни один из указанных компонентов кризиса не мог спровоцировать саму войну. Необходимо было трагическое стечение обстоятельств в одном из самых взрывоопасных регионов, способное вызвать потрясение всего имперского здания. Таковым пунктом стала *Богемия* — ахиллесова пята всей Империи и наследственных земель Габсбургов.

В Богемии столкнулись прежде всего острые *религиозные противоречия*: с одной стороны, консолидированные силы протестантов в лице объединенных одной формулой веры «богемских братьев», утраквистов и лютеран, с другой — католиков, энергия которых возросла по мере поддержки со стороны младшей линии Габсбургов, воссевшей в Богемии с 1617 г. в лице *Фердинанда Штирийского*.

То, что Фердинанд был одним из самых последовательных защитников католического дела в Империи, не подлежит сомнению, то, что он стремился резко радикализировать силы католицизма в своих наследственных владениях, кажется очевидным. Но при этом не следует сбрасывать со счетов и крайности протестантской партии. Свыше 200 выпускников кальвинистских европейских центров в начале века были выходцами из Богемии. Многие из них стали впоследствии активными деятелями событий 1618 г. Многие участники чешского восстания были вскормлены в стенах Йенского и Альтдорфского университетов, всегда считавшихся ультрарадикальными в ряду лютеранских академий Германии. Фердинанд, жаловавшийся в 1622 г. на то, что кальвинистские школы воспитали мятежников в его землях, в общем был не далек от истины. Впрочем, он и сам приложил немало усилий к ссоре с сословиями: из 10 членов правительственного совета в 1618 г. протестантами оставались лишь трое. Распоряжение наместников Фердинанда о сносе и закрытии двух протестантских церквей в Богемии (Браунау и Клостерграб) было безукоризненно точным выполнением имперских предписаний Аугсбург-

ского религиозного мира. Как законный государь Богемии Фердинанд имел право на определение конфессии для своих подданных. Однако этот имперский закон вступал в противоречие с «грамотой величества» 1609 г.

Столкновение двух норм создавало безвыходную ситуацию, и события 23 мая 1618 г. стали ее естественным следствием. Не контрреформационные амбиции Фердинанда, но уязвимость собственно богемского вопроса лежали в основе взрыва 1618 г. Случись подобные инциденты с закрытием церквей или даже с расправой над правительственными чиновниками в каком-либо другом центре Империи, движение можно было бы, вероятно, погасить. Большой новостью все эти инциденты со времен Аугсбургского мира не были. Юлих-Бергский кризис, в конце концов успешно разрешенный, свидетельствовал о возможностях мирного исхода.

То, что война вспыхнула в 1618 г., было делом случая, но отнюдь не было случайностью ее возникновение в Богемии. Ситуация, сложившаяся там, была слишком взрывоопасна, она неизбежно затрагивала обще-имперские структуры.

Пражское восстание 23 мая 1618 г. стало началом войны. Вся полнота власти в мятежной Богемии перешла в руки тридцати директоров («богемская директория»). Ключевой фигурой среди прочих сделался граф *Генрих Матфей Турн*. Были организованы касса и армия. Историки долго спорили вокруг программ восстания. Радикальные элементы с самого начала преобладали в организации восставших сил, и, видимо, желание мятежников устроить у себя в Богемии некое подобие нидерландского сословного республиканизма не стоит считать слишком иллюзорным.

Восстание сотрясло имперские структуры в целом. Для обеих сторон — и для короны, и для мятежников — логика событий выступала в амбивалентном значении. Противостоя Фердинанду в его же собственных наследственных землях, мятежники не располагали достаточными силами принудить короля к капитуляции. Исследования последних лет позволяют констатировать военную слабость восстания. Даже несмотря на весенние успехи Турна в 1619 г. в северной Австрии и под Веной, дело восставших рисовалось

с самого начала в неутешительном свете. То, что в конечном счете мятежники смогли продержаться до 1620 г., объяснялось не военными ресурсами конфедерации, а военной слабостью Фердинанда. Отсутствие больших перспектив на поле Марса понуждало восставших к лихорадочному поиску кандидатов на вакантную с весны 1619 г. богемскую корону. Но обретая подспорье в лице иноземного кандидата, восставшие обрывали все нити компромисса: низложение Фердинанда резко обостряло противостояние с короной, вынося его за рамки правового поля Империи. Поиски реальных претендентов в то же время расширяли имперскую значимость конфликта. Уния во главе с *Фридрихом Пфальцским* сделалась единственным и главным союзником мятежников. Фридрих V в *ноябре 1619 г.* был коронован чешской короной и поселился в Праге, фактически взяв на себя всю ответственность за судьбы восставшей страны. Тем самым узкий по размаху конфликт в наследственных землях оказался «вскрыт» вовне: в него вмешались альтернативные распавшимся имперским учреждениям структуры радикальных сил. С этого момента богемский вопрос стал общеимперским делом и приобрел черты *общеимперского кризиса*.

В условиях отсутствия каналов к диалогу Фердинанд был вынужден — за недостатком собственных военных сил — блокироваться одновременно с *Лигой и Испанией*. По достигнутому в 1619 г. соглашению Габсбурги де-факто признавали баварское руководство Лигой, а также — правда, пока лишь в устной форме — ленные права герцога Максимилиана на Верхний Пфальц. В обмен Фердинанд получал военную поддержку лигеров. Испанская корона, пользуясь правами на «рейнский коридор», смогла развернуть на верхнем Рейне вспомогательные войска для комбинированного удара по Нижнему Пфальцу. Так кризис оказался обостренным участием еще одной имперской структуры, теперь уже с католической стороны. Помощь же Испании придавала элемент интернациональности конфликту.

Но именно на гребне противостояния для Фердинанда создавались условия — парадокс! — консолидировать силы династии и Империи. В глазах лютеранских чинов, и преж-

Император Фердинанд II (1619–1637). Портрет Йозефа Хайнца изображает государя в придворной атмосфере Хофбурга.
Художественно-исторический музей. Вена

де всего Саксонии, чехи были лишь нарушителями земского мира и бесспорными мятежниками. Кроме того, дух кальвинистского радикализма, привнесенный новоизбранным чешским государем курфюрстом Фридрихом Пфальцским в Прагу, неизменно отталкивал лютеранских ортодоксов от сближения с восставшими. Тем самым было спровоцировано «центростремительное» движение во имя сохранения стабильности в Империи. Во главе его стояли традиционно лояльные престолу князья *Гессен-Дармштадта* и *Саксонии* — важные партнеры Фердинанда в умирении богемского восстания. В 1620 г. это партнерство было расширено до совместных военных операций против богемских мятежников (оккупация Лаузица саксонскими войсками). Другим шагом в этом же направлении было избрание самого Фердинанда в *августе 1619 г.* новым императором после смерти Матфея: тем самым была засвидетельствована стабильность в правящем Доме и общая лояльность короне подавляющего большинства имперских чинов. Таким образом, участие радикальных сил перекрывалось общей тенденцией к умиротворению.

В этих условиях Фердинанду удалось легко сокрушить военное сопротивление мятежной Богемии. Летом 1620 г. армия Лиги под командованием Тилли и верховным началом самого Максимилиана оказалась в Чехии, а испанские войска развернули наступление на берегах Рейна и Неккара, парализуя силы Унии в Верхней Германии. Принципиально важным было то, что в условиях общеимперской значимости конфликта восстание нельзя было подавить только в Богемии. Богемский и пфальцкий этапы войны не могли стать автономными событиями: Чехию можно было усмирить лишь одновременно с разгромом Унии. Фердинанд не внедрялся в Империю из Богемии, он с самого начала действовал как государь всей Империи и, желая ликвидировать важнейший источник кризиса, неизбежно должен был нанести удар по Пфальцу. Опала Фридриха Пфальцкого была логичным следствием вмешательства последнего на стороне имперских мятежников, а оккупация Пфальца шла параллельно оккупации Богемии, поскольку обе территории оказались в равной мере вне сферы действия

имперского закона. Но, с другой стороны, этот во многом образцовый образ действий Фердинанда как правомочного властителя радикализировал силы католицизма, нашедшие теперь реальных и вполне состоятельных защитников в лице Лиги и испанских войск. Разрушая прибежище радикальных сил протестантов — Унию, Фердинанд тем самым усиливал блок католических радикалов — Лигу. Таким образом, все более иллюзорными становились надежды на затухание войны после усмирения Пфальца и Богемии.

Фридрих с восставшими чехами был разбит на *Белой Горе* в ноябре 1620 г. Прага была потеряна тотчас, сам злополучный король бежал в Голландию, предоставив своим генералам еще защищаться в Пфальце. После нескольких сражений (Вислох, Вимпфен, Гехст и Штадлон) последовала сдача всех крупных крепостей на Неккаре, включая сам Гейдельберг и ключ к нему — Маннгейм. Весной 1623 г. весь Пфальц находился в руках католических испано-лигистских сил.

Завершение кампании в Пфальце, казалось, создавало еще одну возможность для восстановления нарушенного баланса сил в Империи. Роспуск Унии играл на руку умеренному крылу лютеранского лагеря, а вывод испанских войск за имперские пределы убирал повод к сословным протестам в связи с нарушением имперских свобод. Тем более что возобновившаяся в 1621 г. *испано-нидерландская война* отвлекала в какой-то мере Мадрид и Гаагу от имперских дел.

Однако резко возросший в своей мощи «католический полюс» становился все менее контролируемым в самой Империи. Фердинанд не решился ограничить его после столь впечатляющего триумфа. В Богемии император заложил основы к полной *католической конфессионализации* богемского общества, хотя и сохранив структуру сословных институтов (издание «*Обновленного Земского уложения*» в 1627 г.). Во всяком случае, Богемия была рекатолизована в той мере, в какой это было возможно сделать в условиях полной победы, но с оглядками на протесты лютеранских князей — партнеров императора. В рамках же Империи Фердинанд по-прежнему стоял на позициях соблюде-

ния имперского закона, но манипулирование этим законом в пользу католиков создавало благоприятную предпосылку к католическому реваншу в рамках всей Империи. Два шага были сделаны императором в этом направлении: он допустил имперскую *инвеституру Максимилиана* на Верхний Пфальц в феврале 1623 г. и позволил занять католическим силам часть нижненемецких протестантских территорий.

Первый шаг вызвал раскол в княжеской элите: лютеранские государи были вновь разочарованы после, казалось бы, наметившегося компромисса в дни богемского восстания, второй — повлек новый раунд консолидации протестантских сил теперь уже в северной Германии.

Не имея существенной военной опоры внутри Империи после распада Унии, протестантские сословия обратились за поддержкой извне. Эта поддержка и была предоставлена королем Датским *Христианом IV* в 1625 г. Он был выбран *протектором* нижнесаксонского округа и выступил со своими войсками на нижненемецкий театр военных действий. Его династические амбиции (желание закрепить за наследниками некоторые северонемецкие епископства) в данном случае не столь уж и важны — показательно, скорее, то, как радикализм католиков подстегивал непримиримость протестантов. Вмешательство Дании знаменовало еще один шаг на пути интернационализации войны.

С военной точки зрения датская кампания была проиграна протестантами еще стремительнее, чем пфальцская: в 1626 г. сам король Дании был разбит близ *Луттера на Баренберге*, что повлекло катастрофу всего правого фланга протестантских сил, а командующий немецкими протестантами граф Мансфельд со своими контингентами потерпел не менее внушительную неудачу на востоке близ *Дессау*, что, в свою очередь, определило судьбу также и левого крыла. В 1627–1628 гг. имперско-лигистские силы смогли приступить к операциям на *Балтийском побережье* (блокада Штральзунда) и к вторжению в *Ютландию* (рейд Валленштейна 1627 г.).

Успех второго периода войны расширил перед императором перспективы в деле реставрации католицизма и укрепил военно-политические позиции короны. Прежде

всего значимой представлялась тесная интеграция нижненемецкого политического ландшафта в общую канву событий: присутствие имперских сил в северной Германии означало и появление там фактора прямой имперской власти. Возникла ситуация, невиданная со времен средневековых императоров: интересы короны диктовались в зоне, традиционно удаленной от имперского ядра. Создавалась определенная предпосылка внутриимперской консолидации.

Кроме того, укрепилось положение военных структур Фердинанда: в 1625 г. была организована собственно *имперская армия* во главе с *Альбрехтом Валленштейном*. Бывший полковник, отличившийся в дни чешского восстания, Валленштейн обладал недюжинными дарованиями стратега и был в то же время совершенной креатурой императора, демонстрируя своим примером возможности престола рекрутировать способных офицеров из наследственных земель.

Валленштейн родился в 1583 г. в поместье Германиц в северной Чехии. Отец его Вилим фон Вальдштейн и мать Маркита фон Смержицки принадлежали к старинному, хотя и небогатому чешскому евангелическому дворянскому роду. Вальдштейны состояли в родстве со многими именитыми семьями Богемии, прежде всего Славатами. Ребенок рано лишился обоих родителей, большинство его братьев и сестер также умерли во младенчестве. О юности Альбрехта известно очень мало. Мы достоверно знаем, что после смерти родителей (1595) он был увезен своим опекуном Генрихом Славатой в Кошумберг, где стал свидетелем его перехода в католицизм, затем обучался, по-видимому, в латинской гимназии городка Гольдберг в Силезии. Летом 1599 г. из страха перед чумой Альбрехт перебрался во Франконию и стал студентом Альтдорфского университета. Смерть опекуна и слабое наставничество бабки Ютки фон Вальдштейн избавили Альбрехта от сколько-нибудь твердого родственного влияния. Пребывание в Альтдорфе едва ли содействовало приобретению большого интеллектуального багажа: несколько месяцев своего обучения молодой дворянин провел в обществе разбойной студенческой шайки и в конце концов вынужден был спастись от судебного преследования. Вероятно, Валленштейн посетил и Италию, хотя пребывание его в каком-либо из известных тамошних университетов оспаривается. После возвращения на родину в 1604 г. он принял участие в турецкой войне сперва в качестве прапорщика, потом — капитана. На фронте он встречается с будущими участниками немецкой драмы: графом Турном и генералом Тилли. В 1606 г. Валленштейн

переходит в католицизм и одновременно заводит важные связи с могущественным чешским магнатом Карлом фон Жеротином. Первый брак Валленштейна с Лукрецией фон Ландек, как и второй — с Изабеллой фон Гаррах принес ему огромное приданое. В доставшихся ему владениях Валленштейн ввел католицизм, хотя с 1610 г. состоял на службе моравских протестантских сословий в качестве полковника. В начавшемся чешском восстании Валленштейн — решительный противник Директории, что он доказал удачными действиями против ее войск (самое громкое — захват казны моравских сословий в 1619 г.). Воспользовавшись массовыми конфискациями после подавления мятежа, Валленштейн развернул настоящую спекулятивную деятельность по продаже и закладке отнятых у протестантов поместий. В Вене закрывали глаза на махинации своего военачальника, ценя в Валленштейне прежде всего организаторские и стратегические способности. В 1623 г. ему было пожаловано княжество Фридланд, а в 1625 г. он был возведен в имперское княжеское достоинство. Успехи в датской кампании, энергия и распорядительность превратили Валленштейна в фигуру первой величины в имперском военном руководстве, дав ему чин «генералиссимуса балтийских и океанических морей». В 1628 г. он получил мекленбургские земли с центром в Гюстрове и развернул там кипучую деятельность вплоть до организации рыцарской академии по образцу устроенной им в Гитшине дворянской школы. Главным помощником Валленштейна в его удачных хозяйственных операциях был его финансист нидерландец Ганс де Витте. Отставка генералиссимуса летом 1630 г. никак не сказалась на его благосостоянии, позволив ему сосредоточиться на обустройстве огромных чешских владений с центром во Фридланде и Гитшине. Критическая ситуация, сложившаяся в 1632 г., вынудила императора вторично прибегнуть к услугам своего военачальника. Согласно т. н. Геллерсдорфским статьям Валленштейн получал практически неограниченный контроль за ведением военных операций и командованием армией. С военной точки зрения его действия были в целом удачны (изгнание саксонцев из Богемии, отражение шведского удара под Нюрнбергом, наконец, успешное противостояние королевской армии под Лютценом). В 1633 г. Валленштейну удалось нейтрализовать шведско-саксонские силы в Силезии. Однако длительные переговоры с Саксонией и чешскими эмигрантами, начавшиеся еще в 1632 г., а также нежелание оказать немедленную поддержку Баварии вызвали подозрения в Вене и особенно — в Мюнхене. В конце 1633 г. назрел кризис в отношениях Валленштейна с императорским двором, который окончился катастрофой. Несмотря на поддержку Валленштейна некоторыми советниками (прежде всего Ульрихом фон Эггенбергом), император под настойчивым давлением Мюнхена сместил своего командующего, а в феврале 1634 г. издал секретный указ об аресте Валленштейна. Генералиссимус не ответил сколько-нибудь решительными шагами, свидетельствовавшими о его бесспорной измене, оставил Пильзен и по дороге к западным границам Чехии в Эгере стал жертвой заговора гарнизонных офицеров и своих подчиненных — полковников

Буттлера и Гордона, капитанов Лесли и Диверу. Вечером 24 февраля 1634 г. его приближенные были убиты в эгерском замке, а ночью был убит он сам — на своей квартире капитаном Диверу.

Споры вокруг персоны Валленштейна велись уже с первых лет после его гибели и завершились созданием в XIX–XX вв. впечатляющих концепций. Г. Хальвих видел в нем немецкого патриота, мечтавшего о национальном объединении Германии, Й. Пекарж — борца за чешскую независимость, Г. Зирбик — защитника общеимперских ценностей, стремившегося умиротворить Священную Империю. Обстоятельную, содержащую изрядную долю скепсиса монографию Голо Манна сегодня можно считать, очевидно, лучшей работой последних лет. В глазах этого историка Валленштейн выступает довольно мрачным мизантропом и эгоистом. См.: *Hallwich H. Fünf Bücher Geschichte Wallensteins. Bd 1–3. Leipzig, 1910; Pekař J. Wallenstein 1630–1634. Die Tragödie einer Verschwörung. Bd 1–2. Berlin, 1937; Srbik H. Ritter von. Wallensteins Ende. Wien, 1952; Mann G. Wallenstein. Frankfurt am Main, 1997.*

Вплоть до середины XX в. Альбрехт фон Валленштейн был объектом самой яростной научной полемики.

Здесь представлен, пожалуй, самый известный его гравированный портрет с картины Ван Дейка. Из книги Матфея Мериана «Европейский Театр»

Располагая теперь собственными войсками, император освобождал себя от зависимости Лиги. Армия Валленштейна превращалась в условиях бесконтрольного военного присутствия католического альянса в элемент стабильности, зависимый от центральной власти.

Император поощрял также функционирование *курфюршеских съездов*, ставших после распада рейхстага единственным представительным органом сословий. Динамика событий превращала этот институт в постоянно действующий форум элиты. Разумеется, он не мог заменить собой общесословный форум, но позволял обсуждать и принимать быстрые решения в условиях войны. Курфюршеские съезды были, несомненно, мощным движением вперед по пути олигархизации Империи. Но в не меньшей степени они знаменовали и *олигартизацию* самой войны, ход которой со всей очевидностью во многом теперь зависел от мнений нескольких авторитетнейших династов. Тем самым упрощался рисунок политических интересов: они сужались до позиций ведущих княжеских Домов. В рамках узкого диалога императору было легче добиться желанных решений.

Фердинанд также стремился укрепить позиции своих выдвиженцев в рамках имперских структур. Отнятые у опальных *мекленбургских герцогов* земли были дарованы Валленштейну, ставшему после этого имперским князем. В лице Валленштейна создавалась *новая фракция* имперских князей, теоретически призванная выступать проводником имперских интересов.

Помимо прочего, император сумел приступить к активной политике в *северной Италии* — зоне, где имперское присутствие ощущалось достаточно слабо со второй половины XVI в. В 1628 г. вспыхнула война за *мантуанское наследство*, вызванная династическими притязаниями Империи, Испании и Франции на североитальянские лены. Поддерживая интересы Мадрида, Фердинанд направил в Италию свои войска, предводительствуемые графом Галласом и генералом Коллальто. После длительной осады имперцам удалось овладеть Мантуей в 1630 г., но попытки окончательно вытеснить французов из Савойи и Монферрато оказались безуспешными.

В начавшейся войне курфюрст Саксонии Иоганн Георг I (1611–1656) должен был сыграть нелегкую роль вождя умеренных протестантов. Его супруга хотела, быть может, решительней мужа защищать единоверцев. Иоганн Георг и его супруга Магдалена Сибилла. Неизвестный художник. После 1617 г. Галерея Старых Мастеров. Дрезден

Однако блистательные победы умножали и противоречия. По мере роста католических успехов сужалось поле компромисса, на котором традиционно властвовали нейтральные силы, представленные Саксонией и Гессен-Дармштадтом, с тревогой взиравшие на рост католической экспансии и все более опасавшиеся чересчур решительных намерений императора. На этом фоне отчетливее проявлялась бескомпромиссность радикалов, среди которых все большую роль играл Гессен-Кассель. Важнейший представительный орган — съезд курфюрстов, единственный институт, заменявший собой рейхстаг, утрачивал эффективность. Кроме того, ширился раскол внутри самого католического лагеря: между Лигой и императором. Вожди Лиги, прежде всего Максимилиан Баварский, стремились стать единственными гарантами интересов католической стороны в Империи и потому все менее терпимо относились к

наличию у императора собственной вооруженной силы во главе с Валленштейном. В 1627–1628 гг. на съездах лигеров были озвучены первые серьезные протесты против деятельности Валленштейна. Наконец, желание императора усилить собственную клиентелу выразилось в сомнительных с точки зрения имперского права акциях. Протестантские герцоги Мекленбурга были подвергнуты опале и лишены своих ленов, а инвеститура на мекленбургские земли была дарована в 1628 г. Валленштейну в нарушение формальных имперских законов (без созыва рейхстага). Тем самым подрывалось доверие к престолу не только со стороны ведущих протестантских князей, но и католических лидеров, особенно Максимилиана Баварского, видевшего в действиях Валленштейна угрозу вековому правопорядку Империи.

Однако в условиях кажущегося полного триумфа император не удержался от соблазна кардинально закрепить достигнутый успех. Именно под таким углом зрения следует рассматривать издание *Реституционного эдикта*, опубликованного в *марте 1629 г.* Прологом к его появлению стало мнение католических радикалов о необходимости приведения вопроса о секуляризованных духовных землях в соответствие с нормами Аугсбургского мира. Решение в этом смысле означало бы реставрацию всех тех католических общин, которые после Пассауского мира 1552 г. были отняты протестантами. В 1627 г. на курфюршеском съезде в Мюльгаузене духовник баварского герцога *Адам Концен* впервые дал развернутую программу действий в этом направлении. Согласно эдикту, реституции, т. е. восстановлению в прежнем церковно-правовом статусе, подлежало 12 епископств и архиепископств и около 200 монастырей. Одновременно упразднялась т. н. «Декларация Фердинанда», гарантировавшая права протестантских меньшинств в католических церковных землях и теперь признанная недействительной. Фердинанд здесь буквально следовал статьям Аугсбургского соглашения. Новейшие исследования, в частности *Михаэля Урбана*, также подтверждают тесную взаимосвязь эдикта с положениями 1555 г. Статьи императорского указа не создавали нового права и не нарушали принципы им-

перской организации. Но отнимая у протестантских сословий секуляризованные владения церкви, эдикт кардинально менял всю политическую и конфессиональную систему отношений, сложившуюся между католическими и протестантскими чинами после 1555 г. Теперь в вопросе реставрации во всей своей мощи предстал *католический радикализм*. С самого начала император был вынужден смягчать заявленные намерения, в частности, оставляя дрезденским Веттинам права на саксонские епископства и предполагая полное осуществление реституции лишь в течение последующих семидесяти лет. Но все эти уступки не меняли главного: возвращаясь на точку зрения Аугсбургского соглашения, Фердинанд перечеркивал реалии, сложившиеся после 1555 г.

Битва на Белой горе. Гравюра Матфея Мериана из книги
«Европейский Театр»

Немедленным следствием стал двоякий кризис: в отношениях с протестантскими князьями и с католическими лидерами. Были подорваны позиции умеренных сил в лице Саксонии, вынужденной теперь решительно протестовать против намерений короны. Одновременно резко выросла

бескомпромиссность старых оппонентов католического лагеря (Гессен-Кассель). Не имея больших шансов спастись от давления противников в Империи, протестантские сословия вынуждены были вновь обратиться к союзникам вовне. Поддержку традиционно искали у *Нидерландов* — главного противника Испании в Европе. Однако высадка летом 1630 г. шведских войск короля *Густава Адольфа* на острове Узедом, близ Пенемюнде, произвела кардинальные перемены: с этого момента шведы выступали главными спасителями немецких протестантов. В то же время вожди Лиги, прежде всего Максимилиан Баварский, ощущали все большую тревогу перед растущей мощью Фердинанда: исполнение эдикта возлагалось на армию Валленштейна, превратившуюся в настоящий таран, расчищавший путь имперскому влиянию на севере.

Программа реставрации католицизма при решающей поддержке короны вызвала острое столкновение с сословиями. Кульминацией противостояния стал *Регенсбургский курфюршеский съезд*, созванный императором в 1630 г. Многие из традиционных партнеров Габсбургов, в том числе курфюрсты Саксонии и Бранденбурга, не явились на собрание — прямой вызов политике Фердинанда! Присутствовавшие, среди которых главную роль играл баварский герцог, дали решительный бой имперским интересам. Фердинанд после жарких прений был вынужден отправить в отставку Валленштейна, но не добился этой уступкой ни избрания своего старшего сына Римским королем, ни согласия чинов помочь Испании, нуждавшейся в имперской поддержке в северной Италии и Нидерландах. Имперская армия упразднялась как самостоятельная военная единица, на три четверти распускалась, а остатки ее переходили под начальство Лиги. Хрупкий мир внутри Империи был спасен, но ценой почти полной ликвидации завоеваний короны. Инициатива вновь переходила к сословиям, главным образом к католическим радикалам и тем протестантским князьям, которые решились до последней крайности противостоять давлению Лиги и престола. Поставленные в условия крайнего стеснения протестантские чины окончательно «открыли» Империю для иноземных держав, при-

няв шведскую помощь, явившуюся летом 1630 г. во главе с королем Густавом Адольфом. Десятилетний эксперимент моделирования имперских отношений в пользу короны потерпел неудачу.

§ 4. ОТ ШВЕДСКОГО ВТОРЖЕНИЯ ДО НОРДЛИНГЕНА. КРИЗИС В УСЛОВИЯХ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ВОЙНЫ (1630–1634)

Причины, заставившие Густава Адольфа в 1630 г. вмешаться во внутриимперский конфликт, остаются все еще не до конца выясненными. Экономические и геополитические интересы шведской короны, бесспорно, диктовали необходимость ее военного присутствия на южном побережье Балтики. При этом, однако, приходится признать, что шведский король стал одним из самых последовательных защитников религиозных интересов протестантских сословий — тревога за судьбы евангелического вероисповедания в соседней Германии играла существенную роль в его выступлении. Шведское вторжение окончательно превращало Тридцатилетнюю войну в дело общеевропейской важности.

Уступки, сделанные императором в Регенсбурге, на первых порах способствовали консолидации умеренных сил немецкого протестантизма. Появление шведов не вызвало мгновенной переориентации чинов. В *феврале 1631 г.* на собрании протестантских князей в Лейпциге саксонский курфюрст еще раз попытался нейтрализовать усилия радикалов и создать относительно мощный блок нейтральных сил, подкрепленный созданием единой армии. Однако компромиссная позиция Саксонии натолкнулась на непримиримость решительно настроенных оппонентов Лиги, главным образом Гессен-Кассельского ландграфа Вильгельма V и эрнестинских герцогов Тюрингии. Все более заметные успехи шведов привели к открытому переходу в их лагерь князей-радикалов. Среди первых, кто с готовностью предоставил королю свою шпагу и умение, был младший брат правившего тогда в Веймаре герцога Вильгельма *Бернгард*

(1604–1639) — человек, впоследствии сыгравший большую роль в стане протестантов.

Бернгард родился в 1604 г. и был младшим сыном в многодетной семье Иоганна Веймарского и его супруги ангальтской княжны Доротеи Марии. Ранняя смерть отца (1605), регентство матери, унаследовавшей лучшие традиции кальвинистской конфессии ангальтских родственников, наконец, дружная атмосфера большой семьи содействовали формированию благочестивой и энергичной натуры, способной постоять за интересы своего Дома. Из педагогов весьма заметное влияние на юного герцога оказал Фридрих Хортледер, чьи политические (не религиозные) воззрения отражали скорее «филиппистскую» (близкую кальвинизму), чем строго лютеранскую точку зрения. С 1622 г. Бернгард принимает непосредственное участие в боевых действиях в войсках своих братьев — верных защитников Унии и евангелического дела. Он сражался под Вимпфеном, пропал в 1623 г. в Нидерланды, участвовал в датской кампании, где отличился в боях за Хафельберг. Спасаясь от имперской опалы, Бернгард вновь бежал в Нидерланды, но призванный братьями вернулся в Веймар, а с 1630 г. стал активным сторонником шведского короля. По поручению последнего сперва действовал в Гессене, а затем, после Брайтенфельда, вместе со шведами устремился в южную Германию. Под Лютценом, согласно королевскому приказу, он принял командование армией после гибели Густафа Адольфа, что позволило величать его главным автором шведской победы, хотя конечный успех оказался весьма сомнительным. В 1633–1634 г. Бернгард делил начальство в Южной Германии с Густавом Горном, с которым у него были частые разногласия. Отличился взятием Регенсбурга, однако в сентябре 1634 г. во многом по его вине союзники потерпели полное поражение под Нордлингом. В 1635–1637 гг. Бернгард перешел на французскую службу, получил от короля управление над эльзасскими землями и крупные денежные субсидии. В 1636 г. он отразил вторжение имперцев в Восточную Францию, в феврале 1637 г. добился победы в кровопролитном деле под Райнфельденом, вслед за которой начал правильную осаду Брайзаха на Рейне. Мечтая оставить эту первоклассную крепость за своим Домом, герцог отбил подряд три деблокирующих удара имперцев и заставил в конце концов капитулировать коменданта крепости генерала Райнака (декабрь 1638 г.). Умер Бернгард при подготовке к летней кампании 1639 г.

Одним из главных лейтмотивов его деятельности видится защита интересов собственной династии и протестантского дела — интересов, в его глазах глубоко ущемленных действиями католических радикалов и Веной. Собственные территориальные амбиции («франконское герцогство») постоянно «привязывались» к репутации и авторитету его Дома, что не мешало, однако, герцогу оставаться имперским патриотом, раздраженным грубым вмешательством иноземцев.

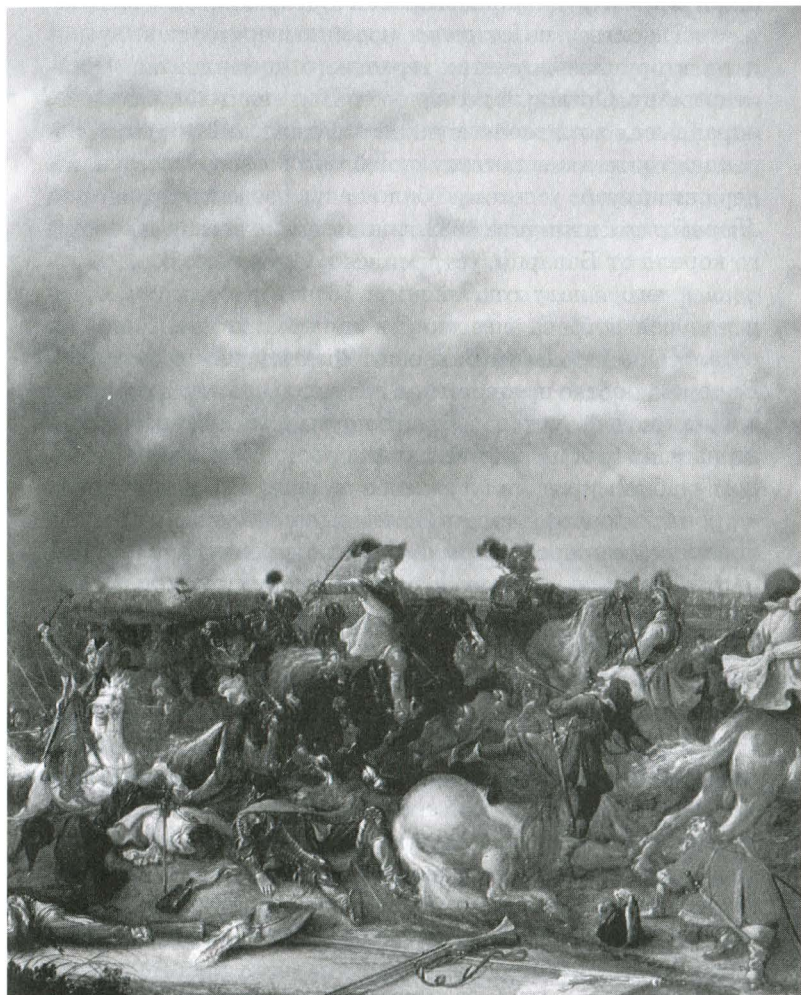
Новая биография Бернгарда все еще не написана. См.: *Rose B. Herzog Bernhard der Grosse von Sachsen-Weimar*. Т. 1–2. Weimar, 1828; *Droysen J. G. Bernhard von Sachsen-Weimar*. Bd 1–2. Leipzig, 1885; *Прокопьев А. Ю.* Герцог Бернгард Саксен-Веймарский (1604–1639): мотивы и модель поведения дворянина в Тридцатилетней войне // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего Нового времени / Под ред. Г. Е. Лебедевой. СПб., 2001. С. 230–250.

В свою очередь, попытки Лиги подавить очаги сопротивления на севере подтолкнули к соединению со шведской короной последних протагонистов умеренного курса. После демонстративной расправы, учиненной лигистской армией над *Магдебургом* в мае 1631 г., и вторжения войск Тилли в Саксонию союз со шведской короной заключили курфюрст Бранденбурга и Иоганн Георг Саксонский — быть может, и против своей воли, но в силу трагического стечения обстоятельств! Тем самым окончательно распалось единство сословной элиты. Важнейший связующий треугольник *Веттинов, Виттельсбахов* и *Габсбургов* прекратил свое существование: дрезденский курфюрст оказался в стане вооруженной оппозиции наряду с добивавшимися своих прав пфальцскими Виттельсбахами, Максимилиан Баварский выступал в роли вождя антипротестантского блока, а император находился в полуизоляции, лишившись собственной армии. Теперь судьба Империи решалась в яростной схватке двух радикальных сил.

У шведов здесь оказалось больше преимуществ, чем у лигеров. Блестящая победа протестантов на полях *Брейтенфельда* 17 сентября 1631 г. привела к решительным переменам. Армия Лиги во главе с Тилли была уничтожена. Последующее стремительное вторжение шведских и союзных им саксонских войск в Центральную Германию (заяятие Тюрингии, Франконии, Франкфурта-на-Майне и выход на рейнские берега) и в Богемию (оккупация Праги саксонцами в ноябре 1631 г.), новое наступление на Лехе и Дунае (поражение лигеров при Райнеке, гибель Тилли) и заяятие Мюнхена в мае 1632 г. знаменовали полную катастрофу Лиги. Перевес перешел к протестантскому лагерю.

Католический лагерь лишился своей ударной силы — армии Лиги. В таких условиях, как ни парадоксально, им-

Шведский король Густав Адольф за несколько минут до гибели.
Самая драматичная сцена лютценской битвы в представлении Яна
Асселина. Музей им. герцога Антона Ульриха. Брауншвейг

ператор получал возможность, избавившись от давления непримиримых католических лидеров, вновь взять инициативу в свои руки. Максимилиан Баварский был вынужден согласиться на создание новой императорской армии и на вторичное вручение верховного командования Валленштейну. Опытный полководец, Валленштейн, казалось, оправдывал возложенные на него надежды. Во многом перенеяв стратегию и тактику линейного боевого порядка, генералиссимус с успехом отбил атаки шведской армии под *Нюрнбергом* в августе 1632 г., а затем, отвлекая шведского короля от Баварии, устремился в Саксонию. Близ Лютцена к юго-западу от Лейпцига 16 ноября состоялась генеральная встреча шведских и имперских сил. Поле боя осталось за шведами, Валленштейн отступил в Богемию. Впрочем, победа протестантов не выглядела здесь столь же впечатляющей, как под Брайтенфельдом, к тому же среди павших был и сам шведский король. Битва под Лютценом стабилизировала положение на северных и восточных «фронтах», прежде всего в Богемии, вновь оказавшейся под контролем имперских армий. Гибель же шведского короля неизбежно влекла паузу в реорганизации протестантских сил: его политический преемник канцлер Швеции *Аксель Оксенштирна* нуждался во времени и в средствах, чтобы оформить новый альянс протестантских князей и шведской короны в Германии.

В 1633 г. протестантский блок вновь перехватил инициативу. Усилиями Оксенштирны и при активной поддержке ландграфа Гессен-Кассельского в *Гейльбронне* на Неккаре был организован *военный* союз евангелических и реформатских чинов Империи со Швецией. Предусматривалось создание объединенной армии и вхождение участников альянса под прямую протекцию шведской короны. Швеция отныне рассматривалась не только главным гарантом интересов протестантских сословий, но и своеобразным временным сувереном над союзными имперскими чинами. Роль шведской короны подтверждалась и ее правом даровать инвеституры и ленные пожалования союзным князьям. Первым крупным и весьма показательным примером стало дарование герцогу *Бернгарду Саксен-Веймарскому*, одному

из командующих объединенными войсками, ленных прав на земли вюрцбургского и бамбергского епископств, соединенных в одно «франконское герцогство», прекратившее свое существование еще в эпоху Штауфенов. За счет Швеции свои территориальные интересы спешили удовлетворить также графы Гогенлоэ и подвергшиеся в свое время имперской опале князья Вюртемберга и Баден-Дурлаха. Швеция фактически приступила к демонтажу базовых ленно-правовых основ на подконтрольных ей территориях. Формировалась зависимая от шведов дворянская клиентела и княжеская элита.

Гейльброннский союз превращался в опасный фактор для целостности Империи. В отличие от Евангелической Унии, действовавшей в русле правовой традиции Империи, новый альянс предполагал почти явное отторжение ленников императора от короны, что грозило *распадом* всей сословной имперской пирамиды. Фердинанд, воспользовавшись военным коллапсом Лиги, смог восстановить военный механизм своих полномочий, но теперь он оказывался перед лицом мощной альтернативной и автономной структуры, представленной княжеской элитой и всецело связанной с иноземной поддержкой. Императору как воздух была необходима быстрая и полная военная победа. С этой целью он предпринял решительные кадровые перестановки. Валленштейн, ведший, по мнению имперского и мюнхенского двора, чересчур подозрительные переговоры с Саксонией и шведами (что, однако, было санкционировано полномочиями, предоставленными ему в 1632 г. при вступлении на пост главнокомандующего) и, кроме того, не оказывавший срочной помощи Баварии, был отстранен от командования армией, а затем убит в Эгере в феврале 1634 г. группой офицеров, действовавших от имени императора. Обвинения, предъявленные ему имперскими советниками и Максимилианом Баварским, в свете новейших исследований кажутся беспочвенными. Но принципиально важным представляется, собственно, не само его «дело», а то, сколь быстро и легко император смог осуществить замену своему генералиссимусу: армия надежно контролировалась короной, что объективно свидетельствовало о росте лояльности среди

дворянской клиентелы Габсбургов. После гибели Валленштейна командование перешло в руки итальянских дворян, недавно испомещенных в Богемии: графа *Матфея Галласа* и князя *Оттавио Пикколомини*. Подобный шаг императора к тому же удовлетворял и интересы Баварии, теперь получившей реальную военную помощь от Вены. Вновь налаживалось партнерство между Виттельсбахами и Габсбургами. Однако достаточных сил, необходимых для крупного стратегического успеха, у императора не было, и это побуждало его все теснее сближаться с Испанией. Согласно заключенным в 1634 г. соглашениям, Мадрид направлял в южную Германию на поддержку имперским войскам вспомогательный корпус из Италии во главе с младшим сыном Филиппа IV *кардиналом-инфантом Фердинандом*, назначенным наместником Испанских Нидерландов. Спротивляясь распаду имперских структур, наметившемуся с образованием Гейльброннского союза, император вынужден был «открывать ворота» Империи союзным державам. Трагическая логика событий превращала Империю в поле международного противостояния.

Однако новые реалии пробуждали к жизни и тенденции, способные разрядить опасную для Габсбургов ситуацию. С одной стороны, усилившиеся позиции Швеции в структурах Гейльброннского союза раздражали его немецких участников. Среди них было немало заинтересованных в сохранении целостности Империи и верных духу *имперского патриотизма* в традиционном сословном понимании. Следствием становились частые столкновения интересов, рост недоверия имперских князей к шведским союзникам. С другой стороны, чрезмерный радикализм участников Гейльброннского альянса, главным образом кальвинистского Гессен-Касселя, и перспективы превращения части Империи в зависимую от Швеции провинцию, пугали традиционных умеренных чинов, прежде всего Саксонию. Курфюрст Иоганн Георг и властитель Бранденбурга Георг Вильгельм все более и более стремились дистанцироваться от курса Гейльбронна. В условиях распада Лиги им представлялось более перспективным пойти на компромисс с императором. Если устранение Валленштейна помогало

Фердинанду найти общий язык с баварскими Виттельсба-
хами, то радикализм Гейльброннского альянса сближал с
ним и дрезденских Веттинов. Возникла пока еще призрач-
ная, но перспектива возобновления диалога на уровне им-
перской элиты при вновь возросшем влиянии короны.

Тем не менее осуществление подобной комбинации мог-
ло быть обеспечено лишь крупной военной победой. Летом
1634 г. Габсбургам удалось наконец переломить ход борьбы.
Вспомогательные испанские войска герцога Фериа и карди-
нала-инфанта соединились с имперскими силами, отбили
у союзников *Регенсбург*, принудили к сдаче *Донауверт* и
вслед за тем блокировали важный в стратегическом отно-
шении *Нордлинген*. Пospешившая на выручку Нордлинге-
ну союзная армия герцога Бернгарда и фельдмаршала Гу-
става Горна была совершенно разбита в двухдневном сра-
жении у стен города 6–7 сентября 1634 г. Поражение со-
юзников было настолько кровавым и решительным, что в
течение одной осени 1634 г. имперско-испанским войскам
удалось без труда очистить Швабию, Франконию и значи-
тельные районы на правом берегу Рейна. Катастрофа под
Нордлингеном кардинально изменила весь стратегический
и политический баланс сил в Империи. Гейльброннский со-
юз распался. Южнонемецкие князья, чьи владения были
оккупированы католическими войсками, вынуждены были
покинуть его ряды. Курфюрст Саксонский с осени 1634 г.
завязал с императором официальные переговоры в Пирне.
Шведы, потеряв лучшие свои войска, отступили на север.

Центростремительные тенденции вновь получили пере-
вес: в лице Гейльброннского альянса рухнула очередная
опасная для имперской власти альтернатива, вновь акти-
визировалось умеренное крыло протестантского лагеря во
главе с Саксонией и Гессен-Дармштадтом. Вместе с тем ста-
новилось ясно, что впредь Империя могла противостоять
противнику лишь с постоянной опорой на Испанию, буду-
щее Вены отныне зависело от военно-политической судьбы
Мадрида.

Обозначившиеся перемены подытожил *Празжский мир*,
заключенный в мае 1635 г. имперскими и саксонскими
дипломатами и официально провозглашавший выход из

Последний акт валленштейновской драмы: капитан Диверу наносит смертельный удар генералиссимусу в его опочивальне на эгерской квартире. Гравюра Матфея Мериана из книги «Европейский Театр»

вооруженной борьбы на стороне протестантов курфюрста Саксонского. Этот договор знаменовал крупный успех в деле единения традиционно лояльных короне сил. Предусматривался роспуск всех союзных объединений на территории Империи: речь шла в первую очередь о запрете и Гейльброннского альянса, и католической Лиги. Отныне все участники Пражского соглашения, в том числе и примкнувшие к нему позже князья, обязались объединить свои вооруженные контингента с имперской армией во имя общей борьбы с «врагами Отечества и Священной Империи» — шведами. Создавалось единое командование, возлагавшееся на курфюрста Саксонского, что соответствовало его статусу имперского маршала, и курфюрста Максимилиана Баварского. Организация текущих операций вверялась имперским, саксонским и баварским военачальникам. Все прочие имперские чины, не примкнувшие к соглашению, не сложившие оружия и не последовавшие имперскому авокаторию (т. е. отзыву вассалов короны со службы иноземному государю, в данном случае — Швеции), объяв-

лялись вне закона. Фердинанд пошел навстречу своим протестантским партнерам: исполнение Реституционного эдикта откладывалось на сорок лет. На политическом языке это фактически означало его аннулирование в наиболее приемлемой для католического государя форме, не вредившей его авторитету. Кроме того, император предоставлял Иоганну Георгу I права на владение *Верхним и Нижним Лаузицем*: формально — временно в качестве залога за военные издержки на службе Империи, реально — навсегда.

Пражский мир вновь оформил *консолидирующие процессы* в Империи. Корона вторично после успехов в 20-е гг. смогла выступить организующей и направляющей силой. Однако в отличие от первого военного десятилетия Пражская система создавала более широкую базу для компромисса и партнерства: лютеранские чины получили равноправное положение наряду с католиками. Тем самым вновь наметился диалог между тройкой ведущих имперских Домов: дрезденскими Веттинами, мюнхенскими Виттельсбахами и Габсбургами. Раскол в рядах элиты сменился новым единением. Это позволило вновь активизировать консультативную ассамблею в виде курфюршеских съездов: восстанавливались важнейшие имперские учреждения. Пользуясь поддержкой князей, в 1636–1637 гг. императору удалось добиться на конференции курфюрстов в Регенсбурге согласия провозгласить своего старшего сына Фердинанда законным наследником престола. Одновременно ликвидировались автономные союзные учреждения — Лига и Гейльброннский союз, что в отличие от 20 х гг. превращало императора в бесспорный центр политической жизни, а армию Империи — в единственную законную боевую единицу. В свете новейших исследований, видимо, не следует считать военный аспект пражской системы шагом к созданию структур *«абсолютной власти»*, как полагали ранее (А. М. Хаан). Традиционные prerogatives императора существенно не менялись в статье 1635 г. Но важным было то, что теперь сложилась вооруженная коалиция ведущих династий Империи, сплоченных вокруг престола.

Вместе с тем успехи консолидации определяли и ее границы. Главной трагедией стало отсутствие возможностей у

Пражского мира превратиться в мир общеимперский: условия договора не распространялись на *кальвинистские чины Империи*. Воспроизводился старый изъясн аугсбургской системы. Не получив амнистии, кальвинисты-радикалы еще более решительно блокировались со шведами. Во главе этой радикальной фракции князей выступал *Гессен-Кассель*, где бразды правления удерживал наследник Морица Ученого энергичный Вильгельм V (1627–1637), вынужденный отстаивать свои династические права перед лютеранским родственником — ландграфом Георгом II Гессен-Дармштадтским, претендовавшим на Марбург и некоторые другие земли Нижнего Гессена. С Касселем вместе оказывались южнонемецкие князья, потерявшие свои владения в результате рекатолизации, дети изгнанного курфюрста Фридриха V Пфальцского, равно как и герцог Бернгард Саксен-Веймарский, перешедший вскоре на службу Франции, но ради борьбы за дело протестантов в Империи. Помимо этого, выдвинутый в статьях Пражского мира в качестве т. н. «нормального года» 1627 г., предусматривавший сохранение за католической стороной всех духовных владений, бывших в ее руках на это время, не устраивал большинство южнонемецких протестантских государей. *Вопрос «нормального года»* оставался открытым и по мнению главного протестантского партнера императора — саксонского курфюрста.

Созданный на основе соглашения 1635 г. широкий внутриимперский альянс подтачивался изнутри спорными вопросами и был обречен бороться со своими противниками вовне. Вновь предстояла вооруженная борьба с непредсказуемыми последствиями в условиях открытого вмешательства европейских держав.

§ 5. УСПЕХИ И РАСПАД ПРАЖСКОЙ СИСТЕМЫ. ВОССТАНОВЛЕНИЕ ИМПЕРСКИХ ИНСТИТУТОВ И ПУТЬ К МИРУ (1635–1645)

Вступление в войну *Франции* в мае 1635 г. не могло стать неожиданностью для имперских чинов в условиях давно уже состоявшейся интернационализации конфлик-

та. Французский королевский Дом стремился во что бы то ни стало ослабить своих восточных соседей в лице немецких Габсбургов. Для Франции борьба с Империей означала продолжение давнего противостояния с Испанией, и логика борьбы давно уже указывала первому министру при дворе Людовика XIII кардиналу Ришелье на необходимость вмешательства. Для католического Парижа союзниками теперь становились немецкие имперские сословия, не признавшие Пражский мир, и шведская корона, получавшая за счет французского участия важнейшее подспорье в Германии.

Для самой Германии это означало прежде всего большую трагедию для населения южных и западных земель, теперь ставших главными объектами войны. В ее горниле погибли сотни тысяч горожан и селян Вюртемберга, Бадена, Пфальца и Баварии. Вместе с тем появление «на чаше весов» французских войск оказалось непосильным бременем для сил Пражской системы. С самого начала это исключало возможность для Империи самостоятельно справиться сразу с двумя противниками. Помощь Испании, в свою очередь связанной войной в Нидерландах, становилась главной и самой существенной для Фердинанда.

После выступления Франции военные ресурсы Империи были раздроблены *двумя театрами* военных действий: Бавария совместно с имперско-испанскими войсками должна была обеспечивать *французский фронт*; Саксония и Бранденбург, питаясь имперскими резервами из Богемии, — *противостоять шведам*.

В первые годы войны — вплоть до 1639–1640 гг. — военная машина имперского лагеря работала достаточно эффективно. В 1636–1637 гг. Франция была парализована комбинированными ударами испано-имперских армий, шведы лишь с трудом держались под давлением имперско-саксонских войск. При всех неудачах саксонцев, не отличавшихся большой боеспособностью, шведам не удавалось удержать инициативу в своих руках. Несмотря на свои победы под Деммином (1635) и Витштоком (1636), шведские войска под начальством генерала *Иоганна Банера* были в 1637 г. отброшены на север. Имперская армия смогла при-

ступить к операциям на Балтийском побережье, угрожая взятием важнейших приморских баз и уничтожением экспедиционных сил шведской короны. Острота ситуации как нельзя лучше иллюстрируется колебаниями Стокгольма, боявшегося экономического истощения и больших людских потерь. Оксенштирна был даже готов начать мирные переговоры с Веней, но выдвигал главными условиями уплату денежной компенсации имперскими чинами за помощь в защите протестантских конфессий и удовлетворение территориальных интересов Швеции на Балтике. Лишь только после длительных переговоров удалось наладить партнерство с Францией. В марте 1638 г. в Гамбурге во многом усилиями опытного дипломата Иоганна Адлера Сальвиуса был заключен окончательный договор с Парижем. Шведы добивались регулярного *финансирования* своих войск Францией, организуя взамен совместные военные операции в Германии.

Лишь с весны 1639 г., особенно после апрельского поражения саксонских сил под Хемнитцем, успех начал все заметней клониться в пользу северного королевства. Саксония, потеряв свои наиболее боеспособные контингенты, отныне могла держаться лишь прямой военной поддержкой из наследственных земель императора. Бранденбургский курфюрст Георг Вильгельм, вообще не располагавший сколько-нибудь значительными войсками и боязливо отсиживавшийся в своих восточно-прусских владениях, не представлял для императора стратегически ценного союзника.

Несколько более удачными рисовались в те годы действия имперско-баварских сил на западе и юго-западе. На протяжении первых лет французской кампании имперцам удавалось удерживать фронт на территории врага. Но и здесь к 1639 г. наметился перелом: победа герцога Бернгарда под Рейнфельденом в 1637 г. и особенно взятие города-крепости Брайзах в декабре 1638 г. создавали изрядную брешь в оборонительной линии на юго-западе Империи. Предстояла длительная война на истощение.

Большие хлопоты императору доставляли и срединные немецкие земли. Здесь борьба разгоралась за владения Гес-

сен-Касселя, находившегося под управлением вдовы скончавшегося в 1637 г. ландграфа Вильгельма *Амалии Елизаветы* (1637–1651). Решительно настроенная регентша была готова до последней крайности отстаивать свои династические интересы в союзе с Францией и Швецией.

Амалия Елизавета родилась в в 1602 г. в Ганау. Отцом ее был Филипп Людвиг II, граф Ганау-Мюнценберг, мать — дочь Вильгельма Оранского Катарина, графиня Нассау-Дилленбург. По примеру родителей Амалия Елизавета воспитывалась в строго реформатском духе, впитав лучшие традиции кальвинистского благочестия и необычайную стойкость характера, столь сильно восхищавшую в ней современников. В 1619 г. она была обручена с будущим наследником Касселя Вильгельмом V. Счастливый брак оказался весьма плодотворным: у ландграфини было 12 детей, среди них — преемник отца Вильгельм и принцесса Шарлотта, ставшая впоследствии супругой Карла Людвига Пфальцского. Кассель и династические традиции ландграфства стали «своими» для молодой правительницы. По мере сил она поддерживала все крупномасштабные начинания мужа и свекра — стареющего Морица Ученого. После отречения последнего в 1627 г. ландграфиня получила возможность помогать супругу в правлении. Не вмешиваясь открыто в правительственные дела, Амалия Елизавета тем не менее приобрела большие познания в политических и административных вопросах, наблюдая за деятельностью правительственных инстанций. Ей на помощь приходил необычайно развитый ум и блестящая образованность. По мере того как костер войны охватывал все больше немецких земель, ландграфиня прониклась устойчивой неприязнью к курсу правящей имперской династии и особенно — к дармштадтским родственникам, занимавшим дружественную престолу позицию и оспаривавшим к тому же часть кассельских владений. Вместе с мужем, не принявшим условия Пражского мира, и юным наследником Вильгельмом ландграфиня отправилась в изгнание, а после смерти супруга в 1637 г. отважилась самостоятельно осуществлять регентство. В условиях, когда перевес имперского оружия, казалось, не вызывал сомнений, княгиня осмелилась отказать в опекунов над сыном Георгу Гессен-Дармштадтскому и поддержать сторону Швеции и Франции. Ее стойкость не поколебали ни измена собственного главнокомандующего Петра Меландера, перешедшего в лагерь императора, ни оккупация Марбурга и Касселя имперско-дармштадтскими войсками. Настойчивая защита ею наследственных прав сына вызывала восхищение всей протестантской Европы, величавшей княгиню «новой Пентасилеей». В конце концов при франко-шведской поддержке кассельцам удалось вернуть свои земли и отбить Марбург. С 1645 г. Амалия Елизавета самостоятельно участвовала в мирных переговорах с Веной со статусом представительницы воюющей державы, крайне раздражая католическую сторону своей несгибаемой политической волей. Пользуясь поддержкой Стокгольма и Парижа, вдове удалось добыть-

ся в апреле 1648 г. максимального удовлетворения всех своих династических интересов. Посвятив себя хлопотам по восстановлению разоренной войной земли, ландграфиня за год до смерти передала правление сыну. В немецкой истории она осталась образцом любящей матери и. удивительным примером женского подвижничества конфессиональной эпохи. В свете вопросов конфессионализации ее жизнь все еще не нашла достойного места в историографии. См.: *Justi K. W. Amalie Elisabeth, Landgräfin von Hessen-Kassel*. Giessen, 1812; *Altmann R. Landgraf Wilhelm V von Hessen-Kassel im Kampf gegen Kaiser und Katholizismus 1633–1637*. Kassel, 1938; *Beck K. Der hessische Bruderzwist zwischen Hessen-Kassel und Hessen-Darmstadt in den Verhandlungen zum Westfälischen Frieden von 1644–1648*. Frankfurt am Main, 1978; *Bettenhäuser E. Die Landgrafschaft Hessen-Kassel auf dem Westfälischen Friedenskongress 1644–1648*. Wiesbaden, 1983.

Между тем Испания, накрепко связанная французским театром и борьбой в Южных Нидерландах, уже не могла оказывать прямую и действенную поддержку своими армиями в Германии. Превращение войны в европейскую делало более ограниченной и помощь Вене от ее главных союзников.

С конца 30-х гг. обозначился военный кризис Пражской системы. Ее военные ресурсы подходили к исходу. Возникла перспектива распада всего сложившегося имперского альянса. Для Вены и для главных союзников Габсбургов в Империи стало ясной невозможность полной победы, по меньшей мере в обозримом будущем. Наметились новые тенденции в раскладе политических сил. Важным фактором стало обновление имперской элиты: на рубеже 30-х и 40-х гг. произошла смена поколений и на престоле Империи, и в ведущих княжеских Домах. Новый государь Германии *Фердинанд III* (1637–1657), будучи бесспорным радетелем об успехах католического дела, однако, не был столь тесно и органично связан с идеями Контрреформации, как его отец. Его католическое окружение никогда не было столь бескомпромиссно настроено, как двор его отца. Вероятно, с большей проникновенностью, нежели его покойный родитель, Фердинанд воспринимал размеры опустошений, был более чувствительным к невзгодам затянувшегося лихолетья. Кроме того, будучи хотя и номинальным, но командующим, обладая минимум боевого опыта, Фердинанд, видимо, лучше отца — совершенно невоенного по склон-

ностям человека — видел недостатки имперской армии.

Тотчас по вступлении на престол новый государь постарался выдвинуть на первые посты людей уже известных по предыдущему царствованию, однако теперь получивших ключевое значение. Среди них выделялся в первую очередь друг детства Фердинанда граф *Максимилиан фон Траутманнсдорф*, одаренный дипломат, не связанный узами агрессивного католицизма подобно придворным старшего поколения. С Траутманнсдорфом на сцену выходило новое поколение политиков-прагматиков, вынужденных в условиях разорительной войны искать выходы из бесперспективной ситуации. Поиск компромисса с противниками Империи стал главной задачей в деятельности этого, безусловно, самого одаренного вельможи нового императора.

Перемены произошли и в Бранденбурге, где в 1640 г. после смерти Георга Вильгельма престол перешел к его сыну *Фридриху Вильгельму* (1640–1686), ставшему в прусской историографической традиции «великим курфюрстом». Новый правитель уже при жизни отца весьма прохладно относился к чересчур тесному альянсу с имперским престолом. Прекрасный администратор и опытный политик Фридрих Вильгельм воочию видел и в Пруссии, и в землях курфюршества плоды военного союза с имперским блоком: большая часть земель Гогенцоллернов лежала в руинах. Прямым следствием перемен стала отставка руководителя надворного совета графа Шварценберга, главного проводника имперских интересов при курфюршеском дворе. Новый князь поторопился дистанцироваться от военных обязательств перед Империей и начал переговоры со Швецией. Итогом стал выход Бранденбурга из числа военных противников Швеции со статусом нейтральной территории.

Возросло давление и на самого главного союзника императора среди протестантских чинов — курфюрста Саксонского. В лице его супруги Магдалены Сибиллы и наследников — герцогов Иоганна Георга и Августа — правящий курс курфюрста встречал все больше возражений. Хотя семейная «фронда» и не была причиной кардинальных перемен, но сказывалась на работе высших правительственных инстанций, с оглядкой смотревших на позицию семьи.

Все более заметными делались колебания среди, казалось, давних партнеров императора. В Доме Вельфов герцог *Георг Брауншвейг-Люнебургский* еще при жизни шведского короля решился оставить свой прежний проимперский курс и с оружием в руках перешел на сторону противников Габсбургов, надеясь в кровавой смуте добиться благоприятного для себя решения династических вопросов (наследование в землях Брауншвейг-Вольфенбюттеля). В Гессен-Дармштадте ландграф Георг II Ученый страшился полного разорения собственных земель и пытался по возможности придерживаться умеренной линии, хотя династический конфликт с кассельскими родственниками («гессенская распря братьев») вынуждал его поддерживать военные операции императорских войск, сражавшихся за его интересы в Нижнем Гессене.

Так начался фактический *распад Пражской системы*. Выход из числа военных партнеров императора Бранденбурга в 1640 г. был первым и опасным симптомом. В 1642 г. Фердинанд был вынужден заключить сепаратный мир в Госларе и с Вельфами, обязывавший нижнесаксонских государей вложить в ножны свои клинки, но позволявший реставрировать лютеранское вероисповедание в их наследственных землях. Иоганн Георг Саксонский по-прежнему хранил верность имперской короне. Однако у курфюрста уже не было достаточно собственных войск для отражения шведского наступления, и он мог сражаться лишь при имперской поддержке. В 1642 г. исчезла и она: кровавое поражение, понесенное у стен Лейпцига вспомогательной имперской армией во главе с эрцгерцогом Леопольдом, и капитуляция Лейпцига поставили курфюрста на грань полного разгрома.

Казалось, в 1643 г. императору явилось спасение: *Дания*, напуганная впечатляющими успехами шведов и ростом гегемонии Стокгольма в водах Балтики, решилась вмешаться в войну на стороне императора (*датско-шведская война, 1643—1645*). Шведские войска в северной Германии рисковали попасть в тиски — между имперскими и датскими силами. Но предводитель шведов граф Леннарт Торстенсон, блестящий стратег, успел поодиночке разбить

силы союзников. Сперва он загнал датчан в глубь Ютландии, заставив их главные силы спастись на островах, а потом вернулся на немецкий театр и обрушился на войска императора, рассеявшиеся после нескольких сражений. Король Христиан IV, терпя поражения и на море, поспешил выйти из войны. В 1645 г. он заключил мир со шведами в Бремзебро.

Решающим годом войны стал 1645 г. В марте шведы одержали очередную и самую крупную свою победу в Богемии близ *Янкау*, что лишало Саксонию последних надежд. В августе на юге французские войска, предводительствуемые Тюренном, смогли нанести тяжелое поражение баварцам в окрестностях *Аллергейма* и перенести операции во внутреннюю Баварию. В условиях полного экономического разорения, военного и финансового истощения курфюрст Саксонии был вынужден в том же августе пойти на отдельные переговоры со шведским командованием и заключить перемирие в *Кётченброде* сроком на один год, но с ежегодным возобновлением вплоть до окончания войны.

Теперь император остался лишь с баварской армией, а весь северный богемский фронт — обнаженным перед неприятельским вторжением. Выход из войны Саксонии означал полный паралич механизмов, запущенных Пражским миром, и вместе с тем окончательно предрешил военное поражение Габсбургов. Вновь распалась, казалось, восстановленная в 1635 г., сплоченность княжеской элиты вокруг престола.

Ответом, призванным затормозить приближающийся хаос и катастрофу, стало восстановление по инициативе нового императора важнейшего имперского института — *рейхстага*. В 1640 г., не получив реальных результатов на очередном курфюршеском съезде в Нюрнберге, император решился созвать рейхстаг и там добиться базового согласия с чинами. Этот рейхстаг собрался в Регенсбурге в *сентябре 1640 г.* и заседал более года — впервые после 1613 г. Смена поколений в рядах ведущей прослойки имперских князей, равно как и новое имперское правительство, сделали возможным кардинальный пересмотр предшествовавшего курса. В глазах императора становилось очевид-

Нужда войны взывала к миру. Страдания немецкого крестьянства были повседневностью Тридцатилетней войны. Современная гравюра Рудольфа Майера

ным, что восстановить авторитет короны и консолидировать силы сословий можно было лишь путем *общего компромисса*. В ходе переговоров на рейхстаге император выразил готовность отложить вопрос о Реституционном эдикте и расширить круг чинов, подлежащих имперской амнистии. 1627 г. перестал рассматриваться «нормальным годом». Тем самым формировалась почва к достижению более широкого, нежели в 1635 г., компромисса. Консолидация чинов на рейхстаге оказалась весьма внушительной. Лишь три княжества — Брауншвейг-Люнебург, Гессен-Кассель и Пфальц — отказались ставить свои подписи под итоговыми решениями. Но эти три княжества все еще оставались весомой силой, и было ясно, что до полного умиротворения пока далеко. Значение регенсбургской ассамблеи было все же огромным. Получив точку опоры на уровне рейхстага, имперские институты оживали и на уровне регионов: вновь заговорили о механизме имперских округов.

Император стремился использовать достигнутый успех. В 1642–1643 гг. возобновились переговоры с князьями по вопросу мирного урегулирования. Отдавая себе отчет в бесперспективности только лишь военной конфронтации, особенно после вторичного разгрома под Лейпцигом, Фердинанд теперь пытался организовать мирный диалог с враждебными державами, выступая в роли общеимперского политического лидера. Тем самым модифицировалась и вся Пражская система: из инструмента согласия на почве войны она превращалась в консолидирующий элемент во имя мира. Во *Франкфурте* в 1643 г. открылся новый съезд, на котором сословия приступили к разработке плана всеимперского мира. Однако католическое большинство, присутствовавшее на конгрессе, вызывало недоверие со стороны протестантов. Лидеры протестантской оппозиции во главе с ландграфиней гессен-кассельской Амалией Елизаветой настаивали на праве самостоятельного участия в разработке мирного соглашения с иноземными державами — отдельно от католических чинов и короны. Планы престола тем самым нарушались в главном: вместо общеимперского представительства в Вестфалии во главе с имперскими дипломатами получались две параллельные ассамблеи, сословий и короны. Фердинанд терял руководящую роль. Де-факто это означало и передачу сословиям права заключение мира, что истари считалось важнейшей прерогативой короны — тяжелый удар по авторитету императора! Протестантские радикалы, кроме того, заручились поддержкой Швеции. Канцлер Оксенштирна публично гарантировал соблюдение интересов Гессен-Кассельского Дома и религиозных свобод всех евангелических и реформатских сословий Империи. Ход мирных переговоров утрачивал суверенную замкнутость диалога лишь двух держав — Империи и Швеции, превращаясь в переговоры трех сил: престола, сословий и иноземных корон.

Положение на фронтах, однако, не оставляло Фердинанду времени на долгие размышления. 1645 г. окончательно похоронил надежды на более или менее сносное решение военной проблемы. Хотя шведам во главе с графом Торстенсоном и не удалось вслед за Янкау закрепиться в ав-

стрийских владениях и организовать эффективную осаду Вены, положение наследственных земель оставалось очень тяжелым. Фердинанд вынужден был санкционировать начало официальных переговоров с Францией и Швецией в двух вестфальских городах — Мюнстере и Оснабрюке.

Выбор не был случаен: географическая близость к Балтийскому побережью, относительная конфессиональная нейтральность, наконец сравнительное благополучие обеих общин, не слишком сильно пострадавших от военных напастей, что вообще характеризовало положение Вестфалии на общем печальном пейзаже имперских земель, превращали эти города в удобную нишу для дипломатов. *Мюнстер* — католический город — планировался в качестве места переговоров католических держав: здесь шел диалог между Империей, имперскими сословиями, Испанией и Францией. *Оснабрюк* в статусе биконфессиональной общины — в его стенах разрешалось публичное отправление и католических и лютеранских треб — принял в своих стенах уполномоченных имперских сословий, Империи и Швеции. Начавшиеся переговоры выявили блистательную плеяду дипломатов, защищавших интересы разных сторон. В этом смысле оба конгресса и в Мюнстере, и в Оснабрюке были своего рода первым общеевропейским форумом профессиональных политических экспертов.

Главой имперской делегации был поставлен *граф Траутманнсдорф*, прибывший в Оснабрюк летом 1645 г. Сторону Швеции представлял уже упомянутый *Иоганн Адлер Сальвиус*, доверенное лицо королевы Христины. Интересы Испании в Мюнстере защищал *граф Пеньяранда*. Не было недостатка в крупных правоведах и в рядах сословных представительствах: интересы Брауншвейг-Грубенхагена в Оснабрюке защищал, например, доктор *Якоб Лампадий*, видный знаток юриспруденции.

Собравшийся в Вестфалии форум практически приравнивался рейхстагу, поскольку структура сословного представительства на конгрессе уподоблялась куриальному представительству. В Мюнстере — католические чины, в Оснабрюке — протестантские и католические выступали тремя эшелонами: представители от *курфюрстов*, кня-

зей и имперских городов. Громоздкость представительств, огромное внимание к церемониальным проблемам — все это отягощало механизм принятия решений. Но соблюдение всех необходимых процедур в конце концов обеспечивало фундамент компромисса, выступало той основополагающей базой, без которой едва ли можно было бы найти иные выходы из кровавого хаоса войны.

Фронт сословного представительства не был однороден и монолитен в своих стремлениях. На первых же сессиях совершенно ясно обозначились группы *радикальных* и *умеренных* чинов, равно как и позиции воюющих держав. Среди бескомпромиссных борцов католического блока особенно выделялись трое: епископ Оснабрюка *Франц Вильгельм фон Вартенберг*, аббат вюртембергского монастыря Мурхарда *Адами* и секретарь аугсбургского городского совета *Лёйхзельринг*. По всем главным вопросам этот «триумvirат» требовал максимального удовлетворения интересов католической партии. Среди протестантских сословий такой же категоричностью отличалось поведение уполномоченных Гессен-Касселя, чья властительница *Амалия Елизавета* последовательно настаивала на соблюдении всех своих династических интересов, в том числе и в отношениях с лютеранским Дармштадтским Домом. Едва ли с меньшей энергией добивался реституции своих прав сын скончавшегося в опале курфюрста Фридриха Пфальцского *Карл Людвиг*, интересы которого гарантировались теперь шведской короной. Карту защитника реформатов и реформатской церкви в Империи не без успеха разыгрывал и бранденбургский властитель *Фридрих Вильгельм*. Его дипломаты оказывали серьезное влияние на партии и на сам ход переговоров. Однако интересы этих решительно настроенных подданных императора сталкивались с гораздо более умеренной линией традиционных консерваторов. Несомненно, первенствующее значение в данном случае принадлежало *курфюрсту Саксонии* и *ландграфу Гессен-Дармштадта*, представители которых на конгрессе часто блокировались с имперской делегацией и выполняли роль важного посреднического звена между двумя радикальными группами. «Умеренные» встречались и среди

католических чинов. *Курфюрст Максимилиан Баварский* здесь не был исключением: тяжелые военные неудачи и ясно понимаемая необходимость скорейшего мира делали позиции Баварии гораздо более гибкими, чем хотелось бы «непримиримым». На протяжении 1647–1648 гг. баварская дипломатия все более активно пыталась «прощупать» возможности сближения с Францией, тем самым дистанцируясь от Вены в угоду собственным династическим интересам. С компромиссных позиций выступал и эрцканцлер Империи *архиепископ Майнцский Иоганн Филипп фон Шёнборн*: требуя гарантий для католических подданных Империи, он, однако, готов был идти на серьезные уступки протестантам. Положение осложнялось и возможностями Франции прямо влиять на мнение сословного форума. Будучи гарантом интересов плененного испанцами и выданного императору архиепископа Трирского Филиппа Христофора фон Зёттерна, Мазарини оказывал мощное давление на курс католического блока. Контролируемый французами Трир, а вместе с тем — и один голос в курфюршейской коллегии дробили и без того не слишком прочный фронт католических сословий. Как бы то ни было, поведение «нейтралов», или «умеренных», играло огромную роль: они смягчали конфронтацию, вынуждали «непримиримых» выслушивать оппонентов и в конце концов содействовали изоляции наиболее воинственно настроенных чинов. Вновь формировался опорный стержень сословного компромисса. Вновь император получал блестящую возможность, играя на интересах именно умеренной группы, стабилизировать свои позиции. Разрешив своим сословиям участвовать в конгрессе, в августе 1646 г. Фердинанд выразил также готовность обсудить будущее «*духовной оговорки*». Кроме того, он согласился допустить в Оснабрюк *уполномоченных Нидерландов*, что расширяло круг участников и содействовало конечному разрешению острейшего и опасного для Империи военного противостояния на западе — между Габсбургами и Соединенными Провинциями.

Но решающим аргументом в пользу взаимных уступок могло быть лишь положение на фронтах. С 1645 г. оно становилось для Вены все более безнадежным. Совместные

операции франко-шведских войск в южной Германии, потеря самых способных генералов, страшные опустошения и финансовое истощение побудили в конце концов Максимилиана Баварского весной 1647 г. заключить сепаратное перемирие с Францией, предусматривавшее прекращение военной помощи императору. Выход из войны Баварии сигнализировал демонтаж последних конструкций Пражской системы в ее первоизданном виде. Возобновление военных действий в Баварии осенью того же 1647 г. не принесло ощутимых плодов. Для Фердинанда становилось ясным отсутствие сколько-нибудь обнадеживающих перспектив. На завершающем отрезке войны, хорошо исследованном Э. Хёфером, воочию проявилось истощение людских и финансовых ресурсов у всех воюющих сторон, но в особенно плачевном виде рисовалось положение Габсбургов. В мае 1648 г. франко-шведские войска выиграли у баварцев сражение у *Цусмарсгаузена* и обеспечили тем самым контроль над западной Баварией. Скованные французским театром войны, баварцы не смогли помочь императору в Богемии: шведский удар летом того же года пришелся по *Праге*. После нескольких недель осады протестантские войска сумели овладеть западной частью города с Градчанами (т. н. «Малой Стороной»), стратегически господствующими кварталами и высотами, после чего судьба Праги была предрешена. Одновременно исчезли иллюзии и на вероятную помощь Испании: поражение при *Лансе*, понесенное в августе от французских войск маршала Конде, исчерпало наступательный потенциал испанской военной машины.

В таких условиях имперская дипломатия следовала в русле самого приемлемого пути: оставив на произвол судьбы своего испанского союзника, мечтавшего во что бы то ни стало покончить с Францией, Траутманнсдорф делал все возможное для достижения компромисса с условиями, Швецией и Парижем. Конфликт, возникший между имперским дипломатом и испанским уполномоченным Пеньярандой, хорошо иллюстрировал степень прагматичности имперских позиций. Империя отказалась поддержать Мадрид в борьбе с Францией. Истощенная войной Бавария также со все большим раздражением смотрела на готовность пи-

ренейского союзника биться до конца: Максимилиан Баварский отчетливо угадывал в позиции Испании желание использовать рейнские земли для давления на Париж. В глазах мюнхенского двора французский фактор приобретал долгосрочное значение. Для Баварии выгоднее было, удовлетворив свои территориальные «аппетиты», нормализовать отношения с Францией, пользуясь влиянием Парижа в прирейнской Германии. Дистанцирование от Мадрида повлияло и на судьбу католических радикалов: в начале 1648 г. «триумвират» Вартенберга, Адами и Лёйхзельринга, оказавшись в изоляции, вынужден был покинуть конгресс. Постепенно сглаживались последние «бугорки» на пути к долгожданному миру.

В январе 1648 г. был достигнут первый успех: Испания заключила мир с Соединенными Провинциями, признала их независимость и оставила за собой Южные Нидерланды. Был погашен почти восьмидесятилетний, весьма драматичный и опасный для Империи конфликт на ее западных границах. Но надежды Филиппа IV вслед за этим добиться согласия Империи на продолжение совместной борьбы с Бурбонами оказались иллюзорными. Фердинанд III теперь уже был твердо намерен поскорей завершить диалог с Парижем и Стокгольмом.

§ 6. ВЕСТФАЛЬСКИЙ МИР И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ

24 октября 1648 г. в Мюнстере были оглашены тексты окончательных соглашений. Мир водворился в землях Империи. Завершался один из самых кровавых и драматичных отрезков немецкой истории.

Общее название заключенных тогда договоренностей сохраняется и поныне: Вестфальский мир. Однако композиционно подписанные статьи распадалась на две части: на договор, заключенный в Мюнстере (*«Instrumentum pacis monasteriense»*), и договор, заключенный в Оснабрюке (*«Instrumentum pacis osnaburgense»*). В Мюнстере речь шла преимущественно об урегулировании отношений с Францией, в Оснабрюке — со Швецией и имперскими условиями, поэтому для последующей истории Империи осна-

брюкские статьи имели гораздо большее значение, нежели мюнстерский договор.

Прежде всего, Вестфальский мир фиксировал изменившуюся *внешнюю* конфигурацию имперских владений. Швеция удовлетворилась важными приобретениями в Северной Германии. На основе достигнутого еще при жизни Густафа Адольфа шведско-померанского соглашения после смерти последнего герцога Богуслава XIV, скончавшегося бездетным, территория т. н. «*Передней Померании*» с центром в *Штеттене* и крупнейшей морской гаванью Висмаром отходила к шведской короне, что означало и утверждение шведского контроля над устьем Одера. Во власти Стокгольма оказывались также *острова Рюген, Узедом, Воллин, вольный имперский город Штральзунд* и *устье Везера* на западном побережье вместе с землями бывших епископств Бремена и Вердена. Шведские войска оставались на территории Германии, занимая стратегически важные пункты, в качестве гарантов соблюдения договора вплоть до 1650 г.

На западе имперские владения сокращались за счет уступок, сделанных Франции. Отныне под державной десницей французских монархов пребывали *ландграфства Верхнего и Нижнего Эльзаса*, ландфогтство над эльзасским «*декаполисом*», т. е. над десятью имперскими городами Эльзаса, исключая имперский город Страсбург, *земли Зундгау*, а также города *Мец, Верден* и *епископство Туль* — лотарингские владения, де-факто бывшие под контролем Парижа уже со второй половины XVI в. Герцог Лотарингский Карл, традиционный союзник императора в годы войны, не получал никакой реституции, что подтолкнуло его затем к окончательному переходу на службу имперскому престолу. Кроме того, в руки Франции отдавалась *крепость Брайзах* на стыке Эльзаса и Швабии, *Пиньероль* в северной Италии и право на содержание войск в *Филиппсбурге*. Территориальный выигрыш, быть может, и не был столь внушителен в сравнении с завоеваниями Швеции, но переход в руки Франции вышеуказанных пунктов, важных в стратегическом отношении, позволял ей контролировать подступы к внутренним владениям Империи в ее южном

секторе. В этом смысле исторический спор с австрийскими Габсбургами окончился победой Парижа. Итоги Итальянских войн были откорректированы в пользу Франции. Последующие войны «короля-солнца» были лишь следствием создания усилиями Мазарини выгодного плацдарма в Империи.

Внешние утраты находились в тесной зависимости от перемен внутренних, связанных с изменением *династического ландшафта*, зафиксированным в статьях Вестфальского мира. Следствием территориальных притязаний Швеции стала проблема предоставления компенсации Бранденбургу взамен уступки Стокгольму Передней Померании: согласно Гримнитцкому договору 1529 г., в случае пресечения Померанского Дома Грайфенов все его владения должны были отойти к Бранденбургу. Между тем Гогенцоллернам теперь доставалась лишь *Восточная Померания* с епископством Каммин. Выход был найден путем закрепления за правящей бранденбургской ветвью Дома прав на секуляризованное *архиепископство Магдебург*, но только после кончины правящего там саксонского администратора из Дома Веттинов. Кроме того, бранденбургский курфюрст приобретал права на *епископства Минден* и *Гальберштадт*.

Тем самым окончательно сложилась зона территориальной экспансии Берлина на севере Германии.

Существенные изменения претерпел владетельный комплекс *Веттинов* и *Виттельсбахов*. Дрезденский курфюрст добился закрепления за собой главных приобретений, добытых в годы войны: к Саксонии отходили *маркграфства Верхний и Нижний Лаузиц*. Это был значительный массив, позволявший Веттинам контролировать среднее течение Одера в направлении Силезии. Вместе с тем присоединение лаузицких земель стало последним крупным приобретением в истории Саксонии. Отныне ее территориальный рост на севере прочно блокировался Гогенцоллернами. Иоганн Георг I сумел оставить за своим Домом и права на Магдебург, но лишь в одном поколении: младший сын курфюрста герцог Август стал последним Веттином, владевшим эльбским архиепископством. После его смерти

в 1680 г. секуляризированное княжество перешло к Гогенцоллернам. Лидерство Бранденбурга на *средней* Эльбе стало очевидным.

В мае 1648 г. в Мюнстере был ратифицирован подписанный между Испанией и Нидерландами мирный договор, ставший прологом Вестфальского мира. Торжественную атмосферу в зале мюнстерской ратуши передает картина Герарда Терборха. Национальная галерея. Лондон

Мюнхенские Виттельсбахи торжествовали: историческое соперничество с гейдельбергскими родственниками завершилось полной победой Баварии. Вестфальский мир отдавал Максимилиану весь *Верхний Пфальц* и закреплял за ним титул *курфюрста* в коллегии выборщиков. Отныне в Империи становилось восемь курфюрстов. Баланс сил в борьбе с рейнским Пфальцем окончательно сместился в пользу Мюнхена. Гейдельбергские властители, напротив, должны были пережить всю горечь катастрофы. Мирные статьи восстанавливали в наследственных правах потомство опального курфюрста Фридриха в лице его старшего сына Карла Людвига. Пфальц сохранял за собой и голос

в курфюршеской коллегии. Но территориальные утраты превращали курфюршество лишь во второстепенный региональный фактор. К тому же потеря Бергштрассе, отошедшего к Майнцу, сокращала и собственно рейнский сектор владений Гейдельберга. Была поставлена логичная точка в полуторазековом процессе соперничества с мюнхенской линией и вместе с тем был положен предел кризису, вызванному кальвинистским радикализмом гейдельбергских властителей. Пфальц сошел со сцены как глава радикальных протестантских сил на западе Империи. Отныне Гейдельберг выступал лишь объектом, а не субъектом европейской и имперской политики.

Опальные князья южной и северной Германии восставали в своих правах. Получили реституцию Эбергард III Вюртембергский, маркграф Фридрих Баден-Дурлахский и герцоги Мекленбурга. Амалия Елизавета добилась полного удовлетворения своих династических притязаний. Достигнутый в *апреле 1648 г.* компромисс с дармштадтской стороной («Кассельский аккорд») нашел подтверждение и в вестфальских статьях. Марбург, бывшее графство Кацнелънбоген с центром в Сент-Гоаре, и Шмалькальден оставались в составе Кассельских владений. К ним также присоединялось секуляризированное аббатство Герсфельд и часть графства Шауенбург. Дармштадт получал лишь подтверждение своих прав на город Гиссен.

Принципиально важным было, однако, не только прощение, дарованное элите. *Амнистию* получали все подданные императора, когда-либо сражавшиеся с оружием в руках против католического престола. Ей подлежало около 10 000 человек. Разбирательство в каждом конкретном случае требовало времени, предполагало сложную процедуру, но тем самым был сделан решающий шаг в сторону умиротворения: теперь не делалось различия между кальвинистами, лютеранами и католиками. За основу был принят единый правовой принцип. Конфессия была отделена от имперского права. Благодаря такому подходу ликвидировался не только опасный очаг нестабильности, заложенный в Пражском мире, но и делался шаг на пути секуляризации права и правового сознания.

Наряду с династическими проблемами центральное место занимало решение *религиозного вопроса*. Вестфальский мир закрепил в землях Империи равенство между лютеранами, кальвинистами и католиками. Реформатская церковь была включена в число «терпимых» церквей. Было исправлено роковое плочение Аугсбургской системы, позволявшее кальвинистам выступать под знаменем борьбы за свободу вероисповедания. Одним из самых острых моментов дискуссий было определение т. н. «*нормального года*» для протестантских и католических владений. Имперская дипломатия при согласии ведущих католических чинов отказалась настаивать на возврате к положению 1552 г. Указанный в Пражском мире в качестве «нормального года» 1627 г., более выгодный для католиков, был также отменен. В конце концов «нормальным годом» был объявлен 1624-й: отныне все владения, находившиеся в руках у католиков и протестантов на 1 января этого года, закреплялись за ними навсегда. Исключение делалось лишь для *Пфальца*: там рубеж был сдвинут на 1618 г., что позволяло восстановить кальвинистскую церковь во владениях Карла Людвига.

В целом указанная дата удовлетворяла обе партии: протестанты могли не беспокоиться за судьбы северонемецких земель, в 1624 г. еще не оккупированных католическими войсками, католики же подтверждали свои права в возвращенных в лоно римской церкви южно-немецких владениях, прежде всего в Верхнем Пфальце, присоединенном к Баварии. Одновременно теряли силу соответствующие статьи Аугсбургского мира и Реституционный эдикт 1629 г. В качестве секуляризованных и оставшихся в протестантской зоне прежних католических духовных княжеств были признаны — помимо прочих — епископство Минден, Гальберштадт, Ратцебург, Каммин и Магдебург. В епископстве Оснабрюк, пребывавшем в статусе биконфессиональной общины, было установлено последовательное правление евангелических и католических администраторов. Впредь любой имперский чин сохранял за собой *право свободного перехода* в любую конфессию, правда, это не должно было сопровождаться изменением конфессии его подданных: кон-

фессиональные рубежи 1624 г. оставались строго фиксированными. Подобное положение Вестфальского мира фактически упраздняло принцип «чья страна, того и вера», закрепленный в 1555 г., теряла силу и знаменитая «духовная оговорка». Одновременно устанавливались *гарантии свободы вероисповедания* для религиозных меньшинств в католических и протестантских землях, если таковые имелись на 1624 г. Кальвинисты, лютеране, католики и фактически члены прочих сект и направлений протестантского толка могли свободно отправлять богослужения в районах своего проживания. Ограничения накладывались лишь на публичное отправление культа в храмах. Напротив, совершенно узаконивалось «домашнее» вероисповедание, т. е. отправлению треб на дому. Здесь несколько в особом положении оказывались наследственные земли Габсбургов. Рекатолизация, осуществленная на первом этапе войны в Чехии и Австрии, исключала большие возможности для реставрации протестантского богослужения. Однако император согласился сделать некоторые уступки для земель Нижней Австрии и Силезии. Там в статусе биконфессионального города оказался Бреслау, а у ворот Швейдница, Яуэра и Глогау были воздвигнуты протестантские «храмы мира» — для удовлетворения религиозных треб местных меньшинств. Герцогам Лигница, Брига, Ёльса и Мюнстерберга было позволено остаться в лоне Аугсбургской конфессии.

В случае перехода кого-либо из подданных имперского чина в другую веру за ним оставалось *право на эмиграцию*, равно как за князем — право настаивать на удалении данного лица с подвластной территории. При этом, однако, устанавливался шестимесячный срок для отъезда, причем с сохранением прав на движимую и недвижимую собственность диссидента. В его отсутствие охрана имущества могла быть передана доверенному лицу.

Помимо вопросов, связанных с урегулированием общих противоречий между католиками и протестантами, внутри самого протестантского лагеря было, наконец, достигнуто *примирение лютеран с реформатами*. Для обеих конфессий *status quo* определялся 1648 г. В лютеранских владе-

ниях разрешалась свобода реформатского культа, в кальвинистских — евангелического.

Неприятие Римом и католическими радикалами всех этих решений было очевидным. Папа Иннокентий X направил конгрессу торжественный протест с резким осуждением уступок, сделанных протестантам. Однако ни умеренные католики, ни тем более протестантские чины не собирались сдаваться перед апостольским престолом. Специальная вставка (клауза) содержала опровержение папского протеста и аргументировала приемлемость соглашений для католической церкви.

Несомненно, что все указанные постановления могли быть реализованы лишь в рамках *единой* имперской организации. Поэтому необходимо было связать религиозные аспекты с функционированием институтов, прежде всего *рейхстага* и *камерального суда*. Создатели вестфальской мирной системы стремились избавиться от старых изъянов, содержащихся в статьях 1555 г. Следовало обезопасить работу высших имперских учреждений от внутренних сбоев, вызванных религиозными вопросами.

С этой целью имперские эксперты решились создать особый механизм урегулирования религиозных проблем, прямо не связанный с обсуждением текущих административно-правовых вопросов. Впредь в случае возникновения споров на конфессиональной почве решение на рейхстаге не должно было выноситься лишь простым большинством голосов по куриям, что практиковалось до этого и позволяло католикам почти всегда находиться в преимущественном положении.

Отныне при обсуждении вопросов, касавшихся вероисповедания, весь форум имперских сословий должен был делиться на две группы: *католический блок* («*Corpus catholicorum*») и *собрание протестантских чинов* («*Corpus evangelicorum*») без куриальных границ. Спорные проблемы решались лишь путем достижения *добровольного, согласия* обеих сторон («*amicabilis compositio*»). Формальные процедуры здесь утрачивали силу, и голос любого имперского чина обязан был учитываться собранием. В таких условиях предполагалось два возможных результата:

либо достижение согласия, либо прекращение дискуссий по данному вопросу вплоть до выработки окончательного соглашения. Главой католического корпуса был избран *курфюрст Баварский*, протестантского — *курфюрст Саксонии*. Работа *камерального суда* основывалась на принципе конфессионального паритета его ассессоров. Конечно, равное распределение голосов по конфессиям могло блокировать в будущем работу суда. Но оставался рейхстаг с его верховной компетенцией, что позволяло избежать тупиковых ситуаций. Третьим важным блоком в постановлениях конгресса были проблемы отношений между короной и имперскими сословиями. Иноземные державы, прежде всего Швеция и лидеры немецких радикалов — протестантов, видели основополагающей целью мира создание гарантий, не позволявших в будущем императору оказывать сколько-нибудь мощное давление на сословия и тем самым модифицировать всю структуру имперской организации. В династии Габсбургов усматривали главный фактор нестабильности, лежавший в основе войны. Императора уже давно обвиняли в попытках узурпировать не принадлежавшие ему права. Вновь на конгрессе, как и накануне войны, говорили об «абсолютной власти», о желании Габсбургов учредить «абсолютное правление» за счет прав имперских чинов. Но то, в чем обвиняли династию, никоим образом не отражало действительного положения вещей в области властных полномочий короны. Под «абсолютным правлением» разумели лишь нежелательную перспективу, а не уже имевшийся факт. Проблема «абсолютизма» трактовалась лишь в свете некой кошмарной альтернативы, противоречившей христианскому и божественному правопорядку и потому надлежавшей быть решительно пресеченной. «Абсолютизмом» пугали и бежали от него.

Восьмой раздел Оснабрюкского пакта весьма обстоятельно трактовал отношения между престолом и имперскими чинами. За всеми непосредственными подданными императора закреплялись все полученные ранее права, привилегии и регалии. Совокупно они образовывали «*территориальное право*» сословий («*jus territoriale*»). В нем уравнивались имперские князья, рыцарство и имперские горо-

да. Однако закрепленные «свободы» образовывали лишь правовой фундамент сословной организации и не являлись отражением «*территориального суверенитета*» в смысле государственного учения XIX в. Закрепленные полномочия не свертывали сословную пирамиду в горизонтальное полотно гражданского общества, где все его участники, без различия социальных позиций, оказываются субординированы «государственному суверенитету». Чины не превращались в носителей «*суверенитета*», а субъекты территориального права — в их государственных подданных. Были лишь подтверждены вековые прерогативы сословий. Вестфальский мир здесь фиксировал уже сложившиеся позиции, а не создавал принципиально новых отношений. Император оставался главой имперской сословной пирамиды и олицетворял единство Империи. За ним оставалось право на исключительное представление интересов Империи за рубежом. Имперские чины могли самостоятельно вступать в союзные договоры с иноземными державами лишь при условии, что эти соглашения не вредили интересам престола и Империи. Тем самым фиксировалось внутреннее единство имперского здания.

Текущие вопросы, среди которых фигурировали выработка формулы новой имперской выборной капитуляции, выборы Римского короля, принятие новых постановлений об имперской юстиции и «земском законодательстве» («*Polizeiordnungen*»), планы осуществления имперской опалы, введение имперского налогообложения, реорганизация имперских округов, наконец, ратификация мирных соглашений с Францией, передавались *рейхстагу*. Тем самым рейхстаг восстанавливался в своем значении главного посредника между престолом и сословиями и главного имперского института. Ему надлежало быть созданным в течение шести месяцев после подписания мира. Все перечисленные и отданные на рассмотрение рейхстагу статьи были объявлены второстепенной материей («*negotio remissa*») в сравнении с религиозно-правовыми постановлениями.

То была воистину гениальная находка собравшихся в Вестфалии экспертов. Базовые основы имперской организации освобождались от бремени решения конкретных про-

блем, которыми отныне занимался только рейхстаг. Опорные сваи имперского здания отделялись от слишком громоздкого механизма повседневной рутины. Вестфальские трактаты превращались в общий «вечный закон» Священной Империи и были призваны лишь регулировать принципиально важные вопросы, от которых зависело будущее.

Они восстанавливали земский мир и компромисс между сословиями и короной. В этом смысле соглашения 1648 г. лежали в русле предшествующей традиции. Наряду с постановлениями *Вормского рейхстага 1495 г.* и *Аугсбургским миром 1555 г.* они торжественно венчали многовековое развитие Священной Римской Империи.

Таковы были положения знаменитого мира. Как они оценивались в немецкой историографии?

Современники конгресса, видные протестантские правоведы и эксперты (такие как Филипп Богуслав Хемнитц, успевший к 1648 г. завершить свой труд о шведской кампании в Германии) видели главным и самым позитивным результатом создание аристократической конфигурации Империи, защищавшей свободы сословий. По мнению этих ученых мужей, Вестфальский мир был призван ликвидировать главный очаг нестабильности, главную пагубу имперского мира, гнездившуюся на верхушке сословного айсберга, у самого подножия престола: желание императора-католика (шире — Дома Габсбургов) нарушить исторически сложившийся баланс сил и установить тиранию «абсолютного правления». В глазах позднейших поколений правоведов (Юстус Мозер) достигнутые в 1648 г. соглашения позволяли увековечить *паритет* в отношениях сословий с императором, что являлось основой всей имперской организации. В свою очередь, протестантские богословы и в середине XVII в. и позже усматривали в итоговых постановлениях 1648 г. победу в борьбе за «чистое учение», за «святое Евангелие» с католицизмом, с силами Старой Церкви. Главным аргументом в пользу такого мнения выдвигались гарантии религиозных свобод как для кальвинистов, так и для лютеран, провозглашенные вестфальскими статьями.

В XIX в. в атмосфере общественного подъема и войн за объединение торжествовал национально-государственный

подход, великолепно представленный у Л. Ранке и побуждавший со скорбью взирать на последствия самой длительной войны в немецкой истории. Увековеченный в 1648 г. национальный и религиозный раскол вызывал у историков такое же неприятие, как и возвышение на немецком пепелище Франции. В итогах Тридцатилетней войны стали видеть истоки последующих национальных бед, спасение от которых можно было обрести лишь под державной дланью Гогенцоллернов. В первой половине минувшего XX в. подобные суждения «обогатились» исключительными по пафосу националистическими штампами.

Решительный перелом в оценках наступил в середине XX в. *Фриц Дикманн* первым из немецких историков изъяслял дискуссию вокруг 1648 г. из прежних национально-религиозных координат. Место традиционных подходов в его работе заняла государственно-правовая аргументация. Находясь под влиянием последней волны государственного позитивизма, Ф. Дикманн стремился подчеркнуть негативные последствия Вестфальских соглашений для имперских структур: по его мнению, оснабрюкский договор закреплял слабость имперского престола перед усилившимися позициями сословий. Имперское единство не распалось, но отныне решающий центр тяжести был смещен на территориальный уровень, где за счет гарантированных в 1648 г. полномочий резко усилились позиции князей. Внутренний распад Империи на отдельные доминирующие региональные силы становился неизбежным. Тем самым, по мысли Ф. Дикманна, условия мира несли в известной мере революционные последствия для Германии: они окончательно обеспечили победу партикуляризма над центростремительными силами короны. В то же время исследователь отдавал должное элементам секуляризации правосознания, отраженным в вестфальских соглашениях. 1648 г. создал — впервые в истории Европы — систему международных соглашений, основанных на суверенитете отдельных государств. Международное право, отделенное от конфессиональной основы, приобретало самостоятельный вес. Внутри Империи, по мысли Ф. Дикманна, возникала ситуация, схожая с европейской моделью: имперские чины превращались в носите-

лей регионального «суверенитета», отношения их с короной складывались на почве секулярного права.

Эрнст Вальтер Цееден видел в Вестфальском мире важный рубеж конфессиональной эпохи, но его оценки в целом были созвучны мнению Ф. Дикманна. Историк со скепсисом смотрел на будущее имперских структур.

Существенные перемены во взглядах обнаружились в последние десятилетия. *Генрих Лутц*, сохраняя за 1648 г. эпохальное значение, не склонен был видеть его последствия революционными для политической организации Империи. Одним из первых он попытался увидеть преемственность Вестфальского мира предшествовавшим имперским уложениям, прежде всего — религиозному договору 1555 г. Оснабрюкские трактаты практически воспроизводили в улучшенной форме Аугсбургские статьи. По мнению Г. Лутца, еще необходим детальный анализ различных религиозных и социально-политических процессов, предопределивших условия 1648 г. Торжество международного права и политический плюрализм, победивший в Европе после окончания войны, несомненны, но остаются еще открытыми вопросы, связанные со сложившимися вслед за 1648 г. отношениями короны и сословий в самой Империи.

Фолькер Пресс, строго разграничивая европейские и внутриимперские аспекты мира, также видел в 1648 г. победу светского начала над конфессиональным. «Светский характер мирного договора был главной, предпосылкой в решении трудных немецких проблем» [*Press*, КК. S. 261]. В то же время урегулирование конфессионального вопроса, по мысли Ф. Пресса, хотя и обеспечивало видимый паритет партий, но следовало скорее во благо католическим чинам и императору. «В целом отношения не были столь идеальны и «паритет» всегда оставался желанной целью протестантов. Установки религиозного мира увязывались с имперскими прерогативами — однако именно при взгляде на партийную в религиозном отношении роль главы Империи можно было не сомневаться, что католики оставались в лучшем положении, нежели протестанты... В общем евангелический корпус как цельная величина был активен лишь временами. Укреплявшееся положение импер-

ской церкви и католицизм императора воздвигали трудно-преодолимые барьеры» [*Press*, КК. S. 265]. В отношениях же императора с князьями преимущества оставались за последними. «Предпосылкой этого, — пишет Ф. Пресс, — было принципиальное признание территориального суверенитета немецких имперских сословий — помимо их традиционных привилегий. Тем самым ограничивались и прерогативы императора. Союзное право подчеркивало дееспособность территорий, хотя и с мало значившей оговоркой, воспрещавшей использовать это право против императора и Империи. Но законы должны были впредь утверждаться имперскими постановлениями, будь то решения о войне и мире или решения о военных предприятиях, как, например, вербовка солдат, снабжение и строительство крепостей. Существенно усилившаяся роль рейхстага, который к тому же теперь не был принужден в религиозных вопросах следовать принципу большинства, сильно связывала императору руки. То была ясная тенденция Вестфальского мира превратить Империю в Империю князей, среди которых император в будущем был бы не более чем «первым среди равных»» [*Press*, КК. S. 266].

Однако ученики Ф. Пресса пришли к не столь однозначным выводам. Антон Шиндлинг отмечает вслед за Ф. Дикманном и Ф. Прессом значение Вестфальского мира в развитии светского правосознания и европейского полицентризма: система равновесия сил, основанная на интересах отдельных суверенных государств, возникла в результате Тридцатилетней войны. Но в отношении влияния на Империю Вестфальские трактаты не кажутся столь однозначными. А. Шиндлинг критикует Ф. Дикманна за слишком мрачные тона, которыми тот рисует последствия мира для Германии: 1648 г. отнюдь не был «годом великой катастрофы в нашей истории». Исследователь попытался «реабилитировать» положительные итоги мира в связи с деятельностью рейхстага. Базовые структуры Империи были восстановлены, и центром интеграционных процессов становился общесословный форум. Вестфальский мир санкционировал его важнейшие законодательные функции, превратив в постоянно действующий орган. Вплоть до распада Импе-

рии в годы Наполеоновских войн регенсбургский «вечный» рейхстаг выступал в роли опорной точки всей имперской конструкции.

По-новому историк попытался представить и место императора в структурах Империи. Мир отнюдь не ознаменовал торжество сословного, партикуляризма над имперским единоначалием. «Сохранившееся правовое пространство открывало императору путь к возвращению в Империю. И габсбургские императоры барочной эпохи, прежде всего Леопольд I, последовательно использовали представленные возможности» [43. S. 146]. Играя на межсословных противоречиях, императоры получали пространство для маневра и усиленно выпестовывали клиентелу как в наследственных, так и в сопредельных владениях. Вестфальский мир, кроме того, фиксировал церемониальный порядок представительства на рейхстаге, позволявший венценосцам купаться в блеске барочной репрезентации. В то же время принцип религиозного паритета между конфессиями обязывал корону выступать в качестве нейтральной, спланивающей всех подданных силы. Наличие компромиссной партии имперских князей с архиепископом Майнцским Иоганном Филиппом фон Шенборном во главе было благоприятной предпосылкой для координирующей деятельности престола, что с успехом было реализовано в годы правления Леопольда I.

Иначе А. Шиндлинг рассматривает и результаты сословно-имперского диалога. «Политическая программа Вестфальского конгресса означала для Империи укрепление иерархии сословий, расширение сословных прав, учреждение рейхстага как центрального правительственного органа Империи. Однако радикальные тенденции, направленные против императора и курфюршеской коллегии и заявленные при поддержке Швеции и Франции некоторыми имперскими чинами, остались неосуществленными. В Оснабрюкском договоре не были зафиксированы ни ограничение имперских полномочий, ни реформа рейхстага, направленная против курфюрстов... Таким образом, Вестфальский мир весьма сильно содействовал внутреннему и внешнему росту немецкого территориального государ-

ства. Но следует подчеркнуть, что это государство покоилось в пределах имперской организации, ценность которой в правовом смысле не только не упала, но и повысилась. Вестфальский мир не провозглашал суверенитет имперских сословий, хотя подобные намерения, быть может, и играли бы на руку Франции. Фактическое развитие имперской организации после 1648 г. следовало в ином русле: на основе Вестфальского мира 1648 г. Империя во второй половине XVII в. обрела новую стабильность и консолидацию, выражением которой стало восстановление властных позиций Габсбургов в Империи и на рейхстаге» [44. S. 1306–1308]. В еще большей мере, нежели Ф. Пресс и Э. В. Цееден, А. Шиндлинг подчеркивает преемственность соглашений 1648 г., предшествовавших общеимперским уложениям.

В отличие от А. Шиндлинга, специально исследовавшего функции рейхстага, а в последующие годы успешно занимавшегося проблемами науки и образования в конфессиональную эпоху, *Георг Шмидт* с несколько иных позиций взглянул на проблему. Будучи учеником Ф. Пресса и сделав себе имя блестящими публикациями по теме городских и княжеских корпораций в системе имперского управления, он в дальнейшем сосредоточился на «немецком вопросе», усматривая в немцах XVII в. «культурную нацию», соединенную общностью языка и традиций. По его мнению, Тридцатилетняя война удивительным образом содействовала сближению отдельных областей Германии. Огненный каток войны расчистил путь к вторжению сильной императорской власти в зону, исторически удаленную от «имперского ядра» — в Северную Германию. В то же время тяготы военных лет влекли патриотический подъем, рост национального самосознания. Общая беда разрушала старые языковые и этнокультурные барьеры. Немецкий народ в 1648 г. ощущал себя бесспорно целостной величиной. В Вестфальской системе Г. Шмидт в отличие от своего учителя вообще не видит серьезных основ для решительной партикуляризации, угрожавшей имперской власти. «Мир не принес ни государственной раздробленности, ни княжеского абсолютизма. Восьмая статья Оснабрюкского догово-

ра закрепляла и подытоживала тот порядок отношений императора и сословий, который возник и утвердился в XVI в. ... Дабы конституция — «in statu politico» — не предполагала никаких споров, все курфюрсты, князья и чины получали высшую власть в собственных владениях — «Jus territoriale» или «jus territorii et superioritatis» — равно как и союзное право. То, что тем самым не подразумевался суверенитет в качестве высшей власти в смысле Бодена — следовало из контекста. Ядро «территориального права» формировалось из притязаний, уже долгое время осуществлявшиеся сословиями: старые права, prerogatives, свободы, привилегии, жалования и регалии. ... Мир подчеркивал сословные свободы, но не делал из имперских сословий суверенных властителей. ... Узаконенная в 1648 г. государственность обеспечивала положение status quo и препятствовала как аннексии малых имперских чинов великими, так и деспотическим формам правления в территориях. «Сувереном» являлось лишь комплементарное имперское государство в целом, а не его глава и не его члены» [Schmidt, GAR. S. 181]. В другом месте историк пишет: «Сословиям была совершенно чужда мысль о роспуске имперского объединения. Они думали и действовали в категориях имперской конституции, теперь получившей гарантии своей сохранности. Утверждение status quo означало, очевидно, оптимизацию территориальной власти: территориальный абсолютизм был решительно заявлен в этой Великой Хартии территориальных государей, но, однако, не инициирован. ... Он (т. е. мир. — А. П.) не делал Империю аморфной, но гарантировал ей дальнейшую жизнь в сложившейся форме. Договор не знаменовал «прорыв к другому берегу» и тем более не стал «несчастьем для немецкого народа» (Дикманн) [45. S. 80].

В глазах Хайнца Шиллинга, последовательно развивающего свою парадигму конфессионализации, Вестфальский мир венчает первую фазу раннего Нового времени. Он маркирует все те общественные, религиозные и политические процессы, которые возникли за столетие до 1648 г. Европа получила возможность развиваться в виде сообщества национальных государств. Для Германии же главным ито-

гом 1648 г. стала неизбежность и для имперских сословий, и для императора сообща созидать разрушенный потенциал, выступать коллективной и вместе с тем единой силой, олицетворявшей саму Империю. В целом Х. Шиллинг следует духу «ревизионизма» структуралистов, но демонстрирует его на более общем социально-культурном материале.

Представленные точки зрения, безусловно, позволяют говорить о существенной переоценке бытовавших до последнего времени мнений. Конечно, мы можем констатировать различие в анализе историками нового поколения отдельных аспектов соглашений, подписанных в 1648 г. Разница в подходах — социокультурного и структурно-политического — предопределяет взгляды и суждения. Но в целом итоговая картина выступает в новом свете. Вестфальский мир видится прежде всего компромиссом, «вымученным» тридцатилетием военного лихолетья: 1648 г. фиксировал исчерпанность конфликтного религиозно-политического потенциала, сгоревшего в горниле чудовищной бойни. Неслыханные бедствия войны, ее нужда побудили сплотиться всех — и некогда непримиримых противников, и всегда умеренных, — сплотиться во имя будущего, основанного на прочных правовых гарантиях. Империя как целостная структура была спасена и обрела дыхание жизни. Компромисс, достигнутый в 1648 г., не стал для нее «революцией», он не создавал принципиально нового политического порядка.

Формы имперской организации остались *неизменными*: позиции короны не были совершенно стеснены сословным полюсом, полномочия имперских чинов остались преимущественно в границах, утвердившихся столетием раньше. Исключением были лишь единичные привилегии, не слогавшиеся, однако, в новые правовые отношения.

Конфессионализация, привнесшая новые импульсы во все сферы общественной жизни, удовлетворялась традиционными структурами, в которых она протекала. Образуя новые реалии, она не взламывала старые формы. *Имперская организация* явила всю мощь своей жизнеспособности, оставаясь общим приютом для немецкого народа в раннее Новое время.

1. *Acta Pacis Westphalica*. Im Auftrag der Vereinigung zur Erforschung der Neueren Geschichte / Hrsg. von M. Braubach, K. Repgen. Serie I: Instructionen. Bd 1. (Frankreich, Schweden, Kaiser). Münster, 1962; Serie II: Korrespondenzen. Abt. A: Die Kaiserlichen Korrespondenzen. Bd 1. (1643–1644), Bd 2. (1644–1645), Bd 3. (1645–1646), Bd 5. (1646–1647). Münster, 1985–1993; Abt. B.: Die französischen Korrespondenzen. Bd 1. (1644), Bd 2. (1645). Münster, 1979–1986; Abt. C: Die schwedischen Korrespondenzen. Bd 1. (1643–1645), Bd 2. (1645–1646), Bd 3. (1646–1647), Bd 4. (1647–1649). Münster, 1965–1994; Serie III: Protokolle, Verhandlungsakten, Diarien, Varia. Abt. A.: Protokolle. Bd 1. (Die Beratungen der kurfürstlichen Kurie 1645–1647), Bd 4/1 /. (Die Beratungen der katholischen Stände 1645–1647), Bd 6. (Die Beratungen der städtekurie Osnabrück 1645–1649). Münster, 1975–1981; Abt. C: Diarien. Bd 1. (Diarium Chigi 1639–1651), Diarium Volmar 1. Teil (1643–1647), 2. Teil (1647–1649), 3. Teil. (Register), Bd 3. (Diarium Warternberg), 1. Teil (1644–1646), 2. Teil (1647–1648), Bd 4. (Diarium Lamberg. 1645–16490. Münster, 1984–1993; Abt. D: Varia. Bd 1. (StadtMünsterische Akten und Vermischtes). Münster, 1964.

2. Briefe und Akten zur Geschichte des Dreissigjährigen Krieges. Neue Folge. Die Politik Maximilians I. von Bayern und seiner Verbündeten 1618–1651 / Hrsg. von Historischer Kommission bei der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Bd 1–8. Leipzig; München, 1907–1982.

3. Briefe und Akten zur Geschichte Wallensteins 1630–1634 / Hrsg. von H. Hallwich. Bd 1–4. Wien, 1912.

4. *Documenta Bohemica bellum tricennale illustrantia* / Hrsg. von der Tschechoslowakischen Akademien der Wissenschaften. Bd 1–7. Prag; Wien, 1971–1981.

5. *Instrumente Pacis Westphalicae*. Die Westfälischen Friedensverträge 1648 / Hrsg. von K. Müller. 2. Aufl. Bern, 1966.

6. *Khevehueller Fr. Ch.* (III).

7. *Theatrum Europaeum*. Bd 1–21. Frankfurt am Main, 1662–1738.

8. Quellen zur Geschichte Wallensteins / Hrsg. von G. Lorenz. Darmstadt, 1987.

9. Quellen zur Vorgeschichte und zu den Anfängen des Dreissigjährigen Krieges / Hrsg. von G. Lorenz. Darmstadt, 1991.

ЛИТЕРАТУРА

(канун, ход войны и Вестфальский мир)

1. Алексеев В. М. Тридцатилетняя война. М., 1965.

2. Альбрехт Д. Фердинанд II // Кайзеры. С. 148–169.

3. Левченко А. С. Последний бой чешского льва. Политический кризис в Чехии в первой четверти XVII века и начало Тридцатилетней войны. СПб., 2007.

4. Прокопьев А. Ю. Тридцатилетняя война в современной немецкой историографии // Университетский историк. Альманах. Вып. 2. СПб., 2002.

5. Прокопьев А. Ю. Саксония и ее курфюрст Иоанн Георг I на завершающем этапе Тридцатилетней войны // Новая и новейшая история, 5, 2005. С. 179–197.

6. Penzen K. Фердинанд III. 1637–1657 // Кайзеры. С. 170–203.

7. Asch R. The Thirty Years War. London, 1997.

8. Albrecht D. Die auswärtige Politik Maximilians von Bayern, 1618–1635. Göttingen, 1962.

9. Albrecht D. Der Regensburger Kurfürstentag 1630 und die Entlassung Wallensteins // Regensburg. Die Stadt der Reichstage / Hrsg. von D. Albrecht. Regensburg, 1980. S. 51–71.

10. Albrecht D. (II, § 3,4 a).

11. Barudio G. Der Teutsche Krieg. 1618–1648. 2. Aufl. Frankfurt am Main, 1988.

12. Benecke G. Germany in the Thirty Year's War. New York, 1979.

13. Bierther K. Der Regensburger Reichstag von 1640/1641. Kallmünz, 1971.

14. Bireley R. The Thirty Years' War as Germany's Religious War // Reggen, KP. S. 85–106.

15. Bireley R. Religion and Politics in the Age of the Counterreformation. Emperor Ferdinand II., William Lamormani S. J. and the Formation of imperial Policy. Chapel Hill, 1981.

16. Bireley R. Maximilian von Bayern, Adam Conzen S. J. und die Gegenreformation in Deutschland 1624–1635. Göttingen, 1975.

17. Bosbach F. Die Habsburger und die Entstehung des Dreissigjährigen Krieges. Die «Monarchie Universalis» // Reggen, KP. S. 151–168.

18. Brightwell P. J. Spain and Bohemia: the Decision to Intervene // European Studies Review, 12, 1982. P. 117–141.

19. Burchardt J. Der Dreissigjährige Krieg. Frankfurt am Main, 1992.

20. Dickmann F. Der Westfälische Frieden. 5. Aufl. Münster, 1985.

21. Diwald H. Wallenstein. München; Esslingen, 1969.

22. Der Dreissigjährige Krieg / Hrsg. von H.-U. Rudolph. Darmstadt, 1977.

23. Elliott J. H. Foreign Policy and Domestic Crisis: Spain, 1598–1659 // Reggen, KP. P. 185–202.

24. Franzl J. Ferdinand II. Kaiser im Zwiespalt der Zeit. 2. Aufl. Graz; Köln; Wien, 1986.

25. Gindely F. Geschichte des Dreissigjährigen Krieges. Bd 1–3. Leipzig, 1882–1884.

26. Haan H. Der Regensburger Kurfürstentag von 1636–37. Münster, 1967.

27. Haan H. Kaiser Ferdinand II und das Problem des Reichsabsolutismus // HZ, 207, 1968. S. 297–345.

28. Kohler A. (II, § 1).

29. Kohler A. Kontinuität oder Diskontinuität im frühneuzeitlichen Kaisertum: Ferdinand II // Reichsständische Libertät und habsburgisches

Kaisertum / Hrsg. von H. Duchhardt, M. Schnettger. Mainz, 1999. S. 107–117.

30. 1648 — Krieg und Frieden in Europa / Hrsg. von K. Bußmann, H. Schilling. Bd 1–3. München, 1998.

31. *Kraus A.* (II, § 3,4 a).

32. *Kretschmar J.* Der Heilbronner Bund 1632–1635. Bd 1–3. Lübeck, 1922.

33. *Langer H.* Der Heilbronner Bund (1633–35) // ARFN. S. 113–123.

34. *Litzenbürger A.* Kurfürst Johann Schweikard von Kronberg als Erzkanzler. Mainzer Reichspolitik am Vorabend des Dreissigjährigen Krieges (1604–1619), Stuttgart, 1985.

35. *Lutz, RG.* S. 87–109.

36. *Mann G.* Wallenstein. 3. Aufl. Frankfurt am Main, 1998.

37. *Müller F.* Kursachsen und der böhmische Aufstand 1618–1622. Münster, 1997.

38. *Polisensky J.* Der Krieg und die Gesellschaft in Europa 1618–1648. Prag; Köln; Wien; Graz, 1971.

39. *Press, KK.* S. 195–267.

40. *Press V.* Die Krise des Dreissigjährigen Krieges und die Restauration des Westfälischen Friedens // Krisenbewusstsein und Krisenbewältigung in der Frühen Neuzeit-Crisis in Early modern Europe. Festschrift für H.-Chr. Rublack / Hrsg. von M. Hagenmaier, S. Holtz. Frankfurt am Main et al., 1992. S. 61–72.

41. *Reppen, KP.*

42. *Reppen K.* Der Dreissigjährige Krieg // ThRE, 9.

43. *Reppen K.* Über die Geschichtsschreibung des Dreissigjährigen Krieges: Begriff und Konzeption // Reppen, KP. S. 1–84.

44. *Reppen K.* Noch einmal zum Begriff «Dreissigjähriger Krieg» // ZHF, 9, 1982. S. 347–352.

45. *Ritter, DG.* Bd 2–3.

46. *Ruppert K.* Die kaiserliche Politik auf dem Westfälischen Friedenskongress (1643–1648). Münster, 1979.

47. *Schilling, AK.* S. 397–463.

48. *Schindling A.* Der Westfälische Frieden und die deutsche Konfessionsfrage // Freidenssicherung / Hrsg. von M. Spieker. Bd 3. Münster, 1989. S. 19–36.

49. *Schindling A.* Westfälischer Friede und der Reichstag // Weber, POSK. S. 113–154.

50. *Schindling A.* Westfälischer Friede // Handwörterbuch zur deutschen Rechtsgeschichte / Hrsg. von A. Erler, E. Kaufmann, D. Werkmüller. S. 1302–1308.

51. *Schmidt G.* Der Westfälische Frieden — eine neue Ordnung für das Alte Reich? // Wendemarken in der deutschen Verfassungsgeschichte / Hrsg. von R. Mußgnug. Berlin, 1993. S. 45–83.

52. *Schönstädt H.-J.* Antichrist, Weltheilsgeschehen und Gottes Werkzeug. Römische Kirche, Reformation und Luther im Spiegel des Reformationsjubiläums 1617. Wiesbaden, 1978.

53. *Schmidt G.* Der Dreissigjährige Krieg. 2. Aufl. München, 1997.

54. *Schmidt, GAR.* S. 150–193.

55. *Schormann G.* Der Dreissigjährige Krieg. 2. Aufl. Göttingen, 1988.
56. *Schubert F. H.* Ludwig Camerarius (1573–1651). Eine Biographie. Kallinünz, 1955.
57. *Steinberg H. S.* Der Dreissigjährige Krieg und der Kampf um die Vorherrschaft in Europa 1600–1660. Göttingen, 1967.
58. *Straub E.* Pax et imperium. Spaniens Kampf um eine Friedensordnung in Europa zwischen 1617 und 1635. Paderborn, 1980.
59. *Sturmberger H.* Kaiser Ferdinand II. und das Problem des Absolutismus. Wien, 1957.
60. *Sturmberger H.* Aufstand in Böhmen. Der Beginn des Dreissigjährigen Krieges. München; Wien, 1959.
61. *Sturmberger H.* Georg Erasmus Tschernembl. Religion, Libertät und Widerstand. Ein Beitrag zur Geschichte der Gegenreformation und des Landes ob der Enns. Graz; Köln, 1953.
62. *Sturmberger H.* Adam Graf Herberstorff. Herrschaft und Freiheit im konfessionellen Zeitalter. München; Wien, 1976.
63. The Thirty Years' War / Ed. by G. Parker. London; New York, 1997.
64. *Wandruszka A.* Reichspatriotismus und Reichspolitik zur Zeit des Prager Friedens von 1635. Graz; Köln, 1955.
65. Der Westfälische Friede / Hrsg. von H. Duchhardt. München, 1998.
66. *Wolff F.* Corpus Evangelicorum und Corpus Catholicorum auf dem Westfälischen Friedenskongress. Die Einfügung der konfessionellen Ständeverbindungen in die Reichsverfassung. Münster, 1966.
67. «Zu einem stets währenden Gedächtnis». Die Friedenssäle in Münster und Osnabrück und ihre Gesandtenporträts/ Hrsg. von K. G. Kaster, G. Steinwascher. Bramsche, 1998.

V. ИМПЕРИЯ В СЕРЕДИНЕ XVII в. ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

§ 1. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЙНЫ

Последствия Тридцатилетней войны по сей день вызывают споры среди немецких историков. В вопросах демографической и экономической конъюнктуры, сложившейся по результатам тридцатилетнего противостояния, полемика развернулась вокруг тезисов *Генри Зигфрида Штайнберга*, немецкого ученого, работавшего в Великобритании. В нескольких своих публикациях он попытался возразить устоявшемуся мнению о всеобъемлющей социальной катастрофе, наступившей в результате войны.

Г. З. Штайнберг считал необходимым внимательное изучение данных по отдельным землям, причем, по его мнению, даже на первый взгляд можно увидеть разницу в последствиях для отдельных земель: если южная Германия действительно выступала сильно пострадавшей, то почти весь северо-запад оказался избавлен от роковых ударов. Целые области и города не только смогли избежать разорительных осад и оккупации, но и разбогатеть, увеличить свой экономический потенциал. По мысли Г. З. Штайнберга, следует отделить миф всеобщего разорения от конкретных событий. Этот миф был создан прежде всего придворной бранденбургской историографией, нуждавшейся в оправдании жесткого централизаторского курса берлинских Гогенцоллернов, все заметнее становившихся лидерами на немецком севере. Тяжкое бремя войны, нужда военного лихолетья побуждали территориальных властителей к порой непопулярным мерам, позволявшим, однако, выжить остаткам населения. По мнению старых прусских историков, спасение измученной и разоренной Герма-

нии было всецело переложено Промыслом в руки благочестивых и рачительных государей, среди которых бранденбургские курфюрсты играли образцовую роль. Так же как и саму войну нельзя величать цельным и единым событием, рассыпавшимся в действительности на добрый десяток региональных конфликтов, так и последствия ее явно нуждаются в региональной «реабилитации».

Мнение Г. З. Штайнберга вызвало горячие возражения со стороны историков-экономистов. *Гюнтер Франц*, выдающийся специалист в области аграрных отношений, блестяще опроверг слишком скороспелые, не подтвержденные данными тезисы английского коллеги. Вооружившись статистикой по областям, доступным для изучения ввиду сохранности там источников, ученый доказал несостоятельность «мифологической» концепции Г. З. Штайнберга. Опустошения и, главным образом, людские потери действительно рисуются огромными, хотя, бесспорно, не всегда столь впечатляющими, как было принято считать ранее. Выводы Г. Франца, сделанные еще перед Второй мировой войной, позволяют считать, что сельское население Германии в годы войны сократилось примерно на 40%, городское — на 33%, что составило около 5–6 миллионов совокупных людских потерь.

Еще решительнее были настроены историки ГДР. *Юрген Кучинский*, крупнейший марксистский эксперт по социальной истории немецкого крестьянства, считал войну настоящей национальной катастрофой, во многом определившей дальнейшую историю немецкого народа. Людские потери разнились по регионам, но важно иметь в виду и последующие утраты, вызванные семидесятилетним противостоянием Империи и Франции на Рейне уже после Вестфальского мира. Поэтому, с точки зрения Ю. Кучинского, нельзя говорить о твердых рубежах в демографическом развитии на 1648 г. Регенерация не могла идти плавно, в прогрессирующем направлении после окончания войны. Как и Г. Франц, Ю. Кучинский выделял северо-восточные регионы (Мекленбург и Померанию), а также швабские земли самыми пострадавшими за годы войны.

Сегодня дискуссия несколько утратила былой накал. Доказательства, приведенные Г. Францем, не поставлены под сомнение, а тезисы Г. З. Штайнберга признаны не состоятельными, но продуктивными, позволившими уточнить, казалось, общепризнанные постулаты. Со временем стал заметным дифференцированный подход, отраженный в работах структуралистов. Ф. Пресс пишет: «Утраты Тридцатилетней войны в людях, животных и инвентаре были огромны, хотя и имелись определенные региональные отличия. Симптомы кризиса продолжались вместе с многочисленными войнами второй половины XVII в., конфликтами с Францией, турецкими войнами Габсбургов и Северной войной. Экономические успехи в 1650 г. были едва заметными. . . Критическое положение осложнялось еще и тем, что «малый ледовый век», охвативший собой в середине XVI в. все северное полушарие, продолжался. При растущем объеме осадков усиливались холода и заморозки, ухудшавшие внешние условия жизни» [*Press*, КК. S. 268]. Избегая точных цифр, Ф. Пресс ограничился лишь отсылкой к различным показателям в трудах своих коллег. В свою очередь Г. Шорманн приводит данные Г. Франца, но заявляет о региональных отличиях. Г. Шмидт же отважился выдвинуть более конкретные данные: «На 1600 г. в Германии (в границах 1871 г.), вероятно, жило где-то между 15 и 17 миллионами человек, другие оценки говорят о 21 миллионе. Потери исчислялись от 20 до 45% предвоенного населения: на 1650 г. в Германии проживало только лишь 10–13 миллионов людей» [IV, 45. S. 86].

Скруплезные подсчеты, проведенные Г. Францем, побуждают исчислять сумму потерь — прямых и косвенных — в 6 миллионов жизней. Однако ввиду неясности исходных данных о численности населения Империи на 1618 г. затруднительно говорить об итоговой цифре проживавших на 1650 г. По мнению одних (В. Абель, К. Бозл), ее следует выражать цифрой в 10 миллионов человек, с точки зрения других (К. Кларк, Э. Сагарра, Х. Келленбенц) — в 11–13 миллионов. Более оптимистичен М. Миттерауэр: по его мнению, в Империи в начале века проживал 21 миллион, после войны — приблизительно 16 миллионов. Вышеприве-

денный подсчет Г. Шмидта аккуратно усредняет выводы большинства историков.

Что же касается географии потерь, то она выражается в «кровавой диагонали», пересекавшей Империю с северо-востока на юго-запад. В перекрытых или задетых ею зонах имелись самые большие людские утраты. В Мекленбурге, Померании, Тюрингии, Пфальце и Вюртемберге они достигали свыше 50%. В близлежащих районах — Бранденбург, Магдебург, Саксония, Гессен, Франкония, Бавария, Швабия, Эльзас, Лотарингия — колебались в районе 30–50%. К числу наименее пострадавших следует отнести северо-западный сектор (Балтийское и Североморское побережье), отчасти земли Вестфалии и Нижнего Рейна. По некоторым областям, как, например, Лаузицу, точных данных не имеется и по сей день.

Таковыми представляются демографические итоги трагедии. Впрочем, они были, вопреки, казалось бы, катастрофическим размерам, преодолены в трех поколениях. По мнению большинства специалистов, к 1750 г. Германия в целом достигла численности населения предвоенной поры. Сто лет понадобилось немецкому народу на компенсацию кровавого урона. Ф. Пресс блестяще подметил печальную диалектику опустошений и созидания, рожденную войной: «Тем удивительнее, — пишет он, — и это все более подтверждается новыми исследованиями, что исключительные людские потери во время войны были восстановлены в трех поколениях... Проблемы предвоенного времени, рожденные перенаселением и необходимостью пропитания, теперь исчезли, возникли новые реалии. В целом немецкий путь развития хорошо укладывался в общеевропейскую канву — несмотря на военную катастрофу. Также и в Западной Европе численность народонаселения перестает расти ввиду ограниченных средств пропитания. В то же время сельское хозяйство Германии, также понесшее утраты, могло теперь обеспечивать сильно сократившееся население лучше, чем накануне войны. Возникшие в обществе лакуны означали для многих появление не только возможностей для социального подъема, но и стимул к заведению многодетных семей, ибо у потомков откры-

вались теперь лучшие шансы в будущем. В раннее Новое время «действительность определялась в большей степени равновесием, нежели ростом». Дабы обеспечить равновесие, удержать его, возникала необходимость в большей мере, чем сегодня, в сокращении численности населения, поскольку высокая смертность призвана была компенсировать столь же высокий показатель рождаемости. Парадокс, но смерть порождала шансы, создавала оптимизм» [*Press*, КК. S. 269].

Император Фердинанд III.
Гравюра неизвестного художника. 1676 г.

Выводы Ф. Пресса в чем-то созвучны мальтузианской концепции. Однако диалектический анализ итогов войны позволяет, бесспорно, глубже проникнуть в ткань созидательной работы, охватившей производственные сферы после 1648 г.

Экономические связи и производство понесли громадные утраты. Трудно, в конце концов, оспаривать факт разрушения огромного множества больших и малых городов и деревень. Истребление поголовья крупного и мелкого до-

машинного скота, равно как и рабочего инвентаря, не поддается учету. Были серьезно подорваны базовые общественные ячейки производства.

По линии внешнеэкономических связей произошло перемещение главных транзитных пунктов на севере Германии из Любека и других ганзейских городов на восток в Данциг, который начинает теперь бурно развиваться, располагаясь в сплетении торговых интересов скандинавских королевств, Бранденбурга и Польши. В результате на севере Германии Балтийское побережье перестает выполнять функцию главного торгового фильтра. Гамбург, традиционный северо-западный оплот Ганзы и крупнейший торговый центр, оказывается во власти английских интересов. Английское купечество начинает контролировать гамбургский перевалочный рынок. Вместе с тем нарушается экономическая интеграция немецких земель в западноевропейскую экономику. Немецкий импорт перестает поступать во Францию, Нидерланды и Англию. Страна превращается в почти чистого импортера иностранной продукции. Во внутренней Германии пострадали крупнейшие районы горнодобычи и металлургии. Шведы систематически разрушали горнозаводские предприятия в Саксонии.

Но огромные масштабы разрушений неизбежно влекли волю и желание скорейшего восстановления минимума, необходимого для жизни. В условиях сократившегося населения сделать это можно было быстрее и легче путем коллективного созидания.

В этом потоке восстановительной работы переплетались элементарные интересы всех слоев общества: и крестьян, и дворян, и княжеской элиты. Выжить и сохранить то, что осталось, — было первоочередной задачей немецкого общества. Вероятно, лишь только учитывая две составляющие — печально благоприятную конъюнктуру ликвидации «излишка» населения и энергию созидания на всех этапах сословной пирамиды, — можно объяснить необычайно скорую реставрацию основ хозяйственной жизни в значительной части немецких земель. Если людские потери были восстановлены спустя сто лет, то хозяйственный потенциал, необходимый для минимального потребления, — уже в

первые десятилетия после 1648 г. *Фридрих Лютге*, выдающийся историк-экономист, прекрасно заметил по поводу последствий войны: «Лишь сейчас, — пишет он, — в тяготах нужды немецкий народ оказался приучен к той созидательной работе и ответственности, которые с этого момента принадлежат к совершенно бесспорным его добродетелям» [*Lütge*, DSW. S. 338]. Через трудовую этику конфессионализации и лишений Тридцатилетней войны проходила история формирования предпринимательской энергии и «пролетарского» трудолюбия XIX–XX вв.

§ 2. ИМПЕРИЯ И ЕВРОПА

Каковы были перспективы *«внешнего»* развития Империи после Вестфальского мира?

Перемены, вызванные войной, здесь были очевидны. Правящая династия вынуждена была считаться с новым раскладом сил в Европе. Испания, прежде главный союзник Империи на континенте, сошла со сцены европейской истории. Продолжавшаяся франко-испанская война не принесла Мадриду сколько-нибудь ощутимых приобретений: после восстания в Каталонии и отпадения Португалии в 40-х гг. фронт переместился за линию Пиренейского хребта. Заключенный в 1659 г. мир означал поражение испанских Габсбургов в борьбе с Бурбонами. Но уход бывшего главного союзника Империи создавал и новые перспективы: отпадал бесспорно тяжелый для венского двора балласт обязательств перед родственной державой. Империя могла отныне считать себя свободной от векового партнерства. Имперский престол освобождался от слишком обременительной зависимости, подкрепленной испанскими владениями в северной Италии и в Южных Нидерландах. С другой стороны, было очевидным усиление Франции: приобретения, сделанные ее в Эльзасе, и переход фактически под ее контроль сильнейших крепостей «открывали» Империю с запада. В таких условиях имперская дипломатия все настойчивее должна была искать союзников среди других континентальных держав. Таким образом, на-

метилась перестройка внешнеполитической линии Вены.

Если в последние годы правления Фердинанда III едва ли еще можно было говорить о каких-то реальных шагах в этом направлении, то в первое десятилетие царствования *Леопольда I* (1657–1705) стали обозначаться новые приоритеты. Империя, по-прежнему поддерживая ослабленную Испанию, искала сближения с Нидерландами и Англией — двумя усилившимися державами, представлявшими собой весомых конкурентов Франции. Возвышение Бурбонов все более и более спланивало в прежние времена совершенно разных соседей, решившихся противостоять французской гегемонии. Еще более важным моментом было постепенное разрушение системы французской клиентелы среди имперских князей, оформившейся после 1648 г. Западные князья, начиная от вестфальских епископов и заканчивая рейнскими властителями, все менее и менее были склонны терпеть опустошительные вторжения французов. Войны, развязанные Людовиком XIV (1643–1715), все сильнее сближали Империю во второй половине века с новыми союзниками вовне и со старыми сателлитами Франции внутри Империи. Если в *Деволуционной войне* (1667–1668), в которой Франция окончательно добила низведения Испании до уровня второстепенной державы, эта тенденция лишь наметилась, то в войне за *Пфальцское наследство* (1688–1697) в виде т. н. Аугсбургского альянса была впервые образована достаточно мощная антифранцузская коалиция. Имперское правительство здесь оказывалось в безусловно выгодном положении: основное бремя военного противостояния ложилось на плечи Англии и Нидерландов. Император Леопольд был вынужден терпеть опустошение французами прирейнских земель, особенно союзного Габсбургам *Пфальца*, но мог вести борьбу руками союзников. Прессинг Франции в западном секторе Империи блокировался силами альянса в Нидерландах и на море. В конце концов последовавшая в 1700 г. *Война за испанское наследство* (1700–1714) стала реваншем Габсбургов за проигрыш в 1648 г.: французское преобладание на западе рухнуло. От Франции отвернулись и многие ее бывшие союзники среди имперских князей. Бесцеремонная политика «короля-солнца»

в отношении собственных сателлитов разочаровывала их и раздражала.

На севере, в балтийском регионе императоры пока не могли надеяться на существенное усиление своих позиций. Лидерство Швеции здесь было очевидным. В ходе *Первой Северной войны (1655–1660)* с Данией и Польшей этому скандинавскому королевству удалось закрепить достигнутые в 1648 г. успехи. Однако непомерное усиление шведских позиций находило и естественные границы. Польша, Дания и первоначально шедший в русле шведской политики Бранденбург все более сближались на почве относительно общих балтийских интересов. Шведское могущество ставило под сомнение польское присутствие в южной Лифляндии и создавало постоянную угрозу датским владениям в Сконии и Норвегии, а также бранденбургским ленам в Пруссии и Померании. Имперская дипломатия получила возможность маневрировать, прямо не вмешиваясь в противостояние, но сближаясь с северными державами. На северо-востоке увеличивалось значение Польши, всегда с симпатией смотревшей на католическую Вену. Опыт широкого и опасного для Речи Посполитой протестантского движения в ее владениях в годы Первой северной войны и дружеская поддержка, оказанная Веной королю-изгнаннику Яну Казимиру в 1655–1656 гг., заставляли поляков видеть в Габсбургах главного союзника. С другой стороны, при всей подчеркнутой верности протестантскому делу «великого курфюрста» Фридриха Вильгельма, возглавлявшего евангелический блок имперских чинов, у Бранденбурга также постепенно зрели общие интересы с Веной. Усиление Швеции никак не входило в планы Фридриха Вильгельма. Померанский плацдарм Швеции создавал большие неудобства Бранденбургу. В итоге в 70-е гг. наметилось сближение Берлина и Вены по общему кругу балтийских вопросов. В ходе *Голландской войны (1672–1678)*, развязанной Францией при поддержке Швеции, возникло прямое партнерство Габсбургов и Гогенцоллернов. Победа бранденбургских войск под Фарбеллином в 1674 г. означала и первый серьезный сбой в балтийской гегемонии Стокгольма. На севере постепенно складывались тенденции, в целом благо-

приятствовавшие Габсбургам. Во *Второй Северной войне (1700–1721)* они получили логичное завершение в крушении шведского могущества.

Середина XVII в. не принесла решительных перемен на юго-восточных границах Империи. Отношения с *Оттоманской Портой* все время содержали элемент напряженности. Но итоги Тридцатилетней войны, хотя и постепенно, все же влияли на перспективы. Габсбурги, временно изолированные на Западе и отдавшие пальму первенства Франции, смогли, однако, обеспечить прочное положение в секторе наследственных земель. Теперь именно эти земли превращались в главный источник, питавший внешнюю активность короны. Опираясь на ресурсы Австрии, Богемии и Венгрии, Леопольд I смог в конце концов осуществить перелом в вековом противостоянии с Турцией. Со второй половины века Средний Дунай и Восточная Венгрия превратились в сферу имперской экспансии. Начавшаяся в 1682 г. новая «долгая турецкая война» увенчалась стратегически важной победой: взятием *Будапешта*. Последующие триумфы принца Евгения закрепили успех. Временно отодвинутые на периферию западноевропейской политической жизни, Габсбурги смогли приступить к реваншу на востоке.

Итак, Вестфальский мир едва ли совершенно заглушил скрипку Империи в концерте европейских держав. Он «оттеснил» венских императоров за линию главных претендентов на лидерство, однако он не смог увековечить их второстепенное положение. Итоги войны формировали противоречивую перспективу: теряя в одном, Вена приобретала в другом.

§ 3. ИМПЕРАТОР И СОСЛОВНОЕ ОБЩЕСТВО

Влияние войны на сословное общество образует еще одну важную проблему. В ее разработке крупные перемены обозначились лишь с 70-х гг. XX в., когда усилиями структуралистов, главным образом *Карла Оттмара Аретина* и

Фолькера Пресса, были переосмыслены основные тенденции в жизни сословного общества.

Выводы историков согласуются в том, что императоры сохранили лидирующее место в сословной пирамиде. При всех неблагоприятных для Габсбургов статьях Вестфальского мира суверенитет короны не подлежал сомнению. Оставаясь «первыми среди равных», Габсбурги сохранили почти все традиционные прерогативы. Правовой статус властителей Священной Империи не претерпел существенной редукции.

Первые послевоенные годы были передышкой после многолетних усилий: необходимо было осмыслить масштабы опустошений и осуществлять правительственные акции в новых условиях мира. Последние годы жизни Фердинанда III прошли под знаком умиротворения; еще не было сил, для того, чтобы решительно осуществить новую перестройку правительственного аппарата. Потому и сам император войдет в историю главным образом как «государь мира». Окончание войны было главным достижением его правительственного курса.

Перспективное значение имел новый расклад сил между ведущими Домами, сложившийся после окончания Тридцатилетней войны. Имперские князья, крупные династы севера и запада, прежде всего Баварии, Бранденбурга и Гессена, добились удовлетворения многих своих интересов, увеличили политический вес и авторитет. Тем самым для короны, по крайней мере на время, сокращались возможности влияния на западную половину Империи.

Дополнительным и крайне неблагоприятным фактором для Габсбургов было вмешательство в германские дела Франции, создавшей после 1648 г. целую систему имперской княжеской клиентелы. Помимо традиционно следовавшего в орбите французского влияния Трирского курфюршества, Бурбоны смогли найти точки сближения с баварскими Виттельсбахами и укрепить свое влияние на берегах Рейна за счет политического партнерства с архиепископством Кёльнским и вестфальскими князьями. К тому же после всех потерь в годы войны два последних гейдельбергских курфюрста из старшей линии Виттельсбахов пы-

тались организовать реванш в прямом союзе с Парижем. Как бы то ни было, первое десятилетие правления Леопольда прошло на западе почти при полном преобладании Франции. Но было ясно, что влияние Бурбонов в Империи находилось в зависимости от их способности доминировать в западном секторе Европы в целом, т. е. от их отношений с Нидерландами и Англией.

Первые симптомы кризиса французского могущества, проявившиеся в годы Голландской войны, привели к ослаблению позиций Парижа также и в Империи. Именно тогда Леопольд смог приступить к мастерскому лавированию между интересами отдельных княжеских Домов и в конце концов содействовать распаду французской клиентелы. Переход *Пфальцкого курфюршества* в 1685 г. в руки младшей, католической, линии рейнских Виттельсбахов имел важнейшие последствия: обострилось старое соперничество между Мюнхеном и Гейдельбергом, но теперь католический двор Пфальца видел своим естественным союзником не Францию, а Вену. Пфальц, остро нуждавшийся в помощи извне и находившийся под ударом «короля-солнца», войска которого под предводительством генерала Мелака в 1689 г. учинили страшный разгром курфюршеской столицы, вынужден был надолго связать свои интересы с Хофбургом. Гейдельберг отныне превратился в главного союзника императора на западных рубежах Империи.

Помимо Пфальца Габсбурги, конечно же, могли рассчитывать на симпатии и дружеское участие *Гессен-Дармштадта*. Территориальные утраты ландграфа Георга II, зафиксированные в тексте мирного договора, определяли дальнейшее соперничество с родственниками из Касселя и вынуждали его и его потомков придерживаться старой имперской лояльности. Наконец, Габсбургам удалось, хотя и в урезанном виде, сохранить своих старых сателлитов в массе имперского рыцарства Франконии и Швабии и тамошних духовных прелатов. Оказываясь перед лицом мощного возвышения Баварии, эти силы были заинтересованы в эффективной поддержке со стороны Вены. Диалектика 1648 г. не только не лишала императоров последней надежды на

«возвращение» в Империю в смысле влияния на ее западную половину, но и позволяла, как, например, в случае с Пфальцем, совершать региональные «революции».

Значимым представляется и другой аспект: Вестфальский мир позволил Габсбургам окончательно закрепить за собой *наследственные земли* на востоке. Именно восточный блок, составленный из богемских, австрийских и западновенгерских земель, становился отныне плацдармом, исходной точкой влияния короны в других частях Империи. И Фердинанд III, и, тем более, Леопольд I пожинали блистательные плоды политики предшественников. Годы католического триумфа Фердинанда II не прошли напрасно. Они принесли полную реставрацию католической церкви и авторитета короны, прежде всего в Богемии и Австрии.

Богемия, утратив позу фрондирующего и бурлящего социальными протестами королевства, все более преобразовалась в моноконфессиональное образование с блестящим профилем возрожденного католицизма. Абсорбация католической церковью чешского национального элемента, растворение его в универсальных структурах иерархии стало одним из существенных факторов стабилизации. При всей религиозной бескомпромиссности Габсбургов следует, по меньшей мере, усомниться в категоричности старых аксиом об исключительной ущербности их правления для чешского народа. Католическое барокко, привнесенное на крыльях победы 1620 г., органично дополнило предшествовавшие традиции и в конце концов стало неотъемлемой частью чешской национальной культуры. Опора на новое дворянство цементировала позиции короны. Итальянская фракция дворян, обустроиваясь в Богемии, одновременно символизировала и давние связи Империи с Италией, позволяла активизировать итальянский полюс имперского влияния. Пикколомини, Коллальто, Галласы выступали надежной опорой короны на своей новой родине. В свою очередь, южнонемецкие роды, в основном швабские, такие как Лихтенштейны, Дитрихштейны, Фюрстенберги, получая земли и титулы в Богемии, сохраняли старые связи с имперским дворянством южной Германии. Укреплялся

мостик имперского влияния, соединявший наследственные земли со Швабией и Франконией.

Наследственные земли никогда не образовывали «социально замкнутого» массива: они были прочно вплетены в структуры Империи. Габсбурги второй половины XVII в. не только сохранили солидный потенциал влияния в Империи, но и сумели, используя меняющуюся конъюнктуру, в некоторых пунктах улучшить свои позиции.

Среди всех имперских учреждений, чья жизнь была реанимирована Вестфальским миром, самым важным был *рейхстаг*. По окончании войны место его работы было определено в *Регенсбурге*. С 1663 г. он там заседал регулярно вплоть до 1806 г., получив наименование «вечного рейхстага». Стабильность его работы и круг обсуждаемых на нем вопросов был предначертан условиями мира, что резко повышало его авторитет на имперской арене.

Но не только партнерство с сословным форумом облегчало Габсбургам политический курс. Императоры впервые в немецкой истории с конца XV в. смогли, наконец, защищать свои интересы в строго нормированном русле работы, в рамках фиксированного права. Исчезали условия, при которых работу ассамблеи можно было сорвать, как накануне Тридцатилетней войны. Тем самым на пользу короне шла повседневная рутина куриальных дискуссий, медлительность, но неизбежность в выработке компромиссных решений: наболевшие вопросы, даже самые острые, уже не могли быть оставлены «на потом» или быть вовсе «забытыми», дабы всплыть вновь в виде разрушительной вспышки противоречий. Отныне все подлежало конечному решению пусть и громоздкого, но ставшего более эффективным механизма. Постоянное функционирование высшего имперского учреждения влекло постоянную акцентацию имперских регалий Габсбургов. Исследование А. Шиндлинга позволяют хорошо реконструировать механизм утверждения имперского суверенитета на рейхстаге.

Конституирование сословной ассамблеи содействовало росту авторитета короны и в «*имперскоблизких регионах*»: франконских, швабских, верхнерейнских княжествах и рыцарских ландшафтах. Благоприятные предпосылки, сло-

жившиеся еще накануне Реформации и позволявшие императорам влиять на региональные силы юга, не были утрачены после Тридцатилетней войны.

Несомненно, большую роль играли вопросы *репрезентации* и *имперской пропаганды*. Прекрасно осознавая свои потери в войне, Фердинанд III и Леопольд целенаправленно содействовали появлению всевозможных форм манифестации величия престола и Империи, хотя во многом здесь прослеживалось и соответствие общему стилю барочной эпохи.

В данной связи прежде всего стоит отметить венский *Хофбург*, главную имперскую резиденцию, превращенную во второй половине XVII в. в настоящий монумент величия короны. Скульптурное убранство, отделка внутренних интерьеров демонстрировали концепцию бессмертия и богохранимости державы. *Венский двор*, окончательно ставший интернациональным по составу, впитавший национальную элиту наследственных земель, жил, сообразуясь с жесткими нормами регламента и церемониала, призванного подчеркнуть божественный суверенитет императора.

Большую роль играла и *имперская публицистика*, тропившаяся вопреки проигрышу в войне исправить неблагоприятное для Габсбургов впечатление европейской общест-венности. На страницах памфлетов постоянно подчеркивалось суверенное достоинство короны и богохранимость габсбургской державы. Всевышний, не допустивший падения Дома Габсбургов, тем самым дал понять об особом Промысле, уготованном для этого Дома. Во всем своем блеске после Тридцатилетней войны предстали формы знаменитого «*Австрийского благочестия*» («*Pietas Austriaca*»), пропагандировавшиеся на страницах историко-богословских трактатов. Религиозные добродетели Габсбургов выставлялись образцовыми для истинно христианского государя, служившего Вере и Церкви. Исследовательница *Анна Корет* прекрасно показала религиозную основу в деле возрождения авторитета монархии. Не имея порой прямой возможности влиять на ход политических конфликтов, Габсбурги могли с успехом пропагандировать свои цели и идеи в публицистике. Неутомимая деятельность имперско-

го дипломата барона Лисолы в годы Первой Северной войны показывала размах имперской пропаганды.

Таковым в общих чертах представляется положение ди-настии.

Старая Церковь, пережившая подъемы и коллизии в ходе опустошительной войны, после 1648 г. смогла стабилизировать свои позиции. Барьеры на пути возможной протестантской экспансии, возведенные в тексте мирного соглашения, позволяли рассчитывать на безопасность немецких католических владений. Вестфальский мир маркировал границы конфессий на последующие четыре века: лишь после Второй мировой войны вновь изменилась их конфигурация. Не добившись победы в общеимперском масштабе, немецкая католическая церковь смогла найти множество каналов для внутреннего возрождения и консолидации. Получив в 1648 г. основополагающие правовые гарантии, немецкий католицизм смог довести до конца дело Реформы, начатое во второй половине XVI в.

В десятилетия после заключения Вестфальского мира в основных чертах завершилась перестройка *немецкого епископата*. Большинство прелатов Германии принадлежало к новому поколению, воспитанному нуждой военного лихолетья, но в традициях тридентского католицизма. Опустошения, вызванные войной, и по-прежнему сложное политическое положение побуждали клир к конструктивному диалогу с сословиями и к созданию эффективного механизма управления диоцезами и аббатствами. Князь церкви превращался в главного гаранта благополучия своей паствы. Опора на родственные связи, протекцию соседей и на имперский престол соседствовала с кропотливой административной работой. Все большую роль начинала играть *репрезентация* духовных лидеров. Патронаж, разнообразные формы персональной опеки, демонстрация состоятельности и благополучия призваны были внушить мысль о благоденствии церковных институтов.

Завершилось и конституирование на немецкой почве новых *монашеских орденов*. Иезуитские миссии стали непременной составляющей католической повседневности. Блистательные плоды их деятельности в сфере образования

и наставничества позволяли рассчитывать на обновление культурного профиля паствы. Повысилось значение женских монашеских общин: кармелиток, урсулинок, огромного множества марианских конгрегации. В тяжелых экономических условиях, подрывавших благоденствие бедных дворянских семейств, подобные общины выступали надежным приютом для младших дочерей и сестер. Для дворянской элиты сохраняли значимость традиционные духовные ордена: Немецкий марианский орден и общины иоаннитов. Предоставляя приют и подспорье, церковь превращалась в инструмент социального роста. И в этом отношении католическая церковь сыграла особенно важную роль в общественной стабилизации после 1648 г.

Обретение твердой почвы и возможностей для общественного влияния отразилось в культуре *католического барокко*. Корни ее уходили в средиземноморский мир, прежде всего в Италию. В Германии же она получила особенное воплощение. Подчеркивание персональных добродетелей пастыря и идеи верного служения четвертой и последней Империи, было здесь характерной чертой. Триумфальные акценты, доминирующие в придворной манифестации прелатов, в убранстве католических храмов и в повседневной литургии содействовали уверенности в незыблемости церкви, умиротворяли паству, создавали гармонию, что было весьма важно в стране, только что начавшей мирную жизнь.

Прямым следствием сложной комбинации социальной и духовной роли католической церкви стала ее «аттрактивность», *притягательность* для общества, в том числе и для протестантской половины Империи. В противостоянии двух духовных миров, обретших формы сосуществования после 1648 г., мы замечаем постепенный перелом в пользу католицизма. Ярким образом подобные успехи католической церкви отразились на уровне прежде всего дворянской элиты: во второй половине века наблюдается мощная волна обращения в католицизм не только представителей низшего дворянства, но и целых княжеских династий лютеранской Германии. Конверсия саксонского курфюрста в 1697 г. и герцога Брауншвейг-Вольфенбюттельского в на-

чале XVIII в. маркируют этот процесс. Приобщая вновь обращенных к своему лону, церковь тем самым содействовала укреплению имперских структур и имперского влияния. Представители высшего имперского дворянства, бывшие протестанты, теперь неизбежно оказывались под воздействием Вены. При всем том католическая церковь в целом сумела сохранить терпимость к религиозным меньшинствам в землях своего ареала. Редкие исключения, как например, изгнание протестантов из Берхтесгадена в 1731 г., не складывались в тенденцию и не влекли нового мощного накала религиозных противоречий.

Протестантские конфессии оказались в ином, более скромном положении. Как и в католическом ареале, в лютеранских и кальвинистских землях к 1648 г. еще не закончился процесс конфессионализации, так же как и для католицизма, для протестантских церквей Вестфальский мир создавал гарантии безопасности. Однако внутренний потенциал немецкого протестантизма оказался в значительной мере исчерпан к середине XVII в. Его социальные позиции были обеспечены в большинстве территорий уже давно созданными и даже успевшими застыть структурами церковной организации. Укомплектованные выходцами из городской среды, протестантские церкви пребывали под патронажем княжеской власти с контрольными органами, возглавлявшимися дворянством. Буря военных лет, пронесшаяся по большинству евангелических и реформатских владений, побуждала к восстановлению сил, к реанимации угасшей церковной деятельности. Но здесь в отличие от католических земель, обладавших собственными институтами власти, протестантизм вынужден был всецело ориентироваться на помощь со стороны имперских сословий, будь то магистраты имперских городов, имперские князья или рыцари. В большинстве случаев мы имеем дело с совершенно придаточной ролью региональных церковных структур.

Лишенная административной самостоятельности, реформатская и лютеранская церковь обнаружила большую склонность к *духовному движению*. Тяжкая нужда войны обостряла в сознании протестантских наставников мысль об обретении божественной любви и помощи от вечного

Создателя. Неустройство и бренность земного мира влекли размышления о конечном приюте у Христова престола. Следствием стала *мистическая направленность* немецкого лютеранства, обозначившаяся еще в предвоенные годы и нашедшая яркое воплощение в творчестве уроженца Лаузица *Якоба Бёме* (1575–1624). Идеи, изложенные в его главном труде «Аврора», являли причудливый компендиум средневековой немецкой мистики и лютеранской ортодоксии. В еще большей мере глубины откровения были явлены в знаменитых «Четырех книгах об истинном христианстве» ангальтского пастыря и выпускника хельмштедского университета *Иоганна Арндта* (1555–1622), окончившего свои дни генерал-суперинтендантом в Целле (герцогство Брауншвейг—Люнебург). Труд его сочетал идеи, а подчас и текстовые заимствования из средневековых мистиков, в том числе Иоганна Таулера и до конца не признанного ортодоксией Валентина Вайгеля (1533–1588), вызвал оживленные споры уже при жизни автора и выдержал до 1670 г. 64 издания на многих языках.

Ближе к концу XVII в. отчетливо наметилась трансформация прежних мистических переживаний в целостное богословское направление, получившее наименование *Пие-тизма*. Одним из главных его вдохновителей стал надворный пастор берлинского курфюрста *Филипп Якоб Шпенер* (1635–1705), выступивший в 1675 г. со своим программным сочинением «Желанное благочестие». Главным прибежищем пиетистов стал новый университет, основанный стараниями курфюрста Фридриха III Бранденбургского в Галле, в котором преподавал последователь Шпенера Август Германн Франке, а также университет Хельмштедта, где в 1697 г. читал лекции известный церковный историк Готтфрид Арнольд, автор «Беспристрастной истории церкви и еретиков» — книги, великолепно отражавшей пиетистский взгляд на прошлое и настоящее христианского мира.

Примерно сходным образом рисуется духовный мир кальвинистской Германии. В нем роль обновителя реформатского благочестия играл дуэт богословов из Херборна — *Иоганна Пискатора* (1546–1626) и его ученика *Иоган-*

на *Генриха Альштеда* (1588–1638). Под влиянием идей херборнских светил во многом формировались воззрения выдающегося педагога из мятежной Богемии Яна Амоса Каменского. Переживания военных лет и Пиетизм привели в движение и музыкальную культуру протестантизма. Музыка и пение всегда шли параллельно восприятию Бога в протестантской церкви. Теперь мы видим новый подъем, обозначившейся прежде всего в творчестве *Генриха Шютца* (1585–1672), капельмейстера саксонского курфюрста, создателя первой немецкой оперы и автора огромного множества духовных произведений. Своих вершин музыкальная культура евангелической Германии достигла позднее, в блистательных шедеврах *Иоганна Себастьяна Баха* (1685–1750). В свою очередь, в лице *Пауля Герхарда* (1607–1676) встречается самый крупный автор духовной песни, значительно обогативший лютеранский хорал XVII в.

Однако многие из указанных явлений лишь в конечных своих формах принадлежали протестантскому миру. Продолжали оставаться пусть и не столь заметные, но важные связи и каналы влияния, шедшие от католицизма. Лютеранская и кальвинистская мистика апеллировала к созданному в лоне Старой Церкви «Подражанию Христу», мотивы которого были необычайно популярны в католической среде. Пиетизм и новое благочестие смягчали традиционный ригоризм лютеранского наставничества и делали протестантский мир проницаемым для католической среды. Музыкальная культура лютеранской Германии, представленная прежде всего в творчестве Г. Шютца, несла заметные следы влияния католической Италии. Католицизм притягивал, завлекал пусть даже на первый взгляд и вполне крепкие протестантские души, «возвращая» их назад с затаенными симпатиями к роскошному миру Старой Церкви. В конце XVII в. все более зримо проступало значение старых, не разрушенных потрясениями столетней давности, мостков между конфессиональными полюсами Германии и Европы. Для Империи это имело огромную важность, поскольку позволяло интегрировать в себе различные религиозные ландшафты.

Окончание войны означало и достижение нового компромисса на верхушке сословной пирамиды. Начавшись религиозно-политическим разладом на «княжеском Олимпе», война завершилась восстановлением баланса сил между *ведущими Домами Империи*.

Правда, прежний треугольник лидеров Виттельсбахи—Габсбурги—Веттины претерпел изменения. *Гейдельбергские курфюрсты* отныне выбывали из игры в качестве главных претендентов на лидерство в юго-западной Германии. Попытки Карла Людвига (1648–1680), а затем и его сына Карла (1680–1685) восстановить утерянные позиции за счет опоры на Францию влекли лишь еще более тяжелые для Пфальца последствия. Французская ориентация Гейдельберга в конце концов разочаровала имперекую элиту в западных землях, Пфальц все более выступал простым придатком французских интересов в Империи. Его авторитет был окончательно дискредитирован.

Смерть курфюрста Карла в 1685 г., скончавшегося бездетным, положила конец целой эпохе в истории рейнского Пфальца. Вместе с Карлом пресеклась младшая Зиммернская ветвь пфальцских Виттельсбахов. Курфюршеские регалии отошли католическому *Пфальц-Нойбургскому Дому* в лице Филиппа Вильгельма, сына знаменитого пфальцграфа Вольфганга Вильгельма, отрекшегося от лютеранства в далеком 1613 г. Новый государь незамедлительно осуществил перемены в конфессиональной и политической ориентации. Курфюрст хотя и оставил, сообразуясь с нормами Вестфальского мира, своим новым подданным реформатскую конфессию, однако в политических вопросах приступил к последовательному сближению с Габсбургами. Борьба с Францией, вызванная притязаниями «короля-солнца» на Гейдельбергское наследство, скрепила союз с имперской династией. Из решительно настроенного оппонента Габсбургов Пфальц превратился в их потенциального сателлита.

Напротив, *мюнхенские Виттельсбахи* после 1648 г. стали бесспорными лидерами в южном секторе Империи. Практически вся вторая половина века пройдет под знаком гегемонии Мюнхена между Рейном и Инном, совпадая по

времени с правлением сына скончавшегося в 1651 г. Максимилиана I — *Фердинанда Марии* (1651–1679), а затем — *Макса Эммонуила* (1679–1726). Контроль над Кёльнским архиепископством и рядом духовных общин южной Германии позволил мюнхенскому Дому диктовать волю соседям. Увеличившееся значение Виттельсбахов вместе с тем удаляло их от Вены: императоры с растущей неприязнью смотрели на триумф баварских родственников. Складывался опасный для Вены дуализм в южной Германии. Мюнхен играл все более самостоятельную роль, особенно во внешней политике, где его основным партнером становилась Франция.

Веттины, получившие по Вестфальскому миру существенный выигрыш в территории в виде обоих лаузицких маркграфств, закрепили свои близкие к имперскому ядру позиции. Дрезденские курфюрсты все еще сохраняли доминирующее значение в восточном секторе центральной Германии. К ним же перешло, правда, на короткое время, руководство евангелическим Корпусом на рейхстаге. Последние годы жизни *Иоганна Георга I* и последовавшая за тем «георгианская эпоха» (правление *Иоганна Георга II* (1656–1680), *Иоганна Георга III* (1680–1691) и *Иоганна Георга IV* (1691–1694) прошли для Саксонии в хлопотах по восстановлению разоренной войной страны. В целом экономическая жизнь смогла довольно быстро обрести необходимую стабильность. Для дальнейшей истории Веттинов важным моментом стал династический раздел, осуществленный, согласно завещанию *Иоганна Георга I*, в 1656–1657 гг. и наделавший младших сыновей курфюрста собственными доменами. Так возникло наряду с курфюршеством Саксонией и Майссенской маркой родственные герцогства Саксен-Мерзебург, Саксен-Цайтц и принадлежавшая до 1680 г. Веттинам администрация в архиепископстве Магдебург. Дробление некогда единого массива не способствовало внутренней консолидации, но прекрасно иллюстрировало силу патриархально-евангелических воззрений на обязанности главы семьи, бытовавших в Альбертинском Доме. Политический курс Веттинов на первый взгляд не переживал глобальных перемен, но обнаруживал тенденции, важные

в своем перспективном значении. Еще более усилившаяся связь с Габсбургами, закреплённая соглашениями 1648 г., упрочила традиционную имперскую лояльность Дрездена. Во второй половине века Саксония выступала главным военным союзником Вены на турецком и французском фронтах. С другой стороны, заметно увеличилась роль Бранденбурга на северных границах курфюршества. Переход под контроль Берлина Магдебургского архиепископства в 1680 г. означал и наметившийся перевес Гогенцоллернов в борьбе за региональное лидерство. Для Веттинов все более актуальным становился тесный союз с Веной как противовес северному соседу.

Более радужные перспективы открывались берлинским Гогенцоллернам. Правда, после 1648 г. страна нуждалась в длительной передышке. Великому курфюрсту Фридриху Вильгельму (1640–1688) предстояло еще долго залечивать раны, нанесенные войной. Все его правление прошло в более или менее удачных попытках реанимировать экономический потенциал города и села, а также перестроить к максимальной выгоде правительства отношения с сословиями, прежде всего дворянством. Но внутриимерское положение Дома постепенно начало улучшаться. Гогенцоллернам удалось сохранить выгодные стартовые позиции, доставшиеся им накануне 1618г. Переход под власть берлинских курфюрстов Восточной Померании, затем Магдебурга вкупе с сохранившимися нижнерейнскими владениями означал постепенный сдвиг в сторону бесспорного лидерства Гогенцоллернов на севере страны. Отказ саксонского курфюрста от руководства евангелическим Корпусом в 1655 г. и передача его берлинскому властителю маркировало и рост авторитета династии среди протестантских сословий. Гогенцоллерны завершали XVII в. с хорошими видами на будущее.

Итогом произошедших перемен — порой уловимых лишь в пределах десятилетий — стал новый расклад сил на семейном Олимпе немецких князей. В треугольнике Виттельсбахи—Веттины—Габсбурги сдвиг произошел в пользу Мюнхена и к ущербу для Гейдельберга, при этом Веттины постепенно уступали Гогенцоллернам, готовив-

шимся занять место в группе лидирующих династов. В конце XVII в. треугольник, таким образом, все заметнее преобразовывался в квадрат: *Мюнхен—Вена—Дрезден—Берлин*.

Но при всех переменах имперский престол и правящая династия выступали мощным фактором воздействия. Габсбургам удалось не только сохранить важнейших своих союзников в разных частях Империи, но и, играя на сложном сплетении интересов, сохранить ведущие позиции в консорциуме самых видных семейств Германии. Волна «*монархизации*» крупнейших княжеских Домов (приобретение шведской короны пфальцскими Виттельсбахами в 1655 г., польской — Веттинами в 1697 г., прусской — Гогенцоллернами в 1701 г., английской — Вельфами в лице Брауншвейг-Люнебурга в 1715 г.) свидетельствовала, конечно, о желании этих Домов приобрести суверенное положение за рамками Империи. Однако косвенно это подтверждало и силу Габсбургов, полагавших предел монархическим амбициям князей в подвластных землях.

Война встряхнула *низшее дворянство*. Некоторые, наметившиеся еще в начале века тенденции в дворянском сословии приобрели рельефность, стали более зримыми. Но мощные социальные позиции, завоеванные дворянством в конфессиональную эпоху, оказались непоколебимыми. Исследования Ф. Пресса и хорошо разрабатываемый ныне региональный материал подтверждают это. *Имперское рыцарство*, лишившись своих западных филиалов (эльзасский округ отошел к Франции), сохранило в целом устойчивое положение, лавируя между территориальным прессингом соседних династов и интересами имперского престола. Широкие возможности, предоставленные венским двором и службой в рядах имперского правительственного и военного аппарата, позволяли стабилизировать доходы, поправить финансовое благосостояние дворянства. Мощная протекция Габсбургов сдерживала разрушительные явления в социально-политической жизни имперской рыцарской корпорации. *Протестантское дворянство* теперь окончательно торжествовало при местных княжеских дворах, активно проникая во все сферы правительственных и военных структур. Окончание жесткого конфессионального проти-

востояния шире открывало протестантам путь к посещению католических стран, учебе в тамошних университетах. *Католическое дворянство* не только добивалось лидерства в противостоянии дипломированным бюргерам при дворах своих патронов, но и с успехом для себя могло использовать реставрацию церковных учреждений. Католическая церковь вновь подтверждала свою роль важнейшего гаранта экономического и социального благополучия. Притягательность церкви в глазах дворянства создавала объективную предпосылку и к постепенному наступлению католицизма в землях Империи: волна конвертации, перехода протестантов в католицизм была прямым отражением этого.

В целом и для католической и для протестантской половины можно вполне констатировать одинаковую важность *придворной службы*. Социальный феномен двора именно как элитарного сословного учреждения формируется после Тридцатилетней войны. Дворянство окончательно вытесняет неаноблированный, бюргерский элемент из придворных структур. Имперско-княжеская военная и административная служба получила всеобщее распространение в дворянской среде. При этом не затихавшие после 1648 г. локальные конфликты с Францией и Портой создавали широкие возможности для военной карьеры. К концу XVII в. окончательно оформятся две основные модели дворянской службы: военная и придворно-административная. Первая обретет свои классические черты в Бранденбурге, вторая — в изысканной Вене, при барочном дворе Габсбургов. Религиозный и политический компромисс, восторжествовавший в Германии после 1648 г., содействовал проницаемости протестантских и католических дворянских фракций, усиливал интеграционные процессы, где много шансов в плане патронажа и протекции предоставлялось Габсбургам. Приобретение дворянами титулов имперских баронов или рыцарей из рук императора служило не только укреплению престижа, но и позволяло расширять служебный диапазон.

Экономическая основа дворянского благополучия — *поместное хозяйство* — при всем разрушительном смерче Тридцатилетней войны не была уничтожена и не претерпела решительных изменений. Необходимость скорейшего

восстановления разрушенного войной вынуждала дворянские семьи еще активнее искать подспорья у территориальной власти и в то же время идти на компромиссы с крестьянскими подданными. Следствием выступала специфическая черта послевоенного хозяйственного уклада: он не столько реформировался, сколько тяготел к тем традиционным моделям, которые уже оформились в начале века. Сеньориальная и вотчинная система на западе и востоке эволюционировала преимущественно в уже заданных координатах. Наставления Вольфа Хельмгарда фон Хохберга в его знаменитом пособии по поместной экономии, изданном в 1680 г., лежали в преемственности уже устоявшейся линии, не формировали ее сколько-нибудь заметную альтернативу.

Немецкий *город* испытал много превратностей в годы войны. Некоторые процветающие в начале века общины были уничтожены ее огненным смерчем. Магдебург, дотла сожженный и потерявший почти всех своих жителей (30 тыс.) в 1631 г., может служить, пожалуй, самым скорбным примером. Однако он все же являл исключительный по драматизму случай. Многим городам удалось выйти из войны с меньшими потерями, а некоторые, как Франкфурт-на-Майне, Гамбург или Бремен, смогли даже оживить свою *экономическую деятельность*. Необходимость дифференцированного подхода здесь очевидна и в этом, вероятно, можно усмотреть позитивный результат исследования Г. З. Штейнберга. Для послевоенного городского ландшафта характерной становилась все более тесная взаимосвязь правового статуса общины с ее экономическим потенциалом. Теперь лишь только самые мощные, наиболее благополучные города, как, например, Франкфурт-на-Майне или Гамбург, продолжали оберегать свое непосредственное имперское подданство и настаивать на нем. Пребывая в более выгодных экономических условиях, чем многие другие общины, они с успехом защищали свои привилегии как на всеимперских форумах рейхстага, так и перед соседней территориальной властью. Однако несравненно более многочисленное сообщество земских городов интегрировалось в местную сословную пирамиду и удовлетво-

рялось покровительством княжеской власти. Стремление сохранить уцелевший хозяйственный потенциал и поскорей залечить нанесенные войной раны заметно укрепляло узы партнерских отношений между городами и князьями. Лишаясь многих внешнеэкономических контактов, возможностей для широкой межрегиональной торговли, для вложения капиталов, городские общины стремились в первую очередь оживить местный рынок, наладить полноценные хозяйственные связи в сравнительно узком пространстве. Следствием стала растущая заинтересованность в протекции со стороны территориальных династов. Так или иначе, многие городские общины уже спустя полвека после окончания войны приобрели хорошие экономические позиции. Берлин, оживленный протекционистскими мерами Гогенцоллернов и предприимчивостью французских диссидентов, являл один из самых ярких примеров роста. Дрезден, преобразившийся в своих роскошных барочных формах при первом курфюрсте-короле, или Штуттгарт, старательно опекаемый Вюртембергским Домом, можно также причислить к этому ряду.

В русле уже заданных предвоенным временем процессов менялось *экономическое* лидерство. Захват шведами Балтийского побережья исключал возможность самостоятельной ориентации восточной группы ганзейских городов, о чем уже говорилось выше. Обрести благополучие можно было лишь под протекцией самой шведской короны — примеры Штральзунда и Висмара здесь были самыми очевидными. Ганза прекратила свое существование в качестве живого организма. Лишь западные порты, Бремен и Гамбург, могли еще питать надежды на радужное будущее. Напротив, резко возросло значение внутриимперских центров, обслуживающих дальние и ближние регионы. Франкфурт-на-Майне и Кёльн смогли окончательно закрепить за собой пальму экономического лидерства в транзитной торговле, биржевом деле и ярмарках.

Немецкое бюргерство в целом удовлетворилось уже занятыми в начале века позициями. Военные потери в сочетании с мощным наплывом сельского населения, беженцев содействовали обновлению социального состава общин во

многих городах. Бюргерский слой на низовом уровне ощутил прилив свежих сил, вызванный сельской инфляцией и перемещениями. Но обновление следовало параллельно консервации старой элиты, стремившейся сохранить лидерство в руководстве гильдий, цехов и соответственно городского совета. Консерватизм, устойчивость верхнего этажа в здании городской общины очевидно характеризовали профиль немецкого города после 1648 г. В то же время статус неаноблированного горожанина, пусть и из патрицианской среды, при дворе или в княжеской администрации окончательно утратил свою престижность, явленную во времена Реформации. Элита города теперь стремилась не столько закрепить свою социальную автономность, сколько стать вровень с дворянством, прыгнуть в ряды дворянского сословия. Частая интитуляция в «пфальцграфское» достоинство, организованная императором и позволявшая возводить в дворянство представителей академической профессуры или административных советников, хорошо иллюстрировала процесс. Ценности дворянского мира окончательно торжествовали над бюргерскими традициями.

Крестьяне, как и горожане, стали наиболее пострадавшей во время войны социальной прослойкой. Военные операции, постой и реквизиции тяжким бременем ложились на жителей села. Но трудности и лишения военных лет одновременно рождали надежды на лучшую долю. Прежде всего, обозначились новые возможности к интеграции в *городской мир*. Вынужденное бегство в города позволяло найти там работу, зачастую лишь временную в качестве поденщиков, малоквалифицированных работников. В некоторых случаях, однако, сельские эмигранты обретали возможность обзавестись надежным приютом и пустить корни в чужой среде. Во втором и третьем поколении их потомки были способны вполне адаптироваться к городскому миру и более того — совершить прыжок в дворянские ряды. Жизненный путь некоторых обладателей крупных административных должностей начинался среди пепелищ крестьянских подворий, пролегал через городские улицы и заканчивался в обществе властной элиты. Судьба баварского вельможи Корбиниана Прильмайера — блестящее дока-

зательство пусть и редких, но все же возможностей к социальному подъему для детей селян-эмигрантов. Известные шансы предоставляла и *военная* служба. Выслужившись от рядового до сержанта, капрала или прапорщика крестьянские сыновья могли надеяться на счастливый случай, даровавший бы им даже дворянство. История бранденбургского маршала Ганса фон Дёффлингера, крестьянина по происхождению, говорила в пользу таких возможностей. Война пусть и частично, но все же привела в движение крестьянство — эту, пожалуй, самую оседлую категорию немецкого народа. Тем самым открывались поры, сквозь которые крестьянский элемент, пусть в незначительном количестве, но все же мог перетекать на другие этажи сословной пирамиды.

Однако подавляющее большинство крестьянской массы должно было по-прежнему связывать свое будущее и с прежним статусом, и с прежним *modus vivendi*. Коллизии войны здесь, впрочем, также влекли за собой перемены. Ужасающие опустошения, вызванные военными потерями, голодом и эпидемиями, оставляли зияющие прорехи в рядах деревенской элиты. Старосты, управляющие помещичьими хозяйствами (майеры), привилегированные сельские работники теперь могли рекрутироваться из крестьянских низов. В свою очередь, окончание войны и стремление освоить запущенные земли приводили к регулируемому дворянством и территориальной властью притоку крестьян из других областей. Для вновь прибывших здесь открывались хорошие возможности поправить и экономическое положение, и статус в крестьянской среде. Подобного рода «*колонизации*» наблюдались в южных и северо-восточных, самых разоренных войной областях.

Однако центральным вопросом крестьянского существования оставалось собственное хозяйство. Восстановить его из пепелища и, тем более, наладить хорошее производство крестьянин был в состоянии лишь в тесной кооперации со своим господином — непосредственным владельцем поместья и территориальным государем. Созидательная работа немецкого крестьянства, а также стабильность необходимых для сельского дворянства доходов могли обес-

печиваться лишь на основе взаимовыгодного компромисса и совместных усилий. Война содействовала примирению господ и их сельских подданных. Характерным следствием стало резкое угасание аграрных конфликтов после 1648 г. Вплоть до конца Старой Империи немецкие земли не станут более свидетелями столь драматичных перипетий, каковые выпали на долю века XVI. Свое бесспорно положительное воздействие оказывала и конфессионализация с ее просветительскими задачами. Открытие на селе новых школ, важная посредническая роль пастора в католических и протестантских землях содействовали большей мягкости, умиротворению в отношениях между помещиком и крестьянином. К этому добавлялось и *княжеское законодательство*, например в Саксонии, последовательно стоявшее на страже общинных интересов.

Война неизбежно затрагивала институты *территориального управления*. Но в свете новейших изысканий характер подобного воздействия и его последствия рисуются весьма различными, что позволяет более дифференцированно отнестись к старому тезису немецкой историографии о мощном росте территориальной государственности после 1648 г. Сравнивая соответствующую ситуацию в середине XVII в. с ситуацией на более ранних стадиях развития немецких княжеств, можно констатировать скорее медленную, с очень сильными консервирующими тенденциями *эволюцию* власти, нежели мощный институционно-правовой прорыв.

Огромное значение имело созревшее в общественных умах представление о неизбежности опоры на сильные и авторитетные правительственные инстанции. Долгие годы войны, массовых лишений, постоянной нужды дискредитировали в глазах самых широких слоев населения старые представления о самоценности органов самоуправления, общинных институтов, традиционных гарантий, связанных со статусом человека. Спаситься можно было лишь обретая приют под сенью более мощных и авторитетных *правительственных институтов*. Речь не шла о разложении сословного самосознания, но мало-мальски сносную поддержку голодающие и изгнанные из насиженных мест

крестьяне, горожане, разорившееся дворяне могли получить лишь от централизованной, стабильно функционирующей территориальной власти. Внушительные архивные фонды, богатая публицистика, памфлеты и листовки последних лет войны пестрели жалобами и призывами не столько к противоборствующим сторонам, не столько к имперскому суверену, сколько к собственным территориальным государям, на которых возлагалась последняя надежда обустроить более или менее сносное существование их подданных. Следствием стала растущая тяга к упорядоченной, четко работающей системе институтов власти. Подобно крестьянам или горожанам, получавшим шанс на благополучную жизнь лишь в тесной кооперации с их непосредственными господами, все сообщество подданных в конце концов должно было консолидироваться вокруг базовых правительственных структур. В этом смысле послевоенная эпоха подтверждает тезис Г. Острайха о росте *социальной дисциплины* в раннее Новое время. И. Бурхардт прекрасно показал развитие государствообразующих процессов под воздействием Тридцатилетней войны. Но социальная консолидация и усиление властных структур не означали еще коренной ломки, революции в развитии территориальной власти. Характерной становилась именно тенденция, но не внушительные качественные скачки. В данной связи можно выделить две специфически немецкие особенности: широкую *общественную консолидацию* вокруг базовых институтов власти при сохранении *традиционной основы* в деятельности самих этих институтов.

В области *теории* немецкая политология нашла после войны свой характерный стиль: она весьма деятельно разрабатывала тему отдельных отраслей власти. Истоки интереса к подобной теме, как уже говорилось, возникли еще в XVI в., Тридцатилетняя война принципиально не изменила эту тенденцию, но она содействовала более ясной, более четкой прорисовке правовой компетенции властных институтов, их регламентации. Фигура самого властителя не стала более «суверенной» в смысле правового статуса: Вестфальский мир не превращал имперских князей в имперских «суверенов». Подданство имперскому престолу

лу не ставилось под сомнение, ленная связь с императором и служебные обязательства сохраняли свое значение. Во множестве исторических, биографических и генеалогических трактатов послевоенного времени добродетели князей, проявленные на ниве имперской службы, занимали подчас центральное место. Но, с другой стороны, в большей мере акцентировалась роль властителя в отношении со своими подданными, она все более приобретала величавый, «героический» окрас в духе барочной патетики. Князь выступал главной авторитетной фигурой для своих подданных, своеобразной конечной инстанцией, гарантировавшей мир и порядок в подвластных землях. Речь никоим образом не шла о формировании некой концепции «абсолютной власти», профиля «абсолютного монарха» в классическом понимании *absolutus*, т. е. властителя, стоявшего над законами. Напротив, утверждалась мысль о встречной ответственности государя и его подданных, воплощенной в поддержании порядка на основе традиционных институтов. Отсюда возникало желание как можно тщательнее определить принципы властного контроля, различные функции правительственных учреждений, отрасли управления.

Так постепенно формировалось *камералистское направление* в послевоенной общественной мысли. У истоков ее стояли крупные юристы, эксперты по финансово-административным вопросам, среди которых следует особенно отметить *Файта Людвига фон Зекендорфа* (1626–1692), советника герцога Саксен-Готского Эрнста Благочестивого, написавшего известный трактат «Немецкое княжеское государство» (1656). В этой книге, выдержавшей множество изданий и ставшей классическим пособием по организации т. н. «малых немецких государств», заключался своеобразный симбиоз прежних, весьма устойчивых патриархальных воззрений на власть государя и мысли о совершенствовании административного управления подвластными землями.

При рассмотрении немецкого камерализма историки не удерживались от критического настроения, говоря о мелочной регламентации и отсутствии широкого кругозора у немецких авторов. Между тем немецкий камерализм оформился под тяжестью последствий великой войны, вырос

из необходимости их преодоления в условиях, когда единственно крупным и эффективно работающим механизмом на уровне регионов могла быть лишь правительственная структура территориальных властителей. Чтобы обратиться к широким межрегиональным схемам, следовало сперва наладить работу в отдельных княжествах. Так же как и в трудах французских и английских экспертов, немецкая политология включала в себя концепции *протекционизма* и *меркантилизма*, но реализовываться им надлежало прежде всего на региональной почве. Без слаженной работы институтов на территориальном уровне вообще было невозможно внутреннее экономическое единство Империи. Немецкий камерализм был не только исторически оправдан, но и нес в себе большой созидательный потенциал.

Касательно развития важнейших учреждений, бесспорно, следует констатировать дальнейшую эволюцию двора. *Княжеский двор* утверждался в своей сложной социальной роли и как институт княжеского патронажа, социального контроля, «доместикации», и как инструмент репрезентации величия, и как «ближайший» правительственный орган. В целом растут почти повсеместно придворные штаты, наступает инфляция новых придворных чинов и завершается социальная перестройка, начатая еще в XVI в. — придворная служба становится уделом дворянства. Не случайно некоторые немецкие историки именуют последнее столетие Старой Империи веком придворных обществ, эпохой дворов. Вероятно, именно в случае немецкого княжеского двора наиболее рельефно проступали консолидирующие тенденции, охватившее общество после окончания войны: стремление к тесному заинтересованному контакту, взаимовыгодному компромиссу, поиск возможностей для социального роста. Но при этом все еще сохранялись здесь специфические черты, унаследованные от позднего средневековья, прежде всего патриархальный уклад придворных обществ, желание княжеских персон видеть свое окружение придатком семейного, домашнего пространства. Двор воплощал переплетение частного и публичного в окружении государя, растворял в себе чисто институционную ипостась.

Безусловно, война весьма сильно стимулировала развитие высшего надворного и провинциального отраслевого управления. *Тайные советы* почти во всех крупных территориях превратились в важнейшие учреждения, с помощью которых вырабатывались генеральные линии имперской и зарубежной политики. Происходит более резкое отмежевание занятий повседневной рутинной (канцелярия во главе с канцлером) от решения крупных стратегических проблем (тайный совет). Вместе с тем усовершенствовалась работа органов *финансового управления*: война наглядно убеждала в необходимости иметь хорошо организованную кассу и постоянные источники дохода.

Трудно спорить с тем, что война «пропела хвалебную песнь» *профессиональной армии*. Земское ополчение, ландвер, равно как и земский дворянский набор, уходили в прошлое: опыт войны говорил, что они зачастую не годились даже для решения чисто оборонительных задач. Гораздо более эффективными становились небольшие, хорошо подготовленные контингента, пополнявшиеся рекрутским набором, обученным профессиональными офицерами. В разоренных землях трудно было содержать большие наемные формирования. Приток же в армию местных уроженцев помогал ликвидировать и проблему маргинального излишка на селе, и вопрос регионального патриотизма. Крохотные армии немецких княжеств в конце концов играли существенную роль в усилении социальной дисциплины. Постоянная муштра, четко работавшая вертикаль командования — с тех пор одно из главных достоинств немецкой военной машины — становились еще одним отражением процесса общественной консолидации, роста властных институтов. Военные реформы нассауских графов получили в послевоенной Германии свое окончательное завершение.

На уровне взаимоотношений князя и *сословий* война не столько повлияла на принципиальное изменение баланса сил, сколько на изменение роли отдельных сословных фракций. Едва ли возможно говорить о полном княжеском триумфе в борьбе с сословным влиянием. В некоторых территориях, как, например, в *Саксонии*, сословия всецело сохранили свое влияние на *ландтаге*, которое теперь к тому

же и усилилось в связи с необходимостью скорейшего улучшения курфюршеских финансов, что нельзя было сделать без встречной воли со стороны ведущей группы майссенского дворянства. Даже *Бранденбург* в свете новейших исследований демонстрирует отнюдь не классическую модель растущей княжеской власти: «великий курфюрст» после 1648 г. не только не смог отказаться от партнерства с ландтагом, но и оставил почти в полном объеме его правовую компетенцию. К тому же местное дворянство в обмен на воти́рование новых налогов добилось для себя безраздельного лидерства на региональном уровне. Лишь *Бавария*, как накануне 1618 г., так и теперь, являла образец неуклонного роста княжеского влияния. Но пример ее был все еще одинок. В целом речь, скорее, может идти о стабилизации отношений между сословиями и князьями, их преимущественной фиксации с сохранением предвоенных тенденций, нежели о революционных переменах.

Несомненно, следует согласиться с тезисом И. Бурхардта о существенном влиянии войны на рост *государствообразующих тенденций*. Но при том не следует забывать и о двух важных ограничителях. Немецкие территории все еще не представляли классическую парадигму «государственности» в соответствии с учением о государстве XIX в. Не хватало важных составляющих, в том числе и государственной концепции *суверенитета*. Была лишь общая тенденция, активизированная войной, но пока еще не воплотившаяся в итоговых формах. Кроме того, процесс социальной консолидации отнюдь не ограничивался лишь региональным уровнем, хотя именно там он проступал, пожалуй, рельефнее всего. Император и имперские структуры были также вновь восстановлены и активизированы в послевоенные годы: *имперская интеграция* накладывалась на региональную, восстановление властных полномочий и авторитета короны соседствовало с ростом правительственных структур в отдельных княжествах.

В заключение следует подчеркнуть, что тридцать военных лет не только не прервали развития *национального самосознания* немецкого народа, но, напротив, сильно содействовали росту национальной идентификации. Нужда вой-

ны, разочарование в политических партиях и союзниках, ужасающие потери побуждали образованную элиту все более и более говорить об интересах всего Отечества, воспринимать Германию общей для всех родиной. Тем самым обнаруживались точки соприкосновения религиозно-политических оппонентов: «слезы Отечества» примиряли всех, согласия можно было достичь лишь участием всех немцев и в пределах всей Германии. Необычайно яркая публицистическая волна, поднявшаяся в последнее военное десятилетие, прекрасно отображала чувство национальной общности. Новые границы Империи, фиксированные в Вестфальском мире, еще более ясно очерчивали немецкое ядро: Швейцария, Эльзас и Нидерланды навсегда покинули ее пределы. Напротив, оказались глубже, чем в средневековые, интегрированы прежние «имперскодальные» земли, главным образом — нижненемецкие. Германия и Империя после 1648 г. еще теснее сблизились в общественном понимании. Г. Шмидт в цикле своих исследований блестяще показал генезис культурной нации в XVII в.

Итак, Империя не была взорвана «территориально-государственной революцией», которой, собственно, и не произошло по окончании войны. Она сохранила свою целостность, свою двухъярусную — региональную и общеимперскую — конструкцию. Ее наличие и перспективы блестяще исследовались в работах выдающихся немецких правоведов XVIII в.

ИСТОЧНИКИ

1. Akten und Urkunden zur Ausserpolitik Christoph Bernhards von Galen (1650- 1678) / Hrsg. von W. Kohl Bd 1-3. Münster, 1980-1986.
2. *Buschmann*, KR. T. II.
3. Der Jüngste Reichsabschied von 1654 / Hrsg. von A. Laufs. Bern, 1975.
4. Dreissigjähriger Krieg und Zeitalter Ludwigs XIV (1618-1715) / Hrsg. von W. Becker. Darmstadt, 1995.
5. *Franz*, QGB.
6. Das grosse Welttheater. Die Epoche der höfischen Feste in Documenten und Deutung / Hrsg. von R. Alewyn, K. Sälzle. Reinbek, 1959.
7. *Hochberg W. H. von*. Georgica curiosa. T. 1-3. Nürnberg, 1680.
8. Philipp Jacob Spener, Briefe aus der Frankfurter Zeit 1666-1686 / Hrsg. von J. Wallmann. Bd 1. 1666-1674. Tübingen, 1992.

9. *Seckendorff V. L. von.* Teutscher Fürstenstaat. 2. Aufl. Jena, 1737.
10. Urkunden und Aktenstücke zur Geschichte des Kurfürsten Friedrich Wilhelm von Brandenburg. Bd 1–23. Berlin; Leipzig, 1864–1930.
11. *Zeumer,* QGDR.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шиндлинг А.* Леопольд I 1658–1705 // Кайзеры. С. 204–224.
2. *Abel, GDL.*
3. *Aretin K. O. Frh. von.* Das Reich. Friedensgarantie und europäisches Gleichgewicht 1648–1806. Stuttgart, 1806.
4. *Arndt J.* Der Grosse Kurfürst. Ein Herrscher des Absolutismus? Über die Möglichkeiten und Grenzen monokratischer Herrschaft im 17. Jahrhundert // Der Absolutismus — ein Mythos? Strukturwandel monarchischer Herrschaft in West- und Mitteleuropa (ca. 1550–1700) / Hrsg. von R. Asch und H. Duchhardt. Köln; Weimar; Wien, 1996. S. 249–273.
5. *Baumanns M.* Das publizistische Werk des kaiserlichen Diplomaten Franz Paul Freiherr von Lisola (1613–1674). Berlin, 1994.
6. Die Bischöfe des Heiligen Römischen Reiches 1648 bis 1803 / Hrsg. von E. Gatz. Berlin, 1990.
7. *Braubach M.* Wilhelm von Fürstenberg (1629–1704) und die französische Politik im Zeitalter Ludwigs XIV. Bonn, 1972.
8. *Brunner O.* (II, § 3. 4 b).
9. *Dittrich E.* Die deutschen und österreichischen Kameralisten. Darmstadt, 1974.
10. *Duchhardt H.* Das Zeitalter des Absolutismus. 3. Aufl. München, 1998.
11. *Duchhardt H.* Altes Reich und europäische Staatenwelt 1648–1806. München, 1990.
12. *Erdmannsdörfer B.* Deutsche Geschichte Vom Westfälischen Frieden bis zum Regierungsantritt Friedrich des Grossen 1648–1740. Bd 1–2. Berlin 1892–1893.
13. *Franz G.* Der Dreissigjährige Krieg und das deutsche Volk. Untersuchungen zur Bevölkerungs- und Agrargeschichte. 3. Aufl. Stuttgart, 1979.
14. *Haug-Moritz G.* Kaisertum und Parität. Reichspolitik und Konfessionen nach dem Westfälischen Frieden // ZHF, 19, 1992. S. 445–482.
15. *Heyer Fr.* Die katholische Kirche vom Westfälischen Frieden bis zum ersten Vatikanischen Konzil. Göttingen, 1963.
16. *Sedin, HKG,* 5.
17. *Kraemer H.* Der deutsche Kleinstaat des 17. Jahrhunderts im Spiegel von Seckendorffs «Teutschem Fürstenstaat». Darmstadt, 1974.
18. *Kuczyński J.* Geschichte des Alltags des deutschen Volkes 1600 bis 1650. 3. Aufl. Berlin, 1983.
19. *Lütge, DSW.*
20. *Lütge, GDA.*
21. *Oestreich G.* Friedrich Wilhelm, der Grosse Kurfürst. Göttingen, 1971.

22. *Oppenoorth E.* Friedrich Wilhelm. Der grosse Kurfürst von Brandenburg. Bd 1–2. Göttingen, 1971–1978.
23. *Opitz E.* Österreich und Brandenburg im Schwedisch-Polnischen Krieg 1655–1660. Boppard, 1969.
24. Der Pietismus vom siebzehnten bis zum Frühen achtzehnten Jahrhundert / Hrsg. von M. Brecht. Göttingen, 1993.
25. *Press, KK.* S. 268–424.
26. *Press V.* Soziale Folge des Dreissigjährigen Krieges // *Press, AR.* S. 622–655.
27. *Press V.* Korbinian von Prielmair (1643–1707). Bedingungen, Möglichkeiten und Grenzen sozialen Aufstiegs im barocken Bayern. Ottenhofen, 1978.
28. *Press V.* «Denn der Adel bildet die Grundlage und die Säulen des Staates». Adel im Reich 1650–1750 // «Der ganzen Welt ein Lob und Spiegel». Das Fürstenhaus Liechtenstein in der Frühen Neuzeit / Hrsg. von E. Oberhammer. Wien; München, 1990. S. 11–32.
29. *Rosenberg H.* Bureaucracy, Aristocracy and Autocracy. The Prussian Experience 1660–1815. 3 Ed. Cambridge, 1968.
30. *Schilling H.* Höfe und Allianzen. Deutschland 1648–1750. Berlin, 1988.
31. *Schindling A.* Bildung und Wissenschaft in der Frühen Neuzeit 1650–1800. 2. Aufl. München, 1999.
32. *Schmidt, GAR.* S. 193–233.
33. *Schmidt H.* Philipp Wilhelm von Pfalz-Neuburg (1615–1690) als Gestalt der deutschen und europäischen Politik des 17. Jahrhunderts. Bd 1. Düsseldorf, 1973.
34. *Schöffler H.* Deutsches Geistesleben zwischen Reformation und Aufklärung. Von Martin Opitz zu Christian Wolff. 3. Aufl. Frankfurt am Main, 1974.
35. *Schröcker A.* Ein Schönborn im Reich. Studien zur Reichspolitik des Fürstbischofs Lothar Franz von Schönborn (1655–1729). Wiesbaden, 1978.
36. *Sinemus V.* Poetik und Rhetorik im frühmodernen deutschen Staat. Sozialgeschichtliche Bedingungen des Normenwandels im 17. Jahrhundert. Göttingen, 1978.
37. *Steinberg H. S.* (IV).
38. *Tintelnot H.* Barocktheater und barocke Kunst. Berlin, 1939.
39. *Vierhaus R.* Staaten und Stände. Vom Westfälischer Frieden bis zum Hubertusburger Frieden 1648–1763. Berlin, 1984.
40. *Vogler G.* Absolutistische Herrschaft und ständische Gesellschaft. Reich und Territorien von 1648 bis 1790. Stuttgart, 1996.
41. *Wallmann J.* Philipp Jacob Spener und die Anfänge des Pietismus. Tübingen, 1970.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы оказываемся в конце рассмотренной эпохи. Позади осталось самое драматичное, самое насыщенное столетие в Германии раннего Нового времени.

Что принесло оно немецкому обществу и его политическим структурам?

Завершился важнейший отрезок эпохи конфессионализации. Начавшись Реформацией и пройдя сложнейшую фазу созидания и обособления различных вероисповеданий, конфессионализация исчерпала свой конфликтный потенциал в годы Тридцатилетней войны. Необходимая для жизнеутверждения трех крупнейших церквей религиозная борьба сменилась новым компромиссом. На его основе оформилась уникальная в истории Европы модель религиозного сосуществования, выдержавшая испытание временем. Более того, результаты конфессионализации позволили начать медленное размежевание духовных и светских форм общественной мысли и организации. Целостность Империи, нерушимость ее базовых структур побуждали все последовательнее отделять политику от веры во имя сохранения организационного единства, чтобы вновь не оказаться в пучине кровавой смуты.

Рождение и развитие новых церквей шло в неразрывной связи с функционированием имперских структур. Империя, временно консолидированная на условиях Аугсбургского религиозного мира 1555 г., должна была затем пройти тяжелое испытание на внутреннюю прочность. Однако

острейшая борьба между тремя потоками конфессионализации — католической, лютеранской и кальвинистской — не привела к слому, казалось, старого и ветхого здания. Империя сохранила внутренний организующий стержень и смогла пережить и кризис Реформации, и драму Тридцатилетней войны. Социально-религиозный раскол XVI в. сменился новой консолидацией после 1648 г. Империя продолжила свое существование не только в виде правового пережитка средневековья, но и в качестве вполне жизнеспособного организма с достаточно мощными интеграционными процессами на разных этажах сословной пирамиды и в политических структурах.

Был сделан и значительный шаг вперед в развитии национального самосознания. Германия и Империя сближались в представлении немцев конфессиональной эпохи. И протестантизм и католицизм приобретали на немецкой почве собственную специфику, отделявшую их от зарубежных моделей и не разрушавшую представления о единой культурной нации.

Бесспорно, одна из причин устойчивости Империи крылась в противоречивости самой конфессионализации: борясь друг с другом, новые церкви неизбежно должны были объединяться с широким социальным базисом, который, в свою очередь, был заинтересован в сохранении общих организующих принципов как на уровне регионов, так и на уровне всей Империи. Конфликты можно было решить лишь широким общественным согласием в рамках Империи. Только таким путем получали действенные гарантии и тридентский католицизм, и лютеранство, и получивший в 1648 г. признание немецкий кальвинизм.

Сословное общество Империи постоянно выступало своеобразным коллективным гарантом ее жизни: оно растворило в себе новые вероисповедания, но, будучи внутренне сплоченным миром, не могло разрушить собственный Дом, единую для всех Империю. Сложное переплетение противоречий и общих интересов в кругу отдельных общественных групп исключало губительный для Империи антагонизм. Ожесточенные конфликты выливались в конечном счете в движение «за Империю», за сохранение ее

структур. В основе его лежали давние традиции, старые, испытанные временем модели отношений, образ жизни, повседневность.

Немецкое общество, пережив тяжелейшие испытания, пошло иным путем, нежели классические монархии Запада. Оно выработало и сохранило верность вековым организующим принципам, оказавшимся в состоянии разрешить многие из тех противоречий, которые лишь спустя столетия угасли в странах к западу от Рейна — в кровавых отблесках гражданских войн и революций. Специфические формы федерализма, религиозная терпимость, социальный компромисс — истоки этих исторических завоеваний немецкого народа, бесспорно, уходили корнями в век конфессий.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Кайзеры	— Кайзеры. Священная Римская Империя, Австрия, Германия / Под ред. А. Шиндлинга, В. Циглера. Ростов-на-Дону, 1997.
Abel, GDL	— <i>Abel W.</i> Geschichte der deutschen Landwirtschaft vom Frühen Mittelalter bis zum 19. Jahrhundert. 3. Aufl. Stuttgart, 1978.
ARG	— Archiv für Reformationgeschichte, Gütersloh.
ARV	— Alternativen zur Reichsverfassung in der Frühen Neuzeit / Hrsg. von V. Press. München, 1995.
Buschmann, KR	— Kaiser und Reich. Verfassungsgeschichte des Heiligen Römischen Reichs Deutscher Nation vom Beginn des 12. Jahrhunderts bis zum Jahre 1806 in Dokumenten / Hrsg. von A. Buschmann. T. 1–2. 2. Aufl. Baden-Baden, 1994.
Franz, QGB	— Quellen zur Geschichte des deutschen Bauernstandes in der Neuzeit / Hrsg. von G. Franz. 2. Aufl. Darmstadt, 1976.
HJ	— Historisches Jahrbuch, München.
HZ	— Historische Zeitschrift, München.
KK	— Die katholische Konfessionalisierung in Deutschland / Hrsg. von W. Reinhardt, H. Schilling. Gütersloh; Münster, 1995.
Klingenstein, SG	— Spezialforschung und «Gesamtgeschichte» / Hrsg. von G. Klingenstein, H. Lutz. München, 1982.
LK	— Die lutherische Konfessionalisierung in Deutschland / Hrsg. von H. Chr. Rublack. Gütersloh, 1992.
Lutz, RG	— <i>Lutz H.</i> Reformation und Gegenreformation. 4. Aufl. München, 1997.
Lütge, DSW	— <i>Lütge Fr.</i> Deutsche Sozial und Wirtschaftsgeschichte. Ein Überblick. 3. Aufl. Berlin, 1966.
Lütge, GDA	— <i>Lütge Fr.</i> Geschichte der deutschen Agrarverfassung. Vom Frühen Mittelalter bis zum 19. Jahrhundert. 2. Aufl. Stuttgart, 1967.

- Press, KK** — *Press V.* Kriege und Kriege. Deutschland 1600–1715. München, 1991.
- Press, AR** — *Press V.* Das Alte Reich. Ausgewählte Aufsätze. Berlin, 1997.
- Press, AAR** — *Press V.* Adel im Alten Reich. Gesammelte Vorträge und Aufsätze / Hrsg. von F. Brendle, A. Schindling. Tübingen, 1998
- Rabe, RG** — *Rabe H.* Reich und Glaubensspaltung. Deutschland 1500–1600. München, 1989.
- Repgen, KP** — Krieg und Politik 1618–1648. Europäische Probleme und Perspektiven / Hrsg. von K. Repgen. München, 1988.
- RK** — Die reformierte Konfessionalisierung in Deutschland. Das Problem der «zweiten Reformation» / Hrsg. von H. Schilling. Gütersloh, 1986.
- Ritter, DG** — *Ritter M.* Deutsche Geschichte im Zeitalter der Gegenreformation und des Dreissigjährigen Krieges. Bd 1–3. Stuttgart, 1889–1908.
- Schilling, AK** — *Schilling H.* Aufbruch und Krise. Deutschland 1517–1648. 4. Aufl. Berlin, 1998.
- Schmidt, GAR** — *Schmidt G.* Geschichte des Alten Reiches. Staat und Nation in der Frühen Neuzeit 1495–1806. München, 1999.
- Schmidt, Konfessionalisierung** — *Schmidt H. R.* Konfessionalisierung im 16. Jahrhundert. München, 1992.
- Schultz, SGM** — Ständische Gesellschaft und soziale Mobilität / Hrsg. von W. Schulze. München, 1988.
- TC** — Territorialstaat und Calvinismus / Hrsg. von M. Schaab. Stuttgart, 1993.
- ThRE** — Theologische Realenzyklopedie. New York, Berlin.
- TRZRK** — Die Territorien des Reiches im Zeitalter der Reformation und Konfessionalisierung. Land und Konfession 1500–1600 / Hrsg. von A. Schindling, W. Ziegler. Münster.
- Zeeden, ZG.** — *Zeeden E. W.* Das Zeitalter der Glaubenskämpfe. Stuttgart, 1970.
- Zeumer, QGDR** — Quellensammlung zur Geschichte der Deutschen Reichsverfassung Vom Mittelalter zur Neuzeit / Hrsg. von K. Zeumer. Tübingen, 1913.
- ZHF** — Zeitschrift für historische Forschung. Berlin.

ПРИЛОЖЕНИЯ

а) Римские папы 1555–1648

1555 г.	— Марцелл II (Марцелло Червини).
1555–1559 гг.	— Павел IV (Джанпьетро Караффа).
1559–1565 гг.	— Пий IV (Джованни Анджело Медичи).
1566–1572 гг.	— Пий V (Антонио Мигеле Гислиере).
1572–1585 гг.	— Григорий XIII (Уго Бонкомпаньи).
1585–1590 гг.	— Сикст V (Феличе Перетти).
1590 г.	— Урбан VII (Джамбаттиста Кастанья).
1590–1591 гг.	— Григорий XIV (Никколо Сфондрати).
1591 г.	— Иннокентий IX (Джованни Антонио Факкинетти).
1592–1605 гг.	— Климент VIII (Ипполито Альдебрандини).
1605 г.	— Лев XI (Алессандро Медичи).
1605–1621 гг.	— Павел VI (Камилло Боргезе).
1621–1623 гг.	— Григорий XV (Алессандро Людовизи).
1623–1644 гг.	— Урбан VIII (Маффео Барберени).
1644–1655 гг.	— Иннокентий X (Джамбаттиста Памфили).

б) Императоры Священной Римской Империи (Дом Габсбургов)

1519–1556 гг.	— Карл V.
1556–1564 гг.	— Фердинанд I.
1564–1576 гг.	— Максимилиан II.
1576–1612 гг.	— Рудольф II.
1612–1619 гг.	— Матфей.
1613–1637 гг.	— Фердинанд II.
1614–1657 гг.	— Фердинанд III.
1657–1705 гг.	— Леопольд I.

в) Крупнейшие княжеские Дома Империи 1555–1648

1. Курфюрсты Саксонии (Веттины)	
1553–1586 гг.	— Август I.
1586–1591 гг.	— Христиан I.

- 1591–1601 гг. — регентство герцога Фридриха Вильгельма Веймарского.
1601–1611 гг. — Христиан II.
1611–1656 гг. — Иоганн Георг I.
1656–1680 гг. — Иоганн Георг II.

2. Герцоги и курфюрсты Бавари(младшая линия Виттельсбахов)

- 1550–1579 гг. — Альбрехт V.
1579–1597 гг. — Вильгельм V.
1597–1651 гг. — Максимилиан I Великий (с 1623 г. — курфюрст Баварии).
1651–1679 гг. — Фердинанд Мария.

3. Курфюрсты Пфальца (старшая линия Виттельсбахов)

- 1544–1556 гг. — Фридрих II.
1556–1559 гг. — Отто Генрих.
1559–1576 гг. — Фридрих III. Начало правление Зиммернского Дома.
1576–1583 гг. — Людвиг VI.
1583–1592 гг. — регентство Иоганна Казимира, брата Людвига VI.
1592–1610 гг. — Фридрих IV.
1610–1623 гг. — Фридрих V.
1649–1680 гг. — Карл I Людвиг.
1680–1685 гг. — Карл II.
1685 г. — конец правления Зиммернского Дома. Переход курфюршества к Нойбургской (католической) линии.

4. Курфюрсты Бранденбурга (Гогенцоллерны)

- 1535–1571 гг. — Иоахим II.
1571–1598 гг. — Иоганн Георг Эконом.
1598–1608 гг. — Иоахим Фридрих.
1608–1619 гг. — Иоганн Сигизмунд.
1619–1640 гг. — Георг Вильгельм.
1640–1688 гг. — Фридрих Вильгельм Великий.

5. Ландграфы Гессена (Брабандский Дом)

- 1518–1567 гг. — Филипп I Великодушный.
1567 г. — династический раздел.

Кассельская линия

- 1567–1592 гг. — Вильгельм IV.
1592–1627 гг. — Мориц Ученый.
1627–1637 гг. — Вильгельм V.
1637–1650 гг. — регентство вдовы Вильгельма V Амалии Елизаветы.
1650–1663 гг. — Вильгельм VI.

Дармштадтская линия

- 1567–1596 гг. — Георг I.

1596–1626 гг. — Людвиг V.

1626–1661 гг. — Георг II.

Марбургская линия

1567–1604 гг. — Людвиг IV.

Рейнфельская линия

1567–1583 гг. — Филипп Младший.

г) Хронологическая таблица

1555 г.	заклучение Аугсбургского религиозного мира. Передача Нидерландов Филиппу II.
1556 г.	отречение императора Карла, передача Испании Филиппу II и Империи — Фердинанду. Окончательный раздел испанской и немецкой линий Дома Габсбургов.
1557 г.	Вормский коллоквиум, обострение конфликта между лютеранами и кальвинистами.
1558 г.	смерть императора Карла. Вторжение русских в Ливонию. 1558–1582 гг. Ливонская война.
1559 г.	мир в Като-Камбрези. Восшествие Зиммерского Дома (Фридрих III) на пфальцский курфюршеский престол. Образование имперского надворного совета.
1560 г.	смерть Меланхтона. Первые успехи реформаторов в Пфальце.
1562–1563 гг.	третья сессия Тридентского собора.
1563 г.	закрытие Тридентского собора. Выступление протестантского дворянства в Баварии. Начало Контрреформации в баварских землях под патронажем Альбрехта V. Введение кальвинизма в Гейдельберге. Издание Гейдельбергского катехизиса и Церковного уложения для Пфальца (Захарий Урсин и Каспар Оливиан).
1564 г.	смерть Фердинанда I. Раздел в Доме немецких Габсбургов (австрийская, тирольская и штирийская линии). Папа утверждает тридентские постановления. Издание «Тридентского символа веры». Учреждение иезуитского университета в Диллингене (епископство Аугсбург). Издание Уложения о церковном совете в Пфальце. Смерть Кальвина.
1566 г.	рейхстаг в Аугсбурге. Признание Фридриха III Пфальцкого «родственным членом Аугсбургской конфессии». Выступление Яна Заполю в Венгрии. Издание «римского катехизиса».
1567 г.	кончина Филиппа Великодушного, ландграфа Гессенского. Династический раздел в Брабандском Доме: касельская, марбургская, дармштадтская линия. Взятие Готы войсками курфюрста саксонского Августа I и окончание «Грумбахской распри». Казнь Вильгельма фон Грумбаха.

- 1570 г. рейхстаг в Шпейере. Лазарь фон Швенди представляет свой «Дискурс и рассуждения о состоянии Священной Империи». Учреждение Духовного совета в Мюнхене.
- 1571 г. Религиозная Ассекурация в эрцгерцогстве Австрийском.
- 1572 г. Религиозная Пацификация в Граце для земель Штирии. Перевод иезуитов в Грац.
- 1574 г. победа лютеранской ортодоксии в курфюршестве Саксония. Август I изгоняет «криптокальвинистов» с придворных и административных постов, а также из университетов.
- 1575 г. издание «Богемского исповедания».
- 1576 г. смерть императора Максимилиана II. Начало Контрреформации в Австрии. Кончина Фридриха III Пфальцского. Людвиг IV — курфюрст Пфальца. Лютеранская реставрация в Гейдельберге.
- 1577 г. достижение Формулы Согласия немецкими лютеранами.
- 1578 г. Брукская религиозная пацификация для Внутренней Австрии. Начало Контрреформации во Внутренней Австрии. Кальвинизм торжествует во владениях графов Нассау-Дилленбург и Сайн Витгенштейн.
- 1580 г. издание Формулы Согласия.
- 1582 г. переход кёльнского курфюрста Гебхарда Трухзеса фон Вальдбурга в протестантизм. Введение григорианского календаря.
- 1583 г. низложение архиепископа Кёльнского. Эрнст, герцог Баварский — кёльнский курфюрст. Кончина Людвига IV Пфальцского. Иоганн Казимир — регент Пфальца. Вторичное введение кальвинизма в Гейдельберге.
- 1583–1584 г. «Кёльнская война». Окончательное торжество католицизма в Кёльне.
- 1583–1604 гг. «Страсбургская соборная распря». Епископство Страсбург остается в лоне католицизма.
- 1584 г. основание кальвинистской высшей школы в Херборне.
- 1586 г. кончина курфюрста Августа I Саксонского. Основание иезуитского университета в Граце.
- 1586–1591 гг. Христиан I — курфюрст Саксонии. Распространение кальвинизма в Саксонии, преимущественно в окружении курфюрста.
- 1587 г. образование «Реформационной комиссии» с целью рекатолизации Внутренней Австрии.
- 1588 г. спор вокруг администратора архиепископства Магдебург достигает высшего накала. Начало кризиса в работе имперского камерального суда.
- 1591 г. кончина курфюрста Христиана I Саксонского. Реставрация лютеранской ортодоксии в Саксонии.
- 1593–1606 гг. «Долгая турецкая война» императора Рудольфа II.
- 1594–1597 гг. крестьянское восстание в Австрии.

- 1597 г. смерть Петра Канисия.
- 1598–1608 гг. «Спор о четырех монастырях».
- 1603 г. первое издание «Политики» Иоганна Альтузия.
- 1605 г. введение кальвинизма в графстве Липпе.
- 1606 г. мир в Житвотороке завершает турецкую войну. Смерть Стефана Бочкаи.
- 1606–1608 гг. спор вокруг города Донауверта.
- 1607 г. основание университета в Гиссене.
- 1608 г. рейхстаг в Регенсбурге прекращает свою работу, не принимая итоговых решений. Основание Евангелической Унии. Либенский договор фиксирует новый династический раздел в Доме Габсбургов. Эрцгерцог Матфей — король Венгрии и властитель Австрии.
- 1609 г. кончина последнего герцога Юлихского Иоганна Вильгельма. Образование Католической Лиги. Рудольф II дарует богемским подданным «Грамоту величества».
- 1609–1614 гг. спор вокруг герцогства Юлих-Клеве-Берг.
- 1612 г. смерть императора Рудольфа II.
- 1613 г. переход пфальцграфа Нойбургского Вольфганга Вильгельма в католицизм. Кончина его отца Филиппа Людвига. Иоганн Сигизмунд, курфюрст Бранденбурга, переходит в кальвинизм. Рейхстаг во Франкфурте прекращает свою работу и более не созывается до 1640 г.
- 1614 г. Вольфганг Вильгельм, властитель Пфальц-Нойбурга заключает в Ксантене соглашение с Бранденбургом о разделе Юлихского наследства. Окончание спора из-за герцогства Юлих-Клеве-Берг. Движение Винцента Феттмильха во Франкфурте.
- 1617 г. эрцгерцог Фердинанд Штирийский становится королем Богемии. Подписание «договора Оньяте».
- 1618 г. Фердинанд Богемский избирается королем Венгрии. Пражская дефенестрация и начало Тридцатилетней войны. Временные успехи чехов в борьбе с имперскими войсками. Кончина Альбрехта Фридриха, герцога Прусского. Конец правления ансбахбайройтского Дома в Пруссии. Переход Пруссии к берлинским Гогенцоллернам.
- 1619 г. кончина императора Матфея. Коронация Фердинанда II в Франкфурте. Избрание курфюрста Пфальцского Фридриха V чешским государем. Первые неудачи чехов в борьбе с имперскими силами.
- 1620 г. комбинированное наступление испанских, лигистских (Бавария) и имперских сил в Богемии и Пфальце. Саксонские войска занимают Лаузиц. Протестанты терпят поражение на Белой горе. Занятие Праги имперцами и подавление чешского восстания.
- 1621 г. казнь 21 руководителя чешского мятежа на Рыночной площади Праги.
- 1621–1623 гг. кампания в Пфальце.

- 1623 г. капитуляция Франкенталя и завершение оккупации Пфальца католическими силами. Окончание чешско-пфальцкого периода войны. Фердинанд дарует Максимилиану Баварскому инвеституру на курфюршество Верхний Пфальц.
- 1624–1625 гг. силы Лиги, предводительствуемые Тилли, занимают нижнесаксонские протестантские владения.
- 1625 г. протестантские сословия нижнесаксонского округа провозглашают Христиана IV Датского (как герцога Голштинского) своим протектором. Начало датского периода в Тридцатилетней войне. Валленштейн становится верховным главнокомандующим имперскими войсками.
- 1626 г. победа Тилли над датчанами при Луттере на Баренберге и Валленштейна над Мансфельдом — близ Дессау.
- 1627 г. издания «Нового земского уложения» для Богемии. На съезде лигеров в Мюльгаузене духовник баварского курфюрста Адам Концен впервые публично предлагает проект реституции всех католических духовных владений, подпавших под власть протестантов после 1552 г. Генрих Шютц ставит первую в истории Германии оперу «Дафна» в Торгау.
- 1627–1631 гг. война за Мантуанское наследство.
- 1627–1628 гг. осада Штральзунда имперскими войсками. Первая крупная неудача католических сил в войне.
- 1628 г. Валленштейн получает инвеституру на владения опальных герцогов Мекленбурга.
- 1629 г. заключение мира в Любеке между императором и датским королем. Окончание датского периода. Издание Реституционного эдикта.
- 1630 г. Курфюршеский съезд в Регенсбурге. Отставка Валленштейна. Высадка шведских войск на острове Узедом. Начало шведского этапа войны. Имперские войска берут Мانتую.
- 1631 г. Лигеры, предводительствуемые Тилли, захватывают Магдебург. Лейпцигский конвент. Курфюрсты Саксонии, Бранденбурга, ландграф Гессен-Касселя и эрнестинские герцоги Тюрингии заключают соглашения с Густавом Адольфом. Битва под Брейтенфельдом. Перелом в войне в пользу протестантских сил. Триумфальное шествие шведского короля по землям Центральной и Западной Германии.
- 1632 г. победа шведов на реке Лех. Смерть Тилли. Шведы занимают Мюнхен, саксонцы — Прагу. Валленштейн возвращается к командованию имперской армией. Операции под Нюрнбергом. Лютценская битва, гибель шведского короля. Канцлер Швеции Аксель Оксенштирна

вследствие малолетства королевы Христины провозглашается протектором протестантских сословий Германии.

- 1633 г. образование Гейльброннского союза. Победы союзных войск в Баварии и взятие Регенсбурга герцогом Бернгардом Саксен-Веймарским.
- 1634 г. отречение Валленштейна от командования армией. Его убийство в Эгере (Хеб). Прибытие вспомогательных испано-итальянских войск на немецкий театр. Взятие имперцами Регенсбурга, Донауверта и Нордлингена. Битва под Нордлингеном и фактический распад Гейльброннского союза. Саксонский курфюрст начинает сепаратные переговоры о мире с императором в Пирне.
- 1635 г. заключение Пражского мира между Саксонией и императором. Присоединение к нему других сословий. Вступление Франции в войну. Начало франко-шведского периода. Переговоры Саксонии и шведов по вопросу денежной компенсации шведской короне. Разрыв между саксонским курфюрстом и шведами. Начало военных действий.
- 1636 г. битва под Витштоком.
- 1637 г. курфюршеский съезд в Регенсбурге. Кончина императора Фердинанда II. Взятие Торгау имперско-саксонскими войсками и вытеснение шведов к Балтийскому побережью. Победа герцога Бернгарда над имперцами под Райнфельденом. Кончина ландграфа Вильгельма V Гессен-Кассельского. Начало регентства его супруги Амалии Елизаветы.
- 1638 г. взятие Бернгардом крепости Брайзах.
- 1639 г. победа шведов под Хемнитцем. Смерть Бернгарда. Его войска переходят на французскую службу.
- 1640 г. созыв императором первого после 1613 г. рейхстага в Регенсбурге. Кончина курфюрста Георга Вильгельма Бранденбургского. Фридрих Вильгельм — курфюрст Бранденбурга. Выход Бранденбурга из войны.
- 1640–1641 гг. рейхстаг в Регенсбурге.
- 1641 г. прелиминарное соглашение в Гамбурге. Воюющие стороны решаются начать мирные переговоры в Мюнстере и Оснабрюке.
- 1642 г. вторая битва под Брейтенфельдом. Император начинает мирные переговоры со Швецией и Францией.
- 1643 г. съезд депутатов имперских сословий во Франкфурте. Обсуждение «немецких дел» — проблемы восстановления имперской юстиции и урегулирования отношений между сословиями и короной.
- 1643–1644 гг. вмешательство Дании в войну на стороне имперской короны. Шведско-датская война и победа Швеции.

- 1644 г. на мирные переговоры в Вестфалии прибывают первые уполномоченные от немецких сословий.
- 1645 г. две решающие победы союзников в войне: битвы под Янкау и Аллергейме («второй Нордлинген»). Шведы под Веной. Французы вторгаются в Баварию. Перемирие между саксонским курфюрстом и шведами в Кетченброде. Фактический выход Саксонии из войны. Император предоставляет сословиям право «войны и мира» и официально допускает на переговоры в Оснабрюке имперские чины. Дарование амнистии всем сословным чинам Империи, не включенным в условия Пражского мира.
- 1647 г. перемирие между Баварией и Францией в Ульме. Траутманнсдорф возглавляет имперскую делегацию на переговорах в Вестфалии.
- 1648 г. заключение мира между Испанией и Нидерландами. «Кассельский аккорд» между Амалией Елизаветой и Георгом II Гессен-Дармштадтским. Сражение под Цузмарсгаузенom. Победа французов над испанцами при Лансе. Осада шведами Праги. Заключение Вестфальского мира. Окончание военных действий.
- 1651 г. кончина Максимилиана Баварского. Фердинанд Мария — курфюрст Баварии. Кончина Амалии Елизаветы. Вильгельм VI — ландграф Гессен-Кассельский.
- 1656 г. кончина курфюрста Саксонии Иоганна Георга I. Иоганн Георг II — курфюрст Саксонии.
- 1657 г. смерть Фердинанда III. Восшествие на престол Леопольда I.
- 1663 г. начало регулярной работы «вечного рейхстага» в Регенсбурге.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
I. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ. ЧТО ТАКОЕ КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭПОХА?	6
§ 1. Историография и Хронология.....	—
§ 2. Конфессиональная эпоха в русской историографии.....	27
§ 3. Конфессиональная эпоха и раннее Новое время.....	33
II. ИМПЕРИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.	38
§ 1. Империя в общественной мысли второй половины XVI в. и начала XVII в.	—
§ 2. Внешнее положение Империи: от отречения Карла V и ДО «ДОЛГОЙ турецкой войны» Рудольфа II.....	54
§ 3. Сословное общество	63
1. Аугсбургский религиозный мир и его значение.....	—
2. Император и имперские учреждения	72
а) Фердинанд I (1556–1564)	—
б) Максимилиан II (1564–1576)	79
в) Состояние имперских учреждений	86
3. Лютеранская церковь	96
а) Завершение конфессионального обособления и внутренняя консолидация. Эпоха ортодоксии	—
б) Организация лютеранской церкви. Лютеранская конфессионализация	109
в) Развитие Реформации после 1555 г.	122
4. Кальвинистская (реформатская) церковь.....	125
а) Историография проблемы. Особенности распространения кальвинизма в Германии	—
б) Организация реформатской церкви. Кальвинистская конфессионализация	137
5. Католическая церковь	146
а) Историография проблемы	—
б) Европейские корни католической Реформы в Империи.....	151
в) Католическая Реформа в Германии. Деятельность иезуитов, новый епископат и организация церкви.....	159
г) Контрреформация в светских и духовных владениях	168

д) Итоги католической конфессионализации	177
6. Высшее дворянство	189
а) <i>Историография проблемы</i>	—
б) <i>Династические ландшафты</i>	201
в) <i>Стиль правления и формы повседневной жизни княжеской элиты. Культура резиденций</i>	228
7. Низшее дворянство	252
8. Горожане и города	281
9. Крестьянство	290
§ 4. Структуры территориальной власти	297
III. КРИЗИС В ИМПЕРИИ НА РУБЕЖЕ XVI И XVII вв. ..	316
§ 1. Историография проблемы	—
§ 2. Рудольф II и династический кризис в Доме Габсбургов ..	320
§ 3. Эскалация религиозного противостояния и паралич имперских институтов	332
§ 4. «Ревизионизм» нового поколения князей. Образование альтернативных структур. Уния и Лига	338
IV. ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА И ВЕСТФАЛЬСКИЙ МИР	350
§ 1. Историография проблемы. Тридцатилетняя война как немецкий феномен	—
§ 2. Канун войны. Общество, политика, пропаганда	356
§ 3. От Пражского восстания до издания Реституционного эдикта (1618–1629)	369
§ 4. От шведского вторжения до Нордлингена. Кризис в условиях интернационализации войны (1630–1634)	384
§ 5. Успехи и распад Пражской системы. Восстановление имперских институтов и путь к миру (1635–1645)	394
§ 6. Вестфальский мир и его значение	408
V. ИМПЕРИЯ В СЕРЕДИНЕ XVII в. ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ	430
§ 1. Демографические и социально-экономические последствия войны	—
§ 2. Империя и Европа	436
§ 3. Император и сословное общество	439
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	468
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	471
ПРИЛОЖЕНИЯ	473
а) Римские папы (1555–1648)	—
б) Императоры Священной римской Империи (Дом Габсбургов)	—
в) Крупнейшие княжеские Дома Империи (1555–1648) ...	—
г) Хронологическая таблица	475

Научное издание

Андрей Юрьевич Прокопьев

**ГЕРМАНИЯ
В ЭПОХУ РЕЛИГИОЗНОГО РАСКОЛА.
1555–1648.**

Обложка художника *Е. А. Соловьевой*

Верстка *Е. М. Воронковой*

Подписано в печать 10.11.2008. Формат 84×108¹/32.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,41.
Заказ № 510

Издательство СПбГУ.
199004, С.-Петербург, В.О., 6-я линия, 11/21
Тел. / факс (812) 328-44-22
E-mail: editor@unipress.ru
www.unipress.ru

По вопросам реализации обращаться по адресу:
С.-Петербург, В.О., 6-я линия, д. 11/21, к. 21
Телефоны: 328-77-63, 325-31-76
E-mail: izdat-spgu@mail.ru

Типография Издательства СПбГУ.
199061, С.-Петербург, Средний пр., 41

Книги Издательства С.-Петербургского университета
можно приобрести в следующих магазинах

в Санкт-Петербурге

Книготорговая сеть Издательства СПбГУ

«Vita Nova»

Университетская наб., 7/9. Тел. 328-96-91;

E-mail: vitanova@it13850.spb.edu

Петродворец, Ульяновская ул., 1 (физический факультет)

«АКМЭ»

В.О., Менделеевская линия, дом. 5. Тел. 325-49-17
(здание исторического и философского факультетов)

Университетская наб., 11 (в холле филологического факультета)

Книжный магазин «Александрйская библиотека»

Наб. р. Фонтанки, 15 (здание РХГА). Тел. 310-50-36

«Дом книги» Невский пр., 28

Книжный салон РНБ «Дом Крылова» ул. Садовая, 18. Тел. 310-44-87

Магазин «Историческая книга» ул. Чайковского, 55. Тел. 327-26-37

Магазин «Слово» М.Конюшенная, 9. Тел. 571-20-75

Магазин-клуб «На Австрийской». Каменноостровский пр., 13.
Тел. 232-33-07

в М о с к в е

«Библио-Глобус» ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru

Дом книги «Москва» ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83

Магазин «Фаланстер» Малый Гнездниковский пер., 12/27.
Тел. 749-57-21

Книжный салон «Гилея» Нахимовский пр., 51/21. Тел. (499) 724-6167

Электронный магазин «Озон» www.ozon.ru

А.Ю. Прокопьев

ГЕРМАНИЯ В ЭПОХУ РЕЛИГИОЗНОГО РАСКОЛА 1555–1648

Тридцать кровавых лет потрясли Германию. Сгубив миллионы жизней, Тридцатилетняя война навсегда врезалась в память немецкого народа. Почему не удалось предотвратить катастрофу? Почему три поколения политиков, богословов и юристов в жарких спорах так и не смогли спасти общественное согласие? Почему только Вестфальский мир 1648 г. заложил основы стабильного будущего? Об обществе, церкви и власти и о последствиях религиозного раскола в землях Священной Римской Империи эта книга.

9 785288 047794

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА